

ФЕВРАЛЬСКИЙ²⁹ ДОЖДЬ

роман-откровение

ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Ерёмин

Февральский дождь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67330511

SelfPub; 2022

Аннотация

Это без натяжки и преувеличений настоящий роман – откровение. И не только предельной откровенностью автора, но и совершенно необычным взглядом на себя и близких. Каждый простой смертный может написать книгу о своей жизни. Но станет ли она интересной и необходимой для тех, кто не знаком с автором, и узнают ли из нее что-то новое для себя те, кто знает его долгие годы – вот в чем вопрос. Драматизм этой вещи зашкаливает, но за исключением нескольких эпизодов, у читателя не перехватывает дыхания. Испытания, через которые прошел главный персонаж, хватило бы на две-три жизни. Но и это читатель переживает за него достаточно легко. И все это – за счет юмора. Это почти довлатовский юмор и самоирония, но «почти» в том смысле, что ничуть не хуже. Книга, несомненно», будет интересна всем, кто хочет лучше понимать жизнь и свое умение жить. Кто, не чванясь своими достоинствами, хочет становиться еще лучше. А значит, еще дольше жить.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Лора	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	43
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9	60
Надя	66
Глава 10	66
Глава 11	69
Глава 12	81
Глава 13	84
Глава 14	89
Глава 15	93
Глава 16	96
Глава 17	106
Глава 18	111
Глава 19	116
Глава 20	119
Глава 21	127

Вера	137
Глава 22	137
Глава 23	141
Глава 24	148
Глава 25	158
Глава 26	163
Глава 27	168
Глава 28	171
Глава 29	176
Глава 30	182
Глава 31	190
Глава 32	197
Глава 33	209
Глава 34	215
Глава 35	221
Глава 36	225
Глава 37	230
Глава 38	261
Ирина	263
Глава 39	263
Глава 40	266
Глава 41	274
Глава 42	281
Глава 43	289
Глава 44	298
Глава 45	303

Глава 46	312
Глава 47	315
Глава 48	323
Глава 49	326
Глава 50	331
Женя	341
Глава 51	341
Глава 52	348
Глава 53	358
Глава 54	363
Глава 55	368
Глава 56	375
Глава 57	381
Глава 58	387
Гоя	393
Глава 59	393
Глава 60	397
Глава 61	403
Глава 62	407
Глава 63	414
Глава 64	423
Глава 65	427
Глава 66	434
Глава 67	437
Алла	445
Глава 68	445

Глава 69	462
Глава 70	472
Глава 71	480
Глава 72	489
Глава 73	498
Глава 74	502
Глава 75	511
Глава 76	516
Глава 77	522
Глава 78	538
Маля	540
Глава 79	540
Глава 80	562

Виталий Ерёмин

Февральский дождь

«Правда необычнее вымысла. Вымысел обязан держаться в рамках правдоподобия, а правда – нет».

Марк Твен

Лора

Глава 1

Моя вторая командировка в этот поволжский город подходила к концу. Дело было тягостное – мать и дети убили мужа-отца. Знакомые менты разрешили поговорить с подследственными. Обычно до суда это не дозволяется.

Дочь и сын подробно рассказали, чего вдруг решили избавиться от родителя. Сын после года службы сбежал из армии. Прятался у родственников в деревне. Отец настаивал, чтобы дезертир вернулся, в противном случае грозил заявить. Дочь оставляла на ночь жениха – отец считал, что это бардак. Жене, транспортной ревизорше, мешал путаться с мужиками по месту работы, в таксопарке. Однажды ударил сына за то, что тот надел его новые туфли. Потом отказался купить ему мотоцикл, хотя деньги были. 12-летней дочери отвесил пощечину, когда она нечаянно уронила на пол хомячка.

Жена и детки сначала заказали мужа-отца. Но киллеры пожадничали – задрали цену. Тогда, чтобы не тратиться, решили убить сами. Один раз насыпали в чай лошадиную дозу снотворного. Через двое суток глава семейства каким-то чудом проснулся. Другой раз подмешали в еду крысиного яда. Муж-отец помаялся болями в желудке, но снова выжил. То-

гда, озверев от такой живучести, напали на него, сонного, и задушили.

Ненависть близких – есть ли что-нибудь страшней?

Оставалось поговорить с зачинщицей убийства. Зовут ее Римма. Она сидит передо мной в комнате для допросов. Достает из полиэтиленового пакета куски пахучей вареной курицы, складывает туда же объединенные кости.

Ест Римма, не закрывая рта. Виден язык с белым налётом, перекалывающий пищу, ровные зубы с частицами еды. Смотрит на меня, не мигая, будто гипнотизирует. Я смотрю на нее. Ломброзо отмечал у преступниц искривленный или приплюснутый нос, западающий подбородок, петлистые уши, косоглазие... На Римме этот умник облажался бы по полной программе. У нее нормальное, симпатичное лицо, какое можно увидеть в школе, больнице, парламенте.

– Спрашивайте, – подгоняет Римма.

А мне хочется, чтобы она сама сказала, без моих вопросов. Что она сейчас думает о том, что произошло. Я смотрю на нее с нескрываемым отвращением. Она перестает жевать, откладывает пакет с недоеденной курицей в сторону.

– Ну, о чем еще говорить? Он всех достал. А потом решил уйти и оставить нас ни с чем. Квартира, дача, машина, два гаража были нажиты им еще до нашего брака. Но он не хотел поделиться. Придумал, как это сделать. Мы защищались от него.

Выгода бывает сильнее дружбы, любви, семейных уз.

Только здесь выгода материальная. А ведь бывает еще и моральная. Как же мне это знакомо.

Громко зову конвойного. Парень в форме возникает на пороге. Молча выхожу, неловко оттеснив его плечом. Нервы... Непрофессионально. Если уж взялся писать о гадостях жизни, держи себя в руках. Наверно, просто устал, надо переключиться на другую тему. Но какую? О политике я писать не люблю и не умею, а учиться уже поздно. А о чем еще писать, чтобы тебя читали? Сейчас вообще не поймешь, что людям надо, какая умственная пища. Но о преступлениях еще читают, вот и тяну эту лямку.

Больше дел нет. До самолета – часа полтора. Еду в аэропорт. Уже в пути вспоминаю о метёлке Даше Новокрещеновой. Нахожу в записной книжке ее адрес.

Впервые я увидел Дашу, когда был в этом волжском городе в прошлый раз. Случайно попалась на глаза в сизо. Пигалица – метр с кепкой, короткая стрижка с челочкой – под мальчика. Но характер... Сколотила из таких же пятнадцатилетних девчонок шайку. Сами назвали себя почему-то метёлками. Занимались гоп-стопом, раздевали сверстниц. «Одеваться хочется, а купить не на что», – по-детски объяснила Даша.

Но лично меня она удивила не ночными похождениями, а коротенькой справкой в уголовном деле. В школе ее считали конченной, крестик даже себе на мизинце выколола – знак, что неисправима. Распространяла слух, что живет с извест-

ным «автором»* (*автор- уголовный авторитет, жарг.) Но, как оказалось, девочка только изображала себя распущенной.

Врачебная комиссия удостоверила физиологический факт – обследованная несовершеннолетняя гражданка Дарья Новокрещенова – девственница. Справка произвела неизгладимое впечатление на судей. Дали ей за гоп-стоп всего три года, и еще с отсрочкой приговора.

И вот прошло несколько месяцев. Договариваюсь с таксистом – он обождет. Вхожу в обшарпанный подъезд. Дверь в квартиру Даши полуоткрыта. Слышен детский плач и ее голос. Возникаю в дверях, как привидение. Даша смотрит ошарашенно, не ожидала, что выполню обещание и навещу ее при случае.

Странно, она еще бледней, чем тогда, в следственном изоляторе. Но быстро приходит в себя, выдавливая улыбку.

– Приветик!

Осматриваюсь. Двухкомнатная квартира пуста, шаром покати. Одни матрасы на полу, сложенные стопкой, как в спортзале маты.

– Переезжаете?

Даша усмехается.

– Ага, переезжаем. Родители все продали, алики несчастные.

Рассматриваю детей. Не истощены, но точно – голодные.

– Тухленько нам... вот и ревут, – подтверждает Даша. –

Да заткнитесь вы уже! – без зла прикрикивает она на брата и сестренку. – Как же мне скучненько! – вырывается у нее. Как я хочу в тюрьму! Просто мечтаю.

Вынимаю из бумажника все, чем богат. На неделю им троим хватит.

– Ого! – реагирует Даша. – Это типа милостыни, что ли? Говорю, что это ее часть гонорара. Она ж работала – рассказывала о своих похождениях.

– Вы что ж, со всеми так делитесь? Или запали на меня? – часто моргает Даша.

Пропускаю подначку мимо ушей.

– Понятно, все-таки милостыня. Не многовато? – капризничает Даша.

– Где же родители? – интересуюсь.

– В реанимации. Немножко отравились какой-то дрянью. Ни фига! Выживут, они бессмертные.

Ну, что я могу сделать? Напишу письмо от имени редактора в адрес местной власти. Должны помочь Даше.

– Ладно, метелка, меня такси ждет, – направляюсь к выходу.

Слышу за спиной:

– Может, телефончик оставите? Буду в Москве – звякну.

– Уж не собираешься ли на гастроли?

– Типа того. У вас в Москве клёво одеваются.

– Но там быстро повяжут.

– Вот и чудненько. Говорят, в московских тюрьмах лучше

кормят.

Говорю по-свойски:

– Даша, вход туда – рубль, выход... сама знаешь сколько. Оно тебе надо?

– Интересненько! Нашли чем напугать, – кокетливо цедит Даша. – И неожиданно спрашивает. – А вы немножко псих, или да? (Я не успеваю ответить) Это плохо. Но спокойные еще хуже. Ладно, дуйте в свою Москву.

На обратном пути придумываю заголовок очерка о Даше – «Мечта моя – тюрьма». Возвышенно и интригующе. А начать можно так: иной человек совершает преступление не потому, что он испорченный, а потому что ему плохо.

Чем зацепила меня эта девочка. Ну, прежде всего, в ее истории был сюжет. Как я мог пройти мимо, если у меня самого вся жизнь – сплошная череда сюжетов?

В общем-то, все люди живут сюжетно. В жизни каждого что-то происходит, какие-то интересные случаи. Но не все люди в эти случаи *вовлекаются*. Вот я мог ведь не вовлекаться – не зайти сейчас к Даше. А я зашел – стало быть, вовлекся.

Иными словами, жизнь – это интересные случаи, в которых вольно или невольно участвует (или уклоняется от участия) человек, проявляя при этом, на что он способен, и на что не способен. Вот как-то примерно так.

Но помимо того, сюжетна моя жизнь или несюжетна, мне любопытно знать, умная она или глупая. Вот вовлекаюсь я в

сюжет с Дашей. Это мне интересно. А умно это или глупо? Этого я еще не знаю. Это только дальше будет видно.

А еще в этой истории мне причудливо виделся я сам. Но об этом как-нибудь потом.

Глава 2

Хорошо возвращаться из командировки поздно ночью. Приезжаешь – все спят. Встаешь утром – уже никого. Но не всегда так удачно совпадает. Вот как сейчас. Какие-то звуки за стеной. Ясно, сынок смотрит телек. Порнушку или ужастики. Значит, утром не пойдет в школу. Конечно, можно зайти к нему сейчас, выключить телек и забрать пульт. Но чего добьюсь? Детеныш только обозлится.

Хочется спать, но еще больше тянет отличиться. Приехав ночью, утром положить редактору на стол готовый очерк – есть в этом не такой уж постыдный шик. Хотя о чем я? На самом деле – это вызов себе. А слабо накатать с колес?

Сажусь за машинку – не пишется. Пытаюсь уснуть – никак. Глотаю таблетки валерианы – никак. Пытаюсь снова писать – не идет текст. Что ж не дает покоя? Вспоминаю: мама дорогая, у меня ж участок возле дома не метён!

Спускаюсь в подвал за метлой. Семь лет назад я поначалу стеснялся дворницкой работы. Потом привык и даже обнаружил плюсы. Когда метешь, хорошо думается. А у меня тогда был не один, а два участка. Значит, в два раза лучше думалось. Два участка летом – это примерно два часа работы, если умеешь мести. Зимой – в два-три раза дольше.

Шуршу метлой среди тихой ночи, потом принимаю душ и сажусь за машинку. И – будто кто-то диктует в уши. Через

пару-тройку часов очерк о семейном убийстве готов. Конечно, не мешало бы дать ему отлежаться, а потом пошлифовать. Но утром, повторяю, надо сдать. Очередному номеру нужен «гвоздь».

Только вот заголовок никак не приходит в голову. Вспоминаю слова Христа: «Да минует меня чаша сия». Так и называю очерк – «Смертная чаша»?

В десять утра меня будит интересный сон. Будто я холостой, и даже ни разу не был женат. До вечера бы смотрел. Но – пора вставать.

Проснулся – улыбнись: сегодня первый день остатка твоей жизни. Так вроде бы гласила надпись в спальне китайского императора. Похоже, какой-то веселый историк придумал. Но улыбаться мне некому. Сплю обычно один – в кабинете, где читаю, обдумываю материалы, готовлюсь писать, ну и пишу, наконец. Сначала это было просто удобно, потом вошло в привычку. А привычка, как известно, болезнь неизлечимая.

Прислушиваюсь: не слышно ни звука, но кожей чувствую, за стенкой кто-то есть. Встаю, заглядываю в «детскую». Денис поправляет шарф на шее и демонстративно кашляет. Кашель здорового человека, точнее, опытного симулянта.

Для меня ужасно ничего не делать. Для детеныша ужасно что-то делать. Не хочу думать, во что это выльется. Пытаюсь только понять, откуда это у него? Какие мысли обычно приходят в таких случаях? Конечно, о наследственности.

На кухне – кастрюля со слипшимися макаронами. Не успела жenuшка сполоснуть холодной водой в дуршлаге. Кто-то оторвал от готовки. К макаронам у меня особая ненависть. Это только итальянки как-то умудряются лопать их каждый божий день и при этом не особенно толстеть.

Бутерброд с маслом и сыром смотрится гораздо аппетитней. Но не зря говорят, что между ртом и куском может многое произойти. Звонят в дверь. Звонки частые, тревожные. Открываю. Это Стелла, чернявая соседка этажом выше. Девушка «кавказской национальности», однако в халатике нараспашку и без лифчика.

– Ой, как хорошо, что вы дома, Юрий Леонтьевич! А ко мне алкаши вломились, еле сбежала.

Четырехэтажный дом, где я живу со своей семьей, это женская общага. Но общага без вахтера. С улицы может войти в подъезд любой прохожий. Например, по малой нужде. Но чаще местные алкоголики устраивают фуршет на лестничных площадках. Иногда у них возникает недобор в потреблении напитков. Тогда они клянчат у проживающих женского пола. Или вламываются дуриком в квартиры, вот как сейчас.

– Вызывай, Стелла, милицию.

– А вы что же, сами выгнать не можете? – жеманно спрашивает жгучая брюнетка.

Смотрю на часы. Нет, на коммунальную разборку ноль времени. Даже на бутерброд уже почти нет. Хотя, если бы и

было в избытке, я в этом эпизоде ушел бы в сторону. Дам себя втянуть – сам нарвусь на неприятности и жену подставлю.

Стелла, дернув обиженно плечиком, удаляется. Не прокатило. Возвращаюсь в кухню, откусываю бутерброд. Снова звонок. Да что ж это такое?!

Но это не Стелла. Это Лора, подруга дочери. Девушка старается выглядеть серьезной, деловой.

– Юрий Леонтьевич, доброе утро. Я знаю, Жени нет, но она скоро приедет. Я подожду.

– Жди, – иду в кухню.

Лора – следом. Видит меня с бутербродом. Семейным тоном: что ж это я всухомятку, она может сварить овсянку. Минутное дело. А то ведь сухомятка – вредная еда.

– Некогда уже.

– Пока бреетесь, будет готова. Или вы пойдете на работу небритым?

Трогаю щетину. Черт! Как же я забыл?

– Вари.

Лора старше Жени (моей дочери) на три года. Ей двадцать четыре. Пора бы уже замуж. Но Лора, как она сама себя в шутку называет, убежденная незамужница.

Выхожу из ванной – овсянка уже на столе. Не жидкая, не густая, вполне съедобная. Лора не пожалела сгущенки. Едим молча, посматривая друг на друга. Интересная у Лоры особенность: как бы ни оделась, всегда выглядит так, будто на ней ночнушка. Или мне только кажется? И косметики мно-

говато. А краска в этом возрасте старит. Или для того и злоупотребляет, чтобы выглядеть старше?

Наш завтрак смахивает на семейную трапезу. Не первый раз Лора создает подобную двусмысленную ситуацию. И появилась она сегодня в отсутствие Жени тоже, как пить дать, не случайно.

Однажды, лет шесть назад, когда дома так же никого не было, Лора пришла зареванная. Я спросил, что случилось - Лора отказывалась говорить. Потом призналась, что ее изнасиловал, угрожая ножом, какой-то парень. Но при этом отказывалась сказать, где это случилось, и кто насильник, и в каких отношениях с ним она была до того.

Я, конечно, засомневался: а что, если Лору обидел очередной хахаль ее мамочки? Но она опровергла. Чувствуя, что я все равно докопаюсь до истины, призналась, что изнасилование она выдумала. Зачем? Тут она замкнулась, и дальше я уже сам догадался, что ей просто хотелось посмотреть, как яотреагирую на ее девичью драму. Ну, и конечно, чтобы пожалел.

– Как съездили? Удачно? – спрашивает Лора.

Бывая у нас почти ежедневно, Лора и без того знает многие изнанки моей жизни. Но на этот раз вопрос прозвучал как-то уж слишком по-домашнему. Вместо ответа издаю что-то вроде сдержанного рыка. Я все-таки по гороскопу Лев.

– Понятно, – сочувственно вздыхает Лора. – Опять что-

нибудь кровавое. А вы отдохните, смените тему. Напишите о чем-нибудь добром, светлом.

Я бы рад, но, боюсь, не получится. Редактор хочет удержать падающий тираж. Поэтому требует «гвоздей». А «гвоздь» сегодня – это, прежде всего, пороки и вопиющая несправедливость.

– Знаешь, Лора, почему актеры любят играть злодеев? В них больше правды жизни. Они больше похожи на зрителя. А зрителю интересно смотреть хотя бы отчасти про себя. Примерно то же и в журналистике.

– У вас, наверное, было непростое детство.

– С чего ты взяла? – деланно удивляюсь я.

– У меня тоже чего только не было, – говорит Лора. – Значит, больше шансов чего-то добиться. Я хочу так же верить в себя, как наверняка верили вы.

Я сказал, что в настоящее время больше всего верю в хороший гонорар. Лора поникла. Ей не понравилось, что я избегаю разговора всерьез. Мне самому не понравилось. Ну, вот зачем я так? Всем в семье плевать на мою работу. А Лоре она интересна. Это ценить надо.

– Я закончила учебу, работу теперь ищу, Юрий Леонтьевич.

Наконец-то все встало на свои места. Но что я могу сделать для выпускницы филфака? Могу узнать, есть ли вакансии в отделе писем.

– Узнайте, – просит Лора. – И добавляет, как бы между

прочим. – Завтра пятница. Женя сказала, вы в Пахру едете. Давайте на этот раз возьмем меня?

Умница. Просьбы должны быть внезапными, или когда трудно отказать.

Ах, Лора, за такую кашу, конечно, возьмем.

Глава 3

Возле редакции, у входа в метро «Пушкинская», стоит аккуратная старушка-божий одуванчик. В руках плакат: *«Не мешайте нам любить Сталина. Ведь мы не мешаем вам ненавидеть его»*. Со старушкой и ее возрастными сторонниками вяло переругиваются молодые граждане либеральных взглядов. Как можно пройти мимо? Короче, на планерку я опаздываю на полчаса.

Завидев меня в дверях, редактор Сыромский (прозвище Сыр), восклицает:

– А вот и наш высокомерный Терехов. Хотя, возможно, я ошибаюсь, просто у него такое выражение лица.

Сажусь рядом с коллегой прекрасного пола. Коллега шепчет в ухо, сочувствует словами из Шекспира.

– Бедный Йюрик!

Вообще-то, вернувшись из командировки полагается скидка. Но к чему оправдания, если у шефа привычка высмеивать тех, к кому он хорошо относится? Высокомерие мое в том, что я избегаю планерок. А как не избегать? На планерках мы обсуждаем материалы друг друга. А значит, постоянно лицемерим. Скажешь плохо – наживешь врага. Скажешь хорошо – результат тот же – подумают, что это скрытая насмешка. Как и во всех других творческих профессиях, в журналистике правит зависть и несоответствие. Будь

на то моя воля, я бы отменил планерки, как макароны. То же больше вреда, чем пользы. Оценки должны давать только редактор и ответственный секретарь. А пишущие – только писать.

Появляюсь я в самый интересный момент. Коллеги как раз обсуждают, что не так в моих последних очерках. Некоторым, к примеру, не нравится, что я даю высказаться преступникам. Что они, злодеи, думают о себе и своих деяниях. А на мой взгляд, это гораздо профессиональней, чем цитировать ментов. Что они думают о преступниках.

Сыр велит мне зайти к нему после планерки.

Он пробегает глазами «Смертную чашу» по диагонали и швыряет рукопись на стол.

– Этот потерпевший, видно, не читал библию. Там ясно сказано: «Отцы, не раздражайте чад ваших». Ну, что сказать? Написано в спешке, без особого стиля. Хотя... чем больше стиля, тем меньше мысли. Но и мыслей – негусто. Вы ведь не донесли до читателя, о чем эта ваша чаша. Или сами не поняли? Это ж уголовный передел собственности, натуральная война в семье. И подобных войн становится все больше. Они как бы заменяют гражданскую войну, на которую мы уже не способны. Понятно, что вот так, впрямую, писать об этом, конечно, нельзя, но...

Сыр останавливается. Я молчу. Ну если ему хочется так думать, пусть думает. И вообще, если шеф высказывает свое мнение, это вовсе не значит, что он хочет диалога. Коро-

че, держу дистанцию, соблюдаю принципы. Нельзя приближаться к начальству без риска выглядеть навязчивым. Хотя и слишком отдаляться тоже нельзя, тут рисков еще больше.

– Юрий, когда вы прекратите игнорировать планерки? – неожиданно взрывается Сыр, тихонько так, без особого нерва. – Ставите себя в привилегированное положение. Пользуйтесь моей добротой. Нехорошо.

Молчу, хотя понимаю, что это уже наглость с моей стороны.

– Ладно, повышенного гонорара не получите, но оперативность исполнения отметим.

Сыр нажимает на кнопку. Секретарша Нюра вносит поднос с двумя рюмочками водки и двумя дольками соленого огурца. Сыр хитро посматривает на меня из-под кустистых, давно не стриженных бровей.

– Премия поэта Андрея Белого. Правда, у него был полный стакан водки, целый огурец и царский рубль.

Выпиваем, хрустим огурчиком.

– Переставьте акценты в очерке, – советует Сыр. Я послушно киваю.

Лезет в сейф, достает ваучеры.

– Разбираетесь в этом? Одни советчики говорят, что не стоит торопиться с продажей. Другие пугают, что можно упустить момент.

Сыру далеко за шестьдесят, но он похож в эту минуту на подростка, который не знает, как жить. А я знаю? У меня то-

же лежат пять ваучеров, и я тоже не знаю, что с ними делать. Сыр закуривает «Мальборо», встает из-за стола, подходит на крепких ногах к окну, поправляет тяжелые гардины.

– Завтра у меня встреча с покупателями в Пахре. Не хотите поприсутствовать?

Я сказал, что как раз собираюсь туда.

– Мы должны потребовать гарантии, что нашу уважаемую газету не превратят в бордель.

В советское время Сыр редактировал «Литературку» (в должности замглавреда), считавшуюся лучшей в стране. Тогда он не позволял писать о том, что думают о себе преступники. И много чего еще не позволял. Боялся, что партия прикроет газету. Сегодня он боится, что ее купят новые русские и превратят в желтый листок.

– Все равно обманут, Виталий Андреевич. Какой-то гарантией может быть только ультиматум. Если вас снимают, лучшие перья уходят вместе с вами.

Сыр колет меня острым глазом:

– А вы что же? В самом деле, уйдете, если меня турнут? В наше время остаться без работы – это, знаете ли...

Молчу. В грудь себя бить, что ли?

– Тираж падает. Вместо восьмисот тысяч уже семьсот, – переживает Сыр. – «Гвозди» нужны, Юрий. Может, в Питер смотаетесь? Там фашисты головы поднимают.

Самые вредные для журналистики люди – редакторы. Они же самые полезные, когда падает тираж. Когда нельзя ме-

шать.

– Отделаете фашиков, переведу вас на постоянный двойной гонорар, – стимулирует меня Сыр.

Уж он-то знает, что в молодости пером водит страсть и зуд, а в моем возрасте – хорошие деньги.

Глава 4

Поздний вечер. Еду домой в метро. От «Пушкинской» до «Площади Ильича» всего минут пятнадцать езды. Жаль, что так мало. Подходя к дому, смотрю на окна. Света нет. Но это же, как бы сказала Даша, чудненько. Вхожу в вонючий подъезд. Стелла в неизменном халатике нараспашку спускается сверху и как бы нечаянно застаёт меня у квартиры. По мутным глазам и заплетающемуся языку видно – опрокинула не одну рюмашку.

– Юрий Леонтьевич, вы меня сегодня разочаровали. Как дворник, вы обязаны следить за порядком на вверенной вам территории.

Осторожно упрекаю:

– Эка ты расслабилась, Стелла.

– Имею право после трудового дня на вредном асбестовом производстве. Вам тоже не мешало бы... Вот возвращаетесь вы домой, а жены вашей, как обычно, нет. И где она? С кем она? Или она у вас, как жена Цезаря? Жена моя, Вера Алексеевна, комендант и воспитатель в одном лице, действительно, часто допоздна ходит по общежитию. Ей нравится быть исповедницей, посредницей, благодетельницей.

Стелла в общаге – неформальный лидер. Арбитр во всех конфликтах, далеко не всегда справедливый. А Вера любит справедливость, этого у нее не отнять. Стелла хочет напа-

костить начальнице. Вот и создает видимость, что я к ней равнодушен. А я стараюсь не попасть в ее сеть, но без грубостей, иначе что-нибудь обязательно наплетет.

– Страсть как любит Вера Алексеевна, людей строить, просто хлебом не корми, – говорит Стелла, – Ничего не боится. Вы бы подсказали ей: говорят, ночная работа приводит к онкологии.

Стелла рассчитывает, что я поддержу разговор на эту тему. Но я молча скрываюсь за дверьми своей квартиры. Из комнаты, где лежит Денис, под дверью полоска света, слышатся телевизионные звуки выстрелов. Открываю дверь.

– У меня справка на всю эту неделю, – предваряя мой вопрос, говорит Денис.

Вера спасает сына от армии. Ему нет еще пятнадцати, а операция по спасению уже началась. Чтобы не ходить в школу, Денис изображает простуду. Врач выписывает очередную справку. К восемнадцати годам медицинская карта Дениса будет похожа на фолиант. Врач с полным на то основанием выпишет справку, что по причине хронического бронхита и тахикардии призывник Денис Терехов не пригоден к строевой службе.

Я готов согласиться, что у сына на самом деле слабое сердце. Но это не должно быть основанием для пропусков уроков. У Веры другое мнение. Все средства хороши, лишь бы сынок не стал в армии жертвой дедовщины.

На кухонном столе меня ждет записка от жены: «Дорогой!

Звонила классная Дениса. Жаждет поговорить с тобой».

Школа в квартале от дома. Обычная ученическая казарма. Учителя – в большинстве своем – роботы. Привычно отмечаю, до чего ж несимпатичная классуха у Дениса. Вот она точно незамужница. Как такую любить? А если ученик хотя бы слегка не влюблен в учителя, как он может полюбить его уроки? Но очень знающая, опытная. Этого не отнять.

– По всем предметам не успевает, – говорит, листая журнал. – Вот, полюбуйтесь. Только по английскому тройки. Но и здесь – больше за произношение. Откуда у него хорошее произношение?

– Это врожденное.

– Все шутите. Денис может остаться на второй год, – говорит классуха. – Надо что-то делать.

– Убивать надо.

– А если серьезно? Почему не приходит мать?

– Стыдно.

– А вам?

– А мне уже нет.

– Простите, у вас дома все в порядке? Почему мальчик пропадает на улице? Ему плохо дома?

– Дома мало удовольствий.

– Мальчику нужен отец, хотя бы еще год.

У меня другое мнение. Я Денису вообще не нужен. Я мешаю ему жить так, как он хочет. Учеба в число его удовольствий не входит. А тут еще страх Веры перед армейской де-

довщиной. Как только Вера начала собирать справки, он тут же вычислил, что у нее на уме, и стал еще чаще пропускать уроки.

Однажды я пустился в идиотскую педагогическую авантюру – попробовал воспитывать его рублем. За пятерку назначил одну сумму, за четверку – другую, чуть поменьше. Согласен был платить даже за тройки. У Дениса загорелись глаза. Наверно в его соображалке нарисовалась заманчивая сумма. Но дальше разговора дело не пошло. За деньги тоже ведь нужно работать головой, сидеть над уроками. А это было выше его сил. На улице ждала ватага дружков.

– Что будем делать? – говорит блеклая училка.

– Время такое, наверное, пойдет в бандиты.

– Вы серьезно?

Ну заколебала! Как можно о таких вещах говорить серьезно, с умным видом? Что бы я ни делал, что бы она ни делала, все равно будет так, как больше нравится Денису. Нет, я не самоустраняюсь. Я просто трезво констатирую неизбежность. Может быть, излишне цинично. Но что делать, журналисты вообще люди циничные. Хотя не только они. Таковы все, кто имеет дело с психологией людей. Полицейские, политики, актеры, врачи...

– Не умеете вы быть отцом, – говорит училка.

Английское построение фразы

– А вы не умеете говорить по-русски, – весело огрызаюсь я.

– А чего я не так сказала?

Ну что за тичеры пошли! Даже такой ерунды не может сообразить.

Глава 5

Санаторий издательства – в ухоженном сосновом бору. Деревянные трехэтажные дома 60-х годов. Вышколенная облуга. Нас селят на втором этаже. Я и Денис в одной комнате, девчонки – напротив. Из окон открывается чудный вид на уютную реку Пахру.

Ужинаем в столовой, похожей на ресторанчик. Посетителей – две пары стариков и старушек, бывшие сотрудники газеты. В дальнем углу, вырисовывается прямая женская спина с изящным затылком. Что-то знакомое вижу я в линиях шеи. Но где видел, убей, не могу вспомнить.

Дочь отслеживает мои наблюдения и шутовливо приказывает:

– Папка, смотри в тарелку.

Лора тонко улыбается.

Денис тянет в бассейн. Женя и Лора забыли купальники – только наблюдают, как мы плаваем. Появляется знакомая женская фигура. Где же я видел эти линии и пропорции? Волосы у женщины спрятаны под шапочку, глаза закрыты очками. Разглядеть лицо невозможно.

Лиля Брик шутила: лучше всего знакомится в постели. Знакомиться в бассейне тоже неплохо. Ныряю в воду на дорожке, где незнакомка плывет размеренным брасом. Она переходит на другую дорожку, но плывет моим курсом. Уско-

рю движение. Но женщина не дает себя догнать. Сильнее загребаю руками и ногами. Не помогает. В конце дорожки, незнакомка, оттолкнувшись от бортика, плывет обратно. Я делаю то же самое. Теперь мы соревнуемся уже открыто. Но я по-прежнему отстаю. В состязание вступает Денис, а я выбываю. Плыву спокойно и размеренно. Женя и Лора болеют за Дениса, подбадривая его выкриками.

Таинственной пловчихе надоедает играть в поддавки, она стремительно уходит от Дениса. Доплыв до конца дорожки, сильным движением выходит из воды, снимает очки, стягивает с головы шапочку, волосы спадают на плечи. Так это же наша редакционная «англичанка» Надежда Семеновна! Ведет курсы английского языка, которые я посещаю от случая к случаю. Черт возьми, где у меня были глаза раньше?

Денис тянет в бильярдную. Там уже играют двое новых русских, только не в малиновых пиджаках. Обоим под сорок. Будущие спонсоры газеты. За ними – банк «Мегатеп». Один, с бритой головой, назвался Сережей. Другой, чернявый, с вьющимися остатками волос – Гришей. Спонсоры делают заказ. Официантка приносит взрослым коктейль, девочкам и Денису – бокалы с соком. Женя тянется к моему бокалу.

– Хочешь узнать, что в голове у человека, отпей из его стакана.

Делает глоток. Но что-то не получается у дочери чтения мыслей. Спрашивает в лоб:

– Папка, а кто эта женщина в бассейне?

Я не успеваю ответить. Появляется Сыр. Сережа с лучезарной улыбкой идет ему навстречу.

– Виталий Андреевич, как насчет партийки? Говорят, вы большой мастак.

– Можно, – соглашается Сыр, азартно снимая пиджак.

У него хороший глаз и мощный удар. Он раскатывает Сережу в считанные минуты.

– Еще! – возбуждающе требует Сережа.

Вторая партия ничем не отличается от первой. Сережа снова больше наблюдает, чем работает кием. Денис не сводит с Сыра восхищенного взгляда.

– Еще? – спрашивает редактор.

Пока Сережа расставляет шары, бросает мне:

– Что самое главное в жизни, Юрий? Уметь достойно проигрывать. По жизни выигрывает наш благодетель Сережа. А я только держу фасон.

– Виталий Андреевич, ну, что вы такое говорите?! – укоризненно восклицает Сережа.

Я был наслышан о нем, а теперь мог рассмотреть. Смесь задора и вялости. Решительности и лизоблюдства. Образованности и тупости. Человек учился, но не самообразовывался. Попадал в трудные ситуации, но в критические моменты давал слабину. Любит болеть за футбольную команду, а сам ни разу в жизни не бил по мячу.

– Бывший комсомольский вождь? – спрашивает его Сыр.

– Предположим, – отвечает Сережа.

– Просаживаете партийные бабки?

– Допустим.

– Ну-ну, прохиндей, – ворчит Сыр, загоняя в лузу очередной шар.

В бильярдную заглядывает сотрудница дома отдыха:

– Товарищи, прошу всех на ужин.

– Господа, – объявляет Сережа, – ужинаем в ресторане.

Сыр упирается:

– Нет, господа-товарищи, давайте подпишем бумаги здесь, и я поеду домой.

Но Сережа делает отметающий жест.

– Нет, Виталий Андреевич, только после ужина.

Девчонки вышли из номера принаряженные. Денис в своем клетчатом пиджаке, купленном недавно в комиссионке, выглядел лет на шестнадцать. Я в спортивном костюме смотрелся, будто после утренней пробежки.

Сережа, Гриша и Сыр уже сидели за большим столом, заставленном деликатесами. Можно было не гадать о происхождении денег бывших комсомольских вождей. Это были те самые партийные бабки, о которых много гадали в печати. Мол, куда они спрятаны? А вот сюда. Часть из них, которые не вкладывались в приватизацию, элементарно пропивалась и проедалась.

За соседним столиком ютилась скромно одетая «англичанка» Надя. Она и на уроках в редакции особенно не вы-

ряжалась. И от этого только выигрывала. Если красота сама по себе наряд, зачем еще какие-то тряпки? Она незамужняя, это факт, думал я про нее, замужние по домам отдыха не шастают. С замужними я принципиально не связывался. Придерживался принципа, что не по-мужчински кому-то наставлять рога. Мало ли свободных баб?

Итак, Надя, Наденька. Хорошее имя. Малость устарелое, но теплое. Сколько ей? Тридцать? Тридцать пять? Хорошо и то, что преподает английский. Мне как раз не хватало разговорной практики, дающей навык беглой речи.

Сережа обхаживал Сыра. Делал он это, надо признать, грамотно. Говорил то, что, казалось бы, не могло вызвать у старика возражений.

– Пресса должна улучшать ментальность народа. Честность нации, культ закона, социальная справедливость – вот что мы должны проповедовать на страницах нашей газеты, несмотря ни на что. Капли точат камень, трава рвет асфальт. Так и мы...

Но Сыра на мякине не проведешь.

– Бросьте, молодой человек! – обрывал он Сережу. – Сегодня никакие капли не точат никакие камни. Скоро люди вообще перестанут покупать газеты по причине их дороговизны. Поминки газетной журналистики можно начинать, хоть сегодня. Ближайшее будущее – за телевидением.

– Это вы зря, Виталий Андреевич, – спорил Сережа. – Мы с вами этого не допустим.

К Наде подседа большая женщина с грубым лицом, бухгалтер издательства. Зоя, или Золушка. Голос у нее был низкий, прокуренный. К тому же говорила она громко, поглядывая на меня.

– Ну что тебе сказать, незабудка моя? Конечно, не первой свежести, но на морду не урод. Хотя по сравнению с твоим Иннокентием Викентьевичем, конечно, дохловат. Кешу твоего можно было терпеть за патологическую доброту. А что этот собой представляет, еще неизвестно. Неужели это она обо мне? Косит-то глазом в мою сторону. И голос повышает.

– Говоришь, деньги не главное? Не скажи, заоблачная моя. Если у него крыша от тебя съедет, его ж из дома выпрут. И приползет он, ободранный, к тебе. И обопрется на твои хрупкие плечи со страшной силой. Но если так уж приглянулся, берем и пробуем. Но берем не спеша. Быстрый секс губит любовь на корню. Ты только не волнуйся. Надо волновать, а не волноваться.

Гриша наполнял бокалы шампанским, как бензин на заправке. Налил и Денису. Тот выпил и подставил бокал для еще. Миша выжидающе покосился на меня и налил еще. Денис опрокинул, не морщась, будто воду, и нетерпеливо заерзал. Шепнул мне, что хочет в бильярдную, погонять шары. Я разрешил. Денис испарился.

Дочь резво поглощала деликатесы. Я шепнул ей на ухо:

– Женечка, знаешь, как можно узнать за столом настоящую даму? Она ничего не ест. Или почти ничего.

Женя рассмеялась:

– Учла, папка. Сейчас закончу это безобразие. Главное – не переест. Только подай мне еще севрюжки.

Гриша переставил тарелку с севрюгой ей под нос.

– А мне шампусику – Лора протянула мне пустой бокал.

Я налил. Женя дурачилась с подружкой.

– Лорик, главное не переест и не перепить.

Лора не очень естественно хохотала.

– А если стараешься умно говорить, то – не перемудрить.

Я наблюдал за ними. Кто из них вырастет? Амазонки или кошечки? Амазонка: если ты засел в грязи, выйдет из салона и начнет толкать машину. А кошечка останется в салоне и будет спрашивать через полуоткрытое стекло: тебе не тяжело, дорогой? Хотя есть третий вариант. Сегодня не стыдно быть содержанкой. И вообще, не стыдно быть бесстыжей.

Сереза втирал Сыру, что тот незаменим. Дешевая лезть злила опьяневшего старика.

– Ты, наверное, мнишь себя солью земли? – наседали он на Серезу. – А ты не соль. Ты – мешок. Ты – мешок халявных денег. Засланец! Ты ж сам ничего не решаешь. Тебя заслали серьезные люди. А вдруг удастся? Сегодня вы нас спонсируете, втираетесь в доверие, скупаете потихоньку наши ваучеры, а завтра, когда начнется приватизация, присвоите газету вместе с типографией. Так? Так, Сереза, так! И не вздумай отрицать. Я тебя, засланца, насквозь вижу. Сереза заливи-сто смеялся, подливая старику водки «Абсолют».

– Споить меня хочешь? – разоблачал его Сыр. – Тогда наливай ведро.

Облезлый Гриша начал клеить мою дочь. Понятно, что она уже не раз подвергалась атакам обольщения. Но в моем присутствии впервые. Заметив, что я раздражаюсь, Женя шепнула мне, что по профессии Гриша врач, занимался раньше какими-то стволовыми клетками. С помощью этих клеток можно сделать человека моложе лет на двадцать.

– Папка, мы теперь с Гришей друзья. Мы омолодим и маму и тебя.

– Женя, – сказал я, натянуто улыбаясь, – не расслабляйся, Этот плешивый бабуин тебе в отцы годится.

– Папочка, – так же деланно улыбаясь, отвечала Женя. – Но и ты не расслабляйся. Какого фига эти миледи стреляют сюда своими глазками? Давай колись, кто эта пловчиха?

Я соврал, что понятия не имею.

Лора сказала громко, обращаясь к Жене.

– Где-то я слышала, что женщинам ходить в ресторан без мужчин неприлично.

Золушка с грацией торпедного катера подошла к нашему столику с сигаретой в руке. Гриша с готовностью подставил зажигалку. Золушка прикурила, склонилась к Лоре и сказала своим прокуренным голосом:

– Детка! Когда ты будешь зарабатывать столько денег, сколько зарабатываем мы, тебе не нужны будут сопровождающие. Ты придешь в кабак, закажешь все, что душа пожела-

ет, и еще выберешь себе кого-нибудь. Андэстэнд?

– Андэстэнд, – с вызовом ответила Лора. – Ну и как? Выбрали?

Золушка приняла вызов:

– Не сомневайся, выбрали.

Мы, мужики за столом, со снисходительным смехом выслушали эту перепалку.

– Однако, мне пора, – Сыр поднялся из-за стола. – Где бумаги?

– Какие бумаги? – Сережа тоже встал. – Знаете, Виталий Андреевич, что написано над входом в лондонскую биржу? «Мое слово – мое обязательство».

– То есть договариваемся устно? – с удивлением переспросил Сыр.

– Именно так, – важно кивнул Сережа.

Сыр впился в него начальственным оком:

– Слушай, а ведь я даже фамилии твоей не знаю.

– Я Фунтиков, – покачиваясь, назвал себя Сережа.

Сыр тут же сострил. Сказал мне, что этот жук станет Фунтиковым нашего лиха.

Дождавшись, когда Денис мерно засопит, я вышел из номера. Решил прогуляться, посмотреть на ночную Пахру. Конечно, рассчитывал встретить Надю.

Фонари отражались в черной воде. Медленным течением несло кленовые листья. На скамьях сидели отдыхающие. То же любовались вечерней картиной. Прошел до конца аллеи

– Нади нет. Хотя ... на скамейке у самой воды знакомый силуэт. Подхожу, сажусь рядом.

– Почему пропускаете уроки? – тоном училки спрашивает Надя.

Виновато опускаю голову.

– Накажите меня, Надежда Семеновна. Оставьте на второй год.

– Боюсь, второгодничество вам понравится, – игриво отвечает Надя.

– Предлагаю не тянуть с этим. А куда вы девали Кешу? Иннокентия Викентьевича?

– Надо же, какой слух! – удивилась Надя. – Кеша в заслуженной отставке.

Мне стало обидно за Кешу. Я почему-то подумал, что он старше меня. К тому же я тут же поставил себя на его место, ее бывшего мужчины. И мне стало жаль его и себя заодно. Конечно, Надя пребывала в волнении, и потому сказала глупость. Но зато искренне. А чтобы не сказала сейчас что-то еще, ей помешали мои дети.

Она вдруг насторожилась. Сказала, показывая на кусты.

– Там кто-то есть.

Точно. Слышался сдавленный смех и шорох. Надя испуганно поднялась. Я заглянул за куст. Денис! Вот паршивец! Сделал вид, что уснул, а сам бросился шпионить. Давится от смеха. Но он не один. Рядом в кустах кто-то еще.

Надя быстро уходила к корпусу. Ее гибкий силуэт в свете

фонарей трепетал от негодования. Женя перестала прятаться.

– Папка, мы не дадим тебе пасть в наших глазах.

Слава богу, у меня хватило ума рассмеяться. Но это был нервный смех.

Мы идем к своему корпусу. Я замечаю отсутствие Лоры. Женя объясняет.

– Она в баре с Сережей. Он может устроить ее в редакцию.

Лора подходит к нам с бокалом в руке, когда мы появляемся в баре. Зачем-то говорит:

– Когда нет любви, нужно просто пользоваться. К тому же я хохлушка. Знаете, какой раньше был обычай у хохлушек? Они сами предлагали себя в жены. Ха-ха! До чего ж я инициативная! Самой противно.

Лора явно перебрала «шампусика». Женя потянула ее в номер. Лора заплетающимся языком говорила, покачиваясь на нетвердых ногах.

– Мне плевать, что обо мне подумают. Люди всегда найдут, за что осудить. Тогда они сами себе лучше кажутся. Козлы!

Глава 6

Последнее время я стал замечать, как жена ест. Коронку поставили неудачно. И теперь зуб постукивает, когда Вера жует. Тук-тук, тук-тук. За-стре-литься! Но к стуку добавилась новая привычка. Нервничая, Вера мелко режет еду, а потом сгребает ее в кучку посреди тарелки и отправляет в рот быстрыми движениями вилки.

Почему никак не получается любви на всю жизнь?

Последний раз Вера навестила меня ночью примерно полгода назад. Потом мы больше не прибегли к постели, как способу примирения. От этого жена дергалась еще больше. Неблагодарно себя веду, корил я себя. Надо найти в себе силы. Хотя едва ли получится. От благородства не стоит.

– Как съездилось? Как отдохнулось? – спрашивает Вера, постукивая зубом.

– Нормально, – отвечаю, стараясь поскорее доесть яичницу.

– Не торопись, – говорит Вера, бросив взгляд на часы, – у тебя еще двадцать минут. Сколько раз тебе говорить? У Дениски слабое горло, ему нельзя дышать холодным воздухом. Только оправился после ангины, и вот снова. Совсем отста-нет от школы.

– Разве у него температура? – спрашиваю.

– Пока нет, но к вечеру поднимется.

– Вот когда поднимется, тогда и освободишь его от уроков. А пока пусть идет в школу.

– Нет, он будет сидеть дома.

Голос у Веры спокойный и твердый. Попробуй возразить.

– Слушай, что у тебя с головой? Ты зачем познакомил девочку с какими-то стариками?

Морщусь, как от зубной боли.

– Слушай, что за тон? Что ты себе позволяешь?

– Это ты себе позволяешь! – Вера переходит на крик.

Я смотрю на нее. Неужели это та изящная девочка с добрыми глазками и постоянной благожелательной полуулыбкой на тихом лице, какой была двадцать два года назад? Сегодня в ней килограммов девяносто. И ростом она почти сравнялась со мной. А когда женщина одного роста с ее мужчиной, то она кажется выше. Благодаря Вере я узнал, что люди иногда растут до двадцати с лишним лет. Говорят, женщине важно, как она выглядит рядом с мужчиной. А мужчине разве не важно?

Я перестаю есть.

– Что с тобой? – насмешливо спрашивает Вера. – У тебя пропал аппетит? А я, как видишь, трескаю, аж за ушами трещит. А почему ты не предлагаешь мне съездить в Пахру?

Я смотрю на часы. Надо садиться за работу. Ну, почему подобные разговоры она затевает, когда мне некогда?

– А ты не мог бы вспомнить, когда мы последний раз ходили вместе в театр или в кино? – митингует Вера. – Может,

ты меня стыдишься? А знаешь, отчего я толстею? У человека на нервной почве развивается пищевая психопатия. А еще на нервной почве нарушается обмен веществ, отчего человек опять-таки толстеет.

Я согласился, что работа у нее нервная. Вера несколько секунд оторопело смотрит на меня. И говорит со слезой в голосе:

– Да, у меня вредная, нервная работа. Но еще вредней моя семейная жизнь!

– Чем именно? – спрашиваю, чего греха таить, издевательски спокойно. – Твой муж пьет? Гуляет? Дерется? Не участвует в воспитании детей?

– Гораздо хуже, – все так со слезой отвечает Вера. – Он меня не любит. Я устала от тебя, Терехов. Устала от твоего безразличия.

Теперь она должна бы заплакать. Но она продолжает есть, постукивая коронкой. Я осторожно приподнимаюсь, чтобы смыться в свою одиночную камеру (то бишь кабинет). Но Вера начеку.

– Я не закончила, – говорит она. – Ты когда прекратишь заигрывать со Стеллой? Надо мной уже все общежитие смеется.

– Это плохо, – отвечаю. – Должны сочувствовать.

– Специально подрываешь мой авторитет?

– Настоящий авторитет, Вера, невозможно подорвать. Но если уж ты затронула эту тему, внесу ясность. Лично мне

Стелла не сказала пока ни одного плохого слова, не бросила ни одного косого взгляда. Почему я должен лезть в твой окоп?

– Я так и знала – ты не на моей стороне, – сказала Вера.

Она родилась не в то время. Ей бы палить из «максима», сидя в тачанке. Классная бы вышла Верка-пулеметчица. А она добрая, участливая, готовая всем помочь, кто ни обратится. Я бы дал ей медаль за бескорыстную помощь людям. Да что там медаль! Орден! Но у нее есть один недостаток. Она любит свое влияние на людей. И необъективна к тем, кто ей в этом мешает. Она сражается с ними со всей страстью и безоглядностью Стрельца. Но я-то почему должен подносить патроны?

Глава 7

Утро. Женька в дверях. Трет глаза, потягивается. Я особенно люблю ее такой, с заспанными, чуть припухшими карими глазами. Я не из тех отцов, которые страдают сумасшедшей любовью к детям. Но я помню, что первым словом Женьки было не мама, а папа. Я вижу в ней больше своих черт, чем в Денисе. Она умеет добиваться своего, несмотря ни на что. Пошла в английскую спецшколу поздно, с шестого класса, считалась недотепой, но через два года стала лучшей в классе. Еще школьницей овладела слепым методом машинописи и стала зарабатывать, печатая рукописи. Дочь, которая оправдывает ожидания отца подобно образцовому сыну, – самая лучшая дочь.

Женя бывает со мной откровеннее, чем с матерью. Поэтому спрашиваю прямо.

– Как там Гриша?

Женя плюхается в кресло:

– Что ты хочешь услышать, папочка? Ну, давай, скажу откровенно: он начал проникать в меня.

Последние слова для меня, как удар током. Дочь успокаивает.

– Ну, в смысле, лезет под кожу. А я... вот как с тобой, прикалываюсь. Говорю, я готова довериться вам, Григорий, в наше трудное время, но мне мало того, что вы избавите ме-

ня от каких-то проблем. Мне важно чему-то у вас научиться. Но чему вы можете меня научить? Пользоваться стволовыми клетками?

– В папики себя предлагает, плешивый бабуин?

– Типа того.

Женя, как и Надя, зарабатывает тем, что дает уроки английского. Репетитор сегодня – это и модно, и денежно, и престижно. Ученики идут к ней с утра до вечера. Каждый приносит зеленую бумажку. Зарабатывает она больше меня, но все равно не поспевает за своими запросами. А в моде спонсоры, папики... Меня это рвет на части. Но я не могу ничего изменить. Даже если я начну зарабатывать больше и подбрасывать дочери денюжат, это ничего не изменит. Она будет желать спонсора, папика. Потому что это в тренде. Нужно смириться. Как там говорили древние – следует подчиниться времени. Как же от этого тошно.

– Можно, я закурю?

Женя вынимает из пачки длинную дамскую сигарету, щелкает зажигалкой, с шиком заправской курительницы вдыхает дым полной грудью, выдыхает струю. Она начала курить год назад. Мне стоило больших усилий привыкнуть к этому. Но прежде я отчаянно этому сопротивлялся. Однажды она пришла за полночь, от нее пахло вином и табаком. Я не выдержал и съездил ей по щеке. Она поблагодарила:

– Спасибо, папочка, что не со всей силы.

У нее потекли слезы. У меня защипало в глазах. Тогда я

окончательно понял, что подобные родительские аффекты – не от желания причинить боль. Не от уверенности, что такое наказание даст ожидаемый результат. А от слабости и бессилия.

– А ты знаешь, что Дениска курит? – спрашивает Женя.

Конечно, это для меня не секрет. Когда Денису исполнилось года четыре, я бросил курить. По себе знал, как заразителен пример курильщика-отца. Положил, так сказать, свою привычку на алтарь воспитания. Ну и что в результате? Конечно, здоровье себе сберег. Но сына от курения не избавил. Учужал у него запахок изо рта. Денис, конечно, пустился заверять, что мне показалось. Пришлось понюхать кончики пальцев. Так отпали все сомнения.

– А что он курит, знаешь? – спрашивает Женя. – Запах травки ни с чем не спутаешь. А с кем водится?

Обычно я вижу сына возле дома в компании соседских мальчишек. Он возвышается над ними и что-то им втолковывает. Они слушают его, будто он старше, а он всего лишь выше ростом.

– С большими ребятами он стал водиться, – говорит Женя. – Только давай, папка, договоримся: ты узнал об этом не от меня. Ты сам увидел это в бильярдной тээрцэ* (*ТРЦ – торгово-развлекательный центр).

Я отложил командировку в Питер. Решил пошпионить за Денисом. Я высматривал его из винного магазинчика напротив нашего дома. Выйдя из подъезда, он остановился, повел

глазами по сторонам и пошел в сторону тээрцэ. Пройдя десятка два шагов, будто почувствовал мой взгляд – оглянулся. Я в это время уже вышел из магазина. Не попасть в поле зрения сына было невозможно. Я изобразил, что не вижу его, и вошел в свой подъезд.

Терпеть не могу выглядеть глупо, даже в собственных глазах. Но причем тут мое мнение о самом себе, если на карте жизнь сына? Если он связался с плохими ребятами, это само собой не рассосётся и добром не кончится.

На втором этаже торгового центра оборудован зал с игральными автоматами. Денис был там. Он играл. Он был так захвачен игрой, что не увидел меня, хотя я был в двух шагах. Это было для меня открытием. Я не знал, что он азартный игрок.

В тот вечер я напрасно отирался в бильярдной. То ли игровой автомат был для Дениса интересней, то ли в тот вечер не пришли его обычные партнеры по «американке».

Но на что он играет? Почти наверняка таскает из кошелька Женьки.

Больше откладывать командировку я не мог. Но все же пришлось. Пожаловала инспектор детской комнаты милиции. Первое, что она хотела понять: Денис – желанный ребенок или не очень? Мы с Верой переглянулись. На исповедь нас как-то не тянуло. Мы дружно соврали, что да, конечно, желанный, а как иначе? Инспектор сделала вид, что поверила. А на самом деле она, как в воду глядела.

Шестнадцать лет назад, когда я работал «на северах», Вера сообщила мне, что беременна. Я сказал, что заводить второго ребенка – безумие. Я не могу переехать в Москву, чтобы помогать ей. Меня не пропишут. А без московской прописки меня нигде не возьмут на работу.

Вера ответила, что по существующему порядку она получит московскую прописку, как только родит ребенка. А потом получу и я. Вере нужно было довести до победного конца главное дело своей жизни – завоевать Москву. Хотя при этом она понимала, что нам не жить вместе. Понимала, и все же надеялась: а вдруг?! Так появился Дениска. Так сохранился брак. Хотя, конечно, была куда более веская причина – Женя...

Только в Москве можно по-настоящему понять, что такое завести ребенка. До яслей – шесть остановок на автобусе рано утром, когда людей – как сельдей в бочке. Маршрут до детсада еще интересней – с пересадкой на другой автобус. Потом я ехал на работу – с тремя пересадками на метро. Правда, вечерами Дениску забирала сама Вера.

Потом она уходила на свою вечернюю работу, а я оставался с детьми. Вместо того, чтобы читать сказку о Колобке, учил их английскому языку. Читал любимую книгу своего детства – «Робинзон Крузо».

Второй вопрос инспектора был совсем в лоб: не унижена ли мать?

– С этим все нормально, – сказала Вера тоном женщины,

которую попробуй только обидеть.

Инспектор глянула на меня с сомнением:

– Вы родной отец или отчим?

Денис родился в конце сентября. Я приезжал в Москву в конце декабря, чтобы встретить Новый год. Вот и считайте. Тютелька в тютельку.

Вера отвергла оскорбительное подозрение.

– Роднее не бывает.

– Я пыталась поговорить с Денисом, – сказала инспектор. – В кого он у вас такой? Каждое слово надо клещами вытаскивать. Удивительно себе на уме парнишка.

Мы с Верой переглянулись: сами удивлялись этому.

Инспектор сворачивала разговор, так и не сказав, что ее привело. Пришлось спросить.

– Нам он будет портить статистику, вам – жизнь, – сказала инспектор.

Наследственность ходит по кругу. Я тоже в возрасте Дениса жил своими хотелками. А кто этим не жил? Ну и какой из этого вывод? Ничего страшного не происходит? Может, и так. А может, не так. Об этом можно судить не по тому, чем Денис похож на меня, а по тому, чем не похож.

Мое щенячье отношение к жизни кончилось лет в девятнадцать. Ждет ли то же самое Дениса? Тут меня брало сильное сомнение. В его сегодняшнем возрасте я был другим. Я совершал серьезные глупости, но при этом читал книги.

Ну и что с этим делать? Сцепить зубы и терпеливо ждать,

что получится из отпрыска. Худший вариант – обаятельный отморозок. Лучший вариант? Тут мою интуицию заедало, как широкие штаны при езде на велике.

Глава 8

Теперь можно было ехать к фашикам, будь они неладны. Свидание с Надей откладывалось на неопределенный срок. По крайней мере, пока не вернусь из Питера. Но я особенно не переживал. Возможно, это тот случай, когда следует перетерпеть. Когда судьба сразу не бросает в омут, то потом не так уж очень хочется. Только в подобных случаях следует учитывать, что женщина не прощает медлительности.

Купив билет, последний раз подметаю двор возле дома. Первые четыре года жизни в Москве у меня кроме двух участков, была другая работа – в архиве. Там было достаточно много времени для писанины. Изредка по заданиям редакций вылетал в краткие, не больше двух суток, командировки. В штат меня не брала ни одна редакция. Сначала из-за отсутствия прописки. А когда прописка появилась, – из-за отсутствия партийности. Не взяла даже газета «Лесная промышленность» и журнал «Клуб и художественная самодеятельность».

Хотя сейчас я был уже в штате редакции, мне все время казалось, что меня за что-нибудь выпрут, а найти работу в наше время... Ну, и сказывалась привычка. Сколько я махал метлой (летом) и лопатой (зимой)? Семь лет!

Есть шуточный совет: в какую бы позу тебя не поставила жизнь, стой красиво. Для того, чтобы стоять красиво, нужно

увидеть плюсы в самой некрасивой позе. Когда ты метешь двор, а на тебя из окон пятиэтажной общаги поглядывают девки, в этом есть важная работа над собой. Дворницкая работа учит смирать гордыню. Опуская себя в глазах людей, поднимаешься в собственных глазах. В этом есть особенный восторг.

И вот сегодня – прощальная работа метлой. С некоторым лирическим томлением в сердце. Все-таки семь лет на таком поприще – это семь лет. Но жизнь моя сюжетна. Было бы странно, если бы эти последние минуты закончились ничем.

На лавочке во дворе расположились двое хмырей. А я там уже подмёл. И вот на земле полно окурков, а под лавочкой пустая бутылка. Ну, и плевки, конечно, окурки. А на лавочке этой обычно сидели мамочки из общаги со своими колясками. И вот эти мамочки выходят из дому, и что же видят?

Я очень спокойно, почти вежливо и уж точно совсем не грубо, попросил хмырей прибрать за собой. Зачем? Ведь понимал, что для них сделать это – ниже их достоинства. Проще было прибрать самому. Но об этом тут же узнала бы вся общага. Тоже нефонтан.

– А банана не хочешь? – икнув, поинтересовался один хмырь.

– Хочет, – сказал другой.

Видит бог, я не хотел. У меня что-то с головой. Сорвало башню. Одному хмырю заехал в бубен, хорошо вложился, у него признали сотрясение мозга. У меня – распухла правая

кисть.

В травмопункте сделали рентген. Перелом какой-то косточки в запястье. Там их столько, мелких косточек! Повезло еще, что сломалась одна. Самая тоненькая, но боль адская. Доктор кое-как наложил гипс. Точнее, лангету. Делал он это неловкими движениями, но в целом, вроде бы, правильно.

Сам признал, что вообще-то он психотерапевт. Но по специальности мало востребован. Это на западе люди стремятся завести себе личного психоаналитика. Вообще странно, что психоанализ возник на Западе, а не у нас в России. Западные люди насколько склонны к рефлексии, настолько же берегут свой внутренний мирок от постороннего вмешательства. Их неискренность с другими просто не может не приводить к неискренности с самими собой. Им не нужна вся правда о себе. Им хватает части правды. А психоанализ предполагает выворачивание человеком себя наизнанку. Другое дело мы, русские. Русский человек охотно признает себя грешником и часто готов в чем-то покаяться, чтобы облегчить душу. К тому же мы любим обсуждать и осуждать других. Конечно, мы можем не соглашаться с нашими судьями из числа ближних, можем даже вести себя грубо, но... не избегаем такого разговора, будто чувствуем, что это и есть сеанс психоанализа, только на наш русский лад.

Доктор добавил к этой краткой лекции, что перед перестройкой наша творческая элита была на пике самокопания, но это ей не помогло. Увлеклась свердловским валенком, да-

ла себя обмануть – что могло быть глупее?

Поинтересовался осторожно:

– Как же вас угораздило?

– Вспышка.

Эскулап продолжал с умным видом:

– Так устроена наша сегодняшняя жизнь. То, что выводит нас из себя, мы преодолеваем. А срываемся на чем-то совершенно постороннем. Давайте я вас послушаю.

Он велел мне снять рубашку и начал слушать по старинке фонендоскопом.

– У вас нервное сердце – тахикардия. Дыхание поверхностное. Неужели до сих пор курите?

Меня передернуло. Какая к черту тахикардия? Я столько занимался спортом. И я уже четырнадцать лет, как бросил курить. Правда, изредка, в нервные минуты, покуриваю.

– Возраст – это не цифры прожитых лет, – сказал доктор. – Возраст – это анализы. Вот ведь какая конфузия. Перестраивайтесь, привыкайте к мысли, что у вас в любой момент что-то найдут. О смерти, наверно не думаете?

– У меня предчувствие жизни, а не смерти, – малость напыщенно сказал я.

– Жизнь начинается тогда, когда мы понимаем, как мало нам осталось, – изрек доктор. – Давайте примем обезболивающее.

Арнольд Иванович (так звали врача) полез в шкафчик, достал баночку со спиртом. Развел водой из-под крана. Выпи-

ли. По ухоженному лицу, хорошей стрижке и дорогой обуви было видно, что в годы советской власти Арнольд не бедствовал, и до сих пор не прозябает. Но сегодняшней жизнью до крайности недоволен.

Он оказался постоянным читателем нашей газеты. Так что мне пришлось отдуваться.

– Из номера в номер вы уничтожаете прошлое, якобы для того, чтобы никогда больше не вернуться в него. На самом же деле, уничтожая прошлое, вы уничтожаете настоящее. Только уничтожат его, настоящее, подражая вам, подрастающее поколение. Зачем вы это делаете? Этак ведь народ может возлюбить свою ненависть. Молодежь уже начинает любить ненависть не только к прошлому, но и к своему же народу.

Слушать это было неприятно. Сам я держался подальше от политики. Считал, что у нас маразм при любом строе, меняются время от времени только формы маразма. Власть, когда ей надо, льстит народу, называет его великим, но этим только проявляет неуважение. Но я понимаю ее, нашу власть. Народ наш любить и уважать трудно. У народа при любой власти, при любом государственном строе, свой строй жизни. Поэтому власть любит государство. То есть себя...

Доктор между тем излагал еще один взгляд на текущую жизнь, тоже вполне понятный.

– Скорее всего, мы получим совсем не то, чего ждали, хотя бы потому, что толком не представляем, что нам надо. наших врагов всегда побеждали не столько наши армии, сколь-

ко пространства. Сегодня я бы назвал пространством нашу психологию. Нам ее не победить.

Ныла кисть. Доктор предложил еще по глоточку. Мы выпили.

– Это ужасно, – продолжал Арнольд, – Какая власть не придет, ненавидишь ее, стыдишься, или презираешь. А ведь власть – это как мама с папой. Стыдно за родителей.

Захмелев и совпав, мы стали приятелями за полчаса.

– А ведь вы обыкновенный шизоид, – откровенничал Арнольд. – Не обижайтесь. Вы ж сами себе поставили диагноз. Вы сказали – вспышка. Многие люди – шизоиды, только разных направлений и не в чистом виде. Я тоже из этого разряда. Быть шизоидом даже выгодно, уж поверьте. Мы не так, как другие, боимся умереть.

Дома Вера выговорила мне ревниво:

– Из-за меня ты никого ни разу пальцем не тронул, хотя алкаши оскорбляли меня не раз.

Не припомню, чтобы это, хотя бы однажды случилось в моем присутствии. Но точность обвинения не имела для Веры никакого значения. Главным для нее был повод. А мне обидней всего был сам перелом. Ведь знал, что в ярости бить ничем не защищенным кулаком себе дороже. Лучше ладонью. Эффект удара, например, в основание носа, ничуть не меньше.

Глава 9

Сижу теперь в редакции, курю. С непривычки кружится голова. Надо хотя бы перечитать письма. Накопилось уже пол-ящика письменного стола. Хотя это немного. Раньше было гораздо больше. Люди перестают откликаться на публикации. Этот пофигизм начался давно, еще в советское время, но сейчас – это особенно плохой знак. Скоро наш брат-журналист станет работать не для читателей, а только ради собственной выгоды.

Входит Лора, кладет на стол несколько новых писем. Фунтиков пристроил ее в отдел писем. Перспективное решение. Многие хорошие журналисты начинали с этого отдела.

– Как тебе у нас? – спрашиваю.

– Кофейня здесь хорошая. Столько известных людей. И вид из окна классный.

Кофейня у нас действительно редкостная. Кофе хорош тем, что кладут его в автомат честно. И вид на Тверскую из кабинета действительно знатный. И поглазеть на известных людей, а потом кому-то рассказать об этом – тоже, наверно, приятно щекочет самолюбие. Но мне больше нравится любоваться облаками.

– Я тоже люблю облака, – говорит Лора. – Если бы я была художницей, я рисовала бы только облака.

Смотрю с подозрением: до чего ж ловкая приспособлен-

ка. Шутливым тоном придираюсь. Спрашиваю, нравится ли читать – по обязанности – чужие письма.

– Привыкаю, – говорит Лора. И сообщает. – Вас ищет странный тип. Сейчас зайдет.

Действительно, стук в дверь. Точно, странный субъект. Высокий, тощий, примерно моих лет и какой-то растрепанный.

– Вы Терехов? Я – Сирота.

– Если это не фамилия, то сочувствую.

– Это фамилия, – говорит Сирота. – Но сочувствие принимаю.

Усевшись в кресло, Сирота излагает суть дела. Он редактор известного издательства. Ищет журналиста, который под его чутким руководством напишет книгу. Прочел намеренно мой очерк «Смертная чаша», и заинтересовался.

– Сюжет – привет Достоевскому. Давайте так. Пишем сначала книгу, потом киносценарий.

Сирота захлебывается в словах и планах. Но его восторгов насчет «Смертной чаши» я не разделяю. Говорю ему о Даше Новокрещеновой, которая мечтает сесть в тюрьму. Меня этот случай волнует больше. Сирота морщится. По его мнению, «Смертная чаша» интересней. Я стою на своем.

– Едва ли что-то получится, я не писатель.

– Станете! – уверяет Сирота. – У вас есть мысли о жизни. А что важнее всего для прозы? Мысли. Об этом еще Пушкин писал. Ну, и наконец: вам не надо особо что-то сочинять.

Вы будете брать сюжеты из ваших очерков, а не высасывать из пальца. А нас ждет именно такая перспектива. Десятки авторов будут придумывать гадости, которых не встретить в реальной жизни. Ваши книги будут отличаться достоверностью.

Я слушаю с вежливым вниманием. Лора смотрит на меня удивленно: и чего это я кочевряжусь? А я чувствую – не потяну. Зачем хвататься за то, что превосходит мое представление о своих способностях. Хотя знаю, что иногда надо ухватиться за то, что сулит рост. При выполнении, казалось бы, невыполнимого, можно вырасти. В это и заключается настоящий успех.

– Поймите, – говорит Сирота, – сейчас уникальный момент. Мы издаем сплошь западные детективы. А читателю интересно читать про наших преступников, про наших потерпевших, а не про джонов и мэри. Неужели вы совсем лишены тщеславия?

Ничего я не лишен, тем более тщеславия. Но я не хочу быть очередным литературным лаптем. Не хочу стыдиться самого себя. А Сирота, похоже, не понимает, что уговаривать – это почти насиловать. Или я чего-то не понимаю в его агитации. Неожиданно говорит, что я могу сломать ему жизнь. Их издательство приватизировано. Редакторам поставлено условие. Или каждый приведет двух перспективных авторов, или будет уволен за профнепригодность.

– Но я не писатель!

Лицо у Сироты совсем поникло.

– Что вы заладили!?! – вспыхивает он. – Я же сказал. Я помогу вам написать первую книгу и еще сценарий. Выйдет фильм – вы проснетесь знаменитым. А дальше... откуда только силы возьмутся.

Только теперь я понимаю, что Сирота хорошо поддал. Его развезло во время разговора. Но мне нечего добавить к уже сказанному. Сирота уходит, бормоча проклятия. В дверях тормозит. Поворачивается:

– Черт с вами, тупой вы человек. Дарю совет. Соедините свою журналистику с той прозой, на которую вы способны. Красоты стиля сегодня людям по барабану. Нужна откровенность, исповедь. Правда, а не правдёнка. А у нас скоро начнут шуровать одну правденку. Напишите о том, что вас печёт. Если вдруг что-то и без меня получится – звоните. Помогу дотянуть.

Сирота скрывается за дверью. Появляются двое парней в спецовках. Вносят коробку с компьютером. Шеф-спонсор Сережа Фунтиков приятно удивляет, оснащая редакцию современной техникой. Только я сильно сомневаюсь, что смогу легко отказаться от обычной пишущей машинки.

– Я вас обучу, – обещает Лора.

Ну уж нет. Компьютер я перевезу домой, пусть Женька осваивает.

Лора рада тому, что я могу изменить свое мнение о Сереже. Она видела, какими глазами я смотрел на него в ресто-

ране. И, теперь довольна, что я ошибся в нем.

– Мы все лучше, чем друг другу кажемся, – говорит она, в который раз удивляя меня способностью к обобщениям.

– Или хуже, – мрачновато уточняю я.

– Вот, по-моему, интересное письмо, – говорит Лора.

Крест на конверте. А в конверте – лист с нарисованным крестом. Догадываюсь, от кого письмо. Вор в законе Гиви оскорбился. Уже звонили его шестерки – требовали опровержения. Я написал, что Гиви купил воровские эполеты за большие деньги, вырученные от продажи мандаринов. При этом ни дня не провел в тюрьме. Проверить эту информацию было невозможно. Редкий случай – решил довериться ментам. И вот результат.

– Это вам как бы черная метка? И что теперь будет? – в голосе Лоры тревога.

– Ничего не будет. Не вздумай Женьке сказать.

– Но ведь в таких случаях бьют по самому больному. Мне за Женьку страшно.

Точно разболтает. А Женька поделится с Верой. Опять скандал.

– Лора, ты теперь в редакции работаешь. А значит, не имеешь морального права разглашать профессиональные секреты. Думаешь, это у меня первая черная метка? Но, как видишь, никаких последствий. Присылается эта фигня для понта, чтобы припугнуть, ну и перед своими отчитаться. Мол, вот послал ответку. Короче, Лора, не бери в голову.

Ну, что еще сказать? Что журналист без врагов – не журналист? Что к постоянной опасности привыкаешь и бояться устаешь? Не поверит, не поймет.

Лора уходит. Пью кофе, курю и думаю, что же будет дальше. Нет, не предположения строю. Перебираю свои предчувствия. Такая способность называется проскопия. Свойственна она многим людям. Так что я не какой-то уникам. Ничего сверхъестественного.

Меня уволят. Только пока неясно, как скоро это произойдет.

Женя выскочит замуж. Но за кого – непонятно.

Денис совершит преступление. Но какое?

Я разведусь с Верой. Это как выпить дать.

А вот найду ли ту женщину, которая мне нужна, тут самые большие сомнения.

Что же касается Гиви, то я не думал, что он способен на серьезную ответку. Тут моя проскопия точно дала сбой. Хотя... Только ли в этом...

Надя

Глава 10

Питер 90-х поражал величественным убожеством. Или убогим величием. Это без разницы. Ехал я обычно сюда с безотчетным горьким чувством. Уезжал с подтвержденной горечью. Хотя стоило ли этому огорчаться, если предположить, что убожество – это *быть у Бога?*

В молодежной газете «Смена» мне подсказали: фашики собираются или в Ротонде, или в кафе с уличным прозвищем «Гастрит». Я свернул с Фонтанки на Дзержинского, вошел во двор дома 57, потом в огромный подъезд, где расходятся кругами широкие лестничные марши. На стенах было нацарапано: «Люди! Только честно: зачем вы живете?» Нет, это не интересно. А вот то, что нужно: «Привет от нацистов!» «Ленинград – колыбель русского фашизма».

В Ротонде тусовались обычные мажоры-молокососы. Фашиков там не было. Я пошел в «Гастрит».

Они сидели в дальнем углу. Черные куртки с металлическими заклепками. Под куртками – черные мундиры, перешитые из черной пэтэушной формы. Но что там одежда, главное – какие лица! Есть интересная закономерность: во всех сектах люди подбираются со специфическими вывеска-

ми. На каждой написано – меня не любят, меня трудно любить.

Я подсел, представился. Фашики назвались немецкими именами: Курт, Вилли, Фридрих... Как сами пояснили, для конспирации. Честно говоря, заготовленные вопросы вдру стали неуместными. Точнее, наивными и даже опасными. И все же я пустил в ход домашнюю заготовку.

– Родину, ребята, как называете? Случаем, не фатерляндом?

– И чего бы я острил, на ночь глядя? – сурово спросил то ли Фридрих, то ли Курт.

У меня было с собой средство для сближения – бутылец водочки. Разговор, хотя и напряжно, пошел.

Фашик по имени-кличке Мирон втолковывал мне:

– Гитлер своих берег. Он даже красных камаратов перековывал в концлагерях. Богатых не грабил. Аристократов склонял на свою сторону. Государство не разрушал. Нацисты были преданы своей партии. Чего ж наши коммуняки свой лучший в мире строй сейчас не защищают?

У Мирона (по его словам) два высших образования. Немецкий изучал в инязе. Сидел в архивах по удостоверению студента истфака. Психологию и практику нацизма знает назубок. Я слушал его с тоской. Аргументация Мирона публикации не подлежала. Сыр ее вычеркнет. А если не цитировать, то не будет понятна позиция фашиков. Это был мой провал. Полный и абсолютный.

Мирон ушел, разочарованный моим невежеством. И увел взрослых фашиков. Подошли фашики-пэтэушники. С ними было проще. Я загнал их в тупик. Но этим только разозлил. Они заподозрили, что у меня под гипсом диктофон. Принялись стращать, что разрежут лангету. Потом совсем раздухарились, начали требовать, чтобы я выкрикнул «Хайль, Гитлер!»

Я решил, что они так шутят.

– Ребята, у вас крыша съехала? Вы забыли, что Гитлер капнут!

Они вывели меня из «Гастрита» и затащили в соседний двор. Пинали не очень сильно. Насколько можно несильно пинать ботинками с подковками. Спротивляться я не мог, только берег от ударов сломанную кисть.

– Ну, молодцы! Ну, герои!

Фашики входили в раж. Стало ясно, что сломанной кисти мне не уберечь. Я согласился.

– Ладно, хрен с вами. Хайл, Гитлер. Ну, как? Легче стало?

– Громче!

Я набрал побольше воздуха и завопил на весь двор: «Хайль, Гитлер!» Мне повезло, во двор въезжала машина. Фашики убежали. Я отряхнулся и пошел в гостиницу.

Глава 11

Перед выездом из Москвы я позвонил среднему брату Стасику. Встретить он не обещал: мол, у него съемки. Но назвал время, когда будет дома. Мы уже лет семь общались совсем редко. Не переписывались. Стасик изредка приезжал в Москву. Вставал рано утром, где-то бегал, потом делал зарядку, стоял на голове и в позе крокодила. Принимал холодный душ. Вера смотрела на него с восхищением. Я тоже. Конечно, выпивали, разговаривали. Вроде, по-братски, но без былого объятия душ.

Стасик на девять лет моложе. Но это не мешало ему резко осуждать меня за намерение развестись с Верой. Он считал, что второй развод – это уж чересчур. Но я и сам так считал. А потом, когда я все же не развелся с Верой, Стасик уже не мог отказаться от роли идеала, с которого я должен брать пример в своей семейной жизни. И вот не он в Москве, а я в Питере.

Дверь открыла его жена Полина. Я вручил цветы. Удивился: где же Стасик? Вроде, обещал быть.

– У него запись на радио, – сухо сказала Полина.

– Как? – удивился я. – Он сказал «съемки».

– Не вижу разницы, – бросила Полина.

Сварила мне кофе и ушла в свою комнату. Держала себя так, будто мы виделись вчера, и при этом поругались. Полина тоже осуждала меня за неправильную семейную жизнь и не

считала возможным это скрывать. «У нее на тебя идиосинкразия», – сказал мне однажды брат. После этих слов объятие душ и кончилось.

Я пил кофе и осматривался. Кухня большая, уютная. И прихожая большая. Сколько там дальше комнат? Три? Четыре? Придет брат, сам покажет.

Стасик появился минут через сорок. Протянул жене цветы. Я удивился. Вроде, не восьмое марта. Хотя догадывался, что это урок красивых отношений – для меня.

Потом Стасик раскрыл объятия:

– Братец мой единоутробный!

Это было что-то новенькое. С каких это пор мы стали единоутробными? Разве у нас разные отцы? Вот сестра наша сводная, Алла, что живет в Питере, точно единокровная. От нашего отца. Как-то однажды я предложил найти ее. Вдруг живет где-то совсем рядом с ним. Но Стасик не поддержал: «Зачем?»

– Прости, задержался, – говорил он, снимая изящные туфли. – Мчался, превысил, а тут гаишник. Будем оформляться. Сую денежку – не берет. Узнал, мерзавец. У нас гаишники – не то, что в Москве. В театры, подлецы, ходят.

Это краткий монолог говорил мне, что его знают в лицо даже гаишники. Полина накрыла стол. Все у нее лежало на тарелках изящно, крохотными японскими порциями. Хотя сама она была казахстанской немкой. Ни к чему не притронулась, только жевала яблоки. Считала, что организму не

хватает железа. Посидела несколько минут и засобиралась в свой кардиоцентр.

После сцены нежного прощания в дверях Стасик вернулся в кухню.

– Пойдем, покажу квартиру.

Четыре комнаты. Импортная мебель, ковры, люстры, картины. Все дорогое, изящное. Стены увешаны фотографиями: Стасик на сцене театра, Стасик на киносъёмках, Стасик среди известных актеров, рядом с грудастой блондой.

– Бездарна, но в постели – такая лялька! – вырвалось у него.

– Ты с ней спал? – удивился я.

– Ну, спал – это сильно сказано. Так, прилегли разок.

Я не узнавал брата. Кажется, он это уловил, и сменил тему.

– Вышел фильм с моим участием. Смотрел?

Стасик снова сыграл журналиста. Модное пальто, шарф через плечо. Приметы столичной штучки. Не знаю, я обычно одеваюсь так, чтобы никого не раздражать своим видом. Мне нужен контакт с людьми. А шарф через плечо – это раздражитель.

В общем-то, можно и в таком прикиде показать характер. Но характера не было. Была зажатость, торопливое проговаривание текста, выдающее неуверенность в себе. Похоже, Стасик боялся камеры. Это бывает с театральными актерами. Но он и на сцене, бывало, тараторил.

Я знаю, что откровенная оценка, почти всегда – критика.

Иногда даже больше – нападение. Кому это понравится? Поэтому молчал. Соображал, как бы выразиться мягче.

Промедление с ответом все сказало брату. Лицо его померкло.

– Не нравится тебе моя игра. Не любишь ты меня.

Это я-то его не люблю! Презирая себя за лицемерие, я дал задний ход.

– Создается впечатление, что из твоей роли вырезали самое интересное.

– Это заметно? – осторожно просиял Стасик.

Из его объяснения следовало, что в сценарии образ журналиста был ходульный. Тогда он сам переписал ряд сцен и диалогов. Но самолюбивый сценарист устроил скандал. Пришлось блюсти его примитивный текст.

– Ничего, я еще свое возьму, – пообещал Стасик. – Не в актерстве, так в драматургии. Надо только перебраться в Москву. В Питере можно похоронить себя заживо.

Стасик сказал, что прочел мою заметку «Мечта моя – тюрьма». Содержание не показалось ему интересным, а вот название понравилось. Годится для фильма. Хорошая приманка для зрителя.

Вечером брат был на сцене, я – в седьмом ряду партера. Стасик говорил несколько слов и скрывался за кулисами. Я ерзал в кресле. Почему он не уйдет из этого замечательного театра? Семь лет ждет своего часа! Зачем?

Главреж по прозвищу Мэтр делал ставку на корифеев и

затирал молодых, не давал им раскрыться. Но Стасика журналисты все же выделяли. После спектакля к нему в гримерную впорхнула девица из ленинградской молодежи «Смена». Спросила, включив диктофон:

– Станислав Леонтьевич, в вашей последней кинороли вы снова журналист!

– О, я сыграл уже целую редакцию, – с досадой отозвался Стасик, стирая с лица грим.

– Используют ваш стереотип: умное, одухотворенное лицо, – польстила девица. – Говорят, вы еще в детстве решили стать актером.

– Мне было 8 лет, когда в наш провинциальный город приехал цирк-шапито. И я обезумел от этого чуда. Смотрел на артистов, как на волшебников. А они эксплуатировали мой восторг. Таскал им костюмы, бегал в магазин за водкой.

Глаза у девушки стали квадратными.

– Вы это всерьез? Разве восьмилетним продавали водку?

– Такое время было, – не моргнув глазом, подтвердил Стасик. – Но скоро цирк уехал. Жизнь потеряла всякий смысл. Тогда я для храбрости подговорил приятеля, мы поехали в Свердловск, в цирковое училище. Но нас сняли с поезда и хорошенько выпороли.

– Для храбрости подговорил? – озадаченно повторила за ним девчушка. – Вы ж так его подставили. Ему–то зачем было бежать? А кто снял? Кто выпорол?

– Сняла милиция, а выпорол отец.

– Отец выпорол восьмилетнего мальчика? – вытаращилась девчужка. – И заодно вашего приятеля? Вы хотели поступить в цирковое училище в восемь лет? Это какая-то актерская байка, Станислав Леонтьевич? Я читала что-то вроде того в одном из интервью Феллини. Он тоже бредил цирком, сбегал из дома.

– А чего ты хочешь, милочка? У актера не должно быть благополучной биографии, – отвечал Стасик.

Даже мне трудно было понять, всерьез он говорит, или дуру валяет. Вся жизнь восьмилетнего Стасика проходила на моих глазах. Не был он сорванцом. Никуда не сбегал, никто его не порол, и водку покупать он не мог. Художественный свист.

После спектакля Стасик кому-то позвонил и объявил, что нас ждут.

– Ее зовут Феня. Она важная персона в нашем театре. Ищет интересные пьесы, смотрит новичков-актеров. Мы с ней большие друзья.

Старая ленинградская квартира, громоздкая мебель, уставленный вкусностями круглый стол. Пухленькая Фенечка с ложбиночкой на кончике носа, в толстом домашнем халате. Ее подруга по прозвищу Крошка, удивительно похожая габаритами на Золушку.

– А где муж? – тихонько спрашиваю Стасика.

– На гастролях. В репертуаре он почти не занят. Довольно бездарный парень.

Я уже привык к оценкам Стасика. Бездарным был руководитель его курса в школе-студии МХАТ. И даже с очаровательной сокурсницей брат развелся, вроде бы из-за ее бездарности.

Еще не сели за стол, а Крошка уже попросила налить ей водки.

Стасик шутливо ее отчитал:

– Грубишь, Крошечка! Надо говорить водочка, закусочка, огурчик, салатик, хлебушек, колбаска, лучок. А на столе у нас что стоит? Кушанье.

Стасик балагурил, рассказывал анекдоты, говорил ласковые слова. Его можно было любить только за это – за веселость и ласковость.

– Сисястье мое! – тихонько шепнул он Фене, лаская взглядом ее пышный бюст.

Крошка не выпускала изо рта сигарету. Эту манеру есть и курить одновременно я видел впервые. Сев за стол напротив, я тут же ощутил на своей ноге ее увесистую ступню. Я подумал, что она перепутала меня со Стасиком. Убрал свою ступню, она нашарила ее снова.

Излюбленная тема актеров – их замечательная работа, называемая почему-то службой. Понятно, что приходится играть даже при высокой температуре, беспрекословно подчиняться главному режиссеру. Но, на мой взгляд, служат все же там, где официально присягают. В полиции, армии, медицине, в пожарной команде. Ну, может, еще в дипломатии. В

актерстве же служат почти исключительно своим амбициями и тщеславию. Своей самовлюбленности, самолюбованию, славолюбию. Но если смотреть в глаза правде, разве не то же самое встречается в журналистике?

Оказалось, Крошка (как и Феня) театровед, но пишет пьесы. Правда, ни одна еще не принята к постановке, но это не беда. Зато она знает свое ремесло до тонкостей и может выступать в роли методиста.

– Ребята, вы на правильном пути. Тема любви – беспрюг-рышная. А если еще написано хорошо... Не надо стесняться в самовыражении, и все получится. Только я до сих пор не могу понять. На каком жанре вы остановились? Что это будет? Мелодрама? Драма? Неужто трагедия?

– Мы еще не решили, – отозвался Стасик, переглядываясь с Феней.

– Не опуститесь до счастливого конца, – поучала Крошка. – Хэппи энд – американская пошлость. Наш зритель любит, когда концовка выворачивает его наизнанку. Могу поделиться идеей. Знаете такое выражение: трагедию любви познает лишь тот, кто изменяет. Парадокс? Парадокс. Но если вдуматься...

Стасик поднял брови и налил Крошке водки по самый краешек. Феня тоже изобразила удивление.

Крошка не могла одновременно есть, курить, высказывать умные мысли и заниматься чьими-то ногами. Она прекратила есть и сказала мне.

– Может, сразу на «ты»? Чего тянуть?

Я озадаченно молчал.

– Юра, твой брат – большой талант, – объявила мне Крошка.

– Брателло так не считает, – сказал Стасик.

– А что он считает? – строго спросила Крошка, пыхнув мне в лицо дымом.

– Он считает, что у меня, по Фрейду, всего лишь большая уверенность в себе. Я был в семье любимцем. А любимцы верят в успех и удачу несмотря ни на что. И в конце концов добиваются своего, – объяснил Стасик.

– Юра, – строго сказала мне Крошка, все сильнее наступая на ногу. – Твой брат талантлив во всем. Помимо актерской работы он сочиняет сценарий фильма. Фенечка ему помогает. С самих себя пишут ребята. По-моему, у них классно получается. Что тебе еще надо?

Феня выразительно глянула на подругу. Мол, не болтай лишнего. И принялась за обжаренные ребрышки. Говорят, одухотворенность человека особенно бросается в глаза, когда он с аппетитом ест. Точно.

Крошка зажгла новую сигарету от окурка.

– Бросьте, ребята. Драматург чаще всего пишет с себя. А посему должен быть и ангелом и дьяволом. Просто обязан. Самый лучший герой – грешный симпатяга.

Выпив еще две рюмки подряд, Крошка полезла мне ступней под штанину. Я подобрал ногу. Она начала ее искать и

наткнулась на ногу Стасика. Брат невозмутимо предостерег:

– Крошечка, это я.

– Фенечка, расскажи, как вы со Стасиком познакомились, – попросила Крошка.

– Прекрати! – одёрнула ее Феня.

Но фонтан у Крошки не закрывался.

– Стасик работал в другом театре. Фенечке поручили посмотреть его. Но в назначенное время она не пришла. Не хотела, чтобы Стасик получил роль, которая предназначалась Игорьку, ее мужу. Но Стасик – парень настырный. Он все же пробился в этот театр и наказал Фенечку – влюбил ее в себя.

Мне отчего-то стало жаль Полину. Стасик взглянул на часы и предложил выйти покурить. Мы оказались на лестничной площадке.

– Ты не возражаешь, если я задержусь на часок? А вы пока прогуляетесь с Крошкой.

Как отказать брату?

– Стасик, налей мне водочки на посошок, – попросила Крошка.

Ей надо было выпить для куража. Это читалось в ее глазах.

Крошка жила в соседнем доме. Как и следовало ожидать, позвала на чашечку кофе. Я не отказался. Надо же где-то скоротать время. Комната Крошки в бордовых тонах заставлена старинной венской мебелью, стены в гобеленах, воздух пропитан табаком. Полкомнаты занимала широкая постель.

– Их ребенок зачат и вынашивается здесь, – объявила она. Я оторопел.

– Какой ребенок?

– Феня не хочет детей. Дети ее раздражают. И Стасику дети не нужны. Они в шутку называют своим общим ребенком киносценарий.

– Бога не боишься, Крошка?

– Бог бабье товарищество прощает.

Крошка выпустила струи дыма из ноздрей, подошла вплотную, вжалась своими подушками, заглянула азартно в глаза, выдохнула жарко:

– Ну, чего ты? Если сомневаешься, то напрасно. Все будет хорошо.

Я непоколебимо сел за стол под абажуром. Крошка своими габаритами была абсолютно не в моем вкусе. Несколько секунд мы напряженно молчали.

– Твой брат, конечно, талант, – сказала Крошка, продолжая разговор. – Он умеет производить впечатление. Его трудно уличить в неискренности. В жизни он еще убедительней, чем на сцене. Его амплуа – очень порядочный человек. А у тебя к нему, я смотрю, прямо отцовское отношение.

Лучше сказать, долгое время жизнь Стасика была моим личным делом. Братская любовь – это ведь, прежде всего, забота. Вот я и заботился, чтобы Стасик стал большим актером. Помог ему попасть в один из лучших провинциальных театров. Зритель его любил, пылко, искреннего, чистого.

Но спустя несколько лет Стасику захотелось подняться выше. И он переехал сюда, в Питер, пробился в лучший театр страны. Но увы, за семь лет не сыграл ни одной большой роли.

– Не переживай, – сказала Крошка. – У Стасика есть еще и талант самоутешения. У него кругом зацепочки: на «Ленфильме», на радио, на телевидении. Он умеет дружить, зарабатывает на равных с нашими корифеями.

Крошка хотела утешить, а на самом деле только еще больше озадачила. Настоящий талант не должен размениваться на хорошие заработки. Это принижает и унижает. Все эти зацепки и полезные дружбочки – для талантов мелких и средних. Настоящему таланту полагается страдать и ждать своего часа, и когда этот час настанет, показать себя во всей своей не растроченной на мелочи силе. Но это теория. Наверно, возможны исключения. Есть таланты, которые не портит никакая халтура.

Крошка сделала последнюю попытку.

– Ну, так что? У нас есть еще минут двадцать.

Я покачал головой.

– Напрасно, – сказала Крошка. – Все равно будет считаться, что мы время зря не теряли.

Она записала мой телефон. Будет в Москве – обязательно звякнет. А она непременно приедет. Привезет знакомому режиссеру свою пьесу. И эта пьеса будет для меня большим сюрпризом.

Глава 12

Я дождался Стасика у дома. Потом мы заехали в цветочный киоск, Стасик купил букет роз. Вернулись далеко за полночь. В окне горел свет. Но когда вошли в квартиру, Полина вышла из спальни, запахиваясь в халатик и позевывая, делая вид, что спала. Спросила как бы равнодушно, где мы, мальчишки, шлялись?

– Смотрели, как разводят мосты, – сказал Стасик, протягивая цветы.

Полина ткнулась носом в розы. Положила руки мужу на плечи, принюхалась.

– Коньяк, салат оливье, сигареты «Кент», духи «Палома Пикассо».

Нас ждал накрытый стол. Полина привычно села мужу на колени.

– Выпьем за славу. Ты ведь жаждешь славы, брат мой, – сказал я.

Стасик живо подхватил:

– Поэт сказал, быть знаменитым некрасиво?! Какое глупое кокетство! Быть знаменитым сладко! А разве ты не хочешь славы, брат мой единоутробный? Правда, она у тебя уже есть.

Я сказал, что у журналистов бывает только некоторая известность.

Выпив, Полина предрекла:

– Скоро вы будете в полном шоколаде, мальчики.

– Полечка, прекрати! – запротестовал Стасик. – Почему только мы? Ты ж такой специалист! Твоими пациентами будут богатые люди. – Стасик несколько раз чмокнул жену в щечку. – Дружочек мой единственный, неповторимый. Родныш мой.

– Каков лицедей, – Полина ткнула мужа пальчиком в нос. – Вот ведь вижу, что дуркует, а слушать приятно. Талант.

Похоже, она понимала, что у Стасика кто-то есть на стороне, но в отличие от Веры ничего не выясняла. Не хотела смотреть правде в глаза. Когда знаешь всю правду, то с ней нужно что-то делать. А что в таких случаях делают люди?

Конечно, она боится потерять Стасика. А Вера? Разве она не боится потерять меня? Хотя бы из-за детей? Конечно, боится. Зачем же изображает бесстрашие?

Стасик пошел в душ. Полина достала из холодильника бутылку кефира. Налила себе.

– Хочешь? – спросила.

– Хочу.

Она налила мне. Спросила с горькой усмешкой:

– И как тебе ночной Питер? Как тебе мосты?

Я молча выпил кефир и пошел спать.

Но быстро уснуть не получалось. Стасик стал все чаще преувеличивать достоинства своей актерской игры и пре-

уменьшать успехи других. Значит, завидовал другим и врал себе. Это видно мне и это видно Полине. Но я завтра уеду, а она останется. Она живет с этим каждый день. Он врет – она делает вид, что не замечает. Это не может длиться бесконечно. Полина сказала Стасику, что он дуркует, наверняка не впервые. Значит, это уже началось. Рано или поздно она скажет ему все, что о нем думает. А он этого ей не простит.

Он уже пишет сценарий, где главный герой изменяет любимой жене. В этом и есть его непростение. Но неужели брат не понимает, какую заваривает кашу?

Я знал историю их отношений. Когда-то они вместе занимались в актерской студии для школьников. Чистые, романтические девочки и мальчики. Они молились на местных корифеев сцены. Хрусталики в их глазах были увеличительными стеклами. Их студию вел некий Бурлюк, слегка смахивавший на Маяковского, только в полтора раза ниже ростом. На гастролях он дрых однажды, бухой, прямо на земле. Театральный автобус покалечил ему лицо. Это было божье наказание за девятиклассницу Полину. Девушка несколько лет приходила в себя. Потом стала переписываться со Стасиком. Брат вернул ей веру в мужское благородство. И вот теперь... А что теперь? А ничего. Я уезжал из Питера, уверенный, что ничего страшного не произойдет. Феня – женщина для тела и для дела. А Полина для Стасика – святое.

Глава 13

Дома я усадил Женю за пишущую машинку и пытался диктовать материал о фашиках. Но такая манера работы оказалась не по мне. Навыка не хватало, а скорее всего – таланта.

Дочь была рада возможности просто поболтать. У нее накопились вопросы.

– Папка, почему у тебя своя комната, а у мамы – своя?

– Спать вместе негигиенично.

– Все человечество спит вместе. А ты не охладел к маме?

– Ну, допустим, охладел. Дальше что?

– Папка, погоди, не заводишь. Кто-то из вас обязан отвечать на такие вопросы. Мама не хочет.

– И я не буду. Женя, это уже слишком. Родители не обязаны отчитываться перед своими детьми.

– Папка! – воскликнула Женя. – Просто я боюсь, что выйду замуж и разлюблю мужа. Выйду за другого и тоже разлюблю. Я-то ладно, а каково будет моим детям? Я хочу понять, что нужно сделать для того, чтобы этого не было. Чтобы это на мне закончилось, понимаешь?

Я недоверчиво смотрел на дочь. Ой, хитрит девочка! Но в глазах Жени читалась боль. Мне стало неловко.

– Ты задала очень трудный вопрос. Потом договорим.

– Терпеть не могу это твое «потом», – разозлилась Же-

ня. – Можешь ты хоть раз поговорить с дочерью как следует?!

Я принял позу внимательного слушателя.

– И как только ты вызываешь людей на откровенность?! – все еще обижено пыхтела Женька.

– Угомонись и излагай.

– Почему ты разлюбил маму? Может, ты вообще ее не любил? Если так, то зачем женился?

Кажется, у дочери появился некто, кого она всерьез рассматривает в качестве будущего мужа. Она считает, что над ней тяготеет моя дурная наследственность. Она боится совершить ошибку. Повод серьезный. Но как всерьез отвечать на эти вопросы? Это ж все равно, что раздеться.

– Женя, давай как-нибудь потом, – попросил я.

Всю ночь я печатал текст очерка указательным пальцем левой руки. Утром двенадцать страниц легли на стол Сыру. Он сделал несколько поправок и зачеркнул заголовок «Насморк». Ход моих рассуждений был ему понятен. Но он не мог согласиться, что наш доморощенный фашизм – политический насморк.

Я сам понимал, что материал получился хлесткий, но поверхностный. Но копать глубоко означало вольно или невольно ставить немцев выше. Помнится, еще Толстой возмущался, что Вагнером бредит вся наша элита, включая великих князей. Слушали концерты с фантазиями безумного немца пять часов кряду. А идея дранга нах остен принад-

лежала вовсе не Гитлеру. На Россию немцы начали облизываться еще при Бисмарке, едва слившись в единое государство, и почти сходу полезли в Первую мировую во все стороны. Еще при «отце народов» вкпб была переименована в кпсс. Разве не странно, почему это сс не коробило слух большого знатока русского языка? К 70-м годам наша ненависть настолько улетучилась, что мы ударились в любование врагом. Достаточно вспомнить некоторые фильмы с щеголеватыми и симпатичными эсэсовцами. Что говорить, даже слово-прозвище «фашики» было неточным. Правильнее называть их нациками.

Короче, это была неудача, провал. Я чувствовал себя бездарным и выдохшимся. Сыр это понял.

– Кажется, я вас заездил. У вас два неиспользованных отпусков. Смотрите за границу. Туда, где не были.

Я рассмеялся. А я везде не был. И даже не тянет. Понимаю, что после возвращения еще тяжелее будет жить в родном отечестве. Хотя... Было на земле место, где я мечтал побывать – знаменитый карнавал в Бразилии. Но туда лёта почти двое суток, да обратно столько же. К тому же карнавал в ближайшие месяцы не ожидается.

– Я бы съездил в «Айвазовский».

Это был крымский санаторий Верховного Совета для особо важных партийных вельмож. Знал: отдохнуть там – все равно, что побывать в раю.

– Вообще-то, не по чину, – шутливо проворчал Сыр. – Но

какие сейчас чины? Будет вам «Айвазовский». Проваливайтесь!

Я направился к двери кабинета. Сыр остановил меня на полпути вопросом.

– Юрий, как вы думаете, я – совок?

Сыр в себе что-то рассматривает, что-то открывает, а другие должны выступать экспертами. Но отвечать ему нужно откровенно. Иначе перестанет доверять.

– Вы всем совкам совок, Виталий Андреевич.

Сыр поднялся из-за стола, сделал проходку по кабинету на своих коротких, кривых ногах. У него только лицо, выраженное в долгом начальствовании, выглядело породисто.

– К стыду своему, я только сейчас понимаю, – говорит он, – что совок – вовсе не продукт советского времени. Все наоборот. Весь наш социализм, вся его психология – продукт того, что сидело в нашем народе столетиями. Все его достоинства недостатков и недостатки достоинств. Вы так не считаете? – спрашивает он, заметив, что мои глаза не выражают согласия.

– Какое это уже имеет значение?

– Как какое?! – возмущается Сыр. – Значит, и капитализм у нас будет совковый! Вот ведь в чем ужас. Меняем шило на мыло!

Он зажег спичкой сигарету.

– Пора на дачу, поливать огурцы. Только кто еще будет вас так баловать? Ладно, проваливайтесь в «Айвазовский», не

мешайте мне работать.

– А я-то думала, чего вдруг ты летом отпуск не отгулял, – говорила Вера за ужином. – Решил, значит, без Дениса съездить? Но тебе и сейчас ничто не мешает взять его. Все равно он еще неделю на справке.

Я поперхнулся. Вермишель по-флотски попала в дыхательное горло. Прокашлялся и соврал, что еду на две недели.

– Вот и хорошо, – сказала жена. – Денис окончательно выздоровеет. Крымский воздух очень полезительный. (Меня передернуло от этого слова) – И довинтила свою мысль. – А если считаешь, что отрывать его от школы на две недели – это слишком, то можешь вернуться через неделю.

Я тоскливо молчал.

– Итак, ты берешь с собой Дениса, – решительно сказала жена.

– Нет, Вера, – твердо сказал я. – Денис будет ходить в свою любимую школу.

Глава 14

На вокзале в Симферополе меня (согласно еще не отмененному советскому порядку) встретила черная «волга». Через полчаса машина въезжала в Алушту. Еще минут через десять – в санаторий.

Поселился в одноместном люксе. Привел себя в порядок и вышел в холл. Двое пенсионеров играли в огромные напольные шахматы. Две старушки сидели в креслах и смотрели на море. Меня предупреждали, что в октябре сюда съезжается одно старичье. Не беда, зато отосплюсь, приведу в порядок нервы.

Внизу шумел прибой. Я спустился в лифте. Прошелся по берегу. Под ногами перекатывалась разнокалиберная галька. Ветер был свежий, слегка штормило. Опустил пальцы в воду – почему я не «морж»?

А что если перед обедом поплавать в бассейне? Мне понравилась эта мысль. Бассейн с 50-метровыми дорожками. И вода не холодная, не теплая. Нормальная. И народу совсем немного. Опять-таки пенсионеры. Разрезаю и снимаю гипс. В морской воде быстрее заживет. Проплыв из конца в конец бассейна пару раз, ложусь на спину, закрываю глаза и замираю. Все будет хорошо. Принимаю горячий душ, мою шампунем голову, высушиваю волосы, смотрю на себя в зеркало. Ну вот, совсем другой товарный вид.

Я ничего не предчувствовал, но почему-то прихорашивался, сам удивляясь, зачем это делаю. Раньше со мной такого не бывало.

Надев костюм, иду в столовую. Метрдотель предлагает столик на выбор. Сажусь, изучаю меню. Неожиданно слышатся женские голоса. В столовую входят Надя и Золушка. Вот и объяснение. Это почти сон наяву. Подхожу к их столу. Надя цветет. Золушка смотрит взглядом ботаника, изучающего бабочку.

Иду в магазин. Фрукты, сладости, шампанское, коньяк. Еще не выпил ни глотка, а в голове уже бродит хмель. Не хватает только цветов, но где их сейчас купишь? В крайнем случае, сорву с клумбы. Жизнь налаживается. Убираю с ночного столика таблетки снотворного. Теперь не понадобятся.

Танцевальный вечер. Крутят в основном старые вальсы и танго. Надя неотразима. В таких платьях ходят на банкеты. Если надела, значит, для меня. У нее аппетитная талия с тонким жирком. Бравый старичок с орденом Красной Звезды галантно перехватывает ее. Потом приходится спасать от других орденосцев. Зато следующий наш танец уже не столько танец, сколько беззастенчивые объятия. Ее тело даже в одежде роскошно. А она безошибочно чувствует то, что особенно подкупает порядочных женщин – неизбалованность мужчины.

Когда мы пришли в номер, я начал опережать события. Но Надя дала понять, что у нас все впереди, и я сбавил обо-

роты. Сидя в лоджии с видом на море, мы болтали о том о сем. Ночь была теплая. Стояла полная луна. Стрекотали цикады. Из темноты доносился говор и смех. Надя встала и подошла к перилам. Я поднялся следом. Теперь мы касались друг друга плечами. Я обнял ее и медленно повернул к себе. Она не сопротивлялась. Первое, что ощутил я, целуя ее, это сладковатый запах табака. В остальном все было нормально. Губы ее были вкусными и не изощренными. Через минуту мне казалось, что она тосковала по мне целую вечность.

Но тут часто-часто зазвонил телефон. Я оторвался от Нади. Черт подери, кажется, межгород. Телефонистка сказала, что будем говорить с Москвой. В трубке затрещало, послышался голос Жени:

– Папка, здравствуй. У тебя все хорошо? А у нас беда. Дениска вчера пропал.

– Что значит пропал? В милицию заявили?

– Ой, папка! – с досадой воскликнула Женя. – Ты будто не знаешь нашу милицию. Говорят, к утру придет, никуда не денется. Но утро давно прошло, а его нет. Приезжай!

– Утром приеду, – я с досадой положил трубку.

Я сказал Наде, что произошло.

– Сочувствую, – сказала Надя. И добавила, направляясь к двери. – Как-то многовато недоразумений.

– Ты меня бросаешь? – вырвалось у меня.

Надя усмехнулась:

– Я тебя еще не взяла, чтобы бросать.

Дверь за ней бесшумно закрылась. Может, в постели она лучше, с надеждой подумалось мне.

Глава 15

Никогда не пью в самолете. Но на этот раз купил в аэропорту Симферополя плоскую бутылку коньяка, и первый глоток сделал еще до взлета. Не верилось, что с Денисом что-то может случиться. Не сама ли Вера вольно или невольно устроила это домашнее чепэ? Вынудила сына изобразить уход из дома. Но от этого предположения легче не стало. Если твой ребенок ушел из дома – это плохо. Это очень плохо, хуже просто некуда. По себе знаю.

Уличные дружки проболтались, где может скрываться Денис. Мы отправились по указанному адресу.

– Ты должен его вздуть, – нервно внушала Вера. – Дай ему почувствовать твою руку.

Мне еще не приходилось бить сына. Не было ни повода, ни убеждения, что это может дать ожидаемый результат. Уж как меня порол отец, а чего добился? Если есть во мне, что-то стоящее, то вовсе не от порки.

Долго звонили в квартиру, никто не открывал. Наконец, в дверях нарисовался Денис. Неумытое, заспанное лицо, всклокоченные волосы. Всюду беспорядок, запах старых вещей, немытого тела, табака, водки. В кухне – ни крошки.

– Марш домой! – скомандовала Вера.

– Щас, разогнался, – процедил Денис.

Вера выразительно смотрела на меня. Мол, скажи свое

веское слово.

– Давай домой, – сказал я.

Денис ответил мне тяжелым взглядом.

В глазах Веры я читал: мы, кажется, о чем-то договаривались? Я повысил голос.

– Давай быстро домой!

Сын сидел на грязной тахте и не двигался с места.

– Тебе нравится этот притон? Тебе не нравится твой дом? – накаляясь, спрашивал я.

– У меня нет дома, – ответил Денис.

– Что ты несёшь? Дома у него нет! – Вера схватила его за шиворот, но он вывернулся с искаженным от злости лицом.

– Ну! – выдохнула Вера, глядя на меня.

Я вlepил сыну затрещину, потом другую.

– Отстаньте от меня! – заорал Денис.

Я схватил его и потащил к выходу. Пацан упирался изо всех сил. Тогда я потащил его волоком, пока детеныш не понял, что лучше все же идти своими ногами.

Когда страсти улеглись, и мы ужинали в кухне, Вера сказала, что боится, как бы сынок снова чего-нибудь не отчебучил. Она не хотела, чтобы я возвращался в Крым.

– Может, мне вообще уволиться и сидеть дома?

– А что тебя так тянет в этот санаторий? – прищурилась жена. – Что ты там оставил?

– Вещи.

– А может, что-то еще?

У меня было такое чувство, что Вера знает про Надю.

– Я должен вернуться, – отвечал я.

– Ты можешь быть что-то должен только своей семье, – наставительно произнесла Вера. – А вещи тебе могут прислать поездом. Я понимаю, тебя влечет. А ты не влекись. Подавляй в себе влечения. Я же подавляю. Думаешь, мне никто не нравится? Какого же ты высокого о себе мнения!

– А ты не подавляй, – нашелся я. – Раскрепостись.

Глаза у жены стали колючими, взгляд – презрительным.

– Какой же у тебя в голове бардак, Терехов! И ты хочешь, чтобы у меня был такой же бардак?

В кухню вошла Женя. Смотрела на меня осуждающе. Сказала со слезой в голосе:

– Папка, ну съезди куда-нибудь еще. Мало ли в стране других санаториев. На Ахтубу свою смотайся, порыбачь.

Мне стало окончательно ясно, откуда у Веры сведения о Наде. Дочь подошла ко мне, погладила по голове, как запуставшегося несмышленища.

Я подумал: а не съездить ли мне на любимую работу? Не попросить ли любимого редактора послать меня в какую-нибудь командировку? А отпуск отгуляю как-нибудь потом.

Глава 16

Сыр не удивился, что я в Москве. Наверно, думал, что я еще не уехал в Крым. Не удивился и тому, что я отираюсь в редакции. Как бы между прочим, поделился интересной новостью. Офицер морской пехоты вышел вслед за Ельциным из партии. Интереснейшая тема.

Я почему-то сразу догадался, что это Витя учудил. Узнав, что это мой брат, Сыр решил послать другого корреспондента. Но я тоже надумал съездить. Может, смогу что-то изменить. Совсем недавно Витя прислал мне вырезку из армейской газеты со своей фотографией. Держит в руках немецкий фугас. Участвовал в разминировании. Газета называла его героем. И вот – надо же!

Своим решением выйти из партии Виктор мог испортить себе жизнь. На какие шиши будет содержать троих детей? Военной пенсии наверняка лишат. Денежную работу едва ли найдет. А главное, где собирается жить? Стоп! У него ведь названная мать в подмосковной Коломне!

Катерина, родная сестра матери, вдова бывшего замполита Тюменского военно-инженерного училища Власова. После смерти двоих детей Витя был для них названным сыном. Власов помог Виктору поступить в училище и опекал все годы учебы. Сейчас тетка одна. Ей за восемьдесят. У нее трехкомнатная квартира. Пропадет жилплощадь, если... Неуже-

ли это выстроилось в голове брата? Как-то слишком уж позитивно. А почему нет? Но если так, то понятно, зачем он решил выйти из партии.

Звоню в Павлодар родителям. Трубку берет мама, в голосе паника и слеза.

– Юра, ты даже не представляешь, что у нас творится.

– Ты о чем, мама?

В трубке голос отца:

– Прихожу домой и смываю со спины плевки «хозяев страны». Мы им города и заводы понастроили, а они нас теперь выживают. Цены на квартиры падают. Если сейчас не продать, совсем с носом останемся. Виктор советует не тянуть. Первое время, видимо, будем жить у Катерины. Но ты знаешь, у нее семь пятниц на неделе. Если вдруг откажет, можно будет пожить первое время у тебя? Пока купим квартиру, потерпите?

Вот ведь как интересно получаются. Отец даже не спрашивает моего мнения. Стоит им срываться с насиженного места, или лучше перетерпеть. Он с Витей это решил. Но поедут они, отец и мама, не к Вите. Ко мне поедут. Я сказал, что поговорю с Верой. Главное, чтобы у нее не было возражений. Все-таки она – ответственная квартиросъемщица.

Я купил место в двухместном СВ и ехал, как король, без попутчика. Смотрел в окно и удивлялся: Россия везде Россия, что к востоку от Москвы, что к западу. Всюду по обеим сторонам дороги покосившиеся заборы, крыши в заплатках,

свалки. Но почему-то хочется смотреть и смотреть. Кажется, прав философ: русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то мила.

Но заборы не везде одинаковы. За некоторыми видны только верхушки домов или даже почти дворцов. Правильно ли мы думаем о себе. Общинники ли мы. Вот и на кладбищах всюду оградки. Во все времена, при всех строях и властях. Мертвых зачем-то огораживаем.

После войны в Германии стыдно было быть богатым. Если хотя бы приблизительно сопоставить наши девяностые с концом сороковых, то почему у нас столько бесстыжих среди безбрежного моря бедных и нищих. Хотя стоит ли очень уж осуждать богатеньких буратин, если учесть, что у нас нравственность большинства во все времена проявлялась в материальном преумножении. Жить-поживать да добра наживать – это и есть простая народная нравственность.

Вот и младшего брата, кажись, затронула эта тенденция. Захотел пожить для себя. А как же с романтикой офицерской профессии. А никак. Романтика выветрилась, если даже когда-то сидела в Вите глубоко. Ну и бог ему навстречу. Только партия тут причем. Партия и бог – не близнецы-братья.

Ныла кисть. Как же некстати я пролетел с Надей. Если верить медицине, от секса в организме вырабатываются естественные опиаты. Сколько опиатов упустил. То, что мы оказались в санатории в одно время, конечно, не совсем случай-

ность. Чего ради молодая красивая женщина поедет на юг в октябре, хоронить свой отпуск среди пенсионеров. Мысль, что Надя проявила банальную женскую хитрость, мне даже льстила. По законам природы женщина и должна выбирать себе самца.

Проводница объявила, что подъезжаем. За окном поплыли окраины Балтийска. Сразу бросилось в глаза – каждый третий прохожий – морской пехотинец в черной форме. Самое красивое здание в центре города – штаб бригады морской пехоты.

Комбригу полковнику Чешкову около сорока. Не гуливер и не качок. Метр восемьдесят пять, не больше. Простое, вчера бритое лицо, в глазах – ум и настороженность. Не любят военные прессу. Не уважают. Ну, и правильно. Я бы на его месте тоже не любил.

Я позвонил Чешкову из редакции. Прямо сказал, что хочу поговорить о брате. И вот мы сидим напротив друг друга. Присматриваемся. Оба понимаем, что разговор будет непростым. Адъютант приносит поднос с двумя чашками чая и конфетами. Чешков достает из нижнего ящика стола початую бутылку коньяка. Предлагает плеснуть в чай.

Наливаю себе один плеск. Чешков наливает в свою чашку два плеска, потом добавляет еще один. Легкая ухмылка одной щекой. И первый выпад: мой брат, в общем, неплохой человек. Просто его тяготит служба.

Это не новость для меня. Когда-то я был против офицер-

ской карьеры Виктора. Военная служба, как и работа в милиции – всегда безоговорочное подчинение, а значит, унижение. Споры с отцом и мамой по этому поводу доходили до скандалов. Но родители считали, что они лучше знают своего младшего сына.

– Разве только его тяготит служба? – спрашиваю.

– Не только, – соглашается Чешков. – Но другие не спешат с выводами, а он что-то заспешил.

Чешков хочет сказать, что наплевательское отношение власти к армии – дело временное.

– Но с вашим братом и раньше были проблемы. Вам факты? Ну, к примеру, старший по званию отдает майору Терехову распоряжение: сделайте то-то и то-то. Майор Терехов выслушивает и говорит: «А зачем?» У всех глаза – на лоб. А он стоит и спокойно ждет ответа. Представляете? Старший по званию должен перед ним объясниться, зачем он отдает приказ! Или ему велят доложить, как он выполняет приказ. В ответ майор Терехов спрашивает: «Что вы так волнуетесь? Все будет хорошо». Знаете, я такое поведение за двадцать лет службы наблюдаю впервые. И честно скажу – хренею. Не хочет и не умеет ваш брат подчиняться. Но при этом страшно любит, чтобы матросы перед ним тянулись. А если недостаточно быстро встали при его появлении, может обидеть.

Комбриг начал заводиться, закурил сигарету. Я тоже закурил, и что-то засаднило в горле.

– Во мне метр восемьдесят семь, – продолжал полков-

ник, – но я все равно немного комплекую. Чаще всего смотрю на матросов снизу вверх. А майор Терехов, под метр семьдесят, норовит погонять ребят. Может, это в стройбате проходит, но только не у нас. У нас за обидное слово могут и темную устроить, и стрельнуть. Лично я просто боюсь за вашего брата.

Чешков сделал паузу, чтобы перевести дыхание:

– Я одного не понимаю, – уже спокойнее продолжал он. – Откуда у него такой гонор? Я видел его личное дело. Смотрел его аттестат зрелости. Одни тройки. Ни одной четверки. А тройки в аттестате зрелости – это двойки с плюсом. Это значит, ни в каком направлении он не развивался. То есть не имел никаких шансов поступить в какой-нибудь вуз. Но и на завод не пошел. Поступил в военно-инженерное училище. Это каким таким чудом? Туда ведь тоже конкурс немалый. Ну, я не буду называть вам благодетеля. Вы и без меня его знаете.

Я сказал, что протекция в армии – дело обычное.

– Но и неприятие протекции у нас тоже развито, – возразил Чешков. – Однако пойдем дальше. Итак, выпускник училища Терехов. Рост сто семьдесят, вес – шестьдесят девять. Во время распределения попросился в морскую пехоту. Ему, видите ли, очень нравилась черная форма. И никто не посмел ему отказать. Виктор Терехов не подумал, что он, такой дохлый, занял место физически развитого выпускника того же училища. Понимаете, его ж нельзя брать ни на одно

серьезное дело. Он не выдержит нагрузок, рассчитанных на офицеров с другими физическими данными.

– А разминирование как будем расценивать? – спросил я.

Чешков огрел меня тяжелым взглядом, достал бутылку, плеснул себе в стакан, выпил.

– Как армейские будни. А вы хотите, чтобы я это подвигом назвал? Ладно, пусть будет подвиг. Но я и не утверждаю, что Виктор Терехов плохой человек. Я хочу только сказать, что у него есть качества, с которыми ему трудно служить. Вот он и решил уйти на гражданку. Но так решил уйти, чтобы мы у него квартиру не отобрали. Это ведь получится, что мы ему мстим, преследуем за изменившиеся политические убеждения.

– А может быть, он просто разочаровался в армии? Самоуверенность, оскорбления, грубости...

Чешков пожал литыми плечами.

– Этого добра у нас хватает. Чего вы хотите? Грубая мужская среда. На «будьте любезны» тут результата не получишь. Но причем тут партия? Что партия сделала плохого лично Виктору Терехову? Он тут сидел передо мной. И я его спрашивал: ради чего ты выходишь из партии, на что хочешь поменять армию? Какие в твоём мозгу зародились планы? В политику решил податься? В депутаты? Или подрывником к браткам? Взрывные устройства будешь им собирать? А может, ремонтировать сельхозтехнику? Но спецовка – не для твоего представления о самом себе.

Чешкову звонили, в дверь заглядывал адъютант. Некогда ему было вести со мной этот разговор. Он закончил тем, что его особенно пекло.

– Вы наверняка знаете, какая в армии напряженка с квартирами. И вот теперь на место вашего брата придет другой офицер, наверняка с женой и детьми, но жить будет в общеаге, потому как квартиру заберет и продаст беспартийный майор Терехов.

– По-вашему, было бы справедливей, если бы он сдал вам квартиру и уехал с тремя детьми в неизвестность? – сказал я.

– Справедливей было выбрать себе профессию по способностям и идти по жизни правильно. Не хитрить, не выгадывать! – ответил Чешков.

Брат по своему обыкновению вкушал. Ел медленно и долго. Жена и дети уже поужинали и легли спать, а он все вкушал. Я не сразу рассказал ему о своем визите к командиру бригады. Знал, что Виктор психанет. Так и случилось.

– Я взрослый человек, не надо меня опекать. Думаешь, если старший, то все можно?

На спинке стула висел черный мундир с майорской звездой. Эх, Витя, думал я, это ты для своих матросов майор, а для меня все тот же молокосос, из-под которого я когда-то выносил горшки.

– Ладно, не лезь в бутылку, плесни еще.

Виктор наполнил рюмки. Рука его подрагивала. Надо ж, как разнервничался.

– Давай о главном, – предложил я, когда выпили. – Что за финт с выходом из партии, можешь объяснить?

– Могу, – сказал с усмешкой брат, – но не хочу. Тебе что, за партию обидно?

– Чем детей будешь кормить?

Виктор прожевал котлету и сказал с кривой усмешкой.

– Не пропаду.

– С твоим самолюбием? Будешь без мундира, как с содранной кожей.

Виктор стряхнул пепел сигареты в тарелку:

– Я не понял, ты зачем приехал? У тебя какая задача? Помочь мне? Но я тебя не просил.

– Не хочешь дальше служить, потому что над тобой Чешков стоит, или в принципе? – терпеливо спросил я.

– Зарплата уже не та, смысла нет служить.

– Тогда причем тут партия?

– Далась тебе эта партия! – вскипел Виктор. – Почему тебе за партию больше обидно, чем за брата?

Наверно, мне обидно не столько за тебя, сколько за себя, подумал я. Я не вступал в партию по убеждениям, а ты вступил, потому что убеждений не имел. Все твои убеждения были – безбедно жить. Я, не вступая в партию, немало терял, а ты что-то имел. Раньше не вступать в партию – был риск. А для тех, кто сейчас выходит – хитрость.

Отчасти хитростью была и идея переезда родителей. На закате жизни им, ясен пень, потребуется забота и уход. А по-

могать проще, когда живешь рядом. Витя правильно рассудил. Он будет жить в Коломне по соседству с родителями. И, как младший, по народной традиции, будет заботиться о них. Все правильно. Но как эта затея осуществится практически? Тут у меня были сомнения.

Глава 17

Надя читала Эриха Фромма. Хотя и без советов специалиста должна была чувствовать, что я у нее на крючке. Кто подержал ее шелковое тело, тот уже не сорвется.

В номер вошла Золушка. Уселась в кресло, закурила и сказала, что я не приеду.

– Не кури здесь, пожалуйста, – попросила Надя.

Золушка выдвинулась в лоджию и пропела там густым баском:

– Опустела без тебя земля. Если сможешь, прилетай скорей.

В это время я тоже вышел в лоджию.

– Оппаньки! Надюша, прилетел твой сокол, – оповестила Золушка.

Надя взяла у нее сигарету и сделала жадную затяжку.

...Мы не спустились к завтраку. Утром я ходил в магазин, накупил фруктов, для себя – грецких орехов, сметаны и сырых яиц. Теперь можно было пропустить и обед.

– Ты меня замотал, – со счастливым смехом пожаловалась Надя.

В таких случаях надо отвечать комплиментом.

– Дело не столько во мне, сколько в тебе. Сколько у тебя не было мужчины? – Это прозвучало у меня не очень обидно. – Месяц?

Надя насторожилась.

– По-твоему, месяц – это много?

– Три месяца?

Надя покачала головой.

– Полгода? – удивился я. – Не верю!

Мы натянуто рассмеялись. Я разглядывал каждую деталь.

Серые глаза на редкость выразительны. Крашенные каштановые волосы выглядят естественно. Только непонятно, какого цвета они от рождения. На шее ни одной морщинки. Курит много, но зубы безукоризненно белы. Ноги не слишком длинные и не слишком короткие. Гибкая тонкая талия нерожавшей женщины. Откуда мне было знать, что у Нади двенадцатилетняя дочь? Заблуждался я и насчет возраста, считая, что Наде не больше 30. На самом деле ей было 34.

– Ты хочешь что-то понять или просто любишь? – спросила она, отслеживая мои наблюдения.

– Любуясь, хочу понять. Обычный процесс.

– Ты производишь впечатление изголодавшегося бабника.

– Так и есть, только я не бабник.

– Хорошо, что не считаешь это комплиментом. Но ты бабник. Только не надейся, что вскружишь мне голову. Со мной у тебя этот номер не пройдет.

Я сказал, что на самом деле не понимаю, зачем я ей. Вечно занятый и не очень денежный. Она сказала, что я кокетничаю. Она задирала меня каждым словом. Я решил ее поддразнить.

– Твой Кеша, наверное, облизывал тебя.

Надя развеселилась:

– Откуда ты знаешь?

– А он не говорил тебе, что в твоём имени есть что-то железнодорожное? Вслушайся: На-де-ж-да.

Глаза у Нади застыли и стали больше:

– Юра, ты шутишь так, будто мы знакомы целую вечность.

– Муж твой был человек небедный и намного старше тебя, лет этак на пятнадцать. Он тебя разбаловал, а потом безнадежно постарел, и ты его бросила. Угадал?

– И теперь рыщу по полям и лесам, ищу новую жертву. Ну и зачем ты мне в качестве трофея? Немолодой, весь в работе, в детях. – с деланным смехом закончила Надя.

– Вот и я о том же думаю.

Мы смотрели друг на друга напряженно, сознавая, что ведем крайне рискованный разговор. Кто-то должен был спасти положение.

Я привлек ее к себе. Ан нет. Надя не таяла, смотрела враждебно. Порывалась освободиться от моих объятий, но – не рьяно. Что ее держало?

Я нечаянно угадал про ее мужа. Позже я узнаю от нее: он действительно был почти на двадцать лет старше. И состоятелен – по советским меркам. Дважды лауреат Ленинской премии, в закрытом списке. Один из создателей какого-то страшного оружия. Я не мог ничего знать – ни о нем, ни о ней. Значит, я как-то вычислил. И это само по себе было для

Нади удивительно. А что удивляет, то и притягивает.

– Значит, ты богата? – констатировал я.

– Относительно.

Я горестно вздохнул.

– Значит, между нами имущественное неравенство. И вообще, ты права, как-то многовато недоразумений. Может быть, и сами отношения окажутся недоразумением. Ну, посмотрим. Будем встречаться. Мне нужна женщина, тебе нужен мужчина. А ты тем временем будешь подыскивать себе нормального мужа.

– Вот гад! – выдохнула Надя. – Знаешь, что тебя сейчас спасает? Ты циник, но не пошляк. Только это. Но почему ты такой, это даже интересно. И в этом я рано или поздно разберусь.

Конечно, глупо было бы нам разбежаться. Мы подходили друг другу в постели. А это главное.

– Встречаться у меня мы не можем, – сказала Надя. – Дочери уже двенадцать, и одного я с ней уже знакомила. Полгода назад.

– А зачем ты его приводила?

– Где-то встречаться – это не для меня. Я люблю свой дом и хочу, чтобы меня любили дома, а не в чужих постелях.

Но Золушка неожиданно заставила Надю изменить своим принципам. Великодушно предложила нам свою квартиру.

Перед отъездом в Москву, Надя сказала, что Золушка просит назвать дни недели, когда ей надо будет где-то погу-

лять.

– Давай во вторник и среду, – предложил я.

– Во вторник, среду и четверг, – поправила Надя.

Я не стал торговаться.

На Курском вокзале мы взяли такси. Надя и Золушка жили в Теплом стане. Сначала довезли меня. Я вышел конспиративно – на безопасном расстоянии от своего дома, возле Рогожского рынка. Но сработал закон подлости. Мимо проходил Денис с кучей дружков. Надя вышла из такси вместе со мной. Мы сказали друг другу еще несколько ласковых слов. Потом она подставила мне щечку. Я видел краем глаза, что нахожусь под наблюдением. Целоваться с женщиной на глазах у сына, конечно, не есть хорошо. Но дергаться тоже не стоило. Денис, хоть и дуется, матери не доложит, он не такой. Я нежно обнял Надю, думая про себя: ну, я совсем, как пешка в шахматах, хожу только вперед.

Глава 18

Семья ужинала. Меня встретила тягостная тишина. Я налил себе борща и сел за стол. Денис со мной не поздоровался, хмуро смотрел в окно. По стеклу били капли холодного дождя. Во дворе поджидали ребята. На улице сын, по его словам, ловил плюсы. А дома, надо понимать, были одни минусы. И главный минус – я. Зачем я его побил? Теперь это надолго. Может быть, на всю жизнь. На матерей так не обижаются. Что ж я последнее время так дрова ломаю?

– Как отдыхалось? – спросила Вера. – Как приехалось?

Последнее слово она сказала неспроста. Я глянул на Дениса. Неужели все-таки доложил? Сын поймал мой взгляд боковым зрением и поднялся.

– Ну, я пошел.

– В десять вечера будь дома! – приказала Вера.

Давала понять, что у них все наладилось.

Я поехал на работу. Собратья по перу встретили сообщением: банк «Мегатеп» в лице Фунтикова скупает ваучеры. Что удивительно, по хорошей цене – тысяча долларов за штуку. Но была еще одна новость, плохая: Сыр уходит.

Секретарша Нюра стояла у окна, дымила сигаретой, смахивая слезы. На мое появление отреагировала коротко. Сказала, что шеф меня спрашивал. В кабинете будто шел обыск

– Сыр разбирал бумаги.

– Может, все к лучшему? – сказал я.

В смысле, шеф разберет свой архив и начнет писать. Говорят, журналист – это писатель на скорую руку. Можно теперь писать не торопясь.

– Нет, это конец, – драматически произнес Сыр.

Я не мог согласиться с ним. Ничему не придет конец. Просто все станет другим. Когда происходят такие перемены, все какое-то время становится хуже. А потом жизнь берет свое.

– Какие к вам претензии?

– Не умею подчиняться времени. Не соглашаюсь с количеством рекламы. С сокращением сотрудников.

– А что, если мы всем кагалом вступимся за вас?

Сыр усмехнулся:

– Кагалом? Интересное слово. Зачем? Они только того и ждут. Их цель – половину редакции уволить, а остальных постепенно заменить.

Дома была одна Женя. Чмокнула меня в щеку. Доложила, что Денис снова не был в школе. А мама, как обычно, на работе. Недавно звонила, сказала, чтобы ужинали без нее, она придет поздно. А еще велела отвезти посылку к поезду. Раз в неделю Вера отправляла с проводниками в Павлодар твердокопченую колбасу, конфетные наборы и разные тряпки. Взамен получала от родителей свежие овощи, соленые огурцы и квашеную капусту.

Я прошел следом за Женей в кухню. Дочь открыла боль-

шую кастрюлю со щами, зачерпнула поварешкой. Я остано-
вил ее.

– Знаешь, что-то не хочется.

– Второго нет, мама не успела приготовить, – предупредила Женя.

Я заглянул в холодильник. Вареная колбаса, сыр, масло. Нет, с голоду я не умру.

– К нам едет тетя Люда, мамина подруга, – сообщила Женя.

– Отлично! – нервно отреагировал я.

– Будет жить недели две.

– Замечательно! – я почувствовал, что у меня задергался глаз.

– Едет не одна. Со своей подругой.

– Женечка, никогда не превращай свой дом в гостиницу.

Это у меня прозвучало, как заклинание.

– Папа, но ты же помогаешь людям, – возразила Женя.

В присутствии матери дочь всегда поддерживала меня, когда я роптал из-за частых наездов гостей. Теперь она сменила позицию.

– Ты помогаешь чужим людям, а тут свои. Как можно им отказать?

Она явно повторяла слова матери.

– Подруга подруги – это не свои, доченька. Это как раз и есть – гостиница.

Женя, ничего не ответив, принялась за щи. Варевое было

неимоверно кислое. Вера готовила хорошо, но щи ей не удавались. Дочь мужественно отправляла в рот ложку за ложкой. Я сочувственно наблюдал за этим актом преданности. Наконец, не выдержал и протянул Жене бутерброд.

– Повар должен быть в хорошем настроении, – сказала дочь, наливая себе чаю.

Я промолчал. Как с этим не согласиться.

– Лорка выходит замуж за Фунтикова, – сообщила Женя. – Я тоже, наверно, скоро выйду, – хмуро добавила она. – По-моему, у нас в доме радиация. Кровь сворачивается.

Я дожевал бутерброд, запил чаем и спросил:

– А ты за кого хочешь выскочить?

– За серьезного человека.

Женя взглянула на часы.

– Папа, тебе пора на вокзал.

Я покачал головой. Женя посмотрела на меня с ужасом, будто я совершаю святотатство.

Войдя в квартиру, Вера увидела в прихожей сумку с неотправленной посылкой и поняла, что муженёк устроил бунт. Прошла на кухню, взяла батон и направилась ко мне. Распахнула дверь в мою комнату. Я оторвался от работы. Где-то я уже видел эту фигуру и эту позу. Ах, да, в Волгограде. Скульптура Родины-матери. Только там у нее в руке не батон, а меч.

– Что тебе помешало отправить посылку? – спросила Вера, откусывая от батона.

– То же, что и тебе – работа.

– Мог бы оторваться на пару часов. Ничего бы не случилось с твоей работой.

Вера считала, что это ее квартира. А прописку я получил благодаря ее разнообразным жертвам. И поскольку жилье служебное, в случае развода на раздел рассчитывать не могу. Все останется у нее. Поэтому Веру изумляло мое поведение, а временами, как сейчас, приводило в ярость.

Глава 19

Вера чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы знала, что моя «потусторонняя» жизнь тоже складывалась непросто. Пока Надя кувыркалась со мной, Золушка должна была где-то быть и чем-то заниматься. А Золушка не любила музеи, театры, выставки и спортивные соревнования, предпочитая валяться на софе, смотреть телек и болтать по телефону. Короче, через две недели она объявила Наде, что лимит ее великодушия исчерпан.

Теперь мы встречались раз в неделю непосредственно у Нади, когда она могла отправить дочь к бабушке, то есть к своей матери. Но та жила на другом конце Москвы. Мало ли что может случиться с ребенком, пока он едет на метро. К тому же ребенок быстро смекнул, что его выпроваживают из дома вовсе не ради общения с любимой бабушкой. Дочка взбунтовалась и прямо заявила: хватит ее использовать.

Надя не выдержала и сказала мне, что у нее больше нет сил. Я тоже был на пределе, но совсем по другим причинам. Я не понимал, зачем нужно долго стоять под струями воды, когда я жду в постели. Ты что, неделю не мылась? Неужели тебе не хочется поскорее нырнуть в постельку?

Мне нравились только те минуты, когда мы занимались любовью. А потом... Потом Надя бежала под душ, но вместо того, чтобы тут же вернуться, мылась долго и нудно, а я опять

должен был ждать.

После сладкой концовки мне хотелось встать, одеться и сесть за машинку. В голову приходили мысли, надо было поскорее перенести их на бумагу. А Наде после долгого душа хотелось поваляться. И я валялся вместе с ней, изнывая от мысли, что теряю драгоценное время.

Нам бы жить семьей, в одной квартире. Когда Надя говорила, что у нее уже нет сил, это означало: хватит прятаться, давай что-то решать. Но решать я не мог и не хотел. Я все больше убеждался, что Надя, при всех ее прелестях – не совсем то, что мне нужно. А может быть, совсем не то.

Меня уже не увлекала практика в английской беглой речи. Не получалось интересного разговора даже на своем языке. Надя общалась, как это принято у москвичек. Рассказывала со всеми подробностями, как прошел день. С кем встречалась, кто что сказал, что она ответила. Она то ли не умела, то ли не хотела сокращать речь. А я, привыкший сокращать, и прежде всего самого себя, приходил в ужас: как можно столько фонтанировать ни о чем? Где свежие оценки? Где необычные впечатления? А самое главное – где мысли? Или их вообще нет?

Сбегая из дома к Наде, я сбегал от Нади к себе домой, проклиная себя за неспособность найти ту женщину, которая мне нужна. Ведь живет же она где-то и, может быть, мается с мужем, который создан совсем не для нее. Или едет сейчас в метро, в одном вагоне со мной. Иногда мне встре-

чались женщины очень даже ничего. По глазам было видно, что в принципе можно подойти и познакомиться. Но что-то мешало, скорее всего, старомодная боязнь показаться смешным. И все кончалось ничем. То ли я выходил на своей остановке, то ли она. Хотя... кто может поручиться, что это была именно она?

Глава 20

Вечером Вера вошла ко мне, прикрыла за собой дверь, опустилась в кресло, положила батон на журнальный столик. Спросила будничным тоном, что будем говорить в суде? Как объясним причину развода? Я спросил с усмешкой: уж не подала ли она заявление?

– Не подала, так подам. Это дело решенное.

– Как хочешь, так и объясняй.

– Чтобы развели без проволочек, нужно согласовать причину развода. Итак, что ты предлагаешь?

За дверью послышалось какое-то движение. Похоже, Женья оттопырила локаторы.

– Ну, можешь сказать, что тебе надоел мой храп.

– Коварно, – отреагировала Вера. – Могут потребовать запись. А ты, к сожалению, только сопишь.

– Так и быть, похраплю под запись. А еще можно сдать меня пару раз в милицию за пьяный дебош и рукоприкладство.

– Я не шучу, Терехов. Нам действительно нужно разойтись, – с напором сказала Вера.

– Тогда тебе придется всю ответственность взять на себя. Скажешь, что встретила другого человека. Этого вполне достаточно. А я скажу, что тоже встретил.

– Ну, вот и договорились, – в тоне Веры прозвучала горь-

кая решимость.

Дверь открылась, Женя вошла и села в кресло.

– Вы что, совсем ненормальные?

– Женечка, так будет лучше для всех, – сказала Вера.

– А нас с Денисом ты спросила? Мама, тебе не кажется, что ты слишком далеко заходишь?

– Твой папа, доченька, – с дрожью в голосе сказала Вера, – в своих статьях учит жить других, а сам не понимает самых простых вещей. Надо любить тех, кто любит нас. А еще он не понимает, что трудно любить того, кто тебя не любит. Но еще труднее любить, когда знаешь, кого любит твой муж. У твоего папы появилась новая надежда. Вот пусть он ее и получит по полной программе.

Только теперь я понял замысел жены. Она хочет, чтобы я ушел, вовсе не для того, чтобы ушел навсегда. Она хочет, чтобы я приполз обратно, как побитый пес, скуля и виляя хвостом. Неплохо задумано.

– Папа, ты серьезно решил уйти к этой женщине? – с возмущением спросила Женя.

Я молча покачал головой. Дочь перевела взгляд на мать: мол, ты видела?

– Ну, правильно, – с сарказмом отозвалась Вера. – Совсем уходить он боится. Нет, доченька, мне квартирант не нужен. А вам с Денисом не нужен такой отец.

Последние слова жена произнесла немного театрально.

– Ну, уж какой есть, мама, другого ведь не будет, – совсем

по-взрослому отозвалась Женя. – Или кого-нибудь приведишь?

– Иди, занимайся своими делами, – прикрикнула на нее Вера. – Не лезь в отношения родителей.

– Лезла, и буду лезть. Или вы помиритесь, или я уйду из дома. Жить в такой обстановке я не могу и не буду! – в глазах дочери стояли слезы.

В квартиру позвонили. Женя открыла. Это была Лора с тортом в руках. Подруги пошли в кухню пить чай. Вера и Денис присоединились к девчонкам. Был слышен их смех. Вера смеялась громче всех. Лора позвала меня – я отказался. Я не мог сидеть с Верой за одним столом.

Я пытался работать. Но сосредоточиться было невозможно. Вера уже не смеялась, а нервно хохотала. Что ж, ладно, отложу работу. Посмотрю телевизор. Но появились барышники. Дочь – с тортом. Лора – с початой бутылкой шампанского. Сели в кресла, молодые и красивые. Оказывается, Лора пришла за благословением. Через неделю свадьба с Фунтиковым.

Большая мастерица Лора устраивать подобные сцены. Сама себе актриса, сама режиссер. А Женя у нее на подхвате.

– Сидите тут, как в тюрьме. Сколько всего в жизни происходит мимо вас, – высказалась Лора, усаживаясь с мягкое кресло.

– Папка у нас семейный холостяк, – подыграла Женя.

Я не нашел ничего лучшего, как снисходительно выдох-

нуть:

– Ах-ах-ах! Какие мы подкованные, какие мы раскованные.

Лора появилась в нашем доме совсем пацанкой. Глядела на всех с откровенным детским любопытством. Повышенный интерес при этом бывает трудно заметить. Взрослые вообще обращают мало внимания на то, какими глазами смотрят на них дети. И часто даже не догадываются, что стоит за этим интересом.

Лора не любила свой дом, где один мамин хахаль сменял другого. Мы с Верой жалели ее и не возражали, когда Женя приглашала подружку на семейные праздники и вылазки на природу.

Общение было тесным, семейным. Когда я учил Женю танцевать вальс, Лора была тут как тут: «И меня поучите». И когда учил дочь плавать... Наблюдая с берега, Вера первая что-то увидела. После этого она стала относиться к Лоре холодно, пыталась повлиять на дочь: не сменить ли ей подружку? Женя не понимала, с чего вдруг Лора перестала нравиться маме. «Она старше тебя и может научить чему-нибудь нехорошему», – сказала Вера. – «У меня своя голова на плечах», – отвечала Женя. И Вера отстала. Но Женя поделилась с подружкой подробностями разговора с мамой. И теперь уже Лора тихо и незаметно невзлюбила Веру.

Вера считала Лору куда большим искушением, чем все женское общежитие. А я даже мысли не допускал, что между

мною и этой лолиткой может что-то возникнуть. Есть мужская заповедь: не блуди там, где работаешь и где живешь.

– Папка, как ты считаешь, кто из нас лучше? – спросила Женя.

– Конечно, ты, – сказала Лора.

– Молчи, не тебя спрашивают, – шикнула на нее Женя.

Я посмотрел на дочь. Вылитая мать, но разрез и цвет глаз – мой. Ну в некотором смысле нарцисс я, а какой отец не нарцисс?

– Обе хороши, – я посмотрел Лоре в глаза – Ну что? Уж замуж невтерпех?

– Алых парусов на моем горизонте все равно не предвидится, Юрий Леонтьевич.

Сказано было с нескрываемой, даже подчеркнутой горечью, но я пропустил мимо ушей.

– Что ж, рад за тебя.

– Нет уж, давайте, как положено, благословите.

Она подставила лоб, гладкий, розовый, прохладный. Я прикоснулся губами и неожиданно почувствовал волнение. Мне показалось, что Лора дрожит. Нет, ничего мне не показалось. У нее скривились губы и мелко-мелко задрожал подбородок

– Лорик, ты чего? – удивилась Женя.

Она первая заметила, что Лора плачет, только без слез.

Совсем как Арина... Ну и что из этого вышло? Тогда я забыл, что между нами пропасть в двадцать лет. А когда опом-

нился, было поздно...

Арина появилась в моей жизни по почте. Прислала в редакцию свои размышления о жизни, а потом пришла сама. Нельзя сказать, что красотка, но фигура рюмочкой. Она опьяняла. Хотя была закупоренная, вся в себе. У нее были размышления и взгляды на жизнь очень одинокого взрослого человека. А меня именно глубина всегда привлекает. А красота всегда под сомнением или подозрением.

В то время Вера уже уехала в Москву. Я жил в Павлодаре с Женей. Вера должна была показать себя в работе, скрывая, что у нее есть дочь. Женщин с детьми по лимиту не брали.

Я никогда не обольщал ни одну женщину. И Арины, не добивался, и ее не покорял. Она пришла сама. Держалась настороженно. Как кошка, ловила каждое мое движение. Мне было за тридцать. Я знал, что от недотрог надо держаться подальше. В этом глупость моей жизни. Знаю, что нельзя, и все же вовлекаюсь.

Через год я отвез Женю к Вере. Но прописаться в Москве не мог, вида на жительство еще не было у самой Веры. Полетел в Алма-Ату. Но пробыл там у Стасика всего неделю. После его объявления, что у Полины на меня идиосинкразия, улетел в северный городок нефтяников – Стрежевой. Выбил себе комнатку без мебели. Софу и стол сделал себе сам, в столярном цеху. Арину не звал – прилетела сама, без телеграммы.

– Неужели родители отпустили? Или сбежала?

– Что ты так волнуешься? – сказала тогда Арина. – Отца у меня, считай, нет, а маму я уговорила.

Отец у нее был, только она его презирала, называла ничтожеством. Ее ненависть меня удивляла и даже пугала. Отец жил в семье, а не где-нибудь на стороне. Образованный человек, декан факультета. Правда, здорово квасил и в подпитии куражился над женой и дочерью.

Когда Арина впервые оказалась в моей квартире, ее внимание привлекла большая фотография Жени. Теперь эта фотография висела у меня в общаге.

– Как же ты ее любишь! – вырвалось у Арины.

В ее голосе слышалась зависть и ревность.

– Тебя все еще тянет к ней?

– Чем дальше, тем больше, – сказал я.

Я мог бы сказать иначе. Чем чаще Арина возмущалась поведением отца, тем чаще я думал, как же может возненавидеть меня Женя.

Арина тогда подошла ко мне вплотную:

– А как же я?

У нее вот так же, как сейчас у Лоры, дрожал подбородок и кривились губы. Она плакала без слез. Это должно было растрогать меня. Но я почувствовал раздражение. Никто не мог занять в моем сердце место дочери. Никто. И Арина это поняла.

Через два месяца, когда нам обоим стало ясно, что ей лучше вернуться домой, она сказала мне:

– Ты ответишь за меня своей дочерью.

Я не религиозный и не суеверный человек, но мне стало нечем дышать.

– Что ты сказала? – переспросил я, чувствуя, что хочу ударить ее.

Арину мой тон не испугал.

– Ты ответишь за меня своей дочерью, – повторила она.

В жизни столько будничного и неинтересного. В этом хаосе трудно разглядеть что-то стоящее и настоящее, но пока незаметное в своем развитии. Мы обычно заняты сами собой, своим никому не интересным. Но в случае с Лорой я не был совсем уж слепым. Нет, я чего-то не видел и еще больше не мог предвидеть. Но не это главное. Главное – предыдущий опыт, по которому Лора была табу.

Женя подошла, готовая тоже заплакать, обняла подружку.

– А мы правда похожи?

Они действительно смотрелись, как родные сестры. У меня защемило сердце. Я обнял обеих.

Открылась дверь. Вере показалось подозрительным долгое отсутствие девушек. Пришла не зря – застучала мужа в странных объятиях.

– Это еще что такое?

– Любовь, мама, – отозвалась Женя. – Может, не совсем взаимная, но что делать?

Глава 21

Вера ушла на работу. Женя – к Лоре. Наконец, можно было сесть за работу. Но зазвонил телефон.

– Приветик, – сказал знакомый мальчишеский голос. – Не забыл еще? Я в Москве. Как обещалась. Могу показать.

– Что ты хочешь показать?

– Как я московских телок раздеваю. Жду тебя у памятника Пушкину.

Через двадцать минут я был на Пушкинской площади. Даша сидела под фонарем в черной шапочке, надвинутой на глаза. Рядом сидела ее подружка, тоже в черной шапочке. Когда я сел рядом, Даша тут же встала.

– Ну, что? Пошли на дело?

Я не понимал, что с ней происходит, зачем ей эта игра. Конечно, эта игра, но...это не игра. Даша всерьез хочет сесть за решетку. Наверно, ей надоело быть мамой для брата и сестренки. Надоело слышать их голодный плач, который рвет ей сердце. Она устала.

– Дашка, ну ты даёшь! – вырвалось у меня.

Эта прищепка вдруг окрысилась:

– Ты так ни хрена и не понял. Я как раз не даю и не хочу давать.

– Да понял я! Но зачем ради этого нужно садиться в тюрьму?

– Пошли, – сказала Даша. – Свидетелем будешь.

– Погоди, – сказал я. – Свидетель, который не принимает меры к задержанию преступника, расценивается, как сообщник. Я обязан буду позвать милицию.

– Нормалёк, – согласилась Даша.

– Но я никуда я с тобой не пойду, – сказал я. – Идиотизм какой-то.

– Сам ты идиот! – процедила Даша.

Я поблагодарил.

– Ладно, – смягчилась Даша. – Я на тебя зла не держу. Иди с миром, но в задницу!

– А по-человечески нельзя объяснить, что происходит? – сказал я.

Даша заплакала. Возможно, ждала, что начну утешать. Но скоро успокоилась и сказала.

– Толпа* (сноска. *Толпа – уличная компания. жарг.) приговорила меня к спиду. Решили так наказать за то, что я из пацанов дураков сделала. Поручили одному спидоносцу заразить меня. В смысле, другие будут меня держать, а он...

Я не знал, что сказать.

Был теплый осенний вечер. Но Дашу стал пробирать озноб. Она прижалась ко мне и заревела. Вот сейчас, похоже, это были настоящие слезы. Даша хлопала носом, а я лихорадочно соображал, что же делать. Честно говоря, хотелось уйти. Вот просто встать и уйти. Понятно, что девчонка решила воспользоваться моим сочувствием. Но какого черта я

должен участвовать в этой шизофрении?

Я уже отстранился от Даши, изготовился встать со скамьи. Но вспомнил о своем смутном замысле написать киношную историю. Девочка из провинции создает шайку из себе подобных метёлок. Но дальше история не развивалась. Теперь же – такое неожиданное продолжение. Девочка сама стала жертвой уличного мира. Приговаривается этим миром к страшному наказанию – заражению спидом.

Нужно не сбегать, а вовлекаться в историю. Сделать себя действующим лицом. Идея была неожиданной и разящей. Идея – вызов самому себе. Отказаться от нее было невозможно. Надо было решать, что же делать дальше, чтобы история продолжалась, была интересной и спасала бы Дашу от приговора. Но мыслей на этот счет не было. Никаких. Ни одной.

– Ну, что? Так и будем сидеть? – спросила Даша.

– Ты хочешь спастись от спида, совершив преступление. Давай подумаем, нельзя ли спастись, не совершая преступления, не садясь в тюрьму, – сказал я.

– Предлагай, если ты такой умный, – сказала Даша.

Я бросил взгляд на ее подругу. Подруга чуть помедлила и встала.

– Ладно, Дашка, я сваливаю.

– Ты чего? Ты куда? – всполошилась Даша.

– Скажу, что у тебя появился папик. Не бойся, искать тебя никто не будет. Попробуй тут найди.

– Погоди, – ошарашенно сказала Даша. – Стрёмно как-то поучается.

Она тоже встала и сказала мне:

– Ладно, извини, что так вышло. Я позвоню, расскажу, что было дальше. Извини за беспокойство.

Они пошли к метро. Я – следом. Зачем я шел? Мне надо было уехать домой. Но история... Какая история пропадала!

Я догнал их и спросил Дашу, куда теперь они?

– Поедем на Казанский вокзал. Там полно милиции. А тут... Ни одного мента еще не видели. Потерпевшим могут прийти на помощь. Еще устроят самосуд.

– Вы, наверно, есть хотите?

Они остановились.

– Не мешало бы, – сказала Даша.

На плите стояла кастрюля щей. Торт, который принесла Лора, был съеден только на две трети. Пока метелки ели, я позвонил из своей комнаты инспектору ПДН. Мне повезло. Она как раз была на дежурстве. Я в двух словах обрисовал ситуацию.

– Дикий случай, – сказала инспектор. – Не знаю, чем вам помочь. Если бы они что-то совершили, тогда я могла бы поместить их в детприёмник. А так... Мой вам совет. Отойдите в сторону, с такими крысками можно вляпаться.

– Вы подтвердите при случае, что я вам звонил? – спросил я. – Они просят, чтобы я присутствовал при ограблении. Хотят, чтобы я подтвердил, что их заставило. Чтобы не дали

срок на полную катушку. Они хотят, чтобы им дали не больше двух лет.

– Дикий случай, – снова сказала инспектор. – Ничем помочь не могу. Иногородние – не мой профиль. Извините.

Инспектор положила трубку.

Я вернулся в кухню. Метёлки выхлебали щи и теперь приканчивали торт. Смотрели настороженно: кому это я звонил? Я принялся варить себе кофе.

– А почему никого? – спросила Даша.

– Скоро придут.

А сам недоумевал: где Женя? Пора бы ей уже вернуться от Лоры.

– Не бойтесь, что подумают не то? А если мы на ночь останемся? Ляжем на полу. Это ничего?

Это был трудный вопрос.

– Вот свалились мы на вашу голову, – подытожила подруга.

К этому моменту она поняла, что у меня нет никаких видов на Дашу, и уже не пыталась отделиться.

Они переглянулись. Даша сказала:

– Мы пойдем, покурим.

Я понял, что они договорились взглядами сбежать.

В прихожей они потянулись к своим курточкам. Я сказал, что на лестничной площадке тепло. Они переглянулись и все же надели. Все ясно. Сейчас сбегут. Что ж, я сделал для Даши все, что мог. Только не сообразил, как бы сделать исто-

рию более интересной.

Они вышли. Я посмотрел в глазок. Девчонки стояли у двери. Курили. Я отпрянул от глазка. Неужели ошибся? Не сбегают. Глянул снова. Девчонок не было.

Я открыл дверь. Сверху спускалась Стелла. В глазах ее сверкало торжество.

– Какие дамы к вам ходят, Юрий Леонтьевич!

Это она спугнула метелок. И, наверно, что-то им сказала. Стелла не могла ничего не сказать. Ну, вот куда они сейчас пойдут? Что с ними будет? Внизу хлопнула входная дверь подъезда. Кто-то медленно поднимался вверх. Мы со Стеллой ждали. Это была Женя. Она шла, едва переставляя ноги. Ее лицо было бледным, в глазах стояли слезы.

– Папка, у меня сумочку вырвали прямо у подъезда, только что.

Я бросился вдогонку. Метелки могли пойти к метро. Станция «Площадь Ильича» была в ста метрах от дома. Выбежав из дома, я остановился. Глупо искать. Метелки уже уехали.

Из подъезда вышла Женя. Она плакала.

– Сколько у тебя было?

– Какая разница? Просто противно, – сказала Женя.

– Не переживай, – сказала Стелла. К Жене она относилась хорошо.

– Обидно. Какие-то две шалавы, – сокрушалась Женя, она была в шоке.

Я попросил Стеллу глазами: помалкивай, пожалуйста. Она изобразила, что будет молчать, как рыба.

Я позвонил заместителю министра внутренних дел генералу Рудневу. Не раз встречался с ним, брал интервью. Подчеркнул парадокс истории – судимая малолетка ищет защиты у ментов. Руднева это заинтересовало. Договорились, что он поручит местному отделу внутренних дел разыскать больного спидом подростка и тех, кто угрожал Даше. Поручит также транспортной милиции найти девчонок на Казанском вокзале.

Через два дня позвонила инспектор по делам несовершеннолетних. Первая мысль у меня была: неужели Денис что-то натворил?

– С вами хочет поговорить ваша подопечная. Все-таки попалась. На дзюдоисток нарвались.

У Даши был помятый вид. Мне почему-то стало смешно, чего я не мог скрыть. Метёлка совсем разобиделась. Слезы по щекам. Но меня это не трогало. В руках у нее была сумочка Жени.

– Дзюдоистки не стали писать заявление. А зря. Не мешало бы вашей метёлке посидеть, – сказала инспектор.

Я напомнил, что она как раз этого добивается. Инспектор знала о моем разговоре с генералом Рудневым.

– Так ведь пришло сообщение. Нашли того, со спидом.

Мол, угроза миновала. Я так не считал. Не спидом, так гонореей заразят. Уличные подростки соревнуются в злопа-

мятности и жестокости.

– Шли бы вы с миром, но в задницу, – грубо сказала Даша. Даже подруга ее сделала большие глаза.

Инспектор утомленно взглянула на меня:

– Ну, что вы возитесь с этой оторвой?

– Вдруг повзрослеет и станет специалистом по подростковой преступности.

– Вы серьезно? Да она просто манипулирует вами. Ну что?

Звонить дзюдоисткам?

Я взглянул на Дашу. Она сделала ручкой игривый жест.

– Звони, все равно мне больше двух лет не дадут. Да если даже трояк – переживу.

Она меня разозлила. Я попросил инспектора оставить меня с ней наедине.

Инспектор вывела подругу.

Я показал глазами на сумочку, которую Даша теребила в руках.

– Эта сумочка моей дочери.

Глаза у Даши чуть не выпали из орбит.

– Обалдеть!

– На тебе теперь два гоп-стопа. Это минимум восемь лет.

А ты выкобениваешься.

Даша опустила голову. Протянула мне вещественное доказательство:

– Заберите. Здесь все, как было. Мы только поели пару раз в буфете.

– А как я объясню, чего вдруг ухожу с твоей сумочкой?

Даша растерянно молчала. Простонала:

– Ой, в какой же я кашке!

– Дочь точно не будет заявлять, – пообещал я. – Ладно, напиши из колонии. Держи себя там.

– Угу, – пообещала Даша.

Она получила, сколько добивалась – два года. Ее отправили в рязанскую малолетку. Там она раскрутилась – чуть не задушила стукачку. Получила за покушение на убийство довесок. Ее отправили в колонию особого режима. Она была уже совершеннолетней. Так она стала самой молодой особо опасной рецидивисткой страны.

Через год я приеду в эту уникальную колонию, всю в решетках, напоминающую зоопарк. К этому времени Даша успеет подхватить туберкулез в открытой форме и стать пассивной лесбиянкой. Я попытаюсь освободить ее и еще двух женщин с той же перспективной, что и у нее – перспективой гибели.

Я презираю журналистику, первую среди сволочных профессий, но признаю ее возможности. Журналистика позволяет вовлекаться в помощь – делать что-то полезное для людей. Если журналист хотя бы изредка это не делает – он фуфло графоманское, а не профессионал.

Мне удалось освободить только одну женщину. Не Дашу. По закону подлости, наименее достойную. После этого Даша меня возненавидела. А потом, осознав, что я никак не мог

повлиять на окончательное решение, все же простила. При-
слала полстранички. Попрощалась перед этапом в колонию
для чахоточных. Для многих путь туда был в один конец...

Вера

Глава 22

Поезд из Павлодара медленно вползал под своды Казанского вокзала. Старые вагоны, невымытые окна, скрежет тормозов. После нескольких суток пути родители выходили на перрон усталые, потерянные. Я склонился к маме, прикоснулся губами к сдобной щеке.

– Эх, мама, так хочется твоих пельменей!

– Ой, Юра, – постанывая, отозвалась мать, – какая из меня теперь стряпуха? Но побалую, куда ж денусь?

Пока отец обнимался с Верой и внуками, пожаловалась:

– Квартиру отдали за бесценок. На эти деньги здесь у вас даже сарая не купить. Пилила отца: давай останемся, кому мы нужны там, в России? Так нет же, уперся: надо бежать, пока в лицо плевать не стали.

Отец первым делом пошел в ванную. Я предложил потереть спину. Он отказался. Я успел заметить, что кожа у отца обвисла. В последние годы он резко сдал. Вот стареет человек, давший тебе жизнь, а что он при этом испытывает? Какие болезни скрывает? С учетом наследственности, мне это важно знать. Стасик может запросто, по-мальчишески, спросить отца, работает у него еще машинка, или только с

перебоями. А я так не могу.

Интересно было также, что думает о том, как прожил жизнь? Говорят, человеком с возрастом меняется. Я в этом сильно сомневался. Разговора на эти темы раньше не получалось. И едва ли получится сейчас. Душевной близости, как не было, так и нет.

– Что Виктор пишет? – спросил отец, когда выпили за приезд.

Испортил Витя репутацию своему командиру. Теперь совершал подвиги терпения. Гонял полковник Чешков брата по командировкам. Но терпение побеждало месть. Увольнение из армии было не за горами.

– А как дела у Стасика? – спросил отец. – Вроде, фильм по его сценарию снимают.

– Уже, – отвечаю, – сняли.

Отец знал, как живут другие его сыновья. Они ему писали. Но он не считал излишним поинтересоваться у меня, как бы перепроверял. Теперь ему полагалось спросить, как дела у меня. Но он предложил выпить «За хозяйку дома».

Когда-то отец настаивал, чтобы я пошел по его стопам, в строители. Я немало поработал на стройке, но так и не любил это дело. Считалось, пренебрег его советом. А что выбрал? Журналистику отец не уважал. Мол, если человек ничего не производит, это не профессия. По прошествии многих лет я тоже так считаю, но «поздняк метаться».

– Как учишься? – спросила мама внука.

– Терпимо, – сказала Вера.

Мама обратилась к Жене:

– А ты, внученька?

– А я, бабушка, буду переводчицей.

– А почему не учительницей?

– Хочу хорошо зарабатывать. Буду мужа кормить, – пошутила Женя.

После застолья мама прилегла, а отец вынул из чемодана потрепанную колоду. Вера его поддержала. Страсть как любила резаться в дурака. А у меня стояла работа. И вообще нет вкуса к карточной игре. Но как отказаться в такой день?

Играли каждый за себя. Отец силился запомнить все вышедшие карты. Но годы, годы... Память уже не та. Бывший преферансист бурно это переживал. А мне просто везло. Моим партнерам это надоело. Они объединились и стали заваливать меня. Сначала как бы шутейно, а потом вошли в раж. Это сопровождалось почти детским восторгом. Я повторил, что мне надо работать. У меня лежал едва начатый очерк, который надо было сдать утром.

– Вот так в картах проявляется характер, – поддела меня Вера.

– Н-да, характер у нашего Юрия непростой, – поддакнул отец.

Старик знал, что квартира записана на Веру. А это для него было важно – кто ответственный квартиросъемщик. Я не сомневался, что в мое отсутствие Вера раскроет родите-

лям мое истинное лицо, а они выразят ей свое душевное сочувствие. И это только начало. Скоро приедут братья, и тоже будут потихоньку сочувствовать.

Глава 23

Я пошел к себе. Сел за машинку и понял, что не смогу написать ни строчки. Что-то появилось в доме вместе с родителями. Это что-то называлось далеким прошлым. Перед глазами стоял перрон. Если точнее, перрон Омского вокзала много лет назад...

Мы ждем поезда из Ленинграда. Тетка Тамара и я. Ей лет двадцать тогда, мне – семь. Из вагона выходит отец. Он в шинели с погонами старшего лейтенанта. На руках у него крохотная девочка. Рядом худенькая блондинка. Отец опускает девочку на перрон и склоняется ко мне. От него пахнет табаком и чем-то кислым. Потом я понял, бражкой.

– Ну целуй папку!

Я растерянно смотрю то на отца, то на тетку.

– Леонтий, может, ты сам поцелуешь сына? – говорит Тамара.

Отец прижал меня к небритой щеке. Я отстранился.

– Сам не поцелуешь папку? – спросил отец.

Я замотал головой:

– Вы колючий.

Назвать его на «ты» у меня язык не повернулся.

– Надо же, какая цаца, – проворчал отец.

Я не знал, что означает «цаца» и не понимал, почему он называет меня в женском роде. Но почувствовал, что он

недоволен мной.

Блондинка склонилась ко мне.

– Давай знакомиться. Меня зовут Валя.

– Это теперь твоя мама, – сказал отец. – А это твоя сестренка, ее зовут Аллочка, – добавил он, ласково глядя на девочку и поглаживая ее по головке.

У мамы Вали добрые глаза и тихий, теплый голос. С первых минут она постоянно держит меня в поле зрения. Если обнимает и целует дочку, то и меня тут же привлекает к себе. За празднично накрытым столом отец снова начал требовать, чтобы я его целовал. Я снова отказался. Я не раз слышал от бабки, что «отец кровь проливает». Поэтому спросил, когда осмелел, сколько он крови пролил?

Отец насупился.

– Кто тебя научил?

– Никто, – пролепетал я.

– Сразу подозрения, обвинения. Ты, видно, не навоевался, Леонтий, – сказала бабка и ушла в кухню.

Вернулась она с рыбным пирогом. Все оживились. Пирог бабуся пекла отменно. Снова выпили. Какое-то время слышались только восторги. Но бабке было не до комплиментов. У нее набродило. И не в ее характере было терпеть.

– Семь лет не появляться! Что мешало? Не давали отпусков? Не выдавали на проезд денег? Не мог оторваться от важной работы?

Отец пропускал укоры мимо ушей и с деланным востор-

гом нахваливал пирог.

– Ой, как вкусно! Давайте еще выпьем.

– Леонтий, прекрати! – Тамара выскочила из-за стола.

Другие перестали есть. Смотрели на отца осуждающе.

Бабуся заплакала. Тамара отвела меня и Аллочку в другую комнату. Взрослым надо было поговорить. Я показал Аллочке своего коричневого плюшевого медвежонка с красным бантиком вокруг шеи и черными пуговками вместо глаз. Игрушка была сделана кустарно, но мне медвежонок казался почти живым. Как, наверное, и Аллочке. С этой минуты она уже не выпускала его из рук.

Спустя время мы вернулись к взрослым. Водка кончилась. Перешли к браге. Отец снова начал требовать, чтобы я его поцеловал. Я отказался. Отец сделал вывод, что меня плохо воспитали.

– Ты, Леонтий, говори, да не заговаривайся, – поджав губы, процедила бабка. – Или это твоя благодарность?

Валя сидела подавленная. Потом я слышал, как бабка наседала на нее.

– Ну, скажи на милость, что ему мешало приехать и забрать сына?

Валя говорила очень тихо. Я снова слышал бабку:

– Что ж ты, тихоня, слова поперек боишься сказать? Говорила? Значит, плохо говорила. Боишься одна с дитём остаться? Не боишься? Тогда не давай ему спуску. А то возомнит о себе. А главное, пить ему не давай. Ты видишь, он как нач-

нет, не может остановиться. Другой был? Не пил, что ли? Не рассказывай мне сказки! Он мужик пьющий. Просто не хотел этого показывать. А может, там у вас климат неподходящий для питья?

Отец обычно будил меня тычком. Валя боялась: если так будет продолжаться, то он и Аллочку начнет будить тычком.

– Надо же, какая цаца, – оборвал ее отец.

Бабка тихонько выговаривала ему:

– Ты Валю не притаптывай, она к этому не привычна.

Через несколько недель мама, которая по-прежнему жила в Омске подкараулила Валю на улице и начала внушать ей, что та не уживется с отцом. Мол, с ним никто не уживется. Разве что только она.

Через полгода соседка Ольга объявила Вале, что ждет от Леонтия ребенка. Валя не поверила. «Заглянул по пьяни», – в наглую интриговала соседка. – У меня ж свой дом, а у тебя? Для него свой дом – это все».

Отец не стал отрицать, что было дело. Недолго думая, Валя уехала с дочкой обратно в Ленинград. На прощанье я подарил Аллочке своего медвежонка. Узнав об этом, отец страшно разозлился. Он хотел, чтобы мишка достался его новому сыну от соседки Ольги, которого он как раз хотел назвать Мишей.

Валя написала Тамаре, что возвращалась она с Аллочкой практически в никуда. Комнату-то в коммуналке перед отъездом в Омск сдала жэку. С работы уволилась.

Ей было в то время 24 года.

Валя уехала, и отец тут же перебрался к Ольге. Бабка сказала, как отрезала:

– Юрика я тебе не отдам!

Но отец все же уговорил ее, привел меня в дом Ольги и велел называть ее мамой. Возразить я не мог. Но и мамой не назвал ни разу. Тогда отец впервые поднял на меня руку. Дал мне подзатыльник. Я заплакал. Было и больно, и обидно.

Я смотрел на Ольгу, ожидая от нее поддержки. Но видел только равнодушный, насмешливый взгляд.

Когда родился Миша, она заставляла меня выносить горшки во двор. Я отказывался. Она ставила условие – накормит только после того, как я выполню ее распоряжение. Я пожаловался отцу. Он принялся меня воспитывать. Мол, ябедничать нехорошо. Мачеха становилась еще злее. Я сбежал к Тереховым. Отец пришел за мной. Бабка категорически отказалась меня выдавать. Разгорелся скандал. Я чувствовал себя виноватым. Из-за меня столько ругани.

Я постоянно думал: почему отец такой недобрый? Что я такого сделал ему? В моем представлении все, кто сражался на войне, обязательно должны быть добрыми. Они же герои. Как может герой быть злым?

Через год после рождения сына Миши отец пришел со своими двумя чемоданами. Все Тереховы (бабка, дед, брат Геннадий, сестры Лидия и Тамара) смотрели на него, как на больного. Кажется, он не знал, как жить дальше. Он стал ху-

дочь.

Младшая Тамара сказала, что ему надо встретиться с Машей. Похоже, она послана ему самой судьбой, только он этого не понимает. Мама пришла. У нее было лицо женщины, которая переступила через свое самолюбие. На самом деле она торжествовала. Они с отцом закрылись в комнате, остальные ждали. Бабка хлопотала в кухне. Наконец, дверь открылась. Отец пытался улыбаться. Мама ничего не изображала, она была в слезах.

– Ну вот, решили сойтись, – сказала она.

Бабка накрыла на стол. Сели, выпили, женщины всплакнули. Чего в жизни не бывает.

Так в мою жизнь вернулась родная мама. В 1948 году ей шел уже 33-й год. Последние семь лет она жила без меня. Это тот срок, когда самое большое чувство может ослабнуть или даже перегореть. Наверное, ее тянули ко мне не столько муки материнской любви, сколько инерция этого чувства. Нельзя не учесть и самой главной причины – она любила отца. И, возможно, признавала за собой какую-то свою вину. Не могла бабка, при всем своем крестьянском самодурстве, совсем ни за что выгнать невестку из дома.

Родителям надо было уехать подальше от соседки Ольги...

Маме было тяжело жить в доме, где пять лет назад ей указали на дверь.

Негде было жить, а снимать квартиру – не на что.

33 процента зарплаты отец должен был ежемесячно отсылать Вале и Ольге.

Денежной работы в Омске отец не нашел. Оставался один выход – завербоваться и уехать на Север, тем более, что Север этот был не так далеко.

Так началась наша кочевая жизнь.

Глава 24

Лето. Едем на полutorке в село Муромцево. Это двести километров к северу от Омска. Даже по сибирским меркам – глушь. Отец пересаживает меня из душной кабины в кузов, но там свирепствуют слепни. Мазь не помогает. Отец надевает мне на голову сетку. Но сетка плохо пропускает воздух, трудно дышать. Я поскуливаю. В живой природе не был ни разу. И вдруг – тайга. Мама переносит тряску и жару без нытья, будто ей не привыкать.

В каком-то селе пересаживаемся на бричку. Нас везёт лошадка монгольской породы. Мерин Гнедок – служебный транспорт отца, выданный ему, как землемеру. Гнедку тяжело. Его спина, вся в крови, облеплена слепнями.

Но вот и Муромцево. Подъезжаем к деревенскому дому. Отец выгружает пожитки: два чемодана и два узла. Дворняжка по кличке Пальма, подпрыгивая, норовит лизнуть мне лицо. Отец выпрягает Гнедка и велит достать воды из колодца. Слышится мычание. Отец снимает навесной замок с дома. В сенях стоит корова.

Появляется соседка. Она, тетя Ната, присматривала за коровой. Отец знакомит ее с мамой. Потом маму – с коровой.

– Тёзка твоя, – говорит отец. – Маня. Стельная, зимой телёночек родится.

– Кошмар, – говорит мама.

Корова тоже служебная, но беречь ее нужно, как собственную. Если не дай бог околеет, придётся оплачивать ее стоимость.

Родители создают в избе уют. Мама вешает на стену гобелен «Мишки в лесу». Ставит на попа чемоданы, накрывает большой салфеткой с кружевами. Это теперь туалетный столик. Здесь мама, глядя в зеркало, будет закручивать себе бигуди, а отец – бриться опасной бритвой. Появляется кровать с панцирной сеткой. Отец вешает рядом с гобеленом подарок родственника – офицерскую саблю. Мое место – на топчане, рядом с грубо сбитым столом, где я буду готовиться к урокам.

Мама осваивает деревенскую печь. Советы даёт тетя Ната. Приносит домашний подовый хлеб, который можно есть ни с чем. Один несравненный запах чего стоит. Деревня – это вообще сплошь запахи, которых нет в городе. Запах сена, трав, лошадей и их помета, коров и их лепешек, навоза, нутра дома... Принюхиваюсь. Нет, все-таки колбасы Гнедка пахнут лучше, чем лепешки Мани.

Отец кормит Гнедка горстью овса. Даёт еще попить и уходит по своим делам. Я забираюсь на сеновал. Оттуда видно, что изба наша стоит на окраине, рядом с речкой Тара. На другом берегу Тары сплошной темно-зеленой стеной стоит тайга.

Ужасно тянет проехаться на Гнедке верхом. Но у отца нет седла. Вижу, местные пацаны гоняют без седел. Задабриваю

мерина. Кормлю его излюбленным лакомством – хлебом с солью. Самостоятельно снимаю и надеваю уздечку. Подвожу к изгороди. Взбираюсь на него. Он делает легкое движение, и я сваливаюсь с его круглой спины. Но тут же взбираюсь снова.

Четверо мальчишек моют лошадей в Таре. Все рыжие и конопатые. Все курят махру-самосад и матерятся через слово. Это сыновья главного конюха. Конюшня в Муромцево что-то вроде гаража. Там лошади, на которых ездят (на бричках) местные чиновники. Отец тоже должен каждый вечер ставить Гнедка в этом «гараже». Но мы живём на окраине, а конюшня в центре села.

После рабочего дня усталый отец отводит мерина на соседнее поле, стреноживает, вешает на шею колокольчик и привязывает длинной веревкой к забитому в землю колу. Отец, конечно, рискует. Гнедок может вырвать кол и убежать. Но это не беда, найдётся. А вот волки... Здесь они, говорят, двухметровые.

Отец разрешает мне заниматься меринком, только предупреждает:

– Будь осторожней. Каждая лошадь мечтает убить своего ездока.

Не знаю, с чего он это взял, но Гнедок, кастрированный и потому обиженный судьбой конь, точно был злюка.

Я сам отвожу его в поле, вешаю на шею колокольчик, обвязываю веревкой, стреноживаю, вбиваю кол. Гнедок теперь

не только моё удовольствие, но и тревога. Вдруг вырвет кол и затеряется в высокой конопле. Так однажды случается. Ранним утром я долго ищу его в конопле в мой рост. Кричу, зову, уже отчаиваюсь найти, плачу, наконец, слышу звон колокольчика. «Кол надо лучше вбивать», – ворчит отец, но так – для порядка, на самом деле не очень сердит, хотя опоздал на работу.

В Омске я был хорошистом. Учусь без троек и в Муромцево. Отец любит расписываться в моем дневнике. Он вообще любит свою подпись, постоянно совершенствует ее на бумаге. А я люблю давать дневник на подпись. В этом смысле жизнь в Муромцево – лучшая часть моего детства. Здесь мои самые лучшие сельские учителя. Здесь я успеваю по всем предметам. А хорошая успеваемость, как я пойму позже, это и более-менее спокойная жизнь в семье.

Но кое-что меня напрягает. Мама шьёт мне черные сатиновые нарукавники. Считает, что они сохранят мою вельветовую курточку. Никто из ребят их не носит. Меня обзывают бухгалтером. Обидно до слез. Но каждое утро мама кладет мне нарукавники в портфель. А после школы проверяет: залоснились – не залоснились? Вру, что надеваю нарукавники – мама уличает. Объясняю, что меня дразнят. Для мамы это не довод. Довод – нужно беречь одежду. «Еще пригодится». Я поддельваю износ нарукавников – тру их о твердую поверхность почти до дыр.

В остальном я послушен, как дворняжка Пальма. Скажет

мама – надо лепить на зиму пельмени сотнями штук – леплю, хотя тянет заниматься чем-нибудь другим. Скажет – надо вышивать крестом накидки для подушек – вышиваю, хотя тошнит от этого бабьего занятия.

У отца свои причуды. Он бреет мне голову опасной бритвой. Говорит, волосы будут лучше расти. Но они у меня и без того нормальные. «Будут ещё гуще», – говорит отец. А ребята подкалывают: «У тебя что, вши завелись?» Стыдно. Ношу кепку. Кепка липнет к бритой голове. Противно. В бане отец трёт меня так, словно хочет содрать кожу. Ору, плачу. Он удивляется, обзывает меня неженкой и цацей.

В Муромцево я увидел своими глазами, как рождается живое существо. Схватки у Мани начинаются, когда отца нет дома. Корова дёргает головой, срывается с привязи, бьёт себя копытами в большой круглый живот.

– Убьёт телёнка, – ужасается мама.

Всё это происходит в прохладных, тесных сенях, при свете керосиновой лампы. Неожиданно спина у коровы выгибается дугой, хвост поднимается, из-под хвоста появляются пузыри слизи, а потом... Потом появляются копытца. Они вылезают на полметра. Маня жалобно мычит.

– Надо ей помочь, – говорит мама. – Тащи теленка за копытца, а я буду держать ноги.

Хватаюсь за копытца, тяну на себя. Руки соскальзывают. Азартно тянем вместе, мешая друг другу. То ли у нас получается, то ли сама Маня хорошо поднатужилась. Теленок вы-

ходит из чрева и падает на солому.

Его бьет дрожь. Он обдывается. Маня тянется его облизать. А мы тащим теленка в избу, вдруг простынет. Мама согревает в печи воду. Смываем с теленка слизь, вытираем его тряпками. Он норовит встать. Корова в сенях тревожно мычит. Но мы её не понимаем.

В этот момент появляется отец. Он ругается по-сибирски: «Язви вас!» Смывает с коровьего вымени грязь, промывает соски, переносит теленка в сени. Теленок на качающихся ножках сосёт вымя, все еще подрагивая. Отец укрывает его тряпьем.

Выговаривает маме:

– Тупица! Корова должна вылизать теленка!

Мама обижается:

– А по-человечески нельзя? В шутку свести?

Отец взрывается:

– Какие тут шутки? Теленок может простыть и погибнуть!

Мама не уступает:

– Я – городская. Откуда мне знать, что теленка нужно отдать корове? И на черта мне твоя деревня? На черта я вообще к тебе вернулась?! Чтобы оскорбления выслушивать? А ты знаешь, что мне нужен покой?

– Ничего с тобой не сделается, – ворчит отец.

Отец учит нас доить корову. Вымя у неё большое, телёнок не высасывает даже половины. У мамы получается не очень. Она боится, что корова лягнёт, а корова – вредина под стать

Гнедку – чувствует, что её боятся. Меня отец учит не так настойчиво, как маму. Мне не по силам сжимать и тянуть соски, чтобы выпрыскивалось молоко.

Но и мама занимается дойкой только раз в день. Тётя Ната делает для нас сметану, творог, сливки. Она же и доит другой раз. Ей это не в тягость, даже выгодно. Часть молочных изделий из нашего молока она продаёт на рынке.

Что было тогда на столе? Ну хлеб домашний от тёти Наты – это понятно. Подовый, испечённый без формы. В его особом вкусе и аромате особый смысл. Хлеб без ничего раньше ели в голодные годы. Это и привычка: хлеб придаёт сытность любой еде. С хлебом ели даже пельмени.

Что ещё было у нас на столе? Картошка с подсолнечным маслом. Молоко и всё молочное. Каши. (Только не пшённая: отец называл её «блондинкой» и на дух не переносил, говорил, что в курсантские годы переел). Ну и, конечно, выпечка с разной начинкой.

Особое отношение к еде выражалось словами. Вместо «есть» говорили «питаться». То есть, мы не ели, а питались.

Приготовлением еды люди выражают отношение друг к другу. Хорошо и красиво приготовлено – знак любви и уважения. Или уж, как минимум, желания понравиться, угодить.

Мама посвящала еде чуть ни не весь день. Похоже, ей хотелось показать отцу, что она была права, когда говорила ему, что лучше неё он уже никого не встретит. Для полно-

ценной любви требуется ещё и уважение. Мужчина может любить в женщине что угодно: фигуру, глаза, волосы, кожу... А уважает прежде всего за умение вести дом: кормить, проявлять заботу.

Остывшую картошку, сваренную в мундире, мы ели с терпким подсолнечным маслом, сейчас такого не продают. Другим было и сливочное масло, которое «выбрасывали» (продавали) не каждый день, и молоко, сайки. Это булочки, которые особенно вкусны были именно с молоком. Даже маринованная килька была другой, более пряной.

Чего ели мало, так это фруктов. Яблоко было одно в день на троих. Сначала съедалась кожица. Мама клала её в чай, потом каждому по дольке яблока. Маме нравилось слово «порция». Дольки и были порциями.

Порционным в доме был и сахар. Разрешалось класть в стакан только две ложки. В то время в ходу было слово «иждивенец» и «кормилец». Так делило людей государство. Так люди делились и в семьях. Отец у нас был кормилец, а мы с мамой (она не работала) – иждивенцы. Короче, отец считал, что двух ложек сахара достаточно. А мне двух ложек сахара было мало. У бабки я привык класть чуть ли не полстакана. Отец считал это баловством.

Во время праздничных застолий тётя Ната всегда у нас, помогает маме. Она любит выпить и петь грустные песни. Она странная. Ещё не старая, а живёт одна. И не в доме, а в какой-то избушке на курьих ножках. О ней говорят, что она

бунтовщица. Отец однажды её спрашивает. И она, махнув ещё рюмашку, рассказывает.

В 30-е годы местные большевички изгалялись над верующими, сбросили с церкви колокола. Силком тащили людей в колхоз имени Сталина. За берданы и мелкашки схватились десятки мужиков. Среди них и муж тётки Наты. Бунт охватил не только Муромцево, но и ещё несколько окрестных деревень. На что рассчитывали бунтари? На что обрекали свои семьи? Каратели устроили смутьянов в считанные дни. Десятка два убитых. Под следствие пошло около тысячи. Семьи повстанцев выселили, но их дома не отдали правоверным коммунякам, а снесли, разобрали по брёвнышку.

Отец не задал тётке Натке ни одного вопроса. Молча встал и вышел из дома. Вся его родня со стороны отца и матери сбежала из колхоза в соседнем селе Мельничное. Разметало их кого куда по всему свету.

О том, что скоро нас будет четверо, я мог бы догадаться, когда мама сказала мне, что моя одежда может ещё пригодиться. Или даже раньше, ещё в Омске. Отец изрек однажды за ужином, когда за столом сидели все Тереховы: «Один сын – это не сын». Здесь он сделал паузу. Я замер: «Как это – я не сын?» – «Два сына – это полсына», – продолжал отец и снова умолк, наблюдая за реакцией родни. «А вот три сына – это сын», – тоном специалиста закончил отец.

И вот полсына лежит в деревенской люльке. Его ревом можно пытаться. Орёт, будто его режут. Соседка удивляется:

«И в кого он у вас такой?» «Юрик тоже орал, но не так», – припоминает мама.

Стасик орёт ночами, мама не спит. Ей надо прикорнуть днем. Она поручает его мне. Скоро я всё умею: кормлю из бутылочки так, чтобы не захлебнулся и не срыгнул. Меняю пеленки, пеленаю, пудрю между ног, чтобы не было опрелостей... А мама отсыпается. С появлением Стасика в семью приходит некоторая нежность. Отец доволен собой – все идет по плану. Доволен и мамой – угодила. Но в загс не ведет.

Глава 25

Родители встретились в Салехарде за год до войны. Отец вел там топографическую съемку. Но что делала в ненецкой тундре мама? Как она туда попала? Говорила, что работала учительницей. Но слово «яблоко» у нее было отчего-то мужского рода. Она говорила: «Этот яблочек». «Шмотки произносила, как «шмутки». По ее словам, она окончила учительские курсы. Что ж, возможно, такими были «курсы».

Когда началась война, отца призвали. Мы с мамой остались в частном доме, где жили родители отца, его сестры Лидия и Тамара, и младший брат Геннадий. Свекровь невзлюбила маму. Властной, своенравной деревенской женщине, переехавшей в город, не нравилось, что по моде тех лет у мамы были наколки. На запястье – розочка. На тыльной стороне ладони – имя Муся. Курила мама. Родители умерли от тифа. Сирота. Стало быть, бесприданница.

Перед отправкой на фронт отец должен был жениться, обеспечить маму продовольственным аттестатом. А если бы вдруг погиб? Но он не сводил беременную гражданскую жену в загс. Свекровь расценила это как сигнал – сын не собирается связывать жизнь с Мусей.

Чтобы не зависеть от семьи отца, мама должна была работать. Муж ее сестры Кати, замполит авиаучилища Власов, устроил ее секретаршей. Училище было далеко от дома – на

другом берегу Иртыша. Задержавшись на работе, мама оставалась ночевать у сестры. Бабка пустилась в обвинения:

– Муж кровь проливает, а она – гулять!

Пригрозила, что напишет сыну. Но мама стала ночевать у Кати не реже, а чаще. Бабка донесла сыну. Ответ его был короткий: «Гони ее взащей!»

– Вот бог, а вот порог! – сказала маме свекровь.

Тетка Тамара каждый месяц посылала отцу мою пятерню. Обводили пальцы карандашом. Шли годы. Пятерня становилась все больше.

Закончилась война. Прошел 46-й. Потом 47-й. Слово «отец» превратилось для меня в пустой звук. Как и слово «мама».

Отец считал, что мне хорошо в доме его родителей. Я сыт, одет, все относятся ко мне с теплотой. Но у каждого в семье была своя жизнь, а у меня – своя. В основном она заключалась в том, что я наблюдал, как взрослые выясняют свои отношения.

У Тереховых был обычный «сердитый» русский дом. Самая младшая и резкая Тамара называла старшего брата Леонтия кукушкой. Я, получается, был кукушонок. Тамара бегала на свидания с сибирским немцем. Бабка устраивала ей скандалы. Грозила не пустить «фашиста» в свой дом. (Ее можно было понять. С войны не вернулся младший и любимый сын Саша).

Дядя Геннадий пропал на руководящей работе. К тому

же у него был служебный роман с бойкой хохлушкой из Донбасса, которая тоже не нравилась бабке.

Наконец, в отдельной комнатухе лежал смертельно больной дед Василий, которому требовался постоянный уход. У его кровати стоял тазик, куда по трубочке стекала жидкость из раздутого живота. Когда ему легчало, он подзывал меня и взбадривал.

– Ну что, паря, не едет твой батяня, но ничего, наберись терпения, авось и приедет, язви его в душу холера, прости господи мою душу грешную.

Терпеть отсутствие родителей мне помогали болезни. Я переболел всеми тогдашними детскими хворями: корью, скарлатиной, свинкой, чем-то еще. Простуды и грипп не в счет. А когда болеешь, то занят только переживанием температуры и болячек.

Дед был самым незанятым. Казалось бы, именно к нему я должен был приставать со своими «почему». Но я видел его муки, слышал его стоны. Нет, он был очень занят преодолением болей. Невысокий, но жилистый, бывший крестьянин, а после бегства в город рубщик мяса на рынке, он был очень силен. Но теперь от него осталась половина.

На похоронах бабка потребовала, чтобы я, как все взрослые, поцеловал его в лоб. Мне было страшно не то, что прикоснуться губами, а просто смотреть на него, похожего на скелет. Но я собрался с духом и поцеловал, сделав открытие, что покойники бывают холодными, даже в жару.

Моя жизнь в Муромцево – это Гнедок, Маня (в теплые времена года ее тоже надо было пасти) и Стасик. Однажды мама ушла в магазин. Двухлетний Стасик захотел молока. Даю ему попить. Через несколько минут изо рта у братца появляется пена. Малец открывает рот, его тошнит. Изо рта появляется невероятно длинный бледно-розовый червь. Следом еще один. Брат задыхался. Я заглянул ему в рот. Черви забились клубком его гортань. Я начал вытаскивать их пальцами.

Слышу мамин голос:

– Что ты делаешь? Господи, что это такое?! – ужасается мама.

Выпавшие черви извиваются на полу. Брат уже дышит. От пережитой паники меня не держат ноги. Меня трясет. Я ложусь на кровать.

– Не говори отцу, – просит мама.

Тетя Ната подсказывает, что это аскариды. Судя по их размеру, они давно завелись в кишечнике у Стасика. А сейчас наверняка не все вышли, личинки остались. Мальчика надо лечить. Так что придется рассказать отцу. Отец обвинял маму – плохо руки моет ребенку. Мама обвиняла отца – если бы жили в городе, не завелись бы эти чертовы аскариды.

Нехватка денег – постоянная тема разговоров и скандалов. Отец решает стать военным строителем – получать ещё и за звездочки на погонах. Он посылает запрос и ждет отве-

та. Когда возвращается с работы, первым делом спрашивает: «Почты нет?»»

В сибирских сёлах много страшилок. В ближайшем большом пруду с валунами по берегам нельзя купаться. Нет, пожалуйста, если не боишься якобы утопленных там младенцев.

По другой легенде нельзя проехать по мосту через Тару в сторону тайги поздно вечером и тем более – ночью. Кони останавливаются и не хотят идти. То ли волков чувствуют, то ли пугает стоящая чёрной стеной тайга на фоне светлого неба.

У Гавриковых есть личный конь. Чёрный и очень высокий. Примерно на метр выше Гнедка. Просто огромный. Так его и зовут – Гигант. Но очень добродушный. Позволяет садиться на себя кому угодно. Я проехался на нём за пачку «Беломора». Если аккуратно вынимать из пачки у отца по одной папиросе в день, за месяц можно набрать.

У меня появляется мечта. Хочу проскочить на Гиганте по мосту на другой берег, и непременно вечером. Готовлюсь к этому. Пускаю Гиганта в галоп. Держусь не столько за узду, сколько за гриву. Но конь такой откормленный, такой широкий, такой гладкий. Скатываюсь с него в репейник, растущий по краям дороги.

Родители встречают меня, облепленного репейником, странно спокойно. Их что-то отвлекает. Мама объявляет с ликованием: «Мы уезжаем в Подмоскovie».

Глава 26

Люблю понедельники, когда планерки. Приезжаю на работу попозже. Но что-то не появляется Лора. Не приносит письма. Может, заболела? Звоню ей домой. Странно, отвечает мужской голос с кавказским акцентом.

– Кажется, я не туда попал, – говорю.

– Э, пачэму не туда? – отвечает кавказец. – Как раз туда. С дочкой пагаварить хочешь? А как ты узнал, что она у миня?

Молчу оторопело. Пытаюсь понять, что происходит. Я не мог ошибиться номером. Значит.. Неужели Лору приняли за Женю?

– Хочэш убэдиться? На, пагавари с нэй.

В трубе на удивление спокойный голос Лоры.

– Папочка, ты только не волнуйся. Если совсем кратко, то я как бы в заложницах.

В трубке снова голос кавказца.

– Врубился, журналист?

Голоса запоминаются гораздо хуже, чем лица. Но этот голос хорошо знаком мне своим тембром. Туфтовый вор в законе Гиви говорил не гортанью, не грудью, а низом живота. Возможно, у него так резонировали кишки.

– Я нэдалико от твайго дома. Сам приедишь? Или паслать за тобой?

Я сказал, что приеду минут через сорок. Езды максимум

минут двадцать. Но я оставил себе время для звонков. В записной книжке у меня было четыре телефона, по которым я мог получить поддержку в подобных случаях. Два номера – менты. Еще два номера – блатные.

– Мои люди будут ждать тебя возле твайго подъезда, – сказал Гиви.

Сначала я позвонил блатным. В одном случае мне сказали, что для них вмешаться – значит, нарушить воровской интернационал. Им припишут, что вмешались из-за презрения к пиковым* (сноска *пиковые – грузинские воры в законе). А это серьезный конфликт. В другом случае прямо сказали, что в случившемся я сам виноват. Не надо было слушать ментов.

Звонить ментам было бессмысленно. Генералу Рудневу – просто неудобно.

Я выбежал из редакции и нырнул в метро.

У моего подъезда стояла иномарка с «шестерками» Гиви. Стелла о чем-то говорила с земляками по-грузински. Я сказал ей спасибо, что пожалела Женю. Дал понять, что понимаю, каким образом Лору захватили вместо моей дочери. Но добавил, что захват Лоры тоже может выйти боком. Так что звони, Стелла Гиви. Пусть он подумает, как ему лучше разобраться со мной без глупостей. Стелла набрала в мобильнике номер. Проговорила что-то по-грузински. Услышав ответ, сказала мне:

– Гиви ждет вас.

Лицо, волосы и косметика у Лоры были в порядке. Одежда не помята и не порвана. И все же по спине у меня пробежал озноб.

Из другой комнаты появился Гиви. Он был в белом костюме и белых туфлях. Темные очки. Трехдневная небритость. Гиви не мог не знать, что у меня хорошие отношения со славянскими ворами в законе. Я много общался с ними, когда писал об их касте большой очерк, который вышел отдельной книгой «Воровской орден». (Стелла ее читала). Некоторые из них сами предлагали мне защиту. Короче, серьезно обижать меня Гиви было не с руки. Но и не ответить на мой оскорбительный материал о нем он тоже не мог. Мы оба понимали расклад взаимоотношений. Осталось высказаться, как быть дальше.

– Гиви, но ведь это беспредел, – укоризненно сказал я.

Грузин скривился:

– Э, бэспрэдел нэдопустым только протыв сваих. А ты кто? Ты абычный фрайер. Не с того начинаэш, писака. Ты абарзел. Думал, тэбэ с рук сайдет?

– Разве я написал неправду? – сказал я. – Разве ты сидел хотя бы раз в обезьяннике?

Гиви нехорошо рассмеялся:

– Вот видишь, уже нэправда! В обезьянникэ сыдэл! И нэ раз.

– Но через час-другой тебя выпускали.

– Надо умэт с мэнтами разгаварывать, фрайер.

– Вот этого как раз и не должен делать настоящий вор – договариваться с ментами, – вырвалось у меня.

– Ты мнэ надоэл, – зло сказал Гиви.

В комнату вошла свора его шестерок.

– Он мне надоэл, – еще злее сказал им Гиви.

В глазах Лоры стыл ужас. Но она не кричала, не плакала. Только умоляюще смотрела на меня. Я спросил себя, что же я творю, зачем девчонку подставляю?

– Тебе звонила Стелла? – спросил я Гиви.

По лицу грузина было видно, что звонила. Просто он уже забыл. Наркотиками балуется с раннего утра. Гиви напряженно думал. Губы его нервно дергались. Надо было ему помочь.

Я сказал, что обязательно напишу о нашей встрече. Возможно, я задел его человеческое достоинство. Он мог не покупать статус вора в законе выручкой от продажи мандаринов. Его наверняка бессовестно оговорили. В таких случаях менты охотно пользуются сомнительной информацией. И даже распространяют ее. Есть у них такая задача – опорочивать воров в законе, подрывать их авторитет. Возможно, я невольно подыграл им. Но я исправлю ситуацию. Ну и так далее, в таком же духе. В моем выступлении помимо покаяния звучал сарказм. Но Гиви не улавливал.

– Если нэ напышэш, будэт очэн плохо. И тэбэ и тваэй дочэри, – сказал он, кивая на Лору. – Кагда будэт статъя?

– Через неделю.

– Абманэшъ – пажалэишь.

– Вы в самом деле сделаете это? – спросила Лора, когда кончился этот замес.

Я признал, что в этом случае перегнул палку. Мне ли не знать, какие примочки устраивают менты. Возможно, это была провокация и против меня тоже. От меня ментам тоже ведь достается. Ну и, конечно, я недооценил дух самого Гиви. Мне сказали, что он ублюдочный отпрыск грузинских писателей и артистов. Я думал, что природа на нем отдыхает. А оно вишь, как оказалось. Не отдыхает, а надругалась. Короче, ошибки надо признавать и исправлять. Что я и сделал.

– Мне все больше нравится наша профессия, – подрагивая, сказала Лора.

Я не просил ее держать этот случай в секрете. Она сама сказала, что ничего не скажет Жене, иначе узнает Вера.

Глава 27

За ужином Женя взглянула на часы и объявила, что у нее сюрприз. Через несколько минут она познакомит нас со своим молодым человеком. Я сглотнул комок в горле. Вера ожила изменившееся лицо вымученной улыбкой.

В прихожей раздался звонок. Женя пошла открывать. Понесся бархатистый баритон. Через минуту они появились вдвоем: Женя и обладатель баритона. Красивое, интеллигентное, можно сказать, плакатное лицо. Весь точно с витрины: новенький костюм, новенькие туфли. Взгляд прямой, открытый, глаза добрые. На Женю смотрит с обожанием. Чуть застенчивая улыбка. Дочери, как правило, выбирают не тех, но этот – хорош!

– Это Олег, – сказала Женя.

Рука крепкая, только манера здороваться странная. Обхватывает не ладонь, а только кончики пальцы, и сильно их сжимает.

Вера получила букет красных роз. Ей же предназначалась коробка конфет. На стол встала бутылка дорогого коньяка.

Пока мы с Верой приглядывались к жениху, мама приступила к допросу. Через несколько минут стало ясно, что приехал Олег из Ханты-Мансийска. Торгует брюками. Недавно купил модную «девятку» жигулей. О том, что подался в коммерцию, не жалеет: дела идут в гору. Чем занимался в Хан-

ты-Мансийске – молчок. Выяснить бессмысленно. Если таит, значит, хвалиться нечем. Спросишь – почти наверняка совет. Ну, и что нашла дочь в этом мелком торгаше?

Женя, словно угадав мои мысли, шепнула:

– Папка, он очень глубокий.

Я встретился глазами с Олегом. Это был тот взгляд, которым обычно обмениваются отец и жених. «А не прохиндей ли ты?» – спрашивал я. – «А не будете ли вы лезть в нашу жизнь?» – отвечал жених. – «Меня не проведешь, даже не мечтай!» – пригрозил я. – «Ох уж эта мне отцовская ревность!» – парировал Олег.

Вслух он сказал:

– Я очень люблю вашу дочь, Юрий Леонтьевич.

Значит, уже спят, понял я.

– Когда свадьба? – спросил отец.

– Хоть завтра, – отвечал Олег.

– А жить где будете? – донимала мама.

– Я снимаю двушку, – сказал Олег.

Вера высказалась категорично:

– После свадьбы – никакой квартиры. Будете жить здесь.

Стратегия понятна. Вере жених дочери нужен, как боец на ее стороне.

Олег переглянулся с Женей. Его мимику можно было понять предельно просто: вообще-то, мы собирались жить самостоятельно, но если вы будете настаивать, то мы артачиться не станем. Догадливая мама сверлила отца взглядом. Мол,

говорила же тебе, не надо ехать, и вот, оказалась права: тут для нас места не будет.

Глава 28

У Нади сегодня день рождения. Она отправила дочь к матери и ждала меня. Стол накрыт, горят свечи, играет нежная музыка. Сегодня я обещал остаться до утра. Готовя закуски, Надя сладко вздыхала. Произошло то, чего она сама от себя не ожидала. Хотя, если вдуматься, ничего удивительного в этом не было. К своему мужу она было привязана, как девочка к отцу. И вот подвернулся тоже немолодой, но гораздо моложе предшественника, и это было как бы то, что надо. К мужчинам-ровесникам у нее сложилось презрительное отношение, воспитанное супругом-папиком: мол, все они несостоявшиеся хлыщ.

Я не пожалел времени на поиск подарка. Занятие оказалось непростым. Что преподнести женщине, у которой без того есть все? Убил пару часов, но так ничего и не выбрал. Заглянул в антикварный магазин. Взгляд уткнулся в статуэтку Венеры. Более дурацкого подарка трудно было придумать. Но тогда мне показалось, что именно Надя послужила для древнегреческого скульптора моделью.

– Вау, дорогой! Как это мило! – проворковала Надя, принимая подарок.

Я оглядел обстановку. Мне почему-то захотелось погасить свечи и выключить музыку. Антуража и декораций требует сладострастие, а не любовь. Каждая вещь в большой кварти-

ре Нади хранила следы чужой жизни, чужих вкусов... Перво-наперво Кеши... Нет, я не смогу жить здесь. А Надя, напротив, живет мыслями о будущей совместной жизни. Женщина есть женщина. Разрушая чужое гнездо, она тут же сооружает свое собственное.

Надя изготавилась выслушать тост. Может быть, «дорогой» скажет то, чего она ждет. Когда мужчина говорит тост, он вольно или невольно высказывает свое отношение к женщине. Чисто психологически отношение Нади ко мне было более жизненным. Отношения не могут долго находиться в стоячем положении, они должны куда-то двигаться. Надя двигала их к браку. Иначе – рано или поздно впереди разрыв. Она молода, ей нужен муж, а не бойфренд. Свободная любовь унижает женщину. Вот она и спрашивала меня ласковым взглядом: «Доколе ж коршуну кружить?»

А я дал себе зарок, что после развода с Верой никогда не женюсь. Я уже не верил, что штамп в паспорте что-то дает. А точнее, не верил, что найду женщину по себе. Я бы, может, на что-то и надеялся, если бы знал, что же именно мне нужно.

Говорят, гормоны пылкого влечения перестают будоражить через полгода. Со мной это произошло раньше. Нет, я по-прежнему приходил в боеспособное состояние, даже не прикасаясь к сочной Наде, а только предвкушая скорую близость. Но все равно острота ощущений была уже не та. А Надя, напротив, с каждым свиданием все больше входила во

вкус. Раньше, как все неиспорченные женщины, она была в постели немного неуклюжей, больше принимая, нежели рас- точая ласки. А теперь становилась все более бесстыдно-неж- ной.

Короче говоря, я трезво понимал, что Надя – не вариант на оставшуюся жизнь. С ней я буду таким же одиноким, как и с Верой. И, может, даже еще более одиноким. Но в таком случае, на кой черт ставить на попа семейную жизнь?

Утром мама тихонько спросила, где я был, когда пришел? Поди, уже светало? Я попробовал отшутиться – не получи- лось. Мама была настроена серьезно.

– Разве так можно? – тихонько отчитывала меня. – Мы жили у Стасика. Он себе такого не позволяет.

Вышла из своей комнаты Вера. Даже не спросила, где ме- ня носило всю ночь. К чему вопросы, если весь в женских духах, а в одном месте, даже в помаде.

– Ну, что дорогая Мария Степановна, будем делать с сы- ном вашим? – почти гекзамером спросила Вера, когда се- ли пить чай. – Посмотрите, что это у него возле уха.

Мама потрогала у меня названное место и сыграла удив- ление.

– А что у него тут?

– Помада, Мария Степановна. Причем, помада оставлена шатенкой. А во сколько он сегодня домой явился, знаете? Теперь вы видите, что он себе позволяет?

Мама молчала, но была готова обсудить мою порочность.

– Ставлю вас в известность, – нагнетала Вера. – Мы будем разводиться. Это решено.

Перед тем, как Вере уехать из Павлодара на завоевание Москвы, мы развелись. (Столица принимала по лимиту только одиноких). А когда через четыре года получила прописку, зарегистрировались снова. Таким образом, впереди маячил наш второй, уже не фиктивный, а настоящий развод.

Мама вздохнула и выдохнула с неубедительной горестью:

– О, господи! А как же дети?

– А что ему дети? Разве не видите: человек живет сам по себе. Захотелось завести любовницу – завел. Захотелось прийти от любовницы под утро – пришел.

– Юра, ну что же ты молчишь? – горестно спросила мама. – Может, работа была или командировка?

– Ага, командировка! – торжествующе воскликнула Вера. – Плохо же вы знаете своего сына. Он даже для приличия не соврет

...Отец продолжал жить у нас в Москве, а мама – уехала к сестре Катерине в Коломну. Родителям обоим хватило бы места в ее трехкомнатной квартире. Но тетка не любила и не могла любить отца. Он в глаза называл ее, бывшую офицерскую жену, бездельницей и барыней. И был не так уж и не прав.

Отец все чаще хандрил. Ему не хватало азиатского солнца. «Как здесь живут люди, в такой мгле?» – сокрушался он. Закапав себе в глаза лекарство от глаукомы, лежал непо-

движно, сложив на груди руки. О чем он думал? Что представало у него перед глазами? Конечно, город, который строил. Дом, в котором жил. Иртыш и озера, где ловил рыбу. Рыбалка в Казахстане удачливая, обильная. Казахи любят баранину, для них удочка – нелепое баловство.

...Приехал Виктор со своим выводком: две девочки и мальчик. Купил в Коломне двухкомнатную квартиру. И сбился с ног в поисках работы. В самой Коломне ничего подходящего найти не мог. Перенес поиски в Москву. Просил меня помочь. Не верил, когда я говорил, что нет у меня такой возможности. Не верили и родители. Им почему-то казалось, что у меня должны быть связи среди коммерсантов. Ничем другим Витя заниматься не хотел и не мог, кроме, как «купил-продал». Я оправдывался тем, что связи есть, но не те. Но это считалось отговоркой.

Происходило то, что я должен был предвидеть, зная характер Виктора. У него стал проявляться синдром младшего брата. А заодно – синдром младшего сына, за которого родители должны особенно переживать.

Глава 29

Стасик приехал в Москву на премьеру своего фильма. Дверь ему открыла Женя. Он ласково заворковал, целуя ее. Как она выросла! Какая стала чаровница! Какая прелестница! Стол был накрыт по высшему семейному разряду. Стасик потирал руки. Он тоже соскучился по маминым пельменям. Ему только не понравились марки спиртного. Он достал из модной кожаной сумки водку «Абсолют» и бутылку испанского вина.

– Жизнь слишком коротка, чтобы пить дешевые напитки!

Женя смотрела на него, как фанатка на известного артиста. Последний раз он был у нас года четыре назад. Тогда она называла его на «вы», как было принято у Тереховых. Но сейчас это не понравилось Стасику.

– А ты чего выкаешь? – шутливо возмутился он.

– Нехорошо тыкать, – робко запротестовал отец.

– Папа, обращение на «ты» подчеркивает родственность отношений, – изрек Стасик. И потянулся бокалом к Жене. – Давай, племяшка, выпьем на брудершафт.

Он поцеловал ее в губы. Женя зарделась. Олег натянуто, ревниво улыбался. Стасик объявил, что премьера его фильма состоится на днях. Но мы увидим его творение прямо сейчас. Он привез кассету.

– Какой сюрприз! Тогда наливай еще «Абсолюта»! – вос-

кликнул отец.

Его распирала гордость. Он расчувствовался. Глаза его увлажнились. Мать гладила Стасика по плечу:

– Солнышко наше!

Стасик вставил кассету в телевизор и вышел во двор.

Фильм был о любви художника к жене друга. Художника оправдывало чувство, с которым ни он, ни жена друга не могли бороться. Страстная любовь. При этом влюбленные очень нравственно переживали, что ведут себя нехорошо. Очень совестливо предчувствовали, что рано или поздно причинят боль своим дорогим супругам, но ничего не могли с собой поделать. Страсть обуяла их.

Фильм назывался назидательно – «Расплата за любовь». Стасик прислушался к совету Крошки, что трагедию любви познает лишь тот, кто изменяет. (На самом деле это парадоксальная мысль Оскара Уайльда). Жертвой бурной страсти сделал любовника. В финале пылкий чувак лезет в квартиру возлюбленной по шатающейся водосточной трубе, срывается и падает на асфальт с этажа этак шестого, без шансов уцелеть.

Брат появился ровно тогда, когда пошли заключительные титры.

– Bravo! – отец сделал два хлопка в ладоши и предложил выпить «Абсолюта».

– Стасик, любимый сыночек! – всхлипнула мама.

Стасик поглядывал на меня. Я озадаченно молчал. Стасик предложил выйти покурить. На лестничной площадке мы запалили сигареты. Брат ждал моего впечатления. Я спросил, как к этому кино отнеслась Полина.

– Ей очень понравился сценарий, – неожиданно сказал Стасик. – А от фильма она вообще в восторге.

Он меня очень удивил. Ну, просто очень!

– Ну, ты даешь! – сказал я. – Признался в измене через фильм. Наверно, единственный случай в истории кинематографа. А жена при этом в восторге? Обалдеть! Поздравляю.

Стасик глянул на меня неприязненно.

– С чего вдруг она может что-то заподозрить? По себе судишь? У меня могут быть увлечения, но я не унижаю жену. Я уважаю ее, как личность.

От подобных слов я обычно цепенею и теряю дар речи. Но сейчас не поддался.

– То есть в этом кино она не увидела ни тебя, ни себя?

Стасик отчеканил:

– Она увидела то, что и должна была увидеть – обычное в драматургии смешение реальности и вымысла. Да, для достоверности образа я выписал в жене художника некоторые черты Полины. Но это – выдуманная жена художника, а не реальная Полина. Она это поняла. А ты не можешь понять по вполне понятной причине. Тебе не нравится все, что я делаю в искусстве. Знаешь, если честно, я уже устал от этого.

Это была обычная манера Стасика вести разговор о его

жизни в искусстве. Пункт первый: я чего-то не понимаю, потому как у меня другая профессия. Пункт второй: если даже я в чем-то разбираюсь, то не так профессионально, как он, Стасик. Пункт третий: если мне что-то не нравится, значит, я не верю в его талант. Пункт четвертый: свою критику я излагаю нелицеприятно, а значит, конфликтно. И, наконец, пункт пятый: за всем этим кроется моя низкая зависть.

Последний пятый аргумент он сегодня еще не привел. Просто разговор до этого не дошел. Я подумал: если Полина понравился фильм, чего мне-то переживать за нее? Я остановил этот разговор и поздравил брата с дебютом сценариста. Если не брать в расчет Полину, я был доволен успехом брата. Во мне сидело семейное «мы». То есть готовность гордиться всеми Тереховыми: родителями, братьями, их детьми. Ну, а как иначе? Жить только своей ветвью рода?

Стасик пригласил Женю и Олега на премьеру фильма.

Премьера есть премьера. Стасику надо было провести и рассадить десяток корифеев московского разлива и других полезных чуваков. А еще проверить готовность буфета к фуршету. Женя и Олег принесли выпивку с собой. Но после премьеры Стасик к ним почему-то не подошел. Женя была расстроена, требовала объяснений. Я сказал, что Стасик просто закрутился. Такой ажиотаж. Кругом столько маститых киношников. Женю мои объяснения не устраивали.

– Не ожидала я от него.

Олег тоже очень обиделся и устроил что-то вроде диспута.

– А еще считает себя верующим. А как же заповедь: «Не желай жены ближнего своего?»»

– погоди, – сказал я. – Это любовь вымышленного героя к жене друга, а не любовь Стасика.

Олег осуждающе уставился на меня.

– Юрий Леонтьевич, вы это серьезно? Это кино вашего брата о себе самом. Это же видно. Между прочим, его жена мне понравилась. Глубокая, порядочная женщина. А любовница – глиста в скафандре. Друг – настоящий мужик, а любовник – додик. Глиста и додик замутили как бы большую любовь. Пустота влюбилась в пустоту. Даже друг с другом цитатками из книжек разговаривают.

Я смотрел на Олега с удивлением. Чего ж он так бурно реагирует? Неужели ревнует? Но это же смешно – ревновать племянницу к дядьке. А еще мелькнуло: надо же как бывает в семейных отношениях. Враг иногда вдруг становится партнером. Совсем, как в разведке.

Неожиданно позвонила Крошка. Ей не терпелось услышать мое мнение. Все их общие со Стасиком и Феней друзья пребывают в растерянности. Сказать Стасику, что думают о фильме, как-то неловко. Можно обидеть. Поэтому высказывают только положительную оценку, а отрицательную держат при себе. Я напомнил Крошке ее же слова. Если появился шанс проявить свой талант, делай это, не считаясь ни с чем, ибо более подходящего случая может не быть.

– Так-то оно так, – сказала Крошка. – Но тут особый слу-

чай. Стасик появился в театре с Полиной. Хотел показать, что у них все окей. Но все заметили, что Полина заметно подурнела, исхудала. Знаешь, у меня нехорошее предчувствие. Поэтому и позвонила тебе. Поговори с Стасиком. Пусть он отправит Феню в отставку. Она долго переживать не будет. А вот Полина...

Я сказал, что никогда не лез в отношения Стасика с женой, и не буду это делать.

– А говорил о братской заботе, – упрекнула Крошка.

Она сказала, что дописывает пьесу и очень собой недовольна. Работа слишком затянулась, а хорошие пьесы пишутся залпом. Я пожелал ей успехов в драматургии.

Глава 30

Наконец-то, состоялось новоселье у родителей. Вера была занята. Я поехал с Женей и Олегом. Дом в центре Коломны оказался в запущенном состоянии. Свет в лифте не горел, кнопку нажимали вслепую.

В Павлодаре был первый этаж, высокие окна, двери и потолки. Две комнаты, большая кухня. Здесь же... Прихожая и кухня – не повернуться. Окна в единственной комнатке плохо пропускали свет. Нора.

Я не понимал Виктора. Младший брат подгонял обстоятельства родителей под перспективы своей жизни. Ища квартиру для них, искал для своих деток. Неужели нельзя было найти лучше? Хотелось наорать на брата: «Ты чего натворил?»

Порывался и отцу сказать. Ну, плюнули тебе в спину казахи. Так и в России можно нарваться на отродье. Но тут же оправдывал старика. Не мог он предположить, что чего-то надо бояться больше плевков. Плевков казаха взял и смысл. А как на исторической родине жить теперь – словно в одноместной камере?

В Павлодаре родители с апреля по сентябрь жили на даче. А здесь где будут лето проводить? Там отца каждую субботу старые компаньоны возили ловить рыбу. А здесь? Витя повезет? Ага, щас.

Здесь не будет хватать казахстанского солнца, а зимой тепла. Окна квартиры выходят на север. И все эти нехватки (плюс каждодневный стресс) в сумме лишат родителей нескольких лет жизни.

Поборником идеи съехаться был Витя. Не сомневаюсь, что им двигала сыновняя забота – спасти маму и папу от националистов. Но что в результате? Между тем, появились сообщения, что всплеск национализма в Казахстане идет на спад. (Я этому ничуть не удивлялся. Не было в СССР более добродушного, более обрусевшего народа, чем казахи). Узнав об этом, отец досадливо морщился, а мама припоминала ему свои опасения. Но что-то исправить было уже невозможно.

Ремонтом занимался Витя. Пытался подключить меня. Но я сказал ему, наверно, резковато – оттого, что слишком кратко: давай, Витя, сам. Некогда мне было мотаться в Коломну. Одна командировка за другой. А бывший морской пехотинец еще нигде не работал. Но он страшно обиделся. И даже соорудил обвинение. Мол, я не хочу заботиться о родителях. Похоже, Витя считал, что моя пишущая машинка работает сама по себе. Типа скатерти-самобранки.

Раньше, когда братья жили в других городах, забота о родителях лежала на мне. Я помогал с ремонтом квартиры, возил их на дачу, работал там лопатой, ублажал отца рыбалкой. Так продолжалось больше двадцати лет. Теперь же, когда мы съехались, я считал, что пришло время братьям позаботить-

ся о родителях. Нет, я не устраниюсь. Но отойду в заботе на второй план. И это будет справедливо.

Я осматривал квартиру. Ремонт получился убогим. Хотя едва ли Стасик дал Вите мало денег. Я вошел боком в 4-метровую кухню и не поверил своим глазам. Наверно, при покупке в голове у Вити шла борьба между эстетом и экономом. Гарнитур, будто сделанный одним топором, без применения других инструментов, не оставлял сомнений в победе эконома. Если комната напоминала одиночную камеру, то кухня – карцер. Мамин карцер. Позже у Стасика вырвется: «Не могу видеть это убожество». Он имел в виду не только кухонный «гарнитур», но и всю квартиру в целом. Понятно, он воспринимал новое жилище родителей в сравнении со своим, уже московским...

За столом уже сидели Витины дети. Девочка и мальчик. (Старшая дочь где-то гуляла). Им хотелось есть. Они украдкой таскали с тарелок, уверенные, что взрослые ничего не замечают. Отец осуждающе посматривал на Витю. Витя сдвигал брови, шикал на отпрысков. Но они воспринимали это, как игру. Снова хватали. Ко мне они обращались на «ты», только хранитель устоев этого как бы не слышал. Я тихонько сказал им, что в детстве обращался к теткам и дядьям исключительно на «вы». Детки меня насмешливо выслушали и продолжали «тыкать».

Под столом сопел и устраивался поудобнее жирный лабрадор. Собака тоже плохо поддавалась дрессировке, не хоте-

ла правильно вести себя под столом. Ворочалась, пыхтела и добавляла в атмосферу специфические ароматы.

– А он не укусит? – спросила Женя, присаживаясь за стол.

– Нет, он добрый, – сказали дети.

– А вдруг я на него нечаянно наступлю?

– А ты не наступай, – сказал Витя.

– Почему я должна напрягаться? – удивилась Женя.

– А ты не напрягайся, – посоветовал Витя.

– Ну, вы даете! – не выдержал Олег.

Откуда ему было знать, что дядя Витя страсть как любит, чтобы все восхищались его детьми и собакой. Ну, вот есть такая особенность у человека.

Отец сел во главе стола, положив рядом исписанные листы бумаги. Изготовился читать свои стихи. Витя устроился по правую руку от отца. Для него это имело значение – кто где сидит. Рядом с Витей погрузилась в стул его волоокая жена Галя, по фамилии Пятак, родом из Полтавы.

Отец водрузил на нос очки и начал читать свои стихи. Галя подняла очи в потолок и выразительно прошептала: «Тоска!» Стихи были, прямо скажем, не ахти. Но пантомима Гали мне не нравилась еще больше.

Глухая мама сидела с неподвижным лицом и что-то тихонько напевала. Я прислушался и не поверил своим ушам. Неужели гимн Советского Союза?

– Что ты напеваешь, мама?

– Несчастливая наша страна! – с гражданской болью отве-

чала мама.

Напротив Вити села тетка Катерина. Полковница старалась не встречаться с племянником глазами. Значит, накануне не поссорились. Как наследник, Витя был не очень-то вежлив с благодетельницей. Нельзя исключать, что она читала в его глазах пушкинское: «когда же черт возьмет тебя?»

Среди особенностей Вити была страсть к гречневой каше с сахаром. Сейчас он дивил народ иначе. Тщательно накладывал себе полную тарелку разных блюд, чтобы всего было понемногу. Будто готовил позицию к бою.

А Стасик чего-то не приезжал.

Все поглядывали на часы. О том, чтобы сесть за стол, не дождавшись Стасика, не могло быть и речи. Отец свято был уверен, что тем самым хранит устои.

– Стасик, солнышко наше, где же ты? – покончив с гимном, стонала мама, обращаясь к Стасику через астрал.

– Не переживай, – утешал ее Витя. – Приедет, никуда не денется.

– Нашел работу? – спросил я его.

– Дилером устроился. Краски продаю, – сухо отвечал Виктор.

– Акварельные?

Виктор скривился:

– Какие акварельные?

Я почувствовал: торговля брата красками совершенно точно меня унижает. Но унижает ли брата, не мог опреде-

лить. Скорее всего, нет. И от этого мое унижение подросло.

Женя осмотрелась, увидела на стене большие фотографии Стасика и Вити, сделанные когда-то мной, и начала типа интервью.

– А почему фотографии папки нет?

– У него спроси, – ответил отец.

– А почему у папки и у Стасика девять лет разница в возрасте? – не унималась Женя.

– Война, – сказала мама.

– Бабуля, война шла четыре года, – сказала Женя.

Я понял, что надо вмешаться:

– Женя, смени пластинку.

Неизвестно, чем бы закончилось это интервью, если бы не звонок в дверь.

На пороге стоял Стасик с кожаной сумкой за плечами. Вздуродоруженный, хотя слегка раздраженный.

– Попал под радар. Все-таки какие подлецы – эти московские гаишники. Никакой зрительной памяти.

Стасик напоминал семейному собранию, что стал все чаще мелькать на голубом экране. На одном канале вел что-то вроде викторины. Хорошо двигался, выделялся дикцией, а когда камера брала его крупным планом, убедительно изображал работу мысли. На другом канале проводил что-то вроде политинформации.

Олег стал выяснять у Стасика, сколько получают телеведущие, проявляя особый интерес: по ведомости или в кон-

вертах. В смысле, налоги-то платят? Стасик отшучивался. А отец всерьез переживал за простой народ. Мол, одни в шоколаде, а другие... Где справедливость? Вон как Вите тяжело поднимать троих детей. А каково старикам с их нищенскими пенсиями? Стасик поддержал социальный протест. Сказал, что делится и будет делиться, но только с родителями и младшим братом.

Я выбрал момент, когда мама была в кухне одна, зашел туда следом и дал ей денег.

– Ой, куда столько! – удивилась она.

– Ну, давай половину обратно, – пошутил я.

– Нетушки, – сказала мама.

Сунула денежки в кармашек фартучка.

– Только отцу не говори. У него пенсия – не сравнить с моей.

– У вас денежки врозь? – удивился я.

Мама ответила мне выражением лица и горестно вздохнула. Она была унижена. Но разве не была унижением вся ее жизнь? Возможно, из-за унижения она и оставила меня у бабушки. Ей *нечем* было дальше терпеть и прощать унижения свекрови. А значит, *нечем* было любить меня, трехлетнего.

Бабушка должна была понимать, что ребенок в нежном возрасте чувствует себя частью матери. И если мать пропадает, если глаза ребенка ее не находят... Сирота – это не обязательно, когда совсем нет родных. Сиротой можно быть и в своей семье.

Почему же бабка этого не учитывала? У нее на руках был тяжело больной муж. Уход за ним требовал времени и душевных сил. Ей было не до меня. Выгнать невестку – означало взвалить на себя ее материнские заботы. Но она все же выгнала. Почему? Видимо, был очень серьезный повод. Какой?

Глава 31

Спустя месяц Стасик позвонил из Питера, в голосе его было отчаяние.

– Представляешь, у Полины обнаружили рак!

Это сообщение, как бомба, попавшая в общий окоп фамилии. Ты можешь жить в другом городе, но чувствуешь, что попало и в тебя.

Для меня причина рака у Полины заключалась в пяти годах ее учебы в Семипалатинске (Семске). Со времени ядерных взрывов на тамошнем полигоне прошли десятилетия, но термояд все еще входил в состав почвы и воды в реках и озерах. В каждом жителе этого города сидели в засаде раковые клетки.

Полина закончила там мед. По распределению там и осталась. Стасик вернулся из армии и устроился в местный театр. Я подключил своих друзей в Алма-Ате, хорошо знакомых с главным режиссером республиканского русского театра. По их рекомендации Стасик приехал, показался, понравился. Так они оказались в Алма-Ате. Семский термояд больше не грозил Стасику, но затаился в организме Полины.

Известие Стасика погружало в мистику. Несколько лет назад вот так же позвонил Витя: у его жены рак. Она приехала из Балтийска, чтобы попасть к хорошим врачам в Каширке. Молодая, красивая, цветущая. Ее глаза метались, в них сто-

ял ужас. Она таяла на глазах. Она понимала, что обречена. А у нее оставалась маленькая дочь. Она рыдала: за что? Болезнь эта всегда воспринимается, как кара. А если больного трудно считать грешником, он считается ответчиком за чьи-то грехи. И вот второй такой случай. Полина. Кто из нашего окопа следующий?

Беда, говорят, не приходит одна. Вернувшись с работы, я застал Веру в слезах: Дениса арестовали. Или, как сейчас говорят, приняли. Групповая кража компьютеров.

– Нельзя доводить дело до суда, – кричала Вера. – Нужно вытаскивать его немедленно! Они там, в сизо, как в парилке, дышать нечем, у всех фурункулы по телу. А у Дениски без того здоровья нет.

Я сказал:

– Давай без паники. Нормальное у него здоровье. Хотя, конечно, здоровее там не становятся.

– Что ты несешь? – гневно воскликнула Вера. – Это же твой сын!

Я покачал головой:

– Нет, Вера, теперь он только твой сын. Ты все сделала, чтобы он был только твоим сыном.

– Ты думаешь, что говоришь? – Вера перешла на свистящий шепот. – Знаешь, что такое отказаться сейчас от него? Это предательство!

– А его отношение, как назовем?

Больше года Денис в упор меня не видел. Даже его приятели, сопляки, перестали здороваться.

– Он не может простить тебе мерзкое отношение ко мне! Только и всего. Не теряй времени, иди наверх и проси, вытаскивай. В том, что случилось, твоя вина.

Я стоял на своем.

– Сделал – пусть ответит.

У меня были свои резоны считать, что так будет правильно.

Сначала я машинально пошел в школу. У меня не было конкретной цели. Можно сказать, отца потянуло на место преступления сына. Классная Дениса встретила меня с побитым видом. Ей здорово влетело. Все участники кражи – из ее класса. Может быть, даже чувствовала свою вину, хотя в чем она виновата? Показала приемную директора, откуда подростки утащили четыре компьютера.

Приемная находилась на втором этаже. Решеток на окне не было. Единственный запор – шпингалет на оконной раме. К тому же полуоткрытая форточка была приглашением на кражу.

Я подошел к этому окну со двора. Прикинул. В форточку он точно бы не влез. Стоять на чьих-то плечах не мог. Никто бы не выдержал его тяжести. А вот если бы он, самый высокий и крепкий, встал у основания, а к нему на плечи забрался еще один, а к тому на плечи – третий, то этот третий, самый маленький, запросто влез бы в форточку.

Ну и что из этого следовало? А то, что Денис почти наверняка был у основания этого «дела».

Я позвонил генералу МВД Рудневу. Не так давно показывали по телевизору его внука-мажора, устроившего аварию со смертельным исходом. Генерал мог меня понять. Я попросил: пусть сын ответит, одна только просьба: чтобы не били.

– Он в сознанке? – спросил генерал

Этого я не знал. Руднев распорядился по селектору, чтобы связали со следователем, который ведет дело. Оказалось, Денис Терехов свое участие в краже категорически отрицает. И это подтверждается показаниями подельников. Своими руками замки не курочил, компьютеры не утаскивал. Но можно не сомневаться, что организатор именно он.

– Это ваши догадки? – спросил генерал.

– Это видно невооруженным глазом, – ответил следователь.

– Все равно, не очень усердствуйте с ним, – распорядился генерал.

– Кому он нужен? – отозвался следователь. – Расколем в рамках закона.

В рамках закона он не расколется, подумал я. Хотя... вне рамок закона тоже не расколется.

– Время такое. У меня самого... – Генерал привел в пример своего внука, и своеобразно обобщил свои личные переживания. – Собака жрет говно своего щенка. Делает это, будто так и надо. А меня всего выворачивает.

Женя и Олег обедали в кухне. Предложили мне присоединиться. Я отказался. Сварил себе кофе.

– Папа, я только что из сизо, – сообщила дочь. – Там такая очередь, я не выдержала. Там столько решеток, такие запахи, так страшно. А мама осталась стоять

Это тебе страшно, а не Денису, подумал я. Прошлым летом я ездил с ним в Астрахань на рыбалку. Там у меня приятель – начальник тюрьмы. Я завел сына в это чудное заведение, царство лязгающего железа. Денис и ухом не повел. По моей просьбе его заперли на час в карцере, где можно стоять только боком. Он вышел оттуда с ухмылкой. Я хотел, чтобы он понюхал, чем пахнет неволя – он даже не поморщился.

– Детей надо терпеть, папа, – воспитывала меня Женя.

– Это правильно, – согласился я. – От детей надо терпеть.

– Не держи ты зла на Дениса. Он и меня обижает, деньги таскает.

Дочь тоже считала, что я не хочу помочь сыну по злопамятству.

Я повторил Жене то, что уже сказал Вере.

– Чтобы помочь Денису, он должен во всем признаться.

– А если он не участвовал?

– Все признались, он один упорствует. Всех будут судить, а он хочет выйти сухим из воды.

Женя перебила меня:

– Папа, если его посадят, он выйдет моральным уродом.

Поэтому я на стороне мамы. Его надо спасать.

В прихожей послышались шаги. Это была Вера. Она слушала наш разговор. Олег уловил присутствие тещи. Осуждающее молвил:

– Юрий Леонтьевич, как вы можете желать тюрьмы родному сыну? А если он уже сейчас все понял и больше не будет?

– Кто не чувствует вины, тот ничего не понял. А кто чувствует вину, тот раскаивается. А кто раскаивается, тот пишет чистосердечное признание, – доказывал я.

Жена выросла в дверях, что-то жуя.

– Олег, ты не знаешь своего тестя. Он что хочешь обоснует.

Говоря эти слова, Вера нервными движениями выкладывала из большой сумки круги колбасы, брикеты масла, пачки печенья. То, что не смогла передать Денису: Выложив, села на стул и сказала мне с ненавистью:

– Кого когда исправляла наша тюрьма, умник ты наш? Сходи на рентген. Пусть посмотрят, есть ли у тебя сердце.

Олег переехал к нам. Теперь Денис, если его выпустят с подпиской о невыезде, не будет иметь в квартире своего места. Не спать же ему в одной комнате с Женей и Олегом. Вера сказала, что Дениска пока будет жить в ее комнате.

Я насторожился:

– Что означает «пока»?

– Пока ты нас не покинешь.

Как-то зловеще это у нее прозвучало. Я почувствовал, как

кровь прихлынула к лицу.

– Но я здесь прописан, – едва сдерживая ярость, проговорил я. – Это и моя квартира тоже.

Вера понимала, что я имею в виду. Мы жили в Павлодаре в моей трехкомнатной квартире, после разных ухищрений она досталась сестре Веры.

Но жена уже выводила на позиции тяжелую артиллерию

– Когда-то ты не хотел Дениса, а сейчас в наглую отказался от него. Поговори с психологами, они тебе скажут, что ребенок еще в утробе матери чувствует, что он нежеланный.

Я потерял дар речи. Надо же возвести такую теорию. Как убедительно. А главное, как безобразно я выгляжу.

– Тебя послушать, так я – просто монстр, – пробормотал я.

Вера дурашливо всплеснула руками:

– Наконец-то ты сам это понял!

– А вы все, стало быть, хорошие люди?

– Мы – нормальные!

– А я, значит, ненормальный?

– Обратись к психиатру.

После этого разговора я не мог работать. Из головы не выходило: может, со мной действительно что-то происходит? То, что у меня нервное перенапряжение, не было сомнений. Я давно уже не мог заснуть без снотворного. А когда не спится, тогда вспоминается...

Глава 32

1952-й год. Отец носит погоны старлея, но в военных городках мы не живем. Там боевые офицеры с семьями, а отец теперь – военный строитель. Топограф-геодезист, он закладывает так называемый нулевой цикл – фундаменты. То ли для установок противоракетной обороны, то ли для радиолокационных станций. Стройки сверхсекретные.

По сравнению с Муромцево подмосковные деревни убоги. Порухенные дома, заполненные водой воронки от бомб и снарядов. Здесь гораздо реже, чем в Сибири, светит солнце. Оттого все выглядит серо и даже мрачно, особенно поздней осенью и зимой. А мы приехали как раз осенью.

Мы снимаем угол у одинокой старушки Марфуши. Она сразу предупреждает родителей, что за мной нужен глаз да глаз. Нельзя мне ходить в лес. Здесь шли страшные бои. Саперы спешили, разминированы только огороды. Но я нарушаю запрет ...

Мне уже приходилось видеть, как умирает человек. На моих глазах больше года уходил дед Василий. Я видел, как мой дружок попал под колеса полуторки. Мы катались на коньках, уцепившись проволочными крючками за проходящие полуторки. Он не удержался на ногах... Здесь, в Подмосковье, я впервые увидел, что остается после гибели множества людей. Траншеи, землянки, доты, дзоты еще не пол-

ностью ушли в землю. Чуть копнешь носком ботинка – странная слизь и мелкие белые черви. Это трупные черви. А слизь на сапогах, ремнях, касках, бляхах, деталях оружия – переваренная червями человеческая плоть. Тела наших бойцов были убраны похоронными командами, но едва ли они притронулись к трупам немцев.

Меня лихорадило от лесных находок. Оружие вообще вызывало трепет. Я очищал винтовки от грязи и ржавчины. Сушил патроны. Уходил подальше в лес и нажимал на курок. Но патроны безнадежно отсырели. Я откопал в блиндаже несколько оружейных ящичков и сложил в них свое богатство. Трофеев хватило бы для небольшого музея. Но я увлекся и потерял бдительность. Марфуша меня выследила и доложила отцу. Отец побросал винтовки, мины и гранаты в Москву-реку и велел маме не спускать с меня глаз. А быть у нее на глазах я мог только дома. Началось сущее заточение.

Взрослые ведут свои разговоры, я слушаю. Оказывается, скоро у меня появится еще один брат. Отец неуклонно идет к своей цели, не сомневаясь, что у него будет еще один сын. А мама колеблется. Ее беспокоит материальная сторона. Отец получает больше, чем в Муромцево, но ненамного. Она делится своими сомнениями с Марфушей. Старушка говорит: «Где двое, там и третий проболтается».

Так на свет появился Витя. Витенька. Такой же беспокойный и горластый, как и Стасик. Спокойных детей мама не могла рожать по душевному состоянию. Маме теперь неко-

гда заниматься Стасиком, а тому всего три года. Маме надо высыпаться. Пока она спит, я занимаюсь и Стасиком и Витенькой.

У меня обычные страхи няньки. Как бы чего не проглотили. Как бы чего не затолкали себе в ухо или в нос. Как бы не опрокинули на себя чайник с кипятком. Но самое страшное – детский рев. Кто придумал эти погремушки? Сколько ни трясина – ноль внимания. Или еще больше рева.

Но удивительное дело. С появлением третьего сына скандалы в семье не стихли, а усилились. Мама понимала, что теперь-то муж никуда не денется, и стала брать реванш за все свои обиды. Главным требованием было немедленное заключение брака. Но отец под разными предложениями тянул резину. (Он сводит маму в загс только лет через пять). Так они и жили, сводя старые и накапливая новые счета.

Школа здесь необычная своими учителями. Они странные. Когда что-то объясняют, сами заглядывают в учебник. Или по тетрадке читают. Среди них больше мужчин, бывших фронтовиков. Один без руки, у другого черная повязка на глазу, третий ковыляет на протезе. Но все – добрые дядьки, двоек не ставят. Школа должна давать знания? Какое заблуждение! Школа должна развивать желание получать знания. Вот эти добрые инвалиды войны развивали. Мы, ученики, все как один много читали. А кто пристрастился к чтению, тот хотя бы отчасти живем книжно, в соответствии с нарисованными писателями идеалам.

Наш классный руководитель, географ, самый странный. У него поранена трахея. В горле – дырка. Прежде чем что-нибудь сказать, он затыкает эту дырку пальцем. Говорить ему трудно, поэтому он немногословен. Он назначает меня редактором стенной газеты.

Что главное в стенной газете? Нарисовать на листе ватмана заголовок, остальное вырезается из газет и наклеивается. Прежде всего, наклеивается портрет Сталина. А я предлагаю нарисовать портрет вождя. Странно, но географ соглашается: «Ладно, попробуй, только ты понимаешь, что нужна абсолютная точность?»

Для полной точности рисую по клеткам. Стенгазета занимает первое место в конкурсе.

У нас в классе одни хорошисты и троечники. Отличников и двоечников нет. То есть все равны. Но теперь я как бы выделился. Сам понимаю, что учителя завышают мне оценки. Ну как же, я ж редактор стенновки, самого Сталина рисую. Панченко (имени не помню) обзывает меня подхалимом и маминым сыном. Следом начинают обзывать и другие. У меня, безобидного существа, закипает злость. Я начинаю материться. Может, теперь мне придумают какое-нибудь другое прозвище? Панченко теперь мой личный враг.

Отец покупает мне у местных маленькую клетку. Хочет, чтобы я увлекся ловлей птиц. А я сам как в клетке... Какое-то время мне это нравится. Ставлю сразу за огородом ловушку с приманкой. Снегирь ли синица садится – дверца

клетки – шелк!

Но мне быстро надоедает противный запах птичьего помета. И вообще не нравится держать кого-то в неволе. Но вылазки в лес с клеткой дают возможность заниматься раскопками. Хотя это и раскопками назвать нельзя. Все, что я нахожу, еще не успело погрузиться глубоко в землю.

Увлечение ловлей птиц сменяется тягой к книгам. Я запоем читаю о Робинзоне Крузо, уверенный, что это не вымысел. Правда, никак не могу понять, куда он девал пойманного дельфинчика. Неужели съел? Образ Робинзона слегка померкнет. Но потом я прощаю его – должен же он был что-то есть, пока не встретились козы. Между прочим, козы как раз и вызывают сомнение, а был ли такой Робинзон? Я понимал, что козы на необитаемом острове водиться не могли.

В Подмосковье, у меня проклевывается интерес к русской истории. Особенно люблю читать о Суворове. Однажды на какой-то вопрос отца в присутствии гостей шутливо отвечаю словами офицера из свиты фельдмаршала: «Не умею доложить». Отец доволен.

Детство – это всегда путешествия, пусть даже за околицу, и всегда открытия. В Дорохово я первый раз увижу голливудский фильм.

Кинотеатр – в какой-то обшарпанной хибаре. Билеты продаются без указания рядов и мест. Кто раньше входит, тот и садится, где свободно. Сеансы только по выходным. Зрителей раза в два больше, чем мест. Дикая давка в дверях. Кое-

как пробираюсь в зал. Но в проходах стоят взрослые. Многие курят. Ничего не видно, нечем дышать.

Мне везет. Фильм останавливается в самом начале. Рвется киноплёнка. Зал топает, орет киномеханику: «Сапожник!» Я протискиваюсь к тому месту, откуда виден экран.

О Тарзан! Он потрясал даже взрослых. Эти схватки со львами, с крокодилком... Все происходящее на экране воспринималось, как взаправдашняя реальность.

На другой день забираюсь на березу, привязываю к ветке толстую веревку, хочу прыгнуть на другую березу. Но веревка не раскачивается. Как же это делал Тарзан? Понимаю, что прыгнуть, как Тарзан, не получится, и все же пытаюсь. В результате на теле нет живого места. Что ж, Тарзан бы тоже поцарапался, если бы в джунглях росли березы

Обычно мы живем в подмосковных деревнях. Но однажды переезжаем в военный городок, где по известной закономерности развит офицерский блуд. Во время вечеринок маму приглашают танцевать. После возвращения домой в отца вселяется Отелло.

– Какого черта ты прижималась?

– Это он прижимал! – оправдывалась мама.

– А ты что, отстраниться не могла? Или не хотела?

Слово за слово... Отец срывал со стены саблю. Для пущего эффекта скрежетал зубами. Мама забивалась в угол, где штабелем стояли чемоданы. Я вопил: «Папа, не надо!» Папа-хен был так страшен, что я ни секунды не сомневался: маме

каюк. Чувствуя своим внутренним детским сейсмографом, что вот-вот начнется это землетрясение, я срывал саблю со стены и прятал под кроватью или под матрасом. Но отец ни разу пустил ее в ход. И я, наконец, понял: такими сценами он просто расходует свой псих, хочет держать маму в страхе. А мама и раньше это знала, и подыгрывала ему. Изображала ужас. Но я-то этого не осознавал. Мне-то было по-настоящему страшно за нее.

В тех случаях, когда отец не мог найти спрятанную мной саблю, он оголял свой нерв на меня. Я слышал один и тот же набор угроз.

«Ты будешь у меня, как шелковый».

«Ты у меня на одну половицу будешь ступать, а на другую посматривать».

«Я согну тебя в бараний рог».

«На одну ногу наступлю, а другую вырву».

Когда отец жулькал младших братьев, я смотрел и думал: вот ведь их он любит, а на меня даже теплого взгляда не бросит. Повзрослев, понял: младшие братья ласкались к отцу, а я не ласкался. Для того, чтобы отец испытал потребность кого-то любить, он должен был почувствовать любовь к себе. «Ласковый теленок двух маток сосёт», – повторял отец. Получалось, что я как бы сам и виноват.

Но я был точно таким же неласковым и с мамой. В какой-то момент я заметил, что ей мои «телячьи нежности» (она так и говорила) вовсе ни к чему.

Говорят, ребенок силен энергией матери. У нас же стали складываться противоположные отношения. Мама черпала из меня энергию. Я уже уставал помогать ей по дому, нянчить сразу двух братьев. Мне нужна была разрядка. Я хотел общаться со сверстниками, играть с ними. Мама считала это детской блажью. Прогоняла соседских мальчишек: «Лоботрясы несчастные!»

Однажды я наглotalся снега и слег с высокой температурой. Думал, мама подойдет, поцелует в лоб. А отец потреплет по щеке и скажет: «Держись, сынок». Но никто не подошел. Родители занимались младшими.

Психологи утверждают, что до девяти лет ребенок не способен любить. Только пользуется вниманием и любовью. То есть накапливает в себе способность любить и только после 9 лет начинает эту способность проявлять.

Я люблю братьев больше, чем родителей. Это совершенно точно. Я это чувствую в сравнении, потому что у меня нет любви к родителям. Я только очень устаю от них. Когда в семье маленький ребенок, жизнь идет очень медленно, даже матери очень устают. А тут двое пукенышей и я – не мать.

Но я понимаю, что они самые близкие мне люди. Кроме них, я никому не нужен. Но это нельзя назвать сыновней любовью. Детская любовь к родителям – это благодарность и привычка. А у меня вместо благодарности – обида. Вместо привычки – опять-таки обида: почему вы так долго были

неизвестно где? Почему я не был вам нужен?

Я хочу поговорить с ними на эту тему. После такого разговора все могло бы измениться. Но они ведут себя так, будто ничего не было. Только мама иногда... Нет, об этом не сейчас... Как-нибудь потом... И только отец почему-то все чаще и совсем не к месту говорит: «Не судите, да не судимы будете». Неужели что-то чувствует? Тогда тем более, почему не поговорить? Считает меня ребенком, который его не поймет? Или не считает нужным обсуждать такие вещи со мной, ребенком двенадцати лет?

Панченко что-то задумал – предлагает дружить. Но у него такая коварная рожа... трудно поверить. На большой перемене он увлекает меня в каморку, где уборщица ставит ведро и швабру, и что-то говорит, говорит... какую-то ерунду, потом выскакивает и закрывает за собой дверь. Что делать? Кричу. Но на перемене в школе такой гвалт. Меня не слышат. Звонок. Наступает тишина, бью в дверь кулаками, опять кричу.

Дверь открывает уборщица. Захожу в класс, а там уже все знают, что учудил со мной Панченко. Смех. Географ выясняет, где я был. Снова смех.

После уроков подкарауливаю Панченко. Я знаю, где он живет. Мне еще не приходилось драться. Нет никаких навыков. Видел только, как отец бил Кособрюхова.

Сестра мамы приехала однажды с обещанным сюрпризом. Сюрприз – её сердечный друг Кособрюхов. Мужик как му-

жик. Но скоро выясняется – выпивоха и скандалист. Отец подливает ему бражки, подмигивая мне, а сам отпивает по глоточку. Не иначе, как что-то задумал. Точно! Кособрюхов начинает куражиться. Отец как бы невзначай называет его Косопузовым. Вот и повод «выйти поговорить». Выходят. А во дворе лужи после дождя. Кособрюхов хочет ударить отца, но тот опережает. Бьёт по-народному, с размахом. Сюрприз Клары шмякается в лужу. Встаёт и пытается дать сдачи, но отец опять опережает. Эх, раззудись рука, разгуляйся силушка молодецкая!

Кособрюхов уже весь грязь, когда появляется сестра мамы. Бросается защищать друга сердечного. Отмывает, переодевает в сухое. И вот все снова за столом. Отец возглашает свой излюбленный афоризм: «Нас не трогай – мы не тронем. Но если тронут – спуску не дадим». Кособрюхов тянется к утешительному стакану с брагой. Клара ластится к нему: «Давай, мой мальчик, лучше чайку с клюковкой».

Но я так драться не умею. Я неуклюже валяю Панченко в снег. Он орет, у него раскрыт рот, и я хочу, чтобы он заткнулся. Я затыкаю ему рот снегом. Кормлю его досыта...

Географ пишет в дневнике приглашение родителям. Отец даже не спрашивает, что произошло.

– Снимай штаны.

Я смотрю на маму, ищу спасения.

– Не сходи с ума, – говорит мама отцу, но он ее не слышит.

– Снимай штаны!

Меня уже трясет.

– Прекрати! – повышает голос мама.

Куда там! Отец хватается за широкий офицерский ремень с металлической пряжкой. Позже я пойму, что куда хуже узкий ремень. Отец пытается ударить меня, мама хватается за руку. Один его замах, другой, третий. Пряжка обжигает мне щеку. Кровь...

Отец отбрасывает ремень. Мама плачет. Я смотрю на себя в зеркало. Щека становится синей, глаз заплывает.

– Как он пойдет в школу? – кричит мама.

Марфуша советует приложить к щеке сырое мясо.

Ни фига этот компресс не помогает. Синеяк сойдет только недели через три. Панченко пускает слух, что это он меня отделал. Прямо в классе показываю, что это вранье. Ломаю о голову Панченко указку. Но странно – географ почему-то не вызывает родителей. Похоже, что-то понял про отца.

Я жду, когда отец скажет что-нибудь примирительное. А он месяц на меня, даже не смотрит, а потом говорит совсем не то, что я хочу услышать.

– Заруби себе на носу. Если еще кого-нибудь побьешь, получишь по первое число. А если тебя кто-нибудь побьет... – тут он сделал паузу... – я добавлю.

Я озадаченно молчу. Я не понимаю. Если драться нехорошо, зачем тогда он бил Кособрюхова? Значит, ему можно, а мне нельзя?

У меня много вопросов к отцу. Например, зачем ему обя-

зательно три сына? Почему мы живем в сорока минутах езды от столицы нашей родины, а ездим туда только к сестрам мамы, и чтобы побегать по магазинам? Я мечтал побывать в зоопарке, но никак не хватало времени.

Позже я прочту у Паустовского: «В детстве смертельно интересен каждый человек». Точно. Не было для меня человека интереснее, чем отец. И он это чувствовал, видел. Но я почему-то не был интересен ему.

Мы скоро уедем из Дорохово в Старую Рузу. Так что с Панченко я не успею помириться. Но буду вспоминать его без зла, даже почти с благодарностью.

Если бы не он, я не знал бы, что мама может броситься меня защищать. Не знал бы, что бывают такие тонкие учителя, как географ. И не узнал бы с неожиданных сторон моего загадочного отца.

Глава 33

Бракосочетание Жени и Олега снимали на видео. У загса молодых ждал длинный, похожий на таксу, белый лимузин. Квартира ломилась от гостей. Стены были увешаны плакатами с разными шуточками. Молодежь налегала на спиртное и сметала деликатесы, забывая кричать «Горько!» Женя снисходительно наблюдала за происходящим, подмечая каждую мелочь. Потом она скажет мне, что будто видела себя со стороны. Ей хотелось запечатлеть в памяти каждый миг, даже не очень приятный. Говорят, замужество – как бы второе рождение. Нет, этой радости она не испытывала. У нее на душе скребли кошки: упала кукла с белой таксы, выпала из уха сережка. Точно не к добру.

«Что она в нем нашла?» – думал я, вглядываясь в Олега. Конечно, красавец, и деньги водятся, но в этом ли счастье? Но что же в нем не так? Смеется гыкая. Называет Женю малышом, рыбкой и лапулей. Мог бы придумать какое-нибудь прозвище, не такое тошное. Трогая с места на своей «девятке», давит на газ и одновременно жмет на тормоза. Каскадер, блин. Я понимал, что во мне бурлит отцовская ревность, но ничего не мог с собой поделать.

Отец хорошо выпил и блеснул знанием поговорок:
– Жениться – это вам не в баню сходить! – Выйти замуж, внученька, не напасть. Как бы замужем не пропасть!

Наверное, Олег тоже ему не очень понравился. У Жени после слов деда заблестели слезы.

Родителей Олега на свадьбе не было. Без объяснения причин.

– Ты даже не представляешь, какой он несчастный. Когда-нибудь расскажу, – поделилась Женя.

На все мои вопросы Олег отвечал обычно коротко, даже не пытаясь поддержать разговор. Трудно было понять, насколько он образован и начитан. Я спросил, какой религии он придерживается. Олег сказал, что, естественно, христианства. Но верит также в перевоплощение: ему нравится индуизм.

– Разве так можно?

– А почему нет? – отвечал новоиспеченный муж. – Каждая религия дает человеку то, чего не дает другая.

Стало ясно, почему Женя считает его глубоким. Но самым большим моим открытием на свадьбе была фамилия зятя – Дудаков. Нетрудно было представить, как его называют за глаза. Дочь моя теперь, стало быть, Дудакова. Туши свет!

Вскоре после свадьбы лихой муж не справился с управлением и врезался в бордюр. Женя ударилась головой о правую стойку машины. Лоб был рассечен у самого глаза. Еще сантиметр и дочь была бы калеккой. Вера плакала, но возмущалась только в отсутствие Олега. Я готов был растерзать зятя, но тоже возмущался молча.

А вскоре стало ясно, что нервическая манера вождения

имеет конкретную причину.

– У него проблемы с бизнесом, – коротко пояснила Женя.

Молодой глубокий муж лежал целыми днями, воткнув взгляд в противоположную стену.

Вера подошла к нему за объяснениями.

– Не лезли бы вы в душу, тещенька. Без вас тошно.

Совместное проживание выявило незамеченные ранее дефекты зятя. Слишком тонкие по сравнению с торсом ноги. Узкие чресла – верный признак отсутствия мужской силы. Во время депрессии чересчур быстро похудел. Впалыми щеками стал похож на изможденного кришнаита. Этакий пожилой молодой человек.

А Женя вертелась, как белка в колесе. До обеда – университет, после обеда – ученики. В день зарабатывала столько же, сколько я за неделю. Объявила, что стала откладывать на покупку своего угла. Но какого лешего о своем жилье не беспокоится молодой муж? Выяснилось, что на продаже брюк он прогорел капитально, и теперь засобирался продавать молоко. А на это нужен стартовый капитал.

– Какой из него коммерсант? – кипел я. – У него всегда будут штаны прокисать.

Женя отвечала, что она все-таки жена, должна помогать мужу в трудную минуту. Отдала ему свои сбережения. Он вложил их в молоко и снова прогорел.

В довершение объявил, что из Ханты-Мансийска должен приехать его двенадцатилетний брат Толя. Стал лишним в

новой семье отца. Не понравился мачехе. Вера допытывалась, где же мать.

– Мать у них умерла. Покончила с собой, когда узнала, что у отца другая женщина, – пояснила Женя.

Так вот откуда наа самом деле нервическая манера вождения и депрессивные состояния. Нельзя исключать патологической наследственности. Душевно здоровая женщина не убила бы себя. Но разве можно рожать от такого мужа?

Приехал Толя, хороший мальчик с большими печальными глазами. Тихий, послушный, рассудительный. Женя относилась к нему лучше, чем Олег. Кормила и обстирывала, как своего ребенка. А муж никак не мог выйти из депрессии.

Я уехал в командировку на две недели. Когда вернулся, увидел ту же картину. Женя готовит, стирает, гладит, принимает учеников. А Олег читает книги по буддизму. Ну, и когда это кончится?)

Думал, дочь снова будет защищать мужа, а она разрыдалась:

– Папочка, у меня уже нет сил.

– Гони его к черту!

– Ну, куда он пойдет? Ему не на что жить. И потом, он ведь не один. Толю жалко.

– Ты хотя бы не прописывай его.

– Олег сам не хочет прописываться.

Это было само по себе очень странно. Что может вынуждать провинциала отказываться от прописки? Только феде-

ральный розыск или откос от армии.

Мы обсуждали создавшееся положение. Олег в этом время подошел к обратной стороне двери и слушал разговор.

– Почему ты должна страдать? – возмущался я.

Что-то мне подсказало, что он подслушивает. Я резко открыл дверь. Олег стоял с ненавистью в глазах. У меня чесались кулаки. Он готов был убить меня. Женя страшно испугалась и встала между нами.

Я побывал в Питере в короткой, суточной командировке. Но у меня было время заглянуть к Стасику. Я позвонил ему. Он пожаловался: Полине становится все хуже, и она не хочет его видеть. Что ж, такие отношения близких, когда один уходит, а другой провожает, чтобы остаться, наверно, неизбежны.

Лично я не люблю, когда меня провожают. Мне кажется, что я бездарно трачу чужое время. И что это пустая формальность. Но уходящий на тот свет тем более не может любить провожающих – это так естественно.

Жалоба брата была к тому же неуместной. Он был не просто провожающий жену в последний путь. Он имел некоторое отношение к тому, что эти проводы стали неизбежны. По большому моральному счету, ему надо было на себя жаловаться, на свою вину перед Полиной. Каяться, черт побери. А он хныкал.

Трудно было сочувствовать Стасику в это время. Особенно мешала Феня. Точнее, фильм о их сладкой любви. Я ду-

мал, что он это понимает.

Наш телефонный разговор был коротким. Стасик не позвал меня. Наверное, считал, что я должен навестить его без приглашения. А я сказал, что ему наверняка не до меня. Полине тем более. Какой больной женщине хочется, чтобы ее видели в таком состоянии? Если Полина не хочет видеть мужа, то что можно сказать обо мне?

Глава 34

Денис написал признание, когда уже нельзя было не написать. Ни днем, ни часом раньше. Он все складно изложил. Ему могло грозить только условное наказание. Он вышел под подпиской о невыезде, когда все участники кражи уже были на свободе, и был встречен ими, как герой. Вера, обняв сына, заплакала, Женя гладила брата по голове. Вера сказала, что теперь пора домой. Накрыт стол на шесть персон, участвовавших в краже компьютеров. Денис покачал головой. Нет, домой он не пойдет. Он останется с ребятами.

Недоросли гурьбой двинулись в сторону тээрцэ. Я пошел за ними, стараясь не попасть на глаза. В отличие от дружков, Денис говорил негромко, смеялся сдержанно, руками не размахивал. Выделялся и выглядел положительно. В нем что-то есть, отметил я, какой-то стержень. А значит, увидит и судья.

Поднявшись по эскалатору, компания двинулась в бар. Денис с барменом здоровается за руку, официантки ему улыбаются. Вот уже и пиво несут. Выпив, Денис направляется в бильярдную. Играет уверенно, набитой рукой. Выигрывает и кладет кий. Переходит к игровым автоматам. Засовывает в пасть машине одну денежку за другой. В глазах напряжение и азарт. Не видит вокруг себя никого. Выигрывает, и автомат высыпает ему кучку монет. Ну и зачем ему я, такой как есть? И зачем, такой как есть, он – мне? Я не смогу изменить его,

если даже вылезу из кожи вон. Он не поддастся, потому что он сам себе отец. Звучит ужасно, но это так.

Дочь и зять встретили меня в прихожей. Женя нервно объяснила, почему Денис отказался идти домой. Он не хочет меня видеть. Олег удивил еще больше.

– Вам лучше уйти, Юрий Леонтьевич, – сказал он. – Если вы любите дочь и сына, вы просто обязаны уйти. Жить в такой обстановке невозможно. Все кончится тем, что Денис снова сядет, а наша с Женей семья распадется.

Женя и Олег во все глаза смотрели на меня. Их колотила дрожь. Ну, понятно. Они сейчас на передовой, совсем еще необстрелянные. А опытный командир сейчас в кухне.

Вера пила чай. В одной руке большая кружка, в другой – ломоть батона, намазанный маслом и медом. Я спросил, чего она добивается. Вера подняла на меня глаза, дожевала кусок, и с расстановкой ответила:

– А ты еще не понял? Чтобы выметался. Ты нас предал. А предателям нет пощады.

– Неужели ты думаешь, что от ненависти ко мне Денис станет лучше? Или станет больше любить тебя?

Вера откусила еще от батона и сказала:

– Давай, давай, Юрий Леонтьевич, собирай чемодан и уматывай. И из квартиры, и из нашей жизни.

– Юрий Леонтьевич, я же сказал: вам лучше уйти! – воскликнул Олег.

– Папа, неужели ты не можешь снять квартиру? – неожи-

данно выпалила Женя.

Вот уж от кого я никак не ожидал. Мы с дочерью смотрели друг на друга. Я надеялся, что она сейчас же опомнится и возьмет свои слова обратно. Но у нее на лице была написана непреклонность. Нет, это была не простая борьба за спокойствие в семье. Что-то случилось. Я перевел взгляд на жену. Вера упивалась своим торжеством.

– Как ты мог? – с болью в голосе сказала Женя. – Неужели ты и меня не хотел?

Теперь все стало ясно. Я смотрел на Веру. Она со всей безоглядностью Стрельца творила месть и ненависть. Мне следовало признать – это у нее получалось лучше, чем что-либо другое. Но того, что я получил в этом эпизоде, ей было мало. Она сказала, когда мы остались одни:

– Если ты не исчезнешь, я расскажу всем о твоём прошлом.

– Но, мадам, как можно?

Этот вопрос я произнес театрально. Думал, она рассмеется и скажет, что пошутила. Но Вера смотрела на меня, словно в прицел.

– Я не шучу, Терехов, ты мне смертельно надоел.

Я собрал чемодан и позвонил Наде. Ей бы понять, что мне плохо, и помочь в трудную минуту. А она вступила в обычный поединок: кто кому больше нужен. Спросила с усмешкой: уж не решил ли я на этот раз приехать с чемоданом?

– Ободренных не берем, – подсказала Золушка. Ее голос

невозможно было не услышать.

– Я больше тебя не побеспокою, бесценная моя, – опрометчиво пообещал я, кладя трубку.

Будь Надя одна, она бы наверняка тут же перезвонила мне. Но Золушка, это нетрудно представить, смотрела на нее рептилией с острова Комодо. Я поставил чемодан в угол. Уход из дома откладывался. Ну, и ладно. Когда все одно к одному, то все до кучи проще пережить.

Но через минуту я передумал. Нет, мне не хотелось рвать с ней. Она была красива, и этим поднимала меня в собственных глазах. Такой женщины у меня еще не было. Но своей яркой внешностью она же меня и принижала. Я чувствовал зависимость от ее роскошного тела. Я не был свободен. Особенно сейчас. Я не знал, что в эти минуты Надя устроила Золушке скандал. Я узнал об этом спустя еще сколько-то время, когда раздался звонок

– Приезжай, – сказала Надя.

– Бедный мой, – сказала Надя, когда мы лежали в ее красивой постели. – При этом погладила меня по лицу, как гладят собаку или кошку. хотя, скорее всего, мне так показалось. – Бедный на эмоции. То ли сдерживаешь себя. То ли тебе нечего показать любимой женщине.

– Ну, почему же нечего? – плоско пошутил я.

– Я имею в виду чувства, – сказала Надя. – Или я не такая уж и любимая? Ты так умеешь объяснять других людей. Объясни мне, почему ты такой?

– Долго объяснять, Наденька.

– А мы никуда не спешим.

– Давай как-нибудь в другой раз.

– Давай, – согласилась Надя. – Но учти, я от тебя не отстану. Тебе придется объяснить. А пока я спрошу тебя о пу-
стяках. Ты спишь отдельно от жены?

– Надя, прекрати меня препарировать.

– Мне жаль твою жену, – сказала Надя. – А почему ты не любишь свечи и музыку, когда мы занимаемся любовью?

– Это ты зря. Я этот антураж тоже люблю, только не считаю обязательным.

– Неужели я для тебя всего лишь объект? – прямо спросила Надя.

Зачем она затеяла это разговор? Я встал и пошел в ванную.

– У меня нет для тебя второй кровати, – сказала вдогонку Надя.

Я понял, что мне лучше вернуться домой. А еще лучше – никогда уже не появляться здесь. Наконец-то я окончательно разобрался в себе. В своем отношении к Наде. До нее во мне сидело, как в засаде, банальное вожделение. Желание поиметь холеную, капризную, красивую женщину. Настоящую кошечку. До сих пор-то были одни амазонки или смешанные типы. И вот получил желаемое, и кое-что понял. Вспомнился Леопольд фон Захер-Мазох, психиатр и писатель. Он ведь сам однажды настоял, чтобы жена отправилась

в путешествие с любовником, а сам, переодевшись лакеем, прислуживал им, терзаясь муками ревности. Чтобы описать унижение от красивой женщины. Это уж потом ему приписали порок и назвали его именем.

Подобно Захер-Мазоху я попытался быть не самим собой, и вот к чему пришел. Зачем мне я – не – я? И даже Наде – зачем? Тем более, что я не жажду унижений, ни телесных, ни духовных. А ведь мы к этому рано или поздно придем. Ну уж нет.

Глава 35

Чтобы не дать Фунтикову уволить Сыра, мы (старая часть редакции) подали заявления об уходе. Сережа принял демарш с терпеливой снисходительностью. Мол, дуралеи, еще попроситесь обратно. Он был отчасти прав. Сокращения шли во всех редакциях. Найти себе место было почти невозможно.

А хитроумный Сыр вел свою игру с Фунтиковым за нашей спиной. Однажды собрал нас, смутьянов, и с видом победителя возвестил, что договорился с Сережей, тот не будет устраивать репрессии. На самом деле это не он договорился. Это мы неожиданно понадобились нашему спонсору. Фунтиков вошел в состав политсовета партии «Демократический выбор России». Партии Гайдара и Чубайса. И наша газета получила заказ на политическое уничтожение ее противников. Этой заказухой уже занимался один из телеканалов. Теперь команду «фас» получили мы. Нам даже повысили на 30 процентов зарплату.

Главной целью стал губернатор Приморского края Костенко. Мафиози, сепаратист, черт и дьявол. В декабре 1995-го предстояли очередные губернаторские выборы. Он не должен был остаться у руля. По мнению Гайдара и Чубайса, Костенко представлял колоссальную угрозу для России. Он отпадно заявил, что страна наша «ломается по Уральскому

хребту». В Кремле, наверно, вздрогнули и начали считать силы. Сил подавить сибирско-дальневосточный сепаратизм не было. Если в Ичкерии облажались...

Дальневосточный военный округ – самый мощный в стране. Целые города делают самолеты, подводные лодки. 80 процентов экспорта идет через дальневосточные порты. Ну, и народ там с характером Разина и Пугачева. Когда в 1990-м началась приснопамятная борьба с привилегиями, толпы направились к дачам партийных вельмож. Полетели факелы. Дома горечи, как свечи. КГБ, милиция и военщина боялись сунуться. Или сочувствовали бунтовщикам. Где еще в стране было такое?

Короче, Костенко – внутренний враг, и надо его мочить, сказал Фунтиков. Это наш патриотический долг. Я думал, пошлют в командировку. Уже предвкушал рыбалку в Японском море. Но Фунтиков дал мне 37-страничный доклад «группы экспертов». Мол, ехать ни к чему. Убойные факты уже собраны. Осталось только писать на их основе зубодробительные материалы и публиковать. Из номера в номер, каждый божий день. Не давать дьяволу ни минуты передышки. Уничтожить морально, пока не откажется от плана на переизбрание.

Это было что-то новенькое. Я-то по старинке считал, что должен сам добывать компромат. А вдруг эта «группа экспертов» тоже выполняла чей-то заказ? Почему мы должны слепо верить подручным Гайдара и Чубайса?

– Или вы работаете по предложенной схеме, или мы откажемся от вашего пера, незаменимых, как известно, не бывает, – отвечал Фунтиков, надувая щеки с заметными не по возрасту брыльками.

Я не стал зарываться. Решил потянуть время. Встретился в кофейне редакции со знакомой английской журналисткой из левой газеты «Morning star». Рассказал, что творится в редакции. Она напечатала мой сигнал. Меня вызвал Фунтиков.

– Решили уйти со скандалом, чтобы выглядеть жертвой?

– Вы можете вляпаться, – сказал я ему. – Чубайс насылал на Костенко сорок семь комиссий. Они обошлись государству в миллиард рублей каждая. Теперь готовится сорок восьмая комиссия, самая большая. Говорят, она будет стоить три миллиарда. Здравый смысл подсказывает: если ничего не нарыли сорок семь комиссий, то что может нарыть сорок восьмая? Хотя результат все же может быть...

Тут я сделал паузу.

– Что за результат? – спросил Фунтиков, массируя и тем самым только увеличивая брыльки.

Я объяснил:

– Все, у кого есть мозги, поймут, что доклад «группы экспертов» и есть настоящий компромат. Только не на Костенко, а на вашу непорочную партию.

– Какая-то убогая аналитика, – отвечал через оттопыренную нижнюю губу Фунтиков. – Вот последние сведения. Генерал Бондаренко, начальник налоговой полиции Примор-

ского края, человек Костенко, доставлен в Москву самолетом. Уже выдает компромат на своего босса в Лефортовской тюрьме. Так что дьяволу придет конец не в декабре, а раньше.

Фунтиков закончил со смешком:

– Но не только Костенко конец. С этой минуты вы у нас уже не работаете, Юрий Леонтьевич.

Теперь надо было решить сразу две проблемы. Где жить и где работать. И еще как-то странно першило в горле, хрипел голос, больно стало глотать. Я пошел в клинику. Анализы показали непорядок с эритроцитами и гемоглобином.

– И лимфоузлы увеличены, – добавил врач.

Выписал мне направление в профильный институт. Там долго осматривали на специальной аппаратуре, взяли соскоб, велели зайти через две недели. Строго предупредили: по вызову явиться немедленно, не задерживаться ни на один день! По лицам было видно: что-то у меня сильно не так.

Я вышел из института на нетвердых ногах. Ну, вот, кажется, и ясно, кто следующий. Холодок по спине и что-то вроде невесомости. Ислышать плохо стал. Это как контузия, только взрывается не рядом, а внутри. Когда рыбу глушат, она всплывает брюхом вверх. Вот так и я шел к метро вверх брюхом. А потом затрясло сожаление. Как же хреново, глупо жил. Если взять жизнь в целом, будто на свинье проехался. Но странное дело. Даже в этом состоянии в голову пришла почти гениальная идея. Я буду жить в командировках! До-

мом мне станут гостиницы. Месяца два-три перекантуюсь, а там будет видно.

На другой день я объехал несколько редакций, всюду договорился, а кое-где даже получил вперед командировочные. Потом пошел в магазин и купил литровую бутылку виски. Новый этап жизни надо было обмыть.

Глава 36

Я надрался в тот вечер. И снова перебирал, как четки, нашу кочевую жизнь. Из Подмосковья мы поехали на восток страны. На очереди был Павлодар.

Из Омска меня повез на своей «Победе» знакомый отца. По разбитой дороге мы ехали 400 километров весь день. Стояла страшная жара. Меня укачало. К вечеру я начал думать, что у меня начались глюки. На горизонте выросло темно-желтое облако. Это степные ветры подняли в воздух верхний слой распаханной целины.

Облако висело над Павлодаром. Угадывались зыбкие очертания мазанок и казачьих особняков. И какое-то огромное здание без окон. Оказалось, элеватор. Казалось, мы въехали в другую страну. На окраине возле домов сидели старики-казахи в малахаях. И старики-кавказцы в папахах.

Мы подкатили к низенькой мазанке на берегу Иртыша. На двери висел замок.

– Жди отца, – сказал хозяин «Победы» и уехал.

Я чуть подпрыгнул и сел на крышу мазанки. Мимо шли чернявые пацаны. Ингуши. Среди них Мухтар, мой будущий друг.

– Ты откуда такой?

– Буду здесь жить.

– Живи, – разрешил Мухтар. – Плавать умеешь?

Отец показывал, как хорошо плавает саженками. Я пытался повторить, и шел топором ко дну. Отец насмехался. Ему не хватало терпения.

– Пойдем – научу, – сказал Мухтар.

Сняв трусы, пацаны ныряли с высокой баржи. Кто солдатиком, кто вперед головой. Я стоял, переминаясь. Накаленная солнцем баржа обжигала ступни. Мухтар столкнул меня, я нахлебался воды и пошел ко дну. Но рука вдруг что-то ощутила. Это была якорная цепь. Я схватился второй рукой и стал перебирать звенья, карабкаясь вверх.

Я кое-как отдышался. И теперь слушал советы Мухтара.

– Плыви к берегу, только сильнее загребай, а то затянет под корму.

Я молчал. Я не мог оторвать руки от цепи.

– Ты где раньше жил? В пустыне? – потешался Мухтар, он был очень смешлив.

Нет, мы жили там, где рядом были и речки и пруды. Черт его знает, почему я не научился плавать. Пацаны нацелили на меня сверху свои краники.

– Поплывешь?

Я молчал, меня трясло. Но когда попала первая струйка, судорога прошла, пальцы отпустили цепь. Я отчаянно забарахтался, сначала на одном месте. Ощутил, что держусь на поверхности, и начал загребать, потом замолотил ногами.

– Ого-го-го! – потешались пацаны.

На берег я не вышел, а выполз.

Мухтар предупреждал: не соваться без него в кинотеатр «Ударник». Но я все же пошел. В трусах и босиком, как все пацаны моих лет. Деньги – в кулаке.

Смотрю, перед кассой топчутся чернявые пацаны, по виду шестиклассники. Увидев меня, приняли охотничью стойку. Подходят, приставляют к голому животу остро заточенные велосипедные спицы.

– Деньги.

Я не осознал серьезности момента.

– Еще чего?!

– Деньги, ёрси*! *ёрси – русский (*чеч*)

Я бы сдался, но в дверях возник Мухтар. Он сказал что-то по-своему пацанам. Те испарились.

– Тебя в какой класс записали? – спросил Мухтар.

– В восьмой «Б».

– Запишись к нам в «А». У нас самые классные девчонки.

Молодые ингуши крутили любовь только с русскими, украинками, немками. Ингушки, тем более молоденькие, не покидали своих домов. Даже в школах не учились.

28 июля мне исполнилось 15 лет. В этот день Мухтар вру-

чил мне подарок -финку с наборной рукояткой.

– Носи, пригодится. Ты еще не понял, куда попал.

Взрослые в те годы даже близко не представляли, какой опасной была жизнь в этом городе для их детей. Строились тракторный и алюминиевый заводы, химкомбинат, несколько ТЭЦ, сразу несколько жилых районов. Основной рабочей силой были зэки. Колонии на окраине стояли вплотную друг к другу. Заключение везли по городу на автомашинах с высокими бортами, водили колоннами. Их было больше десяти тысяч. Освобождаясь, они либо оседали в городе, либо, прежде чем уехать, от души куролесили.

Но по ночам больше разбойничали ингуши и чеченцы. Раздевали всех без разбору, кто попадется под руку. Мухтар это занятие соплеменников не одобрял. Он жил без отца и во всем слушал старшего брата. А тот велел Мухтару хорошо учиться, чтобы поступить на юрфак. Брат был старше всего на четыре года, но Мухтар его слушал, как отца.

Однажды Мухтар решил показать мне, как он живет. Его старшая сестра накормила нас твердым козым сыром и сваренными в растительном масле кусочками теста. Меня угодрило сказать, что вкусом они похожи на казахские баурсаки. Сестра одарила меня презрительным взглядом. Больше Мухтар меня к себе не звал, хотя у меня дома бывал почти ежедневно.

Ингуши и чеченцы ставят себя выше других народов, и не без оснований. Их неписаным законам жизни можно поза-

видовать. Узнав, как ко мне относится отец, Мухтар сказал, что у них такого не бывает, потому что отцы боятся унижать и тем более бить сыновей. Наказание неотвратимо. Подросший сын имеет право и даже обязан убить такого отца. А другие сыновья не имеют право его защитить. Напротив, если отец будет сильно защищаться, они обязаны и имеют право поддержать униженного брата то есть совместно убить родителя.

– У нас считается, что по крови братья ближе друг другу, чем отец, – сказал Мухтар. – Все они почитают отца, а если кто-то без оснований перестанет почитать, от него отвернутся весь род. Но если отец сам дает основания, тот же род его осудит и поддержит сыновей. А если он убьет сына, другие сыновья будут мстить ему. Такой у нас закон.

Глава 37

2 сентября в нашем девятом «Б» появился новичок. Рослый, широкоплечий, он стоял перед классом, держа портфель за спиной, посмеиваясь и покачиваясь с пятки на носок. На нем были странные голубые штаны (мы тогда ничего не знали о джинсах), рубаша в крупную клетку и умопомрачительные башмаки (мокасины) с загнутыми носками. Темные волосы зачесаны на пробор. На пробор! Он был какой-то весь из себя особенный, такого парня мне среди ровесников еще не встречалось.

– Магистров Максим, – представила его классная Клара Исавна, сокращенно Клариса.

Свободное место было только рядом со мной на «камчатке». От новичка пахло тонким одеколоном. Он спросил, как я поживаю. Он слегка гнусавил и у него была какая-то не наша мелодика речи. Я молча показал большой палец. Он сказал, чтобы я звал его Максом. Я пожал плечами.

На большой перемене он широким жестом предложил сигареты с фильтром, пустил дым густыми колечками, рассказал похабный анекдот, поинтересовался, как тут у нас развит спорт, словно невзначай обронил, что давно не надевал боксерских перчаток, при этом влажным глазом сердцеда оценивающе разглядывал наших девчонок.

Мы все были сексуально озабоченными, но только Макс

не стеснялся это показывать. Тонем опытного методиста он преподавал нам краткую теорию обольщения.

– Об *этом* нужно говорить, глядя прямо в глаза. Не надо ходить вокруг да около. Не надо стесняться. Что происходит, когда вы стесняетесь? Они тоже стесняются! А что еще им остается? Понимаете, они тоже *хотят*. У них тоже гормоны играют. Про гормоны что-нибудь слышали? Короче, они *хотят* не меньше, чем мы. Надо только помочь им расслабиться и получить удовольствие.

– Как? – нетерпеливо спросил я.

Макс глянул снисходительно.

– Что как?

– Как помочь расслабиться?

– Ты чем слушал? Я только что сказал. Нужно говорить прямо: я тебя люблю, поэтому я тебя хочу.

– А если я не люблю, а просто хочу?

Макс поморщился и объяснил:

– Чего тебе стоит сказать, что ты её любишь? Так не будь олухом!

Он выглядел пижоном и вел себя, как пижон, но...он не был пижоном. Он просто страшно любил влиять на других, подчинять себе. Среди подростков это не редкость. А еще ему нравилось кого-то раздражать и быть лучшим среди худших.

Через неделю он вел меня к молоденьким медичкам: по его словам, их проще поймать.

– Они хорошо знают физиологию, поэтому проще смотрят на половые отношения. А твоя невинность – это что-то ненормальное. Пора с этим кончать. Сегодня у тебя есть шанс. Если упустишь – ты мне не друг, понял?

Он меня достал своими нотациями, я выругался. Макс вылутился на меня.

– А как ещё на тебя подействовать?

Я сказал, что наверстаю своё после армии.

– Ага! – возмутился Макс. – Он вернется из армии, женится и тогда наверстает! Ты пойми, тебе это нужно сейчас. Если не будешь иметь женщину, начнешь рукодельничать, высушишь себе спинной мозг.

Он пересказал распространенную среди взрослых точку зрения на мастурбацию. Я слушал, развесив уши. Он больно ткнул мне в грудь указательным пальцем.

– Значит, так. У медичек однокомнатная квартира. Я с блондой удалюсь на кухню. В твоём распоряжении броне-точка, комната и двуспальная кровать.

– А как же ты на кухне, там же негде лечь? – заботливо спросил я.

Макс театрально закатил глаза. Мол, ему и на кухне будет хорошо. Он, конечно, был артист.

Медички были не просто медсестры. Они были трахсестры. Большие любительницы поиграть в любовь. Макс балагурил, рассказывал смешные и невероятные истории. Я делал умное лицо. Мне эта хитрость сходила с рук. Хотя кому

это нужно, даже если ты в самом деле умняк? Обе девчонки не сводили глаз с Макса. Они млели, когда он устроили игру в бутылочку, наперебой льнули к нему. Когда пришло время разбиться на пары, Макс подмигнул мне и потянул блонду на кухню.

Шатенка Люда сидела с напряженной спиной, глядя куда-то в сторону

– Ну и чего молчишь? – сказала она, наконец. – Расскажи что-нибудь, повесели. Или полезешь за пазуху без лишних разговоров? Что тебе натрепал Макс? Что меня легче взять? Он ошибся, всё наоборот.

Я чувствовал себя полным ничтожеством.

– Ладно, давай напьемся, – неожиданно предложила Люда. – Напьемся и ляжем. И пусть они думают, что хотят. Наливай!

Я налил в рюмки светлого сухого вина. Рука у меня дрожала.

– Пей до дна!

Я выпил, а Люда только пригубила рюмку.

– Наливай себе ещё. Не могу же я пить с тобой на равных.

Я налил и выпил, а Люда снова только пригубила рюмку. Я почувствовал слабость в ногах и головокружение. До этого мы с Максом пили водку, причем, я не закусывал. Стеснялся. Нельзя пить после водки вино, но этого я ещё не знал. Я понял: еще одна рюмка и я свалюсь под стол.

Люда отставила рюмку, поднялась из-за стола, легла на

кровать. Юбка задралась, стали видны округлые колени и верхний краешек чулок. Этот краешек совсем помутил мое сознание. На нетвердых ногах я подошёл к кровати. Люда беспричинно засмеялась. Я не мог понять, чем так рассмешил.

– Ты целоваться-то умеешь? – спросила она. – Наверно, только по-пионерски. Ну иди сюда, поучу.

Я лег точно возле печки. Потолок ушёл в сторону. Я замер, дожидаясь, когда потолок встанет на своё место. Получилось не сразу и ненадолго. Люда положила мою руку себе на грудь. Небольшая, но упругая, грудь выпирала из лифчика, мне захотелось взять её в пятерню целиком. Люда растегнула лифчик, её дыхание стало прерывистым. Я накрыл грудь ладонью и ощутил твердый сосок.

– Целуй

Классное требование. Но я не так понял. Я полез к её лицу. Она перенаправила меня к своей груди.

– Здесь целуй. Возьми в рот.

Я впился в сосок. Люда застонала и полезла рукой мне за пояс. Расстегнула ремень, взяла в ладонь мой вздыбленный пистон.

– Давай так, – прошептала она. – По-другому не могу. По-другому – только после свадьбы, и не с тобой. Целуй крепче, ещё крепче! Это называется петтинг, тебе понравится.

Я подумал, что этому петтингу ее научил Макс. Так и было.

В отличие от Макса я никак не мог приспособиться к учителям. Особенно долбала меня математичка.

– Где ты учился, Терехов, скажи нам по секрету, в какой деревне? Что у тебя в голове? Знаешь, как зовут тех, у кого такая деревянная голова?

Училка издевалась, но фактически была права. Точные предметы мне давались туго. А если честно, совсем не давались.

– Кто поможет Терехову подтянуться? – скрипучим голосом спросила математичка.

Я сразу глянул на Малию (Амалию) Эккерт. Вот с кем бы я с радостью позанимался, и не только математикой. Красотка, ничего не скажешь. Но есть один недостаток. Привыкла, что на нее пялятся, и потому, чтобы сразу отвадить, смотрит строго. Макс считает, что это притворство, и клянется это доказать, когда займется немочкой всерьез.

Подтянуть меня вызвалась Лиза, подружка Мали, ладненькая, фигуристая ватрушка с щечками, как у хомячка. После уроков мы остались, она подошла к доске и начала мне что-то разжевывать. А я украдкой рассматривал её прелести.

– Терехов, – строго сказала Лиза, – я откажусь тебя подтягивать.

– Очень надо! – я схватил портфель и начал выбираться из тесной парты.

– погоди, – остановила меня Лиза. – Ну, чего сразу психовать? Смотри, какой

обидчивый. Ты меня раздеваешь глазами, а я тебе и слова не скажи?

Занятия с Лизой ничего не дали. Я пробовал зубрить, но помнил то, что

требовалось, только до выхода к доске. Став лицом к классу, я терял дар речи. После

очередного провала Маля посоветовала мне:

– Прежде чем отвечать урок, скажи, что волнуешься, и мандраж сразу пройдет.

Я смотрел с недоверием: это она всерьез или прикалывается?

– Попробуй, – убеждала Маля. – Это известный ораторский приём.

На следующем уроке математики я вышел к доске, почесал в затылке и сказал:

– Извините, я волнуюсь.

Класс упал на парты. Математичка ударила широкой линейкой по столу и

объявила меня шутком гороховым. Маля смотрела сочувственно. Это меня утешало.

По натуре я был мечтателем. Я мог улететь на уроке очень далеко. Отсюда

рассеянность, неумение концентрировать внимание, включать память.

– Терехов, ты где?

Этот вопрос учителей я улавливал не сразу.

– Здесь я.

Отличники и хорошисты смотрели на меня с презрением.

Но были уроки, где с памятью и речью у меня был полный порядок.

Литература, история, география... Мне хотелось держать марку. Я брал в

школьной библиотеке книги, чтобы рассказать у доски что-то такое, чего не было

в учебнике.

В библиотеке была полка, где во втором ряду стояли неуничтоженные

книги старорежимных авторов. Однажды я открыл Василия Розанова. Книжка

была с ижицами и ятями. Я открыл наугад и прочел: «Есть люди, которые

рождаются «ладно», и которые рождаются «не ладно». Я рожден «не ладно»: и от

этого такая странная, колючая биография».

На уроке написал Мале записку: «Ты рождена «ладно»?»

Маля задумалась. Ответ её был такой: «Родители меня любят, значит,

ладно, и безо всяких кавычек».

Макс жил на квартире в старом частном доме. Там пахло прелой

древесиной, обвалившаяся штукатурка была прикрыта дорогими коврами. Мебель,

совсем как у нас, заменяли чемоданы. Макс сказал, что живет с матерью, но я

видел ее только однажды, когда почтальон принес телеграмму, извещавшую о смерти отца Макса. Мать плакала.

– Он не мог умереть, – нервно говорил ей Макс. – Я не верю. Тут что-то не

так. Ты должна потребовать, чтобы это расследовали.

– Сын мой дорогой, о чем ты говоришь? – всхлипывала мать, очень

красивая женщина с высокой шеей, бывшая балерина.

После этого я больше никогда ее не видел. Мне казалось, что Макс ее ненавидит.

Макс стал мне больше, чем другом. Он первый подробно рассказал мне, как

получается зачатие и как проходят роды. Он учил меня правилам хорошего тона.

Ставил на стол дорогой сервиз – серебряные ложки, вилки и ножи. Говорил, что

мы на приёме у английской королевы и наглядно показывал, как нужно правильно есть.

Мы надевали его боксерские перчатки, я – на правую руку, он – на левую. И

он учил меня правильно драться. Иногда мы дрались по-

что всерьез, обмотав

кулаки боксерскими бинтами. Но Макс дозировал силу ударов. Бил открытой

ладонью, только однажды нечаянно ударил слегка сжатым кулаком. Пришлось ему

сунуть мне под нос нашатырь. Но он не злился, как мог злиться я. У него эмоции

были под контролем. Он был рубаха-парень, но когда я пытался заговорить с ним

по душам, он тут же замыкался, лицо его приобретало немое выражение. Он будто

переставал понимать, что я ему говорю.

В день моего шестнадцатилетия Макс подарил мне финку с

костяной ручкой и на всякий случай просветил, что при ударе ножом

сопротивляется только кожа. Пробил кожный покров – дальше лезвие идет почти

без сопротивления. Я терялся в догадках: откуда он знает такие вещи?

В школе ему, как и мне, было скучно. Как только учитель начинал объяснять новый урок, мы открывали географические карты. Макс называл город, реку, гору, а я должен был показать, где находится этот город (гора, река). Потом мы менялись ролями: я загадывал – он отгадывал. При этом я увлекался и переставал слышать учителя, а Макс успевал ло-

вить и запоминать каждое слово.

Макс часто бывал у меня дома. Он всегда приветливо здоровался. Уходя тепло прощался. Иногда помогал мне делать какую-то домашнюю работу. Когда я мыл полы, он передвигал мебель. Когда мама читала мне в его присутствии

нотацию, он всегда ее поддерживал. Другая мать считала бы везением, что ее сын дружит с таким воспитанным и положительным молодым человеком. Но мама говорила мне:

– Я не хочу, чтобы он приходил. Я не хочу, чтобы ты дружил с ним. С кем

поведешься, от того и наберешься. Меня не проведешь, это мальчишка с двойным или даже тройным дном. А ты олух царя небесного.

Кларисе взбрело в голову задать нам сочинение «Образ Печорина».

Вообще-то, «Героя нашего времени» проходят в восьмом классе. Но Клариса

ничего не делала просто так. Видимо, она видела, какими глазами Маля смотрит

на Макса. Она устроила разбор сочинений и процитировала то, что написала

Маля: «Странно, что в Печорине видят задатки чего-то хорошего. Он совершенно

безнравственный тип, чего не отрицает и сам Лермонтов. Выменял на коня

черкешенку Бэлу, мучает Веру, чуть не сломал жизнь

княжне Лиговской,

издевается над Грушницким. Так нельзя относиться к людям».

Кларисса пылко поддержала Малю. Но тут выступил Макс.

– Черкесы не воровской народ. Тут Лермонтов перегнул. Я бывал с отцом в

Адыгее, мы там по горам лазали. Черкесы, если хотите знать, самый благородный

на Кавказе народ. Чтобы сын князя продал сестру русско-му за коня?! Чтобы

пошел из-за коня против семьи и отца?! Быть такого не могло!

У Кларисы задрожали губы. Ей не нравился Макс в лице Печорина, но еще

больше ей не понравилось, что Макс осмелился осуждать классика Лермонтова.

– Что ты знаешь о внутренних противоречиях, которые может переживать

человек, а стало быть и литературный герой? Ты вообще понимаешь, что это

такое – внутренние противоречия?

– Куда мне, Клара Исаевна? – ехидно сокрушался Макс.

Клариса лихорадочно переводила взгляд с одного ученика на другого. Ей

хотелось, чтобы кто-то ее поддержал. Маля подняла руку.

– Чаще всего внутренние противоречия заключаются в том, что в человеке как бы борются два ангела, белый и черный. И когда они поочередно побеждают.

На лице Кларисы заиграла торжествующая улыбка.

– Но в таком случае, почему бы нам не предположить, что и в душе

Печорина, как и в душе самого Лермонтова, боролись эти два ангела?

Маля тихо сказала:

– Что ж получается? Черный ангел побеждает чаще?

Прозвенел звонок.

– Жаль, что у нас уже нет времени, – сказала Клариса. – Но запомните одну

мысль, которая не требует объяснений: у зла есть свои герои. И нельзя позволять этим героям побеждать вас.

Спустя неделю после начала занятий нас отправили на картошку. Обычно,

мы посмеивались над Кларисой. Плоская фигура. Только глухие платья,

никаких вырезов. Подложенные плечики. Всегда официальный тон и замкнутое

лицо. О том, чтобы поговорить с ней по душам, не могло быть и речи. И вдруг...

Девчонки шептались: «Клариса-то наша, вы только гляньте». Без косметики

классная выглядела гораздо моложе. А девчонки наши, без фартучков и косичек

выглядели взрослее и пахли иначе. Колхоз – не школа, здесь никто не запрещал

парфюмерию. Утром, когда девочки умывались, волосы у них не были уложены.

И вечером, когда выходили из душа... Распущенные густые волосы Мали

волновали меня до дрожи.

Стоял гвалт. Мы, мальчишки, ходили на головах. Клариса сорвала голос,

пытаясь хоть как-то унять нас. Сказала, что будет работать на равных с нами, а

командовать только после работы. А в рабочее время нами должен руководить

бригадир кто-то из нас. Мы избрали Макса.

На ужине директриса местной школы объявила, что сегодня в местном

клубе в нашу честь дают концерт и танцы.

– У нас будет свои танцы, – возразил Макс. – Приглашаю всех на шашлык.

Все радостно заулюлюкали. Клариса пыталась вставить слово, но ее никто

не слушал. Наконец, она заставила нас заткнуться.

– Магистров, – твердым голосом сказала она. – Мы нарушаем законы гостеприимства. Так нехорошо. Мы должны пойти.

Макс отмахивался:

– Клара Исаевна, знаем мы эти танцы. Соберется местная шпана, начнут приглашать наших девчонок...

– А вы приглашайте их девчонок.

– Клара Исаевна, вы плохо знаете жизнь. Если мы начнем приглашать местных девчонок, это кончится дракой.

Клариса закусила губу. Ей было обидно за свой авторитет.

И в то же время она понимала, что Макс прав.

– Откуда у тебя мясо для шашлыка? – спросила она.

– Перевод от мамы получил. Тут бараны копейки стоят.

Не волнуйтесь,

Клара Исаевна, не обеднею.

Макс распределил, кому собрать сушняк, кому делать мангал, кому шампуры из толстой алюминиевой проволоки. Сам собственноручно зарезал и разделал барана. Маля и Лиза обозвали Макса живодером и отказались от шашлыка.

– На здоровье, – весело отреагировал Макс, – нам больше

достанется.

По его знаку я перелил красное сухое вино в чайник и спрятал пустые

бутылки подальше. Вскипятил настоящий чай, заварил погуще, чтобы нельзя было

отличить от красного вина.

Начался пир. Клариса не замечала, что из кружек не поднимается пар. Не

обращала внимания, что девчонки морщатся, хлебнув из кружки, и о чем-то

шепчутся. Она стала что-то подозревать только, когда у Мали стал заплетаться

язык.

– Я хочу быть женой знаменитости. Если мужчина ничего в жизни не

добился, это не мужчина. Конечно, я ему помогу.

Маля говорила это вполголоса сидевшей рядом Лизе, но в этот момент за

столом возникла пауза, и ее слова слышали все. И все замерли, ожидая, что она

скажет дальше. Маля стушевалась и сказала заплетающимся языком:

– Мама дорогая, моя репутация! Это конец.

– Что происходит? – Клариса выхватила из чьей-то руки кружку,

понюхала, и ей все стало ясно.

Она выплеснула вино на землю и потребовала, чтобы все остальные

сделали то же самое. Но выплеснули только те, кто совсем не притрагивался, и кто только слегка пригубливал.

– Немедленно прекратите это пьянство! – прошипела Клариса. – Как вам не стыдно? Дорвались до свободы?

Макс прервал ее:

– Ладно вам, Клара Исаевна. Какое тут пьянство? Думаете, мы раньше не выпивали?

– А с тобой, Магистров, будет особый разговор, – взвилась Клариса. – Я

начинаю догадываться, откуда у тебя деньги. Никакой не перевод от мамы. Учти,

Максим, деньги пахнут!

Чутье ей не изменило. Никакого перевода не было. Макс продал деревенским

машину картошки, они взамен дали небольшого барана и несколько бутылок вина.

Неизвестно, чем бы закончилось это препирательство, но пришли бухие

местные парни. В руках колья. Мы в растерянности молчали. Клариса смело вышла

им навстречу, спросила срывающимся голосом:

– Что все это значит?

– Это значит, бить вас будем, – сказал самый рослый из местных, звали его

Рома, по виду совсем мужик.

– За что? – спросила Клариса.

– За просто так, – сказал Рома. – Праздник у нас такой, тетенька. Как

сентябрь, так бьем городских.

– Только посмейте кого-нибудь пальцем тронуть, – пригрозила Клариса. – Я

милицию вызову.

Местные заржали.

– В нашей милиции, тетя, все свои ребята

– Может, шашлычка? – как бы мирно предложил Макс.

– Откупиться хочешь? – процедил Рома.

– Типа того. А ты, конечно, неподкупный?

Рома в ответ соорудил зверскую гримасу.

Сколько было нас, мальчишек? Человек двенадцать. А деревенских не

меньше тридцати. И все с кольями. Клариса бросилась их уговаривать:

– Ребята, ну я вас очень прошу, не надо! Я вас умоляю.

Макс ее остановил:

– Клара Исаевна, не надо унижаться перед этими дебилами.

Местные загалдели:

– Ты кого назвал дебилами? Сам дебил!

Макса взяли в кольцо. Рома широко размахнулся, но кол его безрезультатно

рассек воздух. Макс легко увернулся. Рома повторил размах – кол полетел в сторону.

Деревенский атаман пошел на Макс с кулаками. Но и кулаки не доставали Макса.

Рома рассвирепел и бросился вперед, переходя на борьбу. Но и на этот раз Макс

увернулся, а Рома смешно распластался на земле. Я не выдержал и оскорбительно

рассмеялся. Местные бросились на нас с кольями. Кто-то бросился бежать, кто-то

начал отбиваться. Неожиданно Макс выхватил из карманов какие-то странные палки.

Это были нунчаки. Первые же его удары достигли цели. Местные бросали колья и

хватались за разбитые в кровь лица. Больше всех досталось Роме. Он начал

отступать, за ним остальные. Грозь самой страшной расплатой, деревенщина

растворилась в сумерках.

Мы с восхищением рассматривали нунчаки и просили Макс показать, как ими

пользоваться. Но мы зря расслабились. Вскоре местные появились снова. В руках у

Ромы была двустволка. Он потребовал выдать Макса, иначе начнет стрелять. Клариса

снова принялась уговаривать этого идиота. Но Макс не дал ей сказать и двух слов. Он

бросился на Рому и вцепился в ружье. Ружье выстрелило раз – в воздух, другой раз

– снова в воздух. Макс вырвал ружье и одним движением согнул о землю ствол.

Потом снова вынул из карманов нунчаки. Местные бросились врассыпную.

Спать мы легли за полночь, но подъем случился через считанные минуты

после того, как все уgomонились.

Кто-то из девчонок крикнул жалобно:

– Ой, меня кто-то укусил!

Послышались голоса:

– Меня тоже.

– И меня!

Включили свет и увидели в спальниках и на стенах полчища клопов.

Выскочили из дома, вытащили спальники, не зная, что с ними делать, как выводить

из них насекомых. Макс развел костер, разогрел оставшийся шашлык, вскипятил чай.

Есть никому не хотелось, но чай был кстати – ночью резко похолодало. Девчонки

сели у костра. Чтобы скоротать время, попросили классную рассказать что-нибудь интересное.

– Клара Исаевна, расскажите про вашу любовь. Что это, по-вашему, такое, любовь?

Клариса растерянно улыбнулась:

– Ой, ребята, боюсь, скажу совсем не то, что пишут в учебниках.

– У вас была несчастная любовь?

Клариса бесстрашно ответила:

– Настоящая любовь всегда несчастная.

– Каким был молодой человек, которого вы любили? – словно на школьном диспуте спросила Лиза.

Клариса задумалась:

– Он умел думать намного лучше меня. Он был из породы мужчин, про которых говорят: пусть лучше с ним мне будет плохо, чем с другим хорошо. Я была к этому готова. Я готова была отдавать ему все, в чем он нуждается, но он не нуждался во мне. Он ни в ком не нуждался.

– Как вы сказали? Он ни в ком не нуждался, – повторила Маля. – А

говорят, любовь без взаимности умирает. Вы ведь до сих пор любите его?

– Люблю, – подтвердила Клариса. – Слежу за его успеха-

ми. Он женат, у

него славные дети, он очень их любит.

Клариса помолчала и закончила совсем неожиданно:

– Мужчина должен вести себя так, чтобы женщина испытывала

непреодолимое желание его поцеловать.

Слово «поцеловать» было очень нешкольное. Но никто не рассмеялся,

даже Макс. Стояла тонкая тишина. Ни на одном уроке, нам не было так

интересно, как тогда, возле совхозного клоповника.

В ноябре проводился смотр художественной самодеятельности. Классы

соревновались, кто лучше прочтет стихи, станцует или спляшет, сыграет или

споёт. Актальный зал не вмещал всех зрителей. Приходила даже шпана, глазела,

сняв шапки.

Танцевальные вечера проводились чаще, но всегда на грани ЧП.. Накануне

директор собирал самых крепких десятиклассников и проводил что-то вроде

оперативного совещания. На время танцев старшеклассникам предстояло стать

отрядом самообороны.

Шпана приходила с кастетами, ножами, арматурой. Наша дружина

вооружалась только кастетами. Директор об этом знал. Обычно он стоял у входа с напряженным лицом и вымученной улыбкой, стараясь показать, что всё в порядке.

Первым танцем был, как водится, вальс. Пока кружились только девочки.

Но вот в круг осторожно, как на минной поле, в круг вступали парни со своими подружками. Оттаптывая им ноги, осваивали вращения вокруг оси.

Ко мне подошла Лиза. Мы топтались на краю танцевального круга. Я сгорал от стыда. Но, глядя на Лизу, другие девчонки тоже потянули мальчишек в обучение. А потом школьный духовой оркестр играл вальс Штрауса. И Макс приглашал Малю. Как они танцевали! Даже те пары, которые уже были в круге, переставали танцевать и вместе с другими смотрели на них. Черт возьми, как же я хотел быть на месте Макса.

Я все чаще ловил на себе вопрошающий взгляд Мали. Это было

удивительно, потому что обычно она никому не смотрела прямо в глаза. Однажды

она подошла ко мне и велела показать, где я видел книгу Розанова. Я повел её в

библиотеку. Старушка-библиотекарша не обращала на нас никакого внимания.

Маля сдула пыль с книжечки стихов Зинаиды Гиппиус. Это имя мы звучало с

осуждением среди имен поэтов-декадентов. Мы осуждали упадочничество в

поэзии, не читая ни одного стиха той же Гиппиус.

Маля прочла вслух.

Смотрю на море жадными очами,

К земле прикованный, на берегу...

Стою над пропастью – над небесами, –

И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,

Нет смелости ни умереть, ни жить...

Мне близок Бог – но не могу молиться,

Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю

И вижу полог бледных облаков...

Мне кажется, что истину я знаю –

И только для нее не знаю слов.

Я стоял рядом, совсем близко к Мале, меня покалывало горячими иголками.

Маля неожиданно спросила:

– Родители знают, что ты романтик?

Я пожал плечами.

– О чем ты мечтаешь?

Я не знал, что сказать.

Клариса могла в конце своего урока задать какой-нибудь неожиданный

вопрос, чтобы мы взяли в голову и потом думали.

– Что главное в жизни? – спросила она однажды.

– Деньги, – быстрее всех ответил Макс.

– Не балуйся, – мягко укорила его Клариса, и снова обратилась к классу. –

Итак?

Класс загалдел – Макс движением руки настроил тишину.

– А я не балуюсь, – сказал он. – Самое главное в жизни деньги, и так будет

всегда. Скажи любому человеку: вот, лежит куча денег.

Никто не видит, возьми,

сколько хочешь. Не возьмет, может быть, один из десяти.

– И ты бы взял? – спросила Маля.

– Я бы взял только миллион, – отвечал Макс, – Деньги – это свобода. А

когда нет денег или мало денег – это тюрьма. Я не хочу жить всю жизнь в

тюрьме.

Клариса сказала осторожно:

– Что ж, получай хорошую профессию, и будешь хорошо зарабатывать. А

кстати, кем ты хочешь быть?

Макс ответил мгновенно:

– Мне кажется, я буду руководителем. Мне нравится руководить.

Для Макса руководить означало иметь власть над людьми.

Клариса повернула взгляд ко мне:

– А ты кем хочешь стать, Терехов?

Я молча пожал плечами. Я не строил никаких планов на взрослую жизнь.

У меня была только мечта, совершенно дурацкая мечта – неожиданно

разбогатеть. Только Макс в тот момент уже знал, как можно разбогатеть, а я

всего лишь бестолково грезил этим.

Клариса не знала, что я мечтал стать путешественником. Читал запоем Арсеньева, Пржевальского. Меня манила лесная глушь, таежные реки, дикие места. Но говорить об этом я стеснялся. Считал эти мечты несбыточными, пустыми.

Есть старшеклассники – мужики и есть мальчишки. Есть старшеклассницы – женщины и есть девочки. Я ходил в мальчишках и в девятом классе, и в десятом. Казалось, взрослость и самостоятельность где-то очень далеко. Я, что называется, никак не мог наиграться.

Дома я только делал вид, что готовлюсь к урокам. На са-

мом деле читал книги. Как только входила мать, прикрывал их учебником. Считается, что в то время вредных книг не выпускалось. Ага! Чего стоит один только Лев Шейнин. Знаменитый прокурор был поэтом уголовной романтики. Его герой, лихой налетчик Ленька Пантелеев, красиво грабил, красиво ухаживал за женщинами. Интеллигентный бандит был описан так, что им трудно было не залюбоваться.

В девятом классе, я эту инфекцию только поймал. Красивым бактериям требовалось время, чтобы размножиться. К тому же уголовная романтика – штука коллективная. В одиночку обычно не играют.

Когда я перешел в девятый класс, отец решил: хватит мне болтаться летом без дела. Работа была нетрудная – таскать рейку и ставить ее, куда скажет геодезист. Но надо знать павлодарское лето. Люди стараются не бывать на солнцепеке А тут – с утра до вечера. Таскаешь эту рейку, обливаешься потом и думаешь: а ведь ребята сейчас на пляже.

Я не проходил ни по табелям, ни по кассовым спискам. Зарплату за меня получал тот, кто вместо меня числился рабочим по геодезии. Этот «кто-то» получал деньги и отдавал отцу. Отец обещал мне купить обнову на мой выбор. Я попросил пиджак. Но потом в чем-то провинился и был лишен пиджака.

Следующим летом я категорически отказался таскать рейку. Тогда отец отправил меня ремонтировать железнодорожные пути. Ворочать рельсы, шпалы, кидать гравий. Опять-

таки с утра до вечера под солнцем. И опять, не видя за работу никаких денег. «Семье трудно, но это последний год, дальше будет легче», – объясняла мама, имея в виду алименты отца.

Тогда я украл у мамы часть своих заработанных денег и пошел с приятелем в ресторан. За соседним столиком сидели четверо освободившихся зэков. Поглядывали на нас с уничтожающим презрением. Мы были для них додики. Я ответил аналогичным взглядом. Один показал мимикой: мол, давай выйдем.

Мы вышли. Я был моложе и ловчее. Так мне казалось. Но зэк достал из голенища длинное лезвие. Я оторопел. Зэк набросился на меня. Он целил в грудь. Я защитился левой рукой. Лезвие пропоролу руку. От другого удара защиты не было. Лезвие вошло в живот почти до позвоночника, на 16 сантиметров.

Зэк бросился бежать. В горячке я – за ним. Но он исчез в темноте.

«Скорая» приехала не скоро. Я потерял много крови. В голове была только одна мысль: вот и все! Я был уверен, что мне конец.

Отец не пришел ко мне в реанимацию, а мама сетовала, что мне ничего не прививается. Что же мне не прививалось? Я не бросал курить. Ну, никак! По математике, физике и химии я не мог учиться, даже на тройки. Считалось, что я злобно не хочу учить уроки. Я завел второй дневник, для двоек. Поддельывал оценки и подписи учителей в основном

дневнике, где ставил себе четверки.

Я нарушал «комендантский час» – приходил домой позже 23 часов. Это расценивалось, как злонамеренное нарушение сна родителей. Чтобы не разбудить родителей, я влезал в форточку. Благо, форточки в нашем доме были большими.

Меня оставили на второй год в десятом классе. Как ни ломал меня отец – не сломал. А второгодничество перебило мне хребет. Я возненавидел учителей и учебу. Все, что было во мне плохого, полезло наружу. Подростку вообще трудно быть хорошим. Таков возраст. Еще труднее, если тебе переломали даже малейшее желание, хоть в чем-то быть хорошим.

И я стал в глазах родителей исчезающим. Когда мама меня отчитывала, я огрызался. Когда отец пытался меня выпороть, я вырывался. Он валил меня на пол и зажимал мне голову между своих ног. Порол с азартом. Задышался. Ему было тяжело душить меня и одновременно махать ремнем.

Когда подросли Стасик и Витя, родителям стало труднее воспитывать меня. Устраивать порку в их присутствии – значило травмировать их нежную детскую психику. Мама уводила их гулять, оставляя меня один на один с бешеным от ярости отцом.

После того, как отец сломал мне перегородку в носу, мама отправляла Стасика и Витю гулять одних. Следила, чтобы отец соблюдал меру. Но чаще меня наказывали лишением чего-либо. Лишением ужина. Лишением улицы. Лишением

обещанной обнове. Причем, этот вид наказания применялся не менее самозабвенно, чем порка, но уже не папой, а мамой.

И было еще одно наказание, дополнительное к двум первым. После того, как я был, предположим, выпорот, отец со мной не разговаривал. Иногда месяц, иногда два. Рекорд был – полгода, после того, как однажды я набрался смелости и сказал отцу:

– Ваше благородие всегда понапрасну лаяться изволите.

Вообще-то, я пошутил. Прочел это выражение в «Недоросле» Фонвизина и процитировал. Хотел свести в шутку очередную ругань отца. Но он не захотел понять юмора, счел его неуместным.

И в то же время... А ведь я был уже уличным парнишкой. Я на недели уходил из дома. Но когда возвращался, продолжал исполнять обязанности няньки. По субботам, хоть трава не расти, предки должны были расслабиться. Устраивались складчины с соседями. Начинались пирушки в обед и заканчивались вечером. Пять-шесть часов возился я с младшими братья, как бонна. Каждую субботу три или четыре года подряд. Эта обязанность считалась святой. Увильнуть от нее считалось святотатством. Отнестись халатно – преступлением. Однажды Витя, уже в три года отличавшийся тягой к водным просторам, пуская кораблики на берегу Иртыша, чуть не утонул. Прозевав опасность, я все же вытащил его. Но вместо благодарности получил попреки.

Странно, но эти попреки меня не очень раздражали. Поз-

же я понял: каждый чего-то стоящий человек должен пройти через какую-то самоотдачу. Нельзя жить от рождения до старости только для себя. Без заботы о ком-то. Без страха за кого-то. Без помощи кому-то. Кто так живет, тот эгоистическая пустышка по всей своей жизни. Со всеми вытекающими отсюда последствиями для себя же самого.

А с Максом мы однажды едва вдрызг не разругались. Он объявил мне, что «оприходовал» Малю. Он так и сказал: «Я ее оприходовал». Вот тогда у меня случилась вторая вспышка – после случая с Панченко. Нет, я не бросился на Макса. Я просто всячески его обозвал. Странно, но он не обозлился в ответ. Даже признался, что соврал, и мы продолжали дружить. Как мы могли совсем разругаться, если у нас появилась общая цель, связанная с большим кушем? Никак.

Глава 38

Захотелось кофе. Но кухня была занята. Оттуда доносились веселые голоса, громкий смех и пение под гитару. Ясно, приехал по своим делам Витя.

Я знал, что как только уеду, мой кабинет перестанет быть моим. Надо было разобрать на части ружье. Вдруг Денису захочется сделать обрез. Уже интересовался, какой длины должен быть ствол.

В этот момент в комнату вошел Виктор.

– На охоту собрался?

Какая к черту охота, когда на дворе июль?

– Хорошее ружье, – оценил Виктор.

Наверное, эта штука (я про диагноз) превращает человека в тряпку. По слабости душевной я поделился с братом своей новостью. Мне надо было кому-то сказать, минутная потребность организма.

Виктор никак не отреагировал, только повторил:

– Хорошее ружье.

Что ты заладил, хотел я сказать.

Виктор помялся и спросил:

– Оставишь мне?

Я смотрел на него с удивлением. Какая непосредственность. Другие хотя бы для приличия выражают сочувствие, интересуются, чем могли бы помочь, а Витя сразу – к делу.

– Может, тебе прямо сейчас и отдать? – с некоторым сарказмом спросил я.

– Можно и сейчас, – с вызовом сказал Витя.

Ну правильно, чего тянуть?

– А не сходил бы ты на кухню, Витя, тебя там заждались.

Брательник с обиженной физиономией вышел из комнаты. Вот что я должен был думать о нем в эту минуту? Не буду я писать здесь, что я подумал. Брат никак. Брат!

Ирина

Глава 39

Я заехал в редакцию. Забрал свои бумаги и кипятильник. Зашел в бюро пропусков, чтобы сдать удостоверение. Там узнал, что меня только что спрашивали. Представительный мужчина назвал себя: Альберт Эккерт. Фамилия знакомая. Не брат ли Мали? Брат. Замечательно. И дело ко мне какое?

– Мы прочли о вас. Но не сочувствуем, а рады. Вам предоставляется редкая возможность.

Начальственная бесцеремонность пополам с мягкостью тайского массажа.

Альберт сказал, что я очень кстати оказался без работы. Теперь у меня есть время слетать во Владивосток. Он вице-губернатор края. А приглашает меня его шеф, Костенко.

Мы поднялись на второй этаж в кофейню. Заказали кофе, бутерброды с семгой, по рюмке коньяку. Альберт стал немного проще.

– Вообще-то, я в Москве в командировке. Я – доктор, курирую в крае здравоохранение. Созваниваемся с сестренкой. Она ведь живет в Германии. Сообщила о вашем увольнении: вот кто может помочь. Шеф говорит: разве еще водятся порядочные журналюги? Ну, давай поверим.

Я молча слушал и удивлялся. Вчера меня уволили из-за Костенко – сегодня он нанимает меня. Если наймет, точно будет думать, что порядочных журналистов уже не осталось.

Я сказал, что политикой не занимаюсь. Альберт с деликатным ехидством заметил, что настоящий журналист должен разбираться во всем. Пока я соображал, как ответить на этот выпад, он напомнил, что я сейчас без работы, а они хорошо заплатят.

Я спросил, в курсе ли Костенко, что генерал Бондаренко дает на него показания. Альберт сказал, что это деза. Генерал не может давать показания. Его арест проведен по технологии похищения. А он хорошо знает уголовно-процессуальный кодекс. К тому же у генерала нет компромата на Костенко. Потому что нет самого компромата. Костенко – по природе своей делатель, а не махинатор. Тут у меня был повод ухмыльнуться. Делатели тоже чего только себе не позволяют.

Альберт принял мои колебания за мандраж.

– Я вас понимаю, – продолжал он. – Если усадили в кутузку генерала... Конечно, появляться вам в администрации края нельзя. Мы поселим вас в загородном пансионате, дадим машину с водителем. Встречайтесь, с кем хотите.

Альберт предупредил, что не исключает слежки за собой. А значит, я могу сей же момент попасть в поле зрения ребят с Лубянки. Так что у меня есть полное право выйти из игры в любой момент, как только станет горячо.

К этому времени мозг ежеминутно сигнализировал мне, что жить осталось немного, может быть, не больше года. В таком случае, стоит ли бояться чего-то больше, чем смерти? Стоит ли капризничать, если завтра не на что будет отодвигать конец.

Я сказал, что если даже соглашусь, то буду искать истину, а не оправдания для Костенко. Так что без обид.

Решающее значение имела для меня репутация Чубайса. Против нечистой силы все средства хороши, включая заказное расследование.

– Договорились! – согласился Альберт. – Полетим, если не возражаете, одним бортом. Послезавтра. Я куплю билеты и позвоню. А пока вот вам на сборы.

Он положил передо мной в конверте тысячу долларов. Я был ошарашен. Меня вот так, чистоганом, еще не нанимали. Я выглядел в своих глазах наемником в чистом виде

Глава 40

На другой день я поехал в наукоград Пущино. Там обласканные предыдущей властью ученые изобрели искусственную кровь, искусственную кожу, сделали кучу других открытий, а теперь бедствовали и один за другим сманивались на Запад. В дороге придумал заголовок для материала «Нужны ли нам мозги?» Оставалось послушать сердитых ученых, устоявших перед соблазном свалить за бугор.

На подъезде к Пущино «Икарус» нырнул в низину и круто взлетел на возвышенность. Чистенький городок стоял на горе, самой высокой точке Московской области. Внизу извивалась Ока. У автобусной станции стояла женщина с овчаркой колли, обе рыжей масти. Женщина спросила: не пытались ли сесть в автобус две девочки? Может, им не хватило мест? Я пожал плечами: нет, я ничего такого не заметил. Незнакомка была расстроена. Я спросил, где тут гостиница.

– Рэмочка, давай проводим товарища, – сказала псу женщина. – Нам ведь по пути, правда?

Она была хорошенькая. То есть лучше красивой, кто в этом понимает. Маленький нос правильной формы, а нос, как известно, самая важная часть женского лица, это еще Лермонтов отмечал. Только я добавил бы сюда полные мысли глаза. Рот с родинкой в уголке показался мне не очень. Узковат и губы тонковаты. Но от этой диспропорции отвле-

кали стройные ноги и классическая соразмерность роста и веса 165 на 65. Как у Венеры Милосской. Это я уже на глаз определил. Но она была какая-то замученная. Худая, тени под глазами. Но пыталась выглядеть веселой. «Интересно, что она изобрела? – думал я. – Тоже, наверное, что-нибудь искусственное».

– А вы чего еще не сбежали на Запад?

– Я – не то, что вы подумали. Я ребят музыке учу, – ответила женщина.

– Пианино?

– Угу.

– А зовут как?

– Пианино – «Петрофф». Меня – Ирина.

– Вот предположим, я впервые слышу, что есть такое пианино – «Петрофф». Как считаете, невежа я, или невежда? – спросил я.

– Если совсем неотесанный, то невежа, а если безграмотный, то невежда. Что вам больше подходит?

Прикольно ответила. Я окинул ее известным мужским взглядом.

– Голоданием, что ли, увлекаетесь?

Ирина почему-то ответила серьезно.

– Наоборот, поправиться хочу. Я только что из Трускавца. Там на танцах хохлушки говорили: надо ж иметь такую плоскую фигуру!

– Представляю, как вы там зажигали, – шутливо провор-

чал я.

– Ах, если бы! Там обо мне говорили: гарна жинка, тильки шкода, що такая хвора.

Перед гостиницей стояло несколько автобусов.

– Это ученые съехались: конференция. Быстро к администратору! – заторопила Ирина.

Места еще были, но только в двухместных номерах. Это меня не устраивало категорически. Соседей без ночного храпа мне еще не попадалось ни разу в жизни, ни в гостиницах, ни в поездах.

– Ну, найдите же что-нибудь! – настойчиво просила администратора Ирина.

Было видно, что ее в городе хорошо знают.

– Ирина Антоновна, все забито.

– Где тут у вас расписание автобусов на Москву? – решительно спросил я.

Лучше уехать, чем мучиться всю ночь. Храпуны всегда засыпают первыми.

– Вы надолго? – спросила Ирина.

– До завтра.

– Я живу рядом.

Ключки в регистратуре жадно ловили каждое слово. Но Ирине, похоже, было все равно.

Я удивился:

– Но вы даже не знаете, кто я.

– Вы человек, которому негде ночевать. И ваше лицо я

где-то видела. Не в криминальной хронике?

Я показал ей лицо в фас и профиль.

– Точно видела.

Квартира трехкомнатная, просто обставленная, с ароматом вкусной еды, собакой не пахнет, стол на кухне накрыт. Салаты, мясо, кувшин с вишневым компотом. Ирина поставила на газ кастрюлю с борщом. Я понял, что нормально поем. Потер руками.

– В шкафу, – отреагировала на пантомиму Ирина.

Я достал бутылку вина. Налил в бокалы. Посмотрели друг на друга. Улыбка у Ирины была немного грустная, а глаза смотрели хотя и пристально, но благожелательно. Она умела читать людей лучше меня. Только я об этом еще не знал.

Борщ с телятиной был отменный. Я не ел такого, даже у мамы. Ирина добавила. Я продолжал есть. Ирина сразу поняла, что у меня не все ладно в жизни. Только вот как меня зовут? И где же она меня видела?

– Вы журналист, – неуверенно сказала Ирина. Я видела вашу фотографию. У вас там надутый вид, поэтому я не сразу опознала. Возле борща вы смотрите лучше.

Похоже, у нее было органическое поражение мозга юмором.

– А где остальные? – спросил я.

– Сын женился, муж – тоже.

– Значит, это у нас свидание?

– Нет, это у вас ночевка. Пейте компот.

Я взял кувшин за горло. Кувшин выскользнул и грохнулся на пол. Осколки разлетелись по всей кухне. Компот залил полосатое рядно. Рэмочка зашелся в звонком лае. Это была катастрофа, позор, тихий ужас. Я вскочил и растерянно переминался с ноги на ногу.

– Будете топтаться – поранитесь, – тихо сказала Ирина.

В ее руках оказалась тряпка. Через минуту все было прибрано. Но я все еще был в шоке.

– Ваше свидание продолжается, – успокоила меня Ирина.

Зазвенел колокольчик на двери. Весело загавкал пес. В дверях стояли две ярко раскрашенные девицы. Они с порога начали извиняться за опоздание. Помыли руки и появились в кухне.

– Здравствуйте, Валерий Семенович.

– Здравствуйте, – отозвался я.

– Это не совсем Валерий Семенович, – сказала Ирина.

Девицам было все равно. Не совсем, так не совсем. Они приехали помыться в ванной, хорошо поесть, отоспаться, чтобы в воскресенье вечером вернуться в свой детдом с подарками и воспоминаниями о семейной жизни. Через минуту за столом стало непринужденно весело. Я слушал разговор, смотрел на Ирину и думал, сколько ей? Младше меня лет на пять, не больше, но выглядит моложе Веры. Вот как, оказывается, может быть.

Ирина выдала мне комнату и постельное белье. Я прилег. Удивительно, совсем не чувствовал себя лишним и одино-

ким. Пошел в ванную. Но там были девицы. Они о чем-то шептались. Я расслышал слово «тетка». Потом увидел через неплотно закрытую дверь, что они целуются взадос.

Я прошел в кухню. Ирина мыла посуду.

– Неужели хотите удочерить этих теток?

– Надо же о ком-то заботиться.

– Вам не кажется, что они лесбиянки?

– Возможно. Они спят в одной постели.

– И вы способны таких полюбить?

– Ну, вот Рэмочка. Он же считает меня своей матерью.

Руку мне грызет, когда я его лечу или купаю. Но я его люблю.

– Лучше бы меня усыновили.

Я сам удивился, как серьезно это у меня сказанулось. Ирина поглядела внимательно.

– Надо посмотреть.

Впервые за много месяцев я уснул без снотворного, спал как убитый, и спал бы еще, но надо было идти к ученым. Я тихонько поднялся, оделся, и хотел так же неслышно уйти, хотя из кухни сочился запах оладий.

Ирина застучала меня у дверей:

– Вы куда? А ну, за стол!

Я вернулся от ученых часа через два. В квартире играло пианино. Девицы исчезли. Ирина занималась с ученицей.

– Стоп, – остановила ее Ирина. – Давай еще раз уточним, что ты должна выразить.

– Как что? Карнавал, – сказала ученица, ковырнув в носу.

Ирина растолковывала:

– Эту пьесу Григ написал в тот год, когда у него умерла единственная любимая дочь. Однажды он попадает на карнавал. Чудные костюмы, страшные маски, все пляшут и смеются. И вдруг одна маска начинает манить, уводить его куда-то. И непонятно, смеется она или плачет. Григ пытается узнать, кто под этой маской. Но маска ускользает и снова тянет за собой. Они оказываются на скале, внизу бьется о камни холодное море. И тут маска показывает лицо: «Разве ты меня не узнаешь? Я – твоя дочь».

– А это действительно, была его дочь? – спросила ученица.

– В том-то и дело, что нет! И вдруг Григ узнает это место. Здесь могила его дочери. И он уже не верит маске. И тут подходят люди и говорят: будь с нами!

Я спросил:

– Действительно такое содержание?

– Нет, я только что придумала, – сказала Ирина. – Но так легче правильно играть.

– Знаете, что? Давайте сходим на рынок, – предложил я.

– А я? – пролепетала ученица.

– А ты, говорящее полено, сиди и учи, – сказала Ирина.

Здесь ее юмор мне показался грубоватым.

– Говорящее полено не обидится?

Ирина молчала. Ученица вздохнула и ответила явно ее словами:

– Обижайся – не обижайся, жить-то охота.

В магазине мы чуть не поссорились. Ирина пыталась рас-
плачиваться за все. Мол, я у нее в гостях. А я думал – на
постое.

Когда она рассчитывалась, я рассматривал ее. Конечно,
она старше Веры. Но почему такое ощущение, что моложе?
Эх, Терехов, надо жить с женщиной своего поколения. Но
только вот с такой.

Но каждой очередной покупкой она унижала меня, и я вы-
теснял ее из очереди в кассу.

– Как же неприлично вы себя ведете! – шипела она, по-
хожая на взъерошенного подростка, который не уступает в
драке.

Кассирша смотрела на нас с терпеливым любопытством.

– Это вы как со мной обращаетесь? Я все-таки по горо-
скопу Лев. Вы за это ответите, – возмутился я.

– А я – Телец, – парировала Ирина. – И что же мне грозит?
Новые рога? С меня хватит!

Я сказал, что ей грозит дальняя командировка. Вылет зав-
тра.

Глава 41

Самолет летел на Дальний Восток через наш Крайний Север ночью. Безжизненное пространство. Ни огонька. Будто другая планета. Альберт сидел неподалеку и половину из девяти часов полета отсыпался. Ирина тоже больше дремала, скрывая, что плохо переносит долгие перелеты.

Мне не спалось. В голове время от времени звучал хриплый, совсем как у меня теперь, голос Высоцкого «Чую с гибельным восторгом, пропадаю, пропадаю». Между прочим, это в точности строки из рассказа Бабеля «Смерть Долгушева».

Точила досада, что мало поездил по миру, мало повидал. Хотя грех было жаловаться. Но в этом смысле всегда мало – страна такая большая. Горько было, что еще меньше чего-то сделал. Оценивать прожитую жизнь без тщеславия трудно.

Хватит ли сил на это наёмничество? Должно хватить. Перед тем, как перегореть, лампочка светит особенно ярко. А успею ли исправить то, что надо исправить? Вот это едва ли. Ну и ладно. Смерть все исправит и все простит.

Вспомнил поэтическое определение смерти Афанасия Фета: «Ночь безрассветная и вечная постель». Красиво-то как! Чего ж тогда, кого ни спросишь, говорят, что предпочли бы умереть во сне? Никому не интересно прочувствовать свое умирание. Страх смерти сильнее этого интереса.

Зря ругают нас, агностиков. Мы последовательны и логичны. Если что-то приводит человека на свет божий, а потом ведет по жизни, то точно так же должно и увести. Если у рождения есть хоть какой-то смысл, то, наверное, и у смерти должен быть. А смысл – это еще не конец всего.

Но какой смысл, если рождение почти всегда случайно? Значит, все–таки уходим с концами? Что ж, и в этом случае можно увидеть смысл. Если появляемся на свет случайно, то всем нам, живущим, дико повезло. А значит, сильно убиваться, что срок подходит к концу, как бы даже неблагоприятно. Правильней сказать небу: и на том спасибо.

Альберт выспался, и последние часы полета мы провели в разговоре. Сначала я получил исчерпывающее объяснение, с чего началась неприязнь Чубайса к Костенко. Магазин в центре Владивостока был продан за 700 миллионов рублей. Гигантский судоремонтный завод с 16 тысячами рабочих – за 300 миллионов. Пакет акций морского пароходства был оценен в миллиард рублей. Тогда как независимый английский аудит оценил пакет в миллиард долларов.

Предшественник Костенко (ставленник Чубайса) перевыполнял план приватизации. Доля госсобственности упала до 17 процентов. Тогда как рыночные государства оставляют в своих руках до 30 процентов. Приватизаторы получали от Чубайса премии и устраивали роскошные банкеты. А десятки тысяч рабочих и служащих ликвидированных предприятий сидели на макаронах. Приморцы избрали Костенко, и он

эту лавочку прикрыл.

Естественно, меня интересовала фигура генерала Бондаренко. Оказывается, этот мужик прошел путь от лейтенанта до генерала за семнадцать лет. Три звания получил досрочно. Раскрыл 40 убийств и отправил за решетку 11 банд. Фальшивомонетчики приговорили его к смерти. Пережил три покушения.

До Костенко фактическим хозяином края был криминалитет. Вырубались массивы отборного ясеня и кедра. Продавались за рубеж сотни тонн лосося. Из нефтепроводов сливались тысячи ГСМ* (*ГСМ – горюче-смазочные материалы). Получали незаконную прописку тысячи граждан Китая. Это была война против государства, которую можно было выиграть только одним способом. Встречной войной.

Но масштабные операции против криминалитета тут же были объявлены облавами. И покатили одна за другой комиссии. А однажды ночью Костенко разбудил лай собаки. Загородный дом был охвачен пламенем. Губернатор едва успел выломать окно и вытащить жену и своих двоих мальчишек.

В аэропорту встречала пресс-секретарь губернатора. Молодая и без кольца на правой руке. Я был любезен и раскрепощен. Соблюдая конспирацию, сыграл давнего знакомого. Хотя не понимал, почему секретность командировки так грубо нарушена.

Оказалось, пресс-секретарь решила лично сообщить, что

у губернатора сегодня вечером прием. Можно сразу познакомиться с массой нужных людей и с ним самим. Я понял, что Костенко решил провести смотрины. Ну и правильно.

Я был не готов к светскому мероприятию. В сумке у Ирины тоже лежал совсем не тот наряд. Мы отправились на местную барахолку. О, дальневосточный рынок! Чего там только нет! Я купил японский диктофон со скрытым микрофоном, позволяющим записывать речь человека на расстоянии в сотню метров. Ирина помимо банкетного платья и туфель получила красное кимоно. И себя, конечно, не обидел.

Чопорный прием плавно перешел в непринужденную вечеринку. Стол ломился. Местные министры и адмиралы заметили интерес Ирины к морепродуктам, особенно к омарам. «Будем поправляться», – шепнул я ей. Потом ее уговорили поиграть на фоно. После небольшого концерта министры и вояки принялись ухаживать напропалую. Пришлось поскучать.

Костенко долго приглядывался ко мне издали. Потом как бы нечаянно оказался рядом с бокалом в руке. Я уже заметил: он собственноручно наливал из бутылки с винной наклейкой, в которой определено было не вино, а какой-то сок.

– Что пьете? – спросил я его.

– Тещин морс.

Я подумал, что губернатор боится отравления. Но мне подсказали, что он вообще не пьет. Что касается тещи, то по-

дробности детства Костенко были не секретом для приморцев. Все знали, что рос он без отца. Мать, деловая женщина, жила работой. Мальчика опекала мать одноклассницы, на которой он впоследствии и женился. Костенко говорил о теще с нежностью. Я понял, что будет правильно узнать его и с бытовой стороны.

– А вы поручите это своей жене, – посоветовал Костенко. – А то мои женщины будут вас стесняться.

От слова «жена» применительно к себе Ирина не изменилась в лице. А на предложение выступить в роли интервьюера ответила с мальчишеской лихостью:

– Легко.

Костенко поинтересовался, как она перенесла 9-часовой перелет. Ирина совсем по-детски поморщилась.

– А я в первый год работы слетал в Москву 33 раза. Провел в воздухе 600 часов, или 20 суток, – похвастал губернатор.

Это прозвучало у него тоже по-детски. И тоже симпатично.

Ирина сыграла для него какую-то сонату. Он сел рядышком и подыграл. Оказалось, «дьявол» закончил музыкалку. Как все мужики при власти, он выглядел любимцем женщин. То есть как бы бабником. Но адмирал, ухлестнувший за Ириной, снял недостойное предположение. Когда Костенко пришел в краевой Белый дом, пошли разговоры, что он, такой мачо, заменит прежних секретарш моделями с ногами, рас-

тущими из ушей. Новый губернатор разочаровал журналистов: «Я люблю свою жену и своих двоих мальчиков. Наконец, я люблю тещу. Так что давайте не будем искать что-то в моей личной жизни. Там полный порядок».

Губернатор попил еще тещино морса и исчез. Без того слишком задержался. Его ждали экстремальные дела. Край боролся с тяжелейшим наводнением. Было затоплено 24 района, 12 тысяч жилых домов, 1575 километров автодорог, 122 плотин и дамб. Какая могла быть 48-я комиссия? Но Чубайса и Гайдара это не трогало.

Чопорный прием перешел в раскованную вечеринку. За Ириной начал ухлестывать отставной адмирал с железными зубами, что-то шептал игриво на ухо. Я использовал момент, чтобы перейти со своей спутницей на «ты». Предъявил ультиматум: выбирай: или я, или этот козырек.

Ирина воинственно избоченилась:

– А кто с пресс-секретаршей ворковал, ужом увивался, соколом летал?

Эх, никто еще не отменял мужское правило – никогда не сознаваться.

– Это было исключительно деловое общение.

– Учти, я читаю взгляды, – пригрозила Ирина, принимая мое «ты».

Я усмехнулся:

– Что ж мужа прозевала?

– Я в это время сына от тюрьмы спасала.

Наметилось сходство жизненных напрягов.

Через неделю Ирина улетела обратно. Ее ждали ученики и какой-то престижный конкурс. Прощаясь в аэропорту, она сказала:

– Я примерно знаю правила пользования львами. Будем сидеть на тумбе, прыгать через обруч.

Глава 42

Из журналистского блокнота.

Во Владивосток и приморцев невозможно не влюбиться. Холмистый город загроможден машинами. У каждого второго жителя – «японка». Пробки с утра до позднего вечера. Но водители проявляют поразительную взаимную уступчивость. Местные одеваются тщательно и нарядно. Еще Чехов отмечал, что «интеллигенции здесь относительно больше, чем в любой русской губернии». В этом смысле можно отметить только одно изменение. Сегодня приморцы начисто лишены провинциальности. Они считают Владивосток, как минимум, третьей столицей России. Возражать им можно, но едва ли хватит аргументов.

С концертов люди возвращаются толпами, как болельщики со стадиона. Молодежь с удовольствием поет «Подмосковные вечера» и танцует вальс «На сопках Манчжурии». Популярнейшая программа на телевидении – русские романсы в исполнении местных артистов.

В советское время, если у приморца была недельная командировка в столицу, он успевал побывать на семи спектаклях... Если суточная – на двух... Раз в три года родители везли детей в Москву, приводили на Красную площадь. Прильнуть к сердцу Родины – эти слова приморцы воспринимали очень конкретно.

Здесь и патриотизм особенный. Патриотизм погранично-го населения, живущего на самом краю своей земли. Рядом с народом, который тоже считает эту землю своей. Всеобщий любимец здесь – ансамбль Тихоокеанского флота. К людям в форме отношение особое. Один из популярных шлягеров – «А я люблю военных, красивых, здоровенных». Владивосток называют городом в тельняшке. Это неточно. В тельняшке – весь Приморский край.

Труднее всего было разузнать, за что так подловато, мягко говоря, поступили с генералом Бондаренко. Заманили в городскую прокуратуру, якобы, подписать какие-то бумаги. А там засада – сотрудники ФСК* (*ФСК – в 90-е годы Федеральная служба контрразведки).

– Приказано доставить вас в Москву.

Самолет, Москва, Лефортово, одиночная камера.

Оказывается, до назначения Бондаренко регион получал в бюджет от штрафов за скрытые доходы 500 миллионов рублей. При нем – только за первые шесть месяцев работы — 70 миллиардов. На одну только инвестиционно-промышленную корпорацию «Феджи» налоговики наложили штраф 5 млрд. рублей.

Обычно несогласные со штрафными санкциями фирмы пишут жалобы в разные инстанции. «Феджи» обратилась лично к А. Чубайсу. Почему? Узнаю: президент корпорации «Феджи» является председателем местного отделения партии «Демократический выбор России». Партии Гайдара, Чу-

байса.

По замыслу политтехнологов «Демроссии», Костенко должен был заменить некий Черенков. Но сначала его решили сделать мэром Владивостока. Был распространен слух, что в советское время Черенков занимался разработкой психотронного оружия. Хотя на самом деле был всего-навсего начальником отдела военно-технической информации.

После долгих уговоров его бывшая сотрудница вспоминала под диктофон. Работал он обычно за плотно закрытыми дверями. Для звукоизоляции повесил на стене ковер. Проводил с матросами сеансы гипноза. Брал у них какие-то анализы. На столе у него можно было увидеть книгу «Венерические болезни». Засиживался допоздна и часто ночевал прямо в кабинете. Койка после нажатия секретной кнопки выпадала прямо из стены... С наслаждением рассказывал в присутствии женщин сальные анекдоты. Танцевал с девицами ламбаду, вращая бедрами. На пляже напялил на себя женский купальник и опять-таки кривлялся, как транссексуал. Видеокассету с этой сценой мне удалось купить.

Голосовать пришли всего 19 процентов избирателей. Но при такой явке выборы почему-то были признаны состоявшимися. Черенков стал называть себя «народным мэром». Социальной сферой поставил заведовать бывшую проводницу. Народным образованием – бывшего тренера по гандболу. Социальной защитой населения – горького пьяницу.

«Мы работаем по 20 часов в сутки!» – заявлял Черенков.

Действительно, окна мэрии горели до поздней ночи. Разрабатывались проекты, как организовать работу мэрии, чтобы каждую проблему решал отдельный отдел. Появился отдел стоянок и гаражей. Отдел проблем слепых. Отдел проблем глухонемых.

Владивосток обрел славу самого грязного города России. Во дворах лежали тонны мусора и пищевых отходов. По городу бегали крысы, расплозились вши, распространялась туберкулезная палочка.

У Черенкова органично не сложились отношения с главами администраций районов. Тогда его осенило: а что если ликвидировать районные администрации и командовать Владивостоком прямо из мэрии? Город затаил дыхание: неужели решится? Решился. И тогда районные администрации сами отказались работать под началом долбанутого градоначальничка.

«Народный мэр» объявил себя больным и велел оборудовать себе больничную палату рядом с кабинетом, в комнате отдыха. На веревочке сушились носки и трусики. Жена опального отца города сидела в тапочках за его письменным столом и отдавала по телефонам какие-то распоряжения.

Черенков пустил слух, что у него проблемы с сердцем. Позволил измерить давление. Оказалось 120 на 80. «Но у меня предынфарктное состояние», – пролепетал мэр. – «Тем более вам надо в стационар», – отвечали врачи. После четырех часов уговоров разрешил уложить себя на носилки. И

очень оскорбился, когда его нечаянно понесли ногами вперед.

В ночь, когда Черенкова выносили из мэрии, местное телевидение сообщало телезрителям России, что Костенко совершает военный переворот. В городе якобы наблюдаются волнения (в кадре – колонны людей с красными флагами). По приказу Костенко в город якобы входят войска и танки. Краевая больница якобы готовится к приему раненых (в кадре ряды коек и что-то говорящий врач). Миллионы телезрителей в стране кипели от возмущения: какой же все-таки негодяй этот Костенко, что вытворяет!

Как фабриковалась телевизионная ложь? В кухню «желтых перьев» «ДемРоссии» меня посвятил (по очень большому секрету) работавший ранее с ними оператор: «У корреспондента ВГТРК* (*ВГТРК – сегодня канал «Россия-1») В-ского – огромный архив ранее отснятых сюжетов. Он достает тот, который ему требуется в настоящий момент, выбирает из него нужные кадры и выдает их за только что отснятые. Возьмем, к примеру, сюжет о так называемом перевороте. В-ский взял кадры демонстрации, когда владивостокцы «отмечали» трехлетие развала Союза. Достал из архива старый сюжет о переходе на платное лечение, когда врачи показывали ему пустующие палаты. С «вводом войск» тоже проблем не было. Таких кадров у любого оператора – море. А дальше – дело техники. Небольшой монтаж, берущий за живое текст. У А-вой – супруги В-ского, надо признать, бойкое

перо... На журналистских попойках А. провозглашала тост: «Да здравствует краевая администрация – источник наших гонораров!»

Во всех дьявольских хитростях демороссов надо было не только разобраться, но и добыть улики. Чьи-то показания я записал в открытую, по договоренности, чьи-то – шпионскими способами. Ирина сидела с включенным диктофоном на улице, а я беседовал по душам с носителем ценной информации – с замаскированным микрофоном.

Но политики чаще всего не оставляют улику. Не было их и на этот раз, по крайней мере, прямых. Но когда косвенные улики выстраиваются в один ряд и говорят об одном и том же, они выглядят, как прямые.

И все же мне повезло. Один местный предприниматель получил письмо от самого Гайдара – с предложением сотрудничества. И вот это письмо у меня руках. Гайдар просит оказать его партии материальную поддержку. Не безвозмездно. За 200 миллионов рублей обещает «возможность принять участие в мероприятиях партии, носящих эксклюзивный характер». В слове «эксклюзивный» заложен тонкий смысл. Мол, придя к власти, расплатимся с лихвой.

Немного короче, но не менее откровенно звучал другой посул Гайдара. «Пожертвование 500 миллионов потребует специального обсуждения». Трудно было избежать очевидного вывода – Гайдар не так щепетилен, как хочет выглядеть.

Ради власти он готов проявить и цинизм. А сейчас просто очень осторожен.

Два-три раза в неделю Костенко приезжал в местную кардиологию. Некурящий, непьющий мужик, в прошлом чемпион края по бегу на 110 метров с барьерами час-другой лежал под капельницей. Врачи настоятельно рекомендовали усилить сердце перед 48-й комиссией. На этот раз летели 40 (сорок) ревизоров...

Я побывал в родном для Костенко Дальнегорске. На въезде в рудник сторож стряхнул веничком с колес машины грязь в совочек. Рассказал, что Костенко первое время сам поднимал окурки, спички. «Теперь глава компании другой, но окурков или спичек вы не увидите».

Любого, замеченного в выпивке, Костенко лишал двухмесячного заработка. Опоздание, курение в неподобающем месте, разбрасывание мусора тоже наказывалось рублем. Питание пятиразовое и бесплатное. Столовые из резного кедра. Костенко терпеть не мог столовки, где мужики сидят в телогрейках и едят из алюминиевых мисок. Ненавидел стандартные совковые общаги. Построил небольшие домики с балкончиками, с мансардами. После работы рабочие шли в сауну. Отдыхали, а потом резвились на хоккейных площадках, в небольших спортзалах, в теннис играли, на бильярде.

Построенные Костенко с нуля четыре рудника и пять фабрик работали, как часики. В свои 44 года он мог с полным правом сказать себе: пришло его время. У него была все

возможности стать одним из крупнейших промышленников Дальнего Востока, а может быть и всей России. Его оклад был на несколько порядков выше жалованья главы администрации края.

Но он стал губернатором. Зачем? «Я видел, как валится страна», – скажет мне Костенко.

Деловой, но политически неосмотрительный, он сказал однажды, что Россия ломается по Уральскому хребту. Имел в виду экономический разлом из-за идиотских тарифов. Но гайдары и чубайсы схватили его за язык и пришили сепаратизм.

Глава 43

И вот три недели работы позади. Альберт вручил мне белую «Тойоту-Марк-2» с правым рулем. Подержанную, местами даже слегка подгнившую. Но – личный подарок губернатора. «Ласточка» из его гаража. А подарками надо довольствоваться в любом их виде.

Правый руль есть правый руль. Удобно выходить из машины сразу на тротуар. А вот каждый обгон – смертоубийство. Но через несколько километров горной дороги я почувствовал себя вполне уверенно. Ставил те кассеты, что были в бардачке: Таню Буланову, Вилли Токарева, Шуфутинского. Что самое удивительное – почти не болело горло. Раз за разом сглатывал слюну. Проверял ощущения. Нет, горло не болело. Неужели пронесло? Но в Москве меня ждали анализы. И я говорил себе: не спеши радоваться, парень!

Запах выпечки просачивался на лестничную площадку. Я позвонил в квартиру. Мне ответил залиvistый лай. Дверь открылась. Навстречу вылетел жизнерадостный Рэмочка, размахивая пушистым хвостом и норовя лизнуть в лицо. Ирина держалась намного сдержанней.

– Какое ласковое животное, не то, что некоторые, – проворчал я, поглаживая собаку.

– Моя нежность на столе, – отвечала Ирина.

– В детстве я, как видишь, была толстая, носик пуговкой, –

рассказывала о себе Ирина, показывая фотографии. – Любила наряжаться во все мамино. Надену ее платье в горошек, туфли на мощных каблуках, насандалю губы, выхожу к гостям и пою: «Приходите свататься, я не буду прятаться, я невеста неплоха, выбираю жениха». Но воспитывали меня в полном неведении о моей смазливости. И в полном неведении, откуда берутся дети. В четырнадцать лет я была уверена, что забеременею после первого поцелуя.

– Что так сладко-то? Негодяй, однако, – шептала она ночью.

Я молча улыбался. Вот это по-нашему. «Негодяй» звучит куда сексуальней, чем «милый» и «дорогой».

Потом Ирина ушла в свою комнату. Имела привычку спать одна. Это тоже понравилось мне. Всегда удивлялся нелепому супружескому обыкновению спать в одной постели.

Утром я начал работать, и через каждый час получал в виде премии чашечку кофе. А потом были блины. Настоящий дом – это запах выпечки, если, конечно, обитатели не склонны к полноте.

К вечеру первая глава был готова.

– Давай сюда! Всю жизнь мечтала править.

Ирина схватила машинописные листы и скрылась в своей комнате. Появилась с поправками. Все замечания были по делу.

Раньше в каждой женщине была только часть того, что

мне было нужно. С Ириной получалось иначе. Она входила в мой обмен веществ целиком. Я начал задумываться: может, у каждого возраста своя любовь. Просто каждый раз иначе любит

Я хотел знать об Ирине все. И она рассказывала, рассказывала:

– Я рвалась из Брянска. Это был, можно сказать, вопрос жизни или смерти. Не хотела жить в этом городе. Хотя потом, когда приезжала, всегда удивлялась: чего мне там не хватало?

Поехала поступать в МГУ, и встретила там Валеру, своего будущего мужа. Хотела поступить на филфак, а он там заканчивал учиться. Точнее, заканчивал учиться. Он приехал в Москву вообще из какой-то ростовской станицы. Но был не по-деревенски изящный, и снаружи, и внутри. Утром просыпаюсь в общежитии, по комнате разбросана сирень. Валера уже наворовал и кинул в окно. Это из тебя, Юра, слова надо выдавливать, как из тубика. А там был фонтан. Валера хорошо говорил по-немецки и постоянно твердил: *Du bist meine Scicsain!* Ты моя судьба! Говорил и другие слова, которые ждет женщина. Типа: «Наконец-то я нашел тебя». «До тебя я не жил на свете». «Ты не будешь работать, но у тебя будет все». Из Лермонтова шпарил: «И будешь ты царицей мира, подруга вечная моя».

Хотя иногда Валерика заносило совсем уж чересчур: «Даже если тебе ногу отрежут, я все равно буду тебя любить».

Это даже для моих ушей было слишком. Но все равно я купилась на эту иллюзию обожания. Меня даже не остановило, что у него уже была жена и маленький сын. Правда, он сказал, что разведен, хотя на самом деле разведен не был. А тут ему подфартило. Подвернулась возможность поехать в Германию, в группу советских войск переводчиком. И он женился на мне по военному билету. До сих пор не понимаю, зачем я ему была нужна. Я бегала в ванную с токсикозом, а он – по гарнизонным потаскушкам. Но я считала, что раз выскочила, то должна терпеть. Платила за него алименты из своей зарплаты, потому что всегда получала намного больше. А Валера говорил, что его не устраивает мое развитие. Я выслушивала его замечания (во время ссор он меня иначе, как душой не называл) и давала себе слово перерасти его. И, думаю, переросла. Мы дважды разводились, причем, я делала это по-мужски. Отдавала ему половину нажитого, хотя оставалась с ребенком. И он, уходя, с достоинством, как должное, забирал свою долю. А потом возвращался ни с чем, безо всякого приданого. И я снова его принимала – ради сына.

Женщины рожают для себя. Но мне не надо было обыкновенных детей. Я считала, что должна родить и воспитать гения. У меня был на это кураж. Конечно, мечтала, чтобы первым родился сын. Он вырастет большой и красивый, и мы будем идти рядом, и все будут на нас оглядываться. Но бог наказал меня. То ли у нас с Валерой оказались разные

резус-факторы, как мне объясняли медики. То ли еще по какой причине... Короче, у нас могли быть только болезненные дети. И поэтому на Славике я остановилась. Но он рос совсем не таким, каким я его представляла. Хотя я вкладывала в него все силы. Он часто и серьезно болел. Болезненное состояние изуродовало его психику. Он считал, что я в этом виновата. Он вырос совершенно не приспособленным к жизни. Доверчивым и безрассудным. Это и привело его в тюрьму. Там над ним издевались. А я бегала туда каждый день с двумя полными сумками. Одна – для надзирателей, другая – для камеры, где сидел Славик. Кража была мелкая, через два года его выпустили, но он вернулся совершенно чужим человеком.

Слушая Ирину, я понял, что меня привлекает в ней, помимо всего прочего. Она хлебнула того же, чего нахлебался я. Мы – как двое потерпевших.

Позвонили из профильного института. Велели немедленно приехать. Заныло под ложечкой. Значит, подтвердилось. Как же некстати! Жить хотелось, как никогда.

Врачи сказали, что мне повезло: опухоль только в начальной стадии. Одолеть эту гадость можно курсом лучевой терапии. Я сказал, что осиплость прошла и уже не болит. Врачи полезли в рот, что-то там увидели и решили облучение отложить. Но снова взяли ткань на биопсию.

Через две недели я позвонил в институт. Мне сказали, что я могу отпраздновать второе рождение. «Ничего нет». В это

чудо страшно было верить

Очерк под названием «Травля», прежде чем выйти отдельной книжкой, был опубликован частями в разных газетах и журналах. Генерал Бондаренко вышел из тюрьмы. В декабре 1995-го года 82 процента приморцев отдали свои голоса за Костенко. Желтые перья «Демроссии», похоже, сами устали от своего хамства. Покусывали губернатора, но без прежнего возбуждения. Видимо, упали гонорары.

Позвонил Альберт. Спросил, какие у меня будут пожелания. Он имел в виду размер гонорара. Я не знал, что сказать.

– Губернатор предлагает обмен, – сказал Альберт. – Вы решили его проблему. Он готов решить вашу проблему.

Я сказал, что мои запросы ему не потянуть...

– Обижаете, – сказал Альберт.

Обставив свою новую 40-метровую однушку, я понял, что жизнь в командировках сыграла со мной незлобивую шутку. Квартира напоминала гостиничный номер. Ирина ревниво наблюдала за этими хлопотами. Была уверена, что квартирная свобода мужчине противопоказана.

– Избыток возможностей – страшный соблазн.

Я мысленно говорил ей. Эх, Ирина! В зрелые годы найти свою половину – совсем не то, что обычно думают. Настоящая половина вертикальна, а не горизонтальна. В молодости человек ищет то, что ему надо. Или то, что ему кажется, что надо. А зрелость, наоборот, отказывается от того, чего не надо. Выбирает, с кем можно жить до конца своих дней.

Короче, зря Ирина тревожилась. Мне не нужно было, помимо нее, никого.

– Не понимаю Веру, – говорила Ирина. – Всех своих женихов старше на семь лет я считала стариками. Никогда на ее месте не вышла бы за тебя.

Такой выпад нельзя было оставлять без ответа. Я огрызнулся.

– А я бы тебя и не посватал.

– Для тебя жениться – все равно, что сесть в тюрьму. – развивала свой взгляд на меня Ирина. – И дети у тебя, как я понимаю, никогда не были на первом плане.

– С чего ты взяла? Я хотел много детей. Это во мне сидело.

– По молодости, ты бы и от меня гулял. Когда бы я возилась с очередным ребенком, – продолжала гвоздить Ирина. – Ты ж не умеешь себе отказывать.

– Я бы боялся потерять тебя, – возражал я. – Рано или поздно ты бы меня объездила.

– Нет, Юра, – вздыхала Ирина. – Не умеешь ты до конца принадлежать никому.

Позвонили из журнала, где собрались самые кондовые перья из «Правды», «Известий». Предложили опубликовать весь очерк частями. Ну, правильно. Если у нас общий враг – Ржавый Толик – как же нам не посотрудничать.

В кабинете главного редактора меня ждал сюрприз. За письменным столом восседал... Сыр. А за накрытым столом для заседаний редколлегии сидели молодежавые динозав-

ры упомянутых изданий. Отмечали чей-то день рождения.

Бывшие правдисты и известинцы посматривали косо. Припоминали мои публикации в «демократической» прессе. Завязался умнявый треп. Почему наш социализм откинул кеды? И есть ли у него шансы на оживление? Оказалось, собеседники не читали Чаадаева: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники». Как в воду глядел! Противники осознали свою неправоту, реформировались в целях самосохранения, и социализм задрал лапы.

Что из этого следует? А то, что мысль Чаадаева не устарела, только будет действовать с точностью до наоборот. У социализма появится второй шанс, если только его противники, уверовавшие в свою правоту, окажутся неправыми в новой реальности.

Сыр предложил хорошую должность. Но было ясно, что в этой редакции мне не прижиться. Конечно, шеф будет простирает опекающую длань. Но – этого мне только не хватало – к концу карьеры ходить в фаворитах. А если точнее, я просто устал. Не было ни зуда, ни страсти, ни тяги к деньгам. Надо было завязывать с древнейшей профессией.

Я спросил Ирину, выдержит ли она, если я обопрусь на ее хрупкие плечи. Мне требовалось полгода. Я решил вернуться к истории с Дашей – написать небольшую повесть, которую можно было бы переделать в киносценарий. Ирина давно уже собиралась сказать, что ей порядком надоели

мои командировки. Конечно, она прокормит меня, нахлебника-иждивенца.

Глава 44

Наконец-то позвонила Женя. Мы встретились в кафе на Тверской. Сели у окна. Мимо шли красивые люди. В центре каждого столичного города по странной закономерности всегда много красивых людей. Дочь была одета дорого и изысканно. Неужели Олег стал хорошо зарабатывать?

– Папка, это я хорошо зарабатываю. – Женя взяла меня за руку. – Прости меня. Я стала лучше тебя понимать. Я вообще живу теперь больше головой. Очень хочу развиваться и расти. Только мне часто становится страшно. Мне кажется, что я не успеваю жить. В меня будто встроены часы, и они тикают, тикают.

Женя взгляделась в меня экспертным женским взглядом: – А ты изменился. Стал спокойным, гладким. Хотелось бы взглянуть, кто на тебя так действует.

Договорились устроить себе легкий стресс. А вдруг моей дочери не понравится моя женщина? А вдруг моей женщине не понравится моя дочь?

Женя приехала в Пушкино голодная. Ирина была на работе. Я разогрел борщ в подвернувшейся под руку кастрюльке. Дочь уплетала борщ за об щеки, когда Рэмочка встретил Ирину в прихожей радостным лаем. Женя перестала есть. Я напрягся. От того, как они посмотрят друг на друга, зависели их дальнейшие отношения.

Потом Ирина признается мне, что страшно нервничала. Это она-то, выдавшая виды училка. На нервной почве она и устроила мне скандал в первый миг появления в кухне.

– Юра, ты в чем борщ грел? Здравствуй, Женя! В этой кастрюльке? Господи! Женя, как тебе мой борщ? Это ж Рэмкина кастрюля! Я в ней ему кашу варю. Как ты ее вообще нашел? Женя, за твоим отцом нужен глаз да глаз. Это ж надо из всех кастрюль взять именно эту!

Рэмочка зашелся в веселом лае, только непонятно на чьей был стороне.

Женя уже вставила в этот поток свой восторг насчет борща, и когда поток иссяк, заметила с шутливой строгостью:

– Ирина Антоновна, учтите, мама все еще любит кой-кого и ждет.

Ирина ответила, не раздумывая:

– Ну, во-первых, Женечка, мы не можем любить тех, кого однажды разлюбили. А, во-вторых, Женечка, папку твоего я никому в обиду не дам, сама обижать буду.

Ирина повела дочь в лоджию, где открывалась панорама Приокского заповедника.

– Господи, красотища-то какая! – восхитилась Женя. – А воздух!

Она не могла держать в себе секреты и информацию. Тут же выдала главную новость своей жизни.

– Папка, а ведь мы с Олегом сейчас дома больше не живем, квартиру снимаем. Страсть как любит руководить не

своей жизнью мама.

Следом за Женей появился Стасик. Съев тарелку харчо, он попросил добавки и поинтересовался, нет ли у Ирины одинокой подружки. Ему тоже хочется бывать в маленьком городке, дышать чистым воздухом, отдыхать от Москвы. Съев добавку, отвалился от стола и высказался о харчо более определенно: все-таки Феня готовит это блюдо лучше.

Решили сфотографироваться для альбома. Брат встал рядом, развернул плечи.

– Стасик, не вытягивайся, – сказала ему Ирина. – Ты и без того выше Юры на пару сантиметров. Хотя, возможно, я преувеличиваю. На полтора.

– Это она за харчо сводит с тобой счеты, – сказал я брату.

Потом я фотографировал их. Стасик как-то слишком уж закинул руку на шею Ирине.

– А ведь тяжело, – сказала она и убрала руку. – Юра, а ты будто не замечаешь?

Мне вдруг вспомнились слова мамы. Я обронил:

– Младшим нужно уступать.

Ирина еще не знала, что это всего лишь цитата. Сдержанно возмутилась.

– Ты сам-то понял, что сказал?

Стасик, как обычно, много балагурил. Ирина смеялась над его хохмами и анекдотами, хотя не все они годились для первого знакомства. Но в ее смеющихся глазах, чего я раньше не примечал, стыл холодный сторожок.

Когда брат уехал, она спросила.

– Так я не поняла, мне всерьез искать ему подружку? Я-то ведь могу сосватать. У нас в музыкалке полно резведёнок.

Я сказал, что это всего лишь шутка.

– Неужели ты на его Феню так же руки складываешь? – спросила Ирина. – Нет? Тогда почему он себе это позволяет? Считает себя неотразимым? И эти шуточки ниже пояса. Неужели он думает, что это смешно?

– Но ты же смеялась.

– Я проявляла такт, а он – что? А зачем ему подружка здесь, если он так Феню любит? А ты знаешь, чего я спрашиваю. Я думаю, неужели ты такой же, просто я тебя не знаю?

– Думай что хочешь.

– Юра, ты сейчас сказал, что ты такой же.

– Ирина, я сейчас сказал, что не думаю о себе лучше, чем о других.

– А другие, наоборот, считают, что они лучше тебя. Стасик поделился странным мнением о тебе. Мол, с тобой бывает трудно. Ты бываешь тяжелым, грубым, черствым. Но ты не подлый. Заметь, я его не спрашивала, какой ты. Еще не хватало! Он сказал это ни с того, ни с сего. Как бы ободрил меня. К чему это? Я же должна знать, как вести себя с ним дальше. Жены не должны разводить братьев.

Я сказал, что у меня нет объяснений.

– А я могу сказать, что означают эти слова. Мол, он очень порядочный, и ценит в людях неспособность к подлости.

Мол, он морально выше, и потому имеет право давать такие оценки.

Я слушал и думал: а вот интересно, мне бы пришло в голову сказать что-то подобное Полине? Мог бы я взять на себя такое право?

Вот так мы и живем, родные люди. В двух иллюзиях. Одна иллюзия – что тебя могут понять. Другая – что ты можешь понять. Хотя, кинологи считают, что даже собачий нюх безошибочно действует только в 70 процентах случаев.

Глава 45

Возвращаясь из Москвы, я подъехав к дому в Пушкино и по привычке взглянул на окна. Часы показывали десять вечера, а окна были уже темные. Обычно Рэмочка встречал радостным лаем, а тут вышел в прихожую молчком, виновато виляя хвостом. Я включил свет в гостиной. Ирина лежала на софе лицом к стене. Тонкие плечи ее подрагивали.

– Хреновые дела у меня, Юра. Опухоль нашли в правой груди. Вроде бы, в начальной стадии, а на самом деле – кто знает... Сделать операцию более-менее надежно – это отнять грудь.

Меня обдало холодом. Вот, оказывается, кто следующий. Вера может с облегчением вздохнуть.

Ирина прижалась ко мне, как ребенок:

– Если ты настоящий друг, найди мне хороших таблеток. Ты понял, о чем я? Я должна знать, что они у меня есть. Так мне будет спокойнее. Я считала себя крепким орешком. Но этот диагноз раздавливает.

Однако она довольно быстро взяла себя в руки. Перед обследованием в Каширке нарядилась во все лучшее и даже пыталась шутить.

– Для того, чтобы тебе сочувствовали, нужно хорошо выглядеть.

Хирургу жалко было уродовать красивое женское тело.

Он по-мужски предупредил меня.

– Учтите, чтобы почистить капитально, одну грудь придется отнять.

Женя сказала, что даст на операцию столько денег, сколько надо. Мне хватало своих сбережений. Но для дочери это было дело принципа. Нет, она должна помочь Ирине Антоновне.

За день до операции Ирина надела красное кимоно, прошла по комнате, крутнулась перед зеркалом.

– А что, я еще ничего. Смотри, какая талия. А грудь!

Грудь у нее была на редкость красивой формы. И вот – половины не будет.

Хирург как сказал, так и сделал – почистил капитально. Операция шла четыре часа. Наркоз был глубоким. Но когда, наконец, все кончилось и к Ирине вернулось сознание, она чуть не задохнулась в реанимации. Врачи вытащили ее с того света.

Женя требовала общения. В назначенное время я подъехал к знакомому дому. Был поздний вечер. Шторы в кухне были, как всегда, раздвинуты. Женя и Вера что-то выясняли. Появился Олег, сказал теще резкость и исчез. Ругань нарастала. Вера замахнулась на Женю.

Из подъезда вышел Олег. Сел в свою «шестерку», взвизгнул тормозами и уехал. Сбежал от скандала.

Подъехала маленькая машина, «Пежо – 206». За рулем молодая женщина говорила по мобильнику. Потом включи-

ла освещение салона и стала копаться в сумке. «Лора!» Мы не виделись около года. Женя сказала, что подружка транжирит деньги Фунтикова то ли в Германии, то ли в Франции. Что-то изучает, готовится открыть свой бизнес в России.

Дверца «Пежо» открылась. Лора решительно зашагала к моей машине. Села на переднее сидение. Салон заполнился изысканным запахом дорогих духов.

– Как интересно получается. Похоже, вы помолодели, а я – постарела. Почему не спрашиваете, как живу?

– Как живешь? – как попугай, спросил я.

– Скучаю по Жене. Видимся раз в год. Я закурю?

– Кури.

Лора зажгла тонкую сигаретку.

– Вы, наверно, благодарны Жене. Невольно помогла вам уйти. Я знала, что рано или поздно вы уйдете.

К дому подходил высокий худой парень. Он приостановился у «пежо», увидел, что в машине никого нет, и вошел в дом. Это был Денис. Как же он вымахал!

– Вам за него не страшно? – спросила Лора. – Или вычеркнули его? Вы его вычеркнули, Юрий Леонтьевич, – утвердительно закончила она.

Я ответил терпеливо:

– Лора, я, конечно, плохой человек. Но когда хорошие люди мне об этом напоминают, я начинаю думать о себе лучше. Лучше пошла бы, вытащила Женю.

– И то, правда. А то стоит сейчас насмерть, а потом будет

пить валерьянку.

Лора решительно вошла в подъезд и спустя время вернулась с Женей. Дочь выглядела опустошенной. Она выкурила сигарету у машины, потом села на заднее сидение.

– Снова в квартире вокзал. Куча родственничков, сумки, чемоданы. Снова Денису негде спать. Ночует парень неизвестно где. И слова не скажи.

Потом призналась – просила у матери денег. Та допытывалась: зачем? «Я могу взять у тебя своих тысячу долларов, не объясняя, зачем они мне? – спрашивала Женя. – «Нет, не можешь!», – отвечала Вера, догадываясь, зачем понадобились дочери деньги.

– А ведь приходила поделиться с мамочкой: еду в Лондон на курсы переводчиков, – с горечью сказала Женя.

Мне было чертовски приятно это слышать. Я поздравил дочь.

Эту неделю я жил в Москве, чтобы ездить в Каширку к Ирине. Едва поднялся в свою квартиру, как зазвонил телефон.

– Юрий Леонтьевич, гляньте в окно.

Я посмотрел вниз. Там стоял уже знакомый маленький «Пежо». Лора вышла из машины, махнула рукой и сказала в мобильник:

– Я зайду? Хочу посмотреть, как вы живете.

Я на секунду задержался с ответом. Лора истолковала резковато.

– Кого вы больше боитесь, Юрий Леонтьевич? Меня или себя? Меня бояться не надо.

Она окинула квартиру взглядом риелтора, жестом тещи провела пальцем по зеркалу в прихожей. Обнаружила пыль. Усмехнулась. Поняла, что жена бывает здесь редко.

Увидела на письменном столе фотографию Ирины. Заценила снисходительно:

– А ваша Ирина Антоновна действительно ничего.

Зашла в ванную, поправила прическу.

– Сколько лет мы уже знаем друг друга, Юрий Леонтьевич? Впервые я вошла в ваш дом, когда мне было двенадцать.

– В глазах людей поживших молодежь стареет быстро, – обронил я, включая электрочайник.

– Теперь буду знать, – сказала Лора. – Считается, что женщина стареет от нехватки любви. А мне кажется – все наоборот: когда она сама никого не любит. Сейчас никто никого не любит, только себя. Любовь как бы немодна. Как вам вообще наше время, Юрий Леонтьевич?

– Время – это люди.

– А как вам люди?

– В нас все меньше и меньше русского. Точнее, того лучшего, что было в русских. И все больше худшего, что есть в нерусских.

В этом месте состоялось неловкое молчание.

Я тогда еще не знал об интересной фишке молодых жен-

щин. Будучи девочками, они выбирают для своих сексуальных фантазий взрослых мужчин, представляют их рядом в постели. Какой-то мужчина становится их постоянным вообразаемым партнером. И потом, войдя в совершеннолетие, они мечтают поиметь этого мужчину уже не в грезах, а наяву. Фишку эту я просеку гораздо позже. А пока мы сидим с Лорой в кухне, и она просвещает меня своим заграничным видением вещей.

Оказывается, мы, русские, считаемся в европах страшными зазнайками. Кичимся тем, что ни на кого не похожи. А уж как любим поговорить о своей загадочной русской душе: какие мы непостижимые. Как мы, напившись, перестаем контролировать себя и становимся хамами. Хотя многие и трезвые – такие хамы. Как мы, напившись, начинаем себя жалеть. Клянем себя за грехи, а проспавшись, снова грешим. Как мы, унижая других, и себя при этом унижаем, совершенно того не сознавая, получая от этого даже что-то вроде кайфа.

Лора избегала говорить о Фунтикове, будто его вообще не было в природе. Обронила только разок, что низкий человек всегда точно знает, чего не сделает в ответ на его пакость человек порядочный.

Разочарование в муже объяснила своей дурацкой надеждой, что самое серьезное в отношениях вполне может начаться с чего-то несерьезного. Она имела в виду их встречу в доме отдыха в Пахре.

– Но в этой надежде я ошиблась.

Кажется, Лора намекала на мой залепон с Надеждой. Научилась, однако, играть словами и ассоциациями. Я невольно спросил себя: а умеет ли так разговаривать Женя. Нет, у дочери все еще был почти детский разговор.

– Когда спросите, чем я занимаюсь, – попрекнула Лора.

– Чем ты занимаешься? – снова, как попугай, спросил я.

– Издательским делом, – сообщила Лора. – Хочу что-нибудь такое закрутить, замутить. Когда есть деньги, это нетрудно. Нанимаешь профи, и они все делают, а ты учишься на ходу. Я очень обучаемая, Юрий Леонтьевич, если вы этого еще не знаете. Между прочим, мои издатели – люди в основном вашего возраста. Мне скучновато с моим поколением. Хотя... Мне и с мужем скучновато. Он богатый, но неинтересный. У него на уме только работа и деньги.

Я рассмеялся:

– Я еще хуже. У меня в голове только работа.

Чашки, банка с кофе «Fresco» и сухой торт уже были на столе. Мы сели. Лора посмотрела на меня взглядом деловой женщины.

– Я показала своим издателям ваши очерки. Я не говорила им, что мы хорошо знакомы. Просто попросила дать оценку, можете ли вы представлять для нас какой-то интерес. Они сказали, что это добротная журналистская проза. А многие очерки – заготовки киносценариев. Так что у меня к вам может быть чисто деловой подход. Или вы еще не устали от журналистики?

Я промолчал.

Мы вышли на балкон. Перед нами открывалась панорама Москвы-реки.

– Сегодня ночью читала женский роман, – сказала Лора. – Там есть интересный монолог. Хотите, прочту по памяти?

– Давай, – сказал я.

– Вы подпустили меня слишком близко. Но вы не виноваты. Так уж получилось. Но теперь я всех сравниваю. Говорят, мужчины живут забыванием, а женщины – памятью. Так вот, я все помню. Помню такие мелочи, что даже неудобно их назвать. А вы всегда считали, что слишком стары для меня. А я уверена, что рядом со мной вы еще очень долго будете молодым. Как там у Конфуция? Ничто не бывает рано или поздно. Все бывает только вовремя. Так вот, сейчас самое время.

– Неплохо – сказал я. – Тебе надо не издавать других, а самой писать.

– Научите – буду писать. Я очень обучаемая, Юрий Леонтьевич. Ну, так что? Контракт?

Я сказал, что мне сейчас не до планов и новых проектов. Лора хотела о чем-то спросить, но не смогла. А я чувствовал, что вертелось у нее на языке. Насколько серьезна болезнь у Ирины. Сколько она протянет.

Стоя на балконе, я смотрел вниз. Лора подошла к своему «Пежо», но не взглянула на мой балкон, не помахала рукой.

Я налил себе еще кофе. Плеснул коньяка. Очередной тре-

угольник, но на этот раз, кажется, последний в моей жизни. Только раньше я даже не пробовал бороться с соблазном. Всякое новое увлечение приходило в то время, когда прежняя любовь кончалась.

Я не знал, как мне теперь любить Ирину, после операции. Получится ли любить по-прежнему? Я только знал, что не хочу ее потерять. Без нее я с любой женщиной снова буду один. Что из этого следует? А то. Нужно порвать с Лорой.

Но тут же в голову пришла мысль, которая меня ужаснула. Если я резко порву с ней, она будет подсознательно желать смерти Ирине.

Глава 46

Я строил дачу. Точнее, хлопцы с Украины, пилили, стучали, весело перебрасываясь словами, а я орудовал лопатой. Вскрывал землю под плантацию клубники и малинник. И той и другой ягоды должно хватать при любом количестве гостей. Ирина выкапывала в лесу крохотные деревца и сажала их возле дома.

– Ира, земля забирает красоту, – предупредила соседка, всю жизнь проработавшая в лесничестве.

Она была постарше Ирины, но ей казалось, что намного. Она уж всяко подъезжала, чтобы узнать поточнее. Ирина вредничала, не выдавала возраст.

Однажды соседка не выдержала:

– А ну, покажи зубы.

Пришлось Ирине показать. Соседка успокоилась.

Сейчас я вытащил из багажника старый автознак «Дорожные работы», подобранный на дороге. Прибил знак к шесту, воткнул в огороде, взял фотоаппарат.

– Вставай.

Ирина с лопатой в руках встала под знак, изобразила стахановку.

Я работал, не приседая. Ирина тоже не могла оторваться от грядок. На этой почве происходило выяснение, кому идти за соком. Я проявлял мелочность и не уступал. Потом на

меня что-то нашло. Я накрыл на веранде стол и позвал отобедать.

– Так и знала, – неблагодарно высмеивала меня Ирина. – Колбаса, селедка, лук, черный хлеб, пиво. И – на газетке! Что такое свежая газета? Это газета, на которой мы еще не ели.

У меня заиграл мобильник.

– Папка, – послышался далекий голос Жени. – Звоню, между прочим, из Лондона. Можешь поздравить. Получила сертификат переводчицы.

– Поздравляю! – с восторгом отозвался я. – Детеныш, куда ж ты пропала? Две недели – ни одного звонка.

– Детенышу через два месяца стукнет двадцать два, – напомнила Женя, – Подарок приготовил?

Я виновато вздохнул.

– Никогда не знаю, что тебе купить.

– Я тебе подскажу. Встреть меня, папка, когда прилечу. У Олега проблемы с машиной.

– Почему не звонила? Говори громче, плохая слышимость, – орал я в трубку.

– Болела, папка. Что-то вроде гриппа, только без кашля, головной боли и соплей. Валялась, как тряпка. Как там Ирина Антоновна?

– Ворует саженцы в лесу.

– Передай, что я рада за своего папку.

– Спасибо, доченька. Мы тебя тоже очень любим. Когда обратно?

– Примерно через неделю. Раньше не получится.

Я открыл бутылку пива, налил в кружки.

– Как приедет, вези ее сразу сюда, – сказала Ирина. – А то мне ночью не с кем поболтать.

– Сразу сюда – сюрприза не получится. Давай хотя бы дом достроим.

– Разве тут главное дом?

Ирина была права. Это был маленький лесной хутор. Я купил у бывшего лесничего старый дом. Сейчас мы его обновляли. Кругом сосняк, рядом пруды. Пахло дымком соседского костра. Припекало солнце. В небе стоял щебет птиц. Вишни только собирались расцвести. Кругом все хотело жить и радоваться.

– И не вздумай ее воспитывать, – наставляла Ирина. – Забудь, что ты отец. Мне нравится, что она не ревнует тебя ко мне. Вообще, иметь такую дочь – счастье.

Щебет птиц, казалось, забивал стук молотков. Почки старых яблонь готовы были выбросить бело-розовый цвет. Среди берез кружили майские жуки. Ирина убрала со стола и принялась рыхлить клубнику. Я сел под старую яблоню и стал рисовать эскиз веранды.

Глава 47

Через неделю я встречал дочь в аэропорту. Высокая, белокурая, с влажными карими глазами и ярким пухлым ртом, Женя выделялась в толпе.

– Ой, папка, как же я соскучилась!

Она обхватила меня за шею и поцеловала в щеку напомаженными губами. Я принялся стирать помаду. Она помогла мне своим носовым платком. Сделала выговор.

– Почему без цветов? Когда я научу тебя дарить дочери цветы? Ну, что? Едем к тебе?

– А может, все-таки домой? – это Олег вырос словно изпод земли. – Что-то произошло, малыш?

Меня от этого слова передернуло.

– Здравствуй, Олежка, – Женя чмокнул его в щеку, – Мы ж с тобой договорились: сначала едем к отцу, навестим Ирину Антоновну, а потом он отвезет нас домой. Или что-то изменилось?

– Изменилось, – сказал Олег. – Я отремонтировал машину. Можно ехать прямо домой.

– Ты чего-то не понял, – вспыхнула Женя. – Сначала – к папе. Надо проведать Ирину Антоновну.

Олег повернулся ко мне.

– Извините, Юрий Леонтьевич, но к вам я не поеду.

– А я тебя и не приглашаю, – сказал я.

– Вот и замечательно.

– Но я бы на твоём месте этого не говорил.

– Вы так всю жизнь будете меня делить? – упавшим голосом спросила Женя.

Она все-таки поехала со мной без Олега Я мог, наконец, получить ответы на свои вопросы. Тема покупки квартиры была для дочери самой болезненной.

– Мы договорились с мамой, что этим занимается она. Мне совершенно некогда. К тому же все деньги у нее.

У меня в голове не укладывалось. Почему она не покупает квартиру? Были деньги на однушку – не купила. Скопили на двушку – снова не купила. Теперь уже есть на трёшку – опять не покупает. В чем дело?

– Маме то некогда, то какие-то другие причины.

– Какие?

– Папка, ну ты прямо как следователь! – возмутилась Женя.

– Выкладывай! Я чувствую, тут что-то не так. Причем тут мама?

Женя тяжело вздохнула.

– Мама держит баксы в кассе академии.

– Какой академии? – удивился я.

– Гуманитарной. Она теперь там замректора по воспитательной части. В этой кассе капает до двадцати процентов в год, представляешь? В каком банке может быть такой навар?

Я присвистнул.

Женя сказала слабым голосом:

– Я каждую ночь просыпаюсь и думаю: а вдруг ректор вернет не все деньги? А вдруг вообще не вернет? Ведь он даже расписки не написал. От этих мыслей жить не хочется. Когда я начинаю говорить об этом, мама раздражается, я завожусь. Она обзывает меня истеричкой. Я в долгу не остаюсь. Все заканчивается тем, что я – неблагодарная дрянь и вылитая отец. Мы с Олегом думали, что после того, как ты уйдешь, она изменится. На какое-то время она действительно стала другой. А потом... То ей кажется, что я слишком много на себя трачу. То я будто бы к Дениске плохо отношусь. То много курю. То налево посматриваю.

Помолчав немного, Женя спросила:

– Слушай, папка, а тебе приходилось перебарывать себя? Ну, в смысле, преодолевать свои влечения? Или ты никогда ни в чем себе не отказывал?

Я сказал, что в таких случаях искал и находил недостатки. При желании это не так уж трудно. А потом говорил себе: и стоит ли из-за этого всего расстраиваться?

– Потрясающе! – воскликнула Женя, – Я сделала в Лондоне то же самое. А ты не мог бы ехать быстрее?

– Ты ж боишься быстрой езды.

– Только с Олегом. Как хорошо, что у него сломалась машина. Раньше езда была для меня каф, а сейчас... – дочь часто заморгала глазами.

Она становилась слезливой.

Мы проехали мост через Оку и после деревни Липицы свернули на Пушино.

Ирина была на работе. На столе в кухне Женя увидела запись нашего вчерашнего разговора.

Я писал: «Сколько мыслей не пришло мне в голову с тех пор, как мы знакомы».

Ирина отвечала: «Как тебе повезло, что ты встретился со мной так поздно. Иначе бы загубил на меня свою жизнь».

Ну и так далее.

– Папка, я так рада за тебя! – сказала Женя.

Я обнял дочь:

– Какая же ты у меня немелочная.

Женя полезла в сумочку за сигаретами:

– С чего ты взял? Думаешь, мне не обидно? Еще как обидно. Но факт налицо: Ирина Антоновна самая классная женщина из всех, кого я знаю. Она такая сложная и в то же время такая... – Женя не находила подходящего слова.

Я подсказал:

– Сама она называет себя обиходной.

– Вот! Так и есть. Мне особенно нравится, что с ней можно говорить обо всем. С ней я умнею и учусь давить в себе бабство. Это же само страшное, что бывает в женщине.

Когда распаковали подарки, Ирине достались настенные сувенирные часы: лондонский Биг Бен в миниатюре.

– Пусть часы вашей жизни идут долго-долго, – сказала Женя

– Давай, Женечка, выпьем за тебя, – сказала Ирина. – Ты такая молодчина.

– Это папка заставлял меня заниматься! – сказала Женя. – А это, папочка, тебе.

Она вручила мне одеколон «Despot». Спасибо, что не «Самодур».

– Ирина Антоновна, сыграйте «Грезы любви», – попросила Женя, – Только, пожалуйста, не отказывайтесь.

Она забралась с ногами в кресло:

– Хочу дочь. Назову ее Сонечкой. Хочу, чтобы она говорила на трех языках и играла на пианино. А Олег стоит на своем – никого нам пока не надо.

– Подошел срок, и дети должны рождаться, несмотря ни на что. В этом смысле жить будущим нельзя, – сказала Ирина.

– Вы правы, будущего может и не быть, – как-то странно легко согласилась Женя.

Ирина пошла варить кофе. Женя погасила сигарету и присоединилась к ней. Помешивая кофе, спросила, глядя пытливо в глаза:

– Как вы себя чувствовали после операции?

– Как Серая Шейка из сказки. Уточки улетели, а я осталась зимовать одна.

– Вам не кажется, что мир скоро погибнет? – неожиданно спросила Женя. – Я недавно прочла, что через десять-пятнадцать лет Солнце взорвется, и Земля сгорит в считанные

минуты.

Ирина обняла Женю.

– Что с тобой, деточка?

– Ирина Антоновна, а что делать, если муж не удовлетворяет? – попыхивая сигаретой, деловито спросила Женя.

– Если не хочешь с ним расстаться, то ничего не говори.

– А можно спросить: вам с папкой – как? Вам хорошо вместе?

– У нас медовый климакс, – пошутила Ирина.

– А почему бы вам не завести ребенка? У меня будет сестренка. Или еще один братик.

– Женечка, мой поезд слегка ушел, – сказала Ирина.

– Тогда удочерите меня.

Это была шутка. И это не было шуткой. Но что это было?

Женя сняла со стены гитару, сделала незамысловатый перебор и тихонько запела:

Под вечер кукушка вещала, кому-то щедро врала,

Долгую жизнь обещала, взамен ничего не брала.

Я тоже ее спросила, шутя отчего не спросить?

Все есть, красота и сила... Кукушка, сколько мне жить?

Гадалка мои посчитала непрожитые года...

Ку-ку... и вдруг перестала... Неправда, я так молода!

Какая противная врушка! Сама минутой живешь.

Кукушка и есть кукушка, гнезда своего не вьешь.

Я не разомкнула круга, не выпрямила пути,

Еще не успела друга единственного найти.

И главное не успела – гнездышка не свила.

Песню свою не спела, деточек не родила.

Ошиблась – считай сначала! Что там, на моем веку?

Кукушка долго молчала, потом сказала: «Ку-ку».

– Чьи слова? – спросила Ирина.

– Слова народные, – с усилием рассмеялась Женя.

Я не знал, что она пописывает стихи. Ничего удивительного. Мы редко знаем, как портится потомство. И как разбивается, тоже не очень замечаем.

На другой день я отвез дочь в Москву. Мы пришли к Арнольду.

– Ну и что вы хотите у себя найти? – шутливо спросил Женю доктор. – Ничего у вас нет. Вы просто мнительная.

– У меня легкая температура не проходит уже несколько недель. А недавно поднималась, как при гриппе.

– Это, скорее всего, какая-то инфекция.

Арнольд завел Женю в кабинет с аппаратом УЗИ. Их не было минут десять. Доктор появился первым и сказал, что не увидел ничего подозрительного. Женя была обрадована. С облегчением распрощалась и скрылась за дверью.

Когда я вернулся в Пущино, Ирина выдала секрет дочери:

– В Женечку влюблен десятиклассник. Ее ученик. Она показала его фотографию. На голову выше ее. Лицо молодого мужика, но видно, что совершенное дитя. Он ее боготворит. А она не знает, что с этим делать. Я ее понимаю. У меня такое однажды было. Эта любовь несравнима ни с какой дру-

гой.

Я не знал, что на это сказать.

– Только не выдавай меня, – попросила Ирина. – Я дала слово.

Мне было обидно. Я-то считал, что Женя может мне доверить такие тайны.

Ирина посматривала на меня так, будто не решалась сказать что-то еще. Все же не выдержала.

– Короче, она просила у меня ключи от твоей московской квартиры.

– И?

– Я дала.

– И пообещала оповестить ее, когда я буду здесь?

Ирина кивнула, напряженно улыбаясь.

– Ну и правильно сделала, что дала, – сказал я.

Ирина повисла у меня на шее.

– А ты бы дал ей ключи?

Я ответил, не раздумывая:

– Еще чего? Конечно, нет.

Глава 48

Позвонил Стасик, сказал, что Полины больше нет... Когда человек долго и безнадежно болеет, сообщение о его кончине воспринимается как неизбежность. А Полина как раз болела долго. Долго и отважно. Способы лечения доходили до самоистязания. Голод, холод, одиночество. Сама врач, она не отказывалась от знахарских снадобий. Как на войне, в окопах не бывает атеистов, так и в этой хвори нет больных, не верящих в чудо. Но чуда, как в абсолютном большинстве подобных случаев, не произошло.

Смерть Полины, как и смерть первой жены Виктора, которая была еще моложе, казалась мне чудовищной несправедливостью. А несправедливая смерть – это не просто смерть. Это гибель. Было жаль, что мы с Полиной не нашли общего языка. Я понимал, что именно не располагало ее ко мне, а меня к ней. Мы были закрытыми людьми. Избегали душевного контакта. К тому же, это из области предположений, Полина могла не знать, как она со Стасиком на самом деле оказалась в Алма-Ате. Точнее, могла знать только его версию.

Теперь Стасик мог осуществить свою мечту – переехать в Москву.

Он пока снимал квартиру у метро «Марьино роща». В условленный час я подошел к неплотно закрытой двери. Во-

шел. В прихожей – батарея пустых бутылок, в основном из-под водки. В кухне – та же картина. Первая мысль: неужели мусоропровод не работает?

Судя по бутылкам, Стасик пил теперь в основном водку, хотя раньше больше любил дорогое вино. Он лежал в комнате лицом к стене. На мои шаги не отреагировал. Я сел на стул. Осмотрелся. Стасик отвлекся от стены. Глянул мутными глазами.

– А, это ты.

– Еще кого-то ждешь?

Не отвечая на вопрос, брат предложил пойти в кухню и вмазать. Пил Стасик, как заправский выпивоха. Задерживал дыхание. Морщился и тряс головой. Квашенную капусту отправлял в рот не вилкой, а пальцами. Но я все-таки сволочь – меня это изображение горя не устраивало. Мне нужны были бесспорные доказательства.

Пришлось ждать. Стасик наливал мне щедрой рукой, а себе совсем чуть-чуть. Объяснял это тем, что он без того тепленький. Процитировал Жванецкого. Мол, алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах. В подтверждение стал совсем плохо работать языком. Это был явный прокол. Все-таки я не вчера родился, умею отличить действительно заплетающийся язык от имитации. Но и этого мне было мало.

Всегда удивляюсь, как в кино пьют водку. Как воду. И при этом не закусывают. Я так не могу. С разрешения брата открыл холодильник. О, котлетки! Не сам же он жарил! Что

ж московская пассия бутылки не спускает в мусоропровод? Или Стасик не разрешает? Неужели бутылки – реквизит?

Я спросил Стасика, как он понимает известные слова Ахматовой, что «можно быть замечательным поэтом, но писать плохие стихи». Прибавил, что так ведь и в журналистике бывает. Считается профессионалом, а пишет скверно.

Брат сидел с чуть опущенной головой. Мой вопрос его озадачил. Он поднял голову. И я не увидел в его глазах никакой мути. Это был взгляд думающего человека, каким и был Стасик. И сейчас он пытался осмыслить слова Ахматовой.

– Как думаешь, можно имитировать какую-то свою способность? – почти в лоб спросил я.

– Странный вопрос, – совсем озадачился Стасик. – Тут без еще одного пузыря не разобраться.

Я убрал со стола выпитую бутылку и достал из своей сумки другую. Но брат отказался.

– Ты пей, я – пас.

Эх, скорее бы Колобок повесился, чем Стасик впал в запой. Позже я узнаю, что ему пообещали роль жутко пьющего журналиста. Может, решил устроить себе репетицию? Если так, то репетиция была только отчасти. Все-таки после похорон Полины прошло не так много времени.

Глава 49

Я решил жениться на Ирине. Это была ее идея. Ей важно было знать, что она может положиться на меня, как на законного мужа. В ее положении это имело значение. Но прежде мне надо было развестись с Верой.

На оформление развода я надел тот же костюм, в котором был на свадьбе. В этом мне виделась забавная логика. Сегодня костюм оказался на два размера меньше. Но я все же втиснулся и стал дышать через раз. Вера пришла в джинсах «Montana» двадцатилетней давности. Не иначе, как с мылом надела. Это совпадение нас обоих развеселило.

Ожидая своей очереди, мы прогуливались по дворику Таганского загса. Коснулись анамнеза отношений. Вера блеснула эрудицией. Оказывается, невротик – это страдающий от неврозов. А заставляющий страдать – психотик. Я осторожно предположил, что в этом качестве мы частенько менялись местами. И свершилось чудо! Вера согласилась. Мне хотелось быть великодушным. Я сказал, что женщина права даже тогда, когда не права. Вера приняла это обобщение на свой счет. Выражение ее лица еще больше подобрело.

(У меня вертелась на языке маленькая теория. Я хотел сказать Вере, что мое отношение к ней едва ли можно считать полновесной изменой. Изменить можно только той женщине, которую любишь. Измена в таких делах только тогда

настоящая измена, когда изменяешь еще и своему чувству. Когда любишь и все же даешь волю похоти. Но я вовремя придержал язык. Вера бы не поняла, наш развод обратился бы в последнюю ссору, и сам я точно никогда бы этого себе не простил).

Но рано или поздно разговор должен был утратить игри-вость. Я не мог не предъявить Вере серьезного упрека. Зачем ей нужно было возбуждать у обоих детей подозрение, что я их не хотел?

– Ты ж знаешь, я Стрелец, – напомнила Вера.

Потом я сказал, что Жене надо развестись с Олегом. От него не может быть здоровых детей.

– Да, поторопились мы с женьбой, – согласилась Вера.

Сработал семейный сценарий. Когда-то я поспешил с пер-вой женьбой. Не мог ужиться с отцом. Хотелось своей спо-койной жизни. Вот и Женя спасалась замужеством от нашей психопатии.

Поставив штампы в паспорта, мы не пошли в ресторан. Я не смог бы долго смотреть в глаза Вере. Не смог бы что-то изображать. Моя жизнь с этой женщиной была как бы не моя жизнь. И ее жизнь со мной была как бы не ее жизнь. Если бы ей не надо было что-то доказывать мне, она не поехала бы завоевывать Москву. Не расписывалась бы со мной дважды и дважды бы не разводилась. И дети у нее были бы совсем другими. То же самое я мог сказать и о себе. Короче, как-то совсем не умно и неправильно складывалась жизнь. Хотя

кто знает, может быть, какой-то другой вариант был бы еще хуже.

Считается, что прожившие немало лет супруги становятся как бы родственниками. Не знаю, я ничего такого не чувствовал. Хотя был бы не против воспринимать Веру родственницей безо всяких как бы. Но – не получалось. Обиженная, она превращалась в обидчика. Необходимую самооборону превышала в разы. Вместо того, чтобы, подобно другим женам, стерпеть и возвыситься.

Но я прощался с ней с облегчением и с некоторой даже благодарностью. Если бы она не выставила меня из дома, я бы не встретил Ирину.

Итак, Ирина стала моей третьей женой. Самой необходимой. Благодаря ей я мог прожить остаток жизни не по инерции, а как бы со вторым дыханием.

Усталость от журналистики привела меня к мысли, что пора к Сироте. Но к нему, редактору издательства, нужно было прийти не с замыслами, а с готовым текстом. А я по-прежнему не верил в свою способность писать по-писательски, а не по-журналистски. Все тексты казались мне всего лишь набросками. Показывать их Сироте было неловко.

Говорят, человек должен быть тем, кем он может быть. Я не уверен, что смогу стать писателем. Я вообще очень сомневающийся в своих способностях человек. Но это меня не угнетает. Это все-таки лучше, чем самонадеянность.

Повесть «Мечта моя, тюрьма» я все же накатал. Вроде, нескучно вышло – за счет сюжета. Девочка выросла в семье оборонщиков. Но денежная работа кончилась. Жить стало не на что. И без того выпивающие родители совсем ударились в пьянство. Неравнодушная к модным нарядам Даша попросила девочку из семьи новых русских одолжить ей прикид. Хотела сходить в диск-клуб. Девочка отказала. Тогда Даша, угрожая ножиком, сняла с нее всю упаковку. От сережек до туфелек. С этого началась ее криминальная жизнь. Сколотила шайку из таких отчаянных метёлок. Ну, и так далее.

Я отправил повесть Сироте по электронке. Он позвонил мне на завтра.

– Слушайте, – говорит. – Так ведь под таким названием уже снят фильм. Комедия. Сценарий Станислава Терехова.

У меня, как сказал бы Денис, отвисла чавка.

Конечно, Сирота сразу понял, что это мой брат. Утешил: можно назвать повесть «Метёлка», тоже годится. Но мне жалко было первый вариант.

Сирота рассказал вкратце сюжет комедии Стасика. Безработный умелец, этакий современный Левша, сделал из «Запорожца» плавающий автомобиль с гоночным мотором. Ему бы купаться в славе и деньгах. А он позволил использовать себя – вскрыл сейф с деньгами. Замаячила тюрьма. Тогда он сбежал в Нидерланды, где тюрьма – как санаторий...

Брат подогнал содержание под название. Он почему-то не

подумал, что Левша из фильма не мог так мечтать о тюрьме, как мечтала Даша.

Вскоре фильм «Мечта моя, тюрьма» показали по ящику. Ирина уже знала от меня, откуда взялось это название. Смотрела ревниво, ей было обидно за меня. Хорошие актеры из всех сил смешили зрителя. Мы с переглядывались: почему нам не смешно? А Стасик последнее время чего-то не звонил, не приезжал.

– Успех лизнул его своим языком, – словами Чехова сказала Ирина. – В руках у нее был томик писателя. – Меняй название.

А я не мог. «Мечта моя, тюрьма» – это же не просто название повести. Это крик запутавшейся гордой девочки – неваляшки, как ее называли на улице. Девочка старомодно берегла свою честь. За это шпана приговорила ее к спиду. И вот она отчаянно ищет защиты и спасения. Самое безопасное место для нее – страшная тюрьма. Она хотела в тюрьму – она ее, в конце концов, получила.

Но это не все. Ведь Даша – это отчасти я. Я в свое время буквально голову совал за решетку. И вот теперь вместо Даши (как бы меня) появляется какой-то тошный совковый умелец, который дивит народ своими нелепыми похождениями в Раше (в начале 90-х Россия точно была Рашей) и Европе.

Я забросил рукопись в нижний ящик письменного стола. Не подавать же в суд на родного брата.

Глава 50

Очередная семейная ассамблея. Поводов – два. Новоселье у Вити и поминки Полины. Место проведения – новая квартира младшего брательника. Устроился он уютно. Хотя семье с тремя детьми двушка явно тесновата. Я приехал с Ириной и Женей. Естественно, с подарочками детям. Стасик привез маме импортный слуховой аппарат. Вставил батарейку, приладил к маминому уху.

– Как слышишь, мама?

– Стасик, солнышко мое, отлично слышу!

Мама светилась от счастья. Я зашел в кухню, где она хлопотала, дал ей денег. Вернулся в комнату. Мама позвала Витю, якобы помочь что-то принести. Я вышел в прихожую, откуда видна кухня. Мама делилась с Витей. Витя не дурак. Он не мог не понимать, откуда вдруг у мамы деньги. И все же брал. И тут же готовил мне сюрприз. Сжимал камешек за пазухой. В своем, между прочим, доме.

Не ладилась у отставного майора продажа красок. А другого применения себе он не мог найти. Вот и нуждался. Хотя высокое мнение о себе при этом никуда не девалось. Я посоветовал ему поработать дворником. Сослался на свой бесценный опыт. Брат ответил уничтожающим взглядом. Заподозрил насмешку. За него вступился отец:

– Это какого рожна офицер должен махать метлой?

– Наш Витя – бывший офицер, – бестактно уточил я.

Брат скривился:

– Держал бы ты свои советы, знаешь где?

Я пропустил грубость мимо ушей. Ну, не может человек найти себе места на гражданке. Это ж такая драма. Но я предупреждал? Предупреждал! Какие могут быть ко мне претензии?

Но скажем еще раз – это драма. Сколько офицеров спивается на этой почве. Сколько отравляет жизнь окружающим. Но Витя не сопьется. Он примерный семьянин. А если отравляет жизнь, то не всем, а только мне.

Витя хотел быть офицером. Но при этом не умел и не хотел быть солдатом. А настоящий офицер – всегда солдат. Военная профессия была ему противопоказана. В той молодежной организации, которую я когда-то создал, подростки сами мыли полы, сами зарабатывали себе на жизнь сдачей металлолома и уборкой мусора на сдающихся объектах. Витя, единственный из всех, под разными предлогами избегал этих работ. Мама его оправдывала. Мол, достаточно того, что он дома помогает. Мол, ты там начальник, можешь брата освободить.

Я поступил жестоко. Попросту отчислил брата. Мальчуган тяжело переживал обиду. Через пару лет я вернул его. Он поступил в училище. А еще через сколько лет, получив майора, приехал показаться во всей красе. Он как бы доказал мне, что я в нем ошибался.

А у меня в тот вечер был аврал. Весь вечер валил снег. Я махал лопатой, а новоиспеченный майор сидел с Верой, потягивая армянский коньяк. В полночь Вера не выдержала, вышла во двор со второй лопатой. А что же брат? Брат продолжал вкушать и выпивать, не испытывая никакой неловкости.

Разобрав подарочки и попробовав сладости, киндеры Вити теперь могли преподнести подарочек мне. Внесли в гостиную, где все сидели, развернутый лист ватмана. Прикололи кнопками к стене. Мило захихикали.

– Там про тебя, – говорят мне чудные детки.

Подхожу к листу ватмана. Шаржи. Точнее, карикатуры. Я и такой, я и сякой. Гибрид Бармалея и Карабаса-Барабаса.

– Это вы всей семьей рисовали? – уточняю.

– Ага! – детки заливаются счастливым смехом.

Женя подошла, глянула, вспыхнула:

– Ну, вы, дядя Витя, даете! Мы ж у вас в гостях!

– А чего тут такого? – притворно рассмеялся брат.

– Чего дурковать-то? – пробормотала Женя.

Ирина не стала смотреть. Пошла на кухню помогать маме. Конечно, надо было проявить чувство юмора. Но меня чего-то замкнуло. Я сказал тихонько Вите:

– Эх, братец, морду бы тебе набить.

Витя набычился, изображая готовность к драке. Но вовремя передумал. Стасик мог его не поддержать. Стасик все еще возился со своим подарком. Он как бы не слышал, что про-

исходит рядом. И карикатуры он не мог не видеть, потому как приехал раньше, и ему не могли не показать... Но не велел младшему брату убрать подальше.

Рядом был отец. Он сказал мне сквозь зубы:

– Совсем оборзел!

Обстановку разрядила Ирина. Появилась с блюдом пельменей. Можно было перейти к повестке дня. Мы все переживали за Стасика. Обозначили это словами утешения и сочувственным молчанием.

– Полиночке *там* хорошо, – вздохнул Стасик.

Полностью беду мамы со слухом импортный аппарат не устранял. Иногда создавал проблемы. Так случилось и на этот раз.

– Где *там*? – отреагировала мама.

– Мама, не верю! Не верю, что ты меня не слышишь. У тебя совершенно новая батарейка, – воскликнул Стасик.

Согласно одной из семейных легенд, в юности мама занималась с сестрами в драмкружке. Стало быть, как все несостоявшиеся артисты, поигрывала в жизни. Слуховой аппарат давал ей новые возможности. Теперь она могла, слыша все, что говорят, реагировать по своему выбору. В трудных для себя случаях, делать вид, что не слышит. Отец был безбожник, и со слухом у него был порядок. Но и он напрягся.

– Я тоже не понял. Хорошо *там* – это где? – осторожно спросил он.

– Душа ее смотрит на нас, – кратко пояснил Стасик. – Ви-

дит, что нам хорошо вместе. Вот и ей хорошо.

Сомневаюсь, что Стасик сам придумал эту теорию. Скорее всего, где-то услышал, и она ему понравилась. Но что-то не устроило в ней отца. Наверное, он тут же примерил эту теорию на себя. И захотелось ему подробностей. Стасик проигнорировал интерес отца к этой теме. Но тут меня черт дернул встрять. Я поинтересовался, чья это теория? Стасик заподозрил подковырку, помрачнел.

– Какая разница?

Витя скривился, будто съел что-то кислое. Галя вознесла очи к потолку и подавила то ли выдох, то ли вдох. Отец задумчивым жестом велел Вите налить еще. Он тоже не верил в способность души умершего человека витать над живущими, но решил вступить за Стасика.

– Все умничаешь, – бросил он мне, опрокинув в рот чарку.

Отец искал слова побольнее, но не нашел. А он, когда не находил подходящих слов, выражался прямолинейно. Вместо того, чтобы закусить пельменем, громко сказал:

– Выбрался из грязи в князи.

Ну, вот, приехали. Никак не получалось выдержанного разговора. В ход пошли не аргументы, а оценки личности. Но в этом случае родитель как-то особенно хватил через край. Это даже ко всему равнодушная тетка Катерина почувствовала.

– Раньше собирались раз в месяц, а сейчас раз в полгода. Давайте уж так себя вести, чтобы хотелось чаще, а не реже

общаться.

Отец присмирел. Полковница, старушка с характером, еще не составила завещание. Вполне могла отписать квартиру не Вите, а, предположим, детскому дому. С нее станет.

Но Стасик никак от Катерины не зависел. К тому же за ним оставалось несказанное слово.

Он шепнул мне на ухо сурово:

– Не боишься остаться один?

Это была неприкрытая угроза. Кровь ударила мне в голову.

– Ах, Стасик, как же ты меня напугал. Я сегодня не усну.

– Ну да, ты же по всей жизни особняк, – желчно реагировал Стасик. – Я понимаю, тебе Ириной море по колено. Но, знаешь, совсем обособиться от родных, это... Ой, не советовал бы я тебе, братан. Ой, не советовал бы.

– Стасик, – сказал я. – Чего грозить-то? Вы меня уже обособили.

Стасик предложил выйти покурить. Мы поднялись из-за стола. Нас проводили обеспокоенными взглядами. Мы спустились с четвертого этажа. Здесь, во дворе, брат предъявил мне обвинение.

– Когда ты прекратишь унижать Витьку? Почему не можешь ему с работой? Если бы у меня была такая возможность, я бы помог.

– Кем я устрою его в редакции? – возразил я. – Нет там работы для бывшего офицера, если он не умеет писать. А

в театре или тем более в киностудии – пожалуйста. Хоть осветителем, хоть помощником режиссера, хоть водителем. Хоть пиротехником, наконец, или консультантом по минно-взрывному делу в фильмах про войну. Он даже каскадером может себя попробовать.

– Очень смешно, – скривился Стасик.

– Ну, просмейся и пристрой его в свое кино. Там он точно найдет себе больше применения, чем в коммерции. Может, перестанет подсознательно презирать себя.

– Я сам еще толком туда не встроился, – сказал Стасик.

– Ну, как же? У тебя в визитке указано: актер, сценарист, продюсер. У тебя масса связей. А с недавних пор ты еще и гендиректор киностудии. У тебя намного больше возможностей.

По лицу Стасика было видно, что эта идея просто не приходила ему в голову. А Виктору – тем более не приходила. Сказывался шаблон. Считалось, что вернее всего срубить бабок в купле-продаже. Я уже подумал, что этим тема разговора исчерпана. Стасик сделает со своей стороны, что сможет. Но он сказал с досадой.

– В общем, переключайся на меня.

Стало ясно, что пристраивать брата он не будет. Чего ж так?

– В кино – как в армии, нужно уметь подчиняться, – сказал Стасик.

– Пусть тогда всю оставшуюся жизнь подчиняется самому

себе – продает краски, – сказал я.

Теперь можно было вернуться и хлопнуть еще по рюмашке. Но я не мог не спросить Стасика, знал ли он, что Виктор приготовил мне сюрприз?

– Мне показали эту мазню, – признал Стасик. – Ты сразу себя увидел. А там, между прочим, и я изображен. Конечно, не так зло.

– Ты изображен с добрым юмором, – возразил я.

– Наверно, надо было сказать, чтобы он это не делал, – согласился Стасик. – Но он бы меня не послушал. Ты ж знаешь, он упертый.

– Он бы не послушал по другой причине. Он знает, что душой ты с ним, а не со мной.

Стасик ничего на это не ответил. Мы вернулись в квартиру. Стасик сел за стол и проникновенно заговорил:

– Я подарил Полиночке японскую игрушку- коробочку с двумя игрушечными сверчками. Открываешь крышечку – и два позолоченных сверчка, подрагивая тельцами, источают хрустально-нежные звуки; закрываешь – умолкают. Никаких чудес, простой фотоэлемент. Полиночка обрадовалась, как ребенок, все носилась с ней, открывала, закрывала, клала на ночь под подушку. И вот когда она скончалась, сверчки запели на полке ореховой «стенки». Я взял коробочку. Невероятно! Сверчки продолжали петь в моих руках. При закрытой крышке. Подошла теща, обняла меня сзади. Мы долго стояли молча, не решаясь произнести вслух то, о чем дума-

ли. Поляночка подавала нам знак – оттуда. Это значило, что смерти – нет, нет кромешного, непоправимого горя, и страшной разлуки – тоже нет. И, словно в подтверждение этого, разрезав полумрак, комнату пересек луч солнца...

Стасик умолк и часто заморгал. Это означало, что он с трудом сдерживает слезы. Но это был не весь монолог.

Стасик продолжал:

– Этот номер со сверчками Поляночка повторила на своих поминках. Когда я поведал эту историю притихшему за столу, все умолкли. И тогда, словно дождавшись этой тишины, сверчки запели снова. В закрытой коробочке. Помню, у меня перехватило горло, придушили слезы. Я вышел в ванную, открыл кран, поплескал в лицо холодной водой, заглянул в зеркало, и вдруг видел в своих глазах то самое, что было в глазах Поляночки в последние дни перед ее смертью. Но это не испугало меня. Это был данный мне свыше знак, что ничего не исчезает, все пребывает и будет со мной во веки веков. А счастье – это только ее рука в моей руке.

В глазах Стасика стояли слезы. Мама погладила его по голове.

– Бедный любимый сыночек, что тебе пришлось пережить.

Я не знал, как реагировать. Женя переглядывалась с Ириной. Похоже, они тоже не знали. Стасик настаивал на своей излюбленной теории. Мол, абсолютной и необратимой кончины нет. Умирая, мы превращаемся в невидимые сущ-

ности, что позволяет нам быть свидетелями земной жизни. Придумано красиво, но зачем это живым? Получается, что живые как бы под контролем? Но если предположить, что это так, то тут возникает столько вопросов, столько сомнений... Просто тьма.

На наших лицах Стасик мог прочесть только одно впечатление от его монолога. Недоумение. Ну, или удивление. Лицо его совсем помрачнело. Для него мы были зрителями, не оценившими его выступления, не отметившими его игру аплодисментами.

Пришло время разъезжаться. Мы спустились вниз: Ирина, Женя и я. Ждали Стасика, чтобы попрощаться. Стасик вышел и направился к своему джипу, не замечая нас.

Я ехал за ним по улицам Коломны бампер в бампер. Посигналил, хотя понимал, что он не остановится. Потом обогнал и помахал рукой: остановись! Стасик дал газу, обошел меня и, высунув из окна левую руку, показал неприлично средний палец.

– Ого, чего это он! – удивилась Женя.

– Ничего себе! – воскликнула Ирина.

Она долго молчала. Потом сделала вывод.

– Стасику надо играть в мистических фильмах. У него получится.

Она не ошиблась. Вскоре Стасик сыграл роль мага. В этом образе он был на удивление органичен

Женя

Глава 51

Мы встретились у метро «Пушкинская-Тверская-Чеховская». Дочь приехала с предсказуемой новостью. Вместо «здравствуйте» я услышал: «Папка, я беременна!» Первая мысль: от кого? Но в таких случаях отцы не должны быть любопытны.

– Тогда пойдем хорошенько пожуем. Тебе теперь нужно есть за двоих.

Мы пошли в трактир. Тогда его только сдуру возвели впритык к метро. Наполнили тарелки зеленью, овощами, кусочками мяса, отдали поварам жарить, а сами сели за столик. Я заказал себе пива, дочери – сок.

– Олег знает?

– Да, я поставила его перед фактом.

– И?

Женя сказала, что у нее был наготове валидол. Но обошлось.

– Знаешь, только странно... Что-то у меня никакого аппетита, – пожаловалась дочь. – Все время поташнивает.

– Это токсикоз. У тебя будет мальчик, – тоном знатока предсказал я.

– Папка, я хочу девочку, Сонечку.

– Пол можно легко установить.

– УЗИ – вредная штука, – сказала Женя. – И по большому счету, какая разница мальчик или девочка, лишь бы родился здоровенький.

Я согласился, продолжая разглядывать дочь, отмечая про себя: девочка выглядит не ахти.

– Не смотри на меня, – сказала она. – Я знаю, что подурнела, а это само по себе странно, правда?

Ей нужно было быстро сменить тему. Она неожиданно сказала:

– Папка, тебе надо сходить к Денису.

Оказалось, сына сильно избили.

– Мне страшно за него. И, по-моему, он хочет помириться.

Она, конечно, преувеличивала. Это она хотела, чтобы мы помирились. Хотя, кто знает. Может, Денис ей что-то сказал.

Женя сказала, что ей страшно за Дениску. Ей кажется, он никогда не перебесится. Он ведет себя так, будто он долго не проживет. У него каждый день – как последний.

– Занялся бы ты им, папка. Сам же потом себе не простишь.

Денис лежал один в двухместной палате, в глубокой хандре. Выглядел он так, будто по лицу его били ногами. (Я не ошибся – так и было). Встретил меня без удивления. Привык изображать невозмутимость.

– Красавец, – я разглядывал его отекшее, синюшное лицо.

Денис усмехнулся и вздохнул. Он как бы стеснялся общаться со мной. Но я знал, что он не только со мной такой немногословный. Все умеют говорить, но не все умеют разговаривать.

О чем можно говорить с человеком, который не учится, не работает, днем спит, вечером исчезает неизвестно куда и неизвестно где пропадает до утра. Я вспомнил мнение о самом себе одного умного человека. «Никакого интереса к реализации себя, отсутствие всякой внешней энергии. Я – самый не реализующийся человек». А что, если и Денис такой?

Только однажды между нами возник контакт, и мы больше часа переговаривались. Но тогда на кону стояла жизнь, его и моя. В то лето мы отдыхали у моего приятеля в лесничестве, рядом с Форосом, где стояла дача Горбачева. Там было особенно чистое море. Я ловил на донку мелкую камбалу. Денис – черненьких крабов.

Мы заплыли в сторону Фороса. Хотели лучше рассмотреть дачу генсека. Нас заметили. Подплыла моторная лодка с охранниками в костюмах аквалангистов. Нас вежливо предупредили. И даже предложили доставить на сушу. Я отказался. Мы поплыли обратно. Но в какой-то момент наше место на берегу перестало приближаться. А потом стало уходить в сторону. В то время я ничего не знал о коварных струях Черного моря, так называемых тягунах. Поэтому не мог понять, что происходит. Первая тревога пришла вместе

с усталостью. Руки заметно отяжелели. Мы легли на спину и пытались отдохнуть. Но совсем не работать руками было еще хуже. Нас все заметней уносило в море. Тут уж трудно было не догадаться – нас несет струей.

Охрана, конечно, видела нас в бинокли. Я мог помахать рукой. К нам бы подплыли в считанные секунды. Но – не мог. Не хотелось при сыне проявлять слабость. Но я поделился с ним своей догадкой. Он согласился с моим предложением. Мы из последних сил отчаянно заработали руками. Именно отчаянно. Это нам помогло. Мы каким-то чудом выбрались из струи. Я тогда подумал, что Денис, возможно, создан для таких вот или схожих ситуаций, когда требуется особое напряжение сил, а в обыденной жизни он сам не свой.

Сейчас Денис бы один в какой-то более опасной струе. Привычку взял – четками поигрывать. Это ведь опознавательный знак в известной среде. Четки говорят: я свой и я готов на все.

– Знаешь, что главное? – сказал я ему. – Быть и оставаться хозяином себе. Это обычно помогает вывернуть на каком-то повороте. И вообще – что-то из себя сделать.

– Потерпи, – сказал Денис.

– Хотелось бы дожить.

– Доживешь, – снова пообещал Денис.

В его голосе вроде бы не было сарказма.

– Ладно, пожужим, что ли?

Я вынул из сумки колбасу, овощи, фрукты и две бутылки

пива. Денис стал пить прямо из горлышка. Я налил себе в стакан. Новую моду я не признавал. «Ну, теперь-то он, может, спросит о чем-то? Как живу? Или как дела на работе?» Но Денис молчал. Он не прикоснулся к еде. Только отхлебывал из бутылки и смотрел в стену прямо перед собой.

– Может, тебе сдать экзамены экстерном за среднюю школу? Я договорюсь.

Денис сделал вялое движение рукой. Похоже, скопировал у дона Корлеоне.

– Может, ты хочешь где-то работать? Я помогу устроиться.

То же движение.

– Может, тебе пойти на курсы автомехаников? Я дам денег.

Безо всякого выражения:

– Спасибо. Не получится из меня кастрюльщика.

А что получится? Привыкший понимать и разгадывать людей, я чувствовал полную беспомощность. Что хуже всего, я не понимал самого главного: как ко мне на самом деле относится Денис. Любит? Ненавидит? Равнодушен? Понятно, что родители любят детей больше, чем дети родителей. Но разница обычно хоть как-то видна. А что вижу я? Ничего.

Я поднялся, чтобы уйти. Протянул Денису руку. Он приподнялся, чтобы не отвечать на рукопожатие лежа. Подушка слегка сместилась. Показалась рукоять. Я потянул на себя. Это был маленький наган с барабаном. Семь малокали-

берных патронов. Ствол совсем короткий. Такое оружие не выстреливает, а выплевывает пули. Надежды ответить на серьезную угрозу никакой. Но припугнуть можно.

– Ну и зачем тебе эта игрушка?

– Ну, мало ли, – ответил Денис.

Только после этих слов я понял, что его побили не просто так. Возможно, должны были убить. А если не получилось, могут добить. Я гладил наган. Вот люблю оружие, есть такая слабость. Однажды отец чистил и смазывал немецкий «парабеллум». У меня руки задрожали, когда он дал мне подержать. Он не мог этого не заметить. Вскоре отец демонстративно, у меня на глазах бросил «парабеллум» в сортир.

– Что ты сделал!?! – вырвалось у меня.

– От греха подальше.

Наверно, он был прав. А если учесть, в каком направлении шло мое развитие, точно прав. Но я долго не мог успокоиться. Как можно вот так – в говно? Почему не выбросить в реку? Почему не закопать в лесу?

– Понравился – бери. Дарю, – сказал Денис.

Ну да, есть такой обычай.

– Кому-то не нравишься?

– Первое место на бильярде не поделили, – вроде как пошутил Денис.

Позже я узнаю: так на самом деле и было. С этого началась вражда с одним из взрослых завсегдатаев бильярдной.

Взять наган – означало, как минимум, избавить Дениса от

срока за серьезное телесное повреждение. Но при этом оставить без защиты. Я отказался от подарка. Наган занял свое место под подушкой. Позже я узнаю от одного из дружков Дениса – эта пукалка однажды выручила сына в трудной ситуации.

Глава 52

Я был в Москве, когда позвонила Женя и поделилась с болью в голосе: у нее выкидыш. Дочь была в отчаянии. Сгоряча заявила, что ей не хочется жить.

– Успокойся, – сказал я. – Ты сама в порядке, и это главное. Еще родишь.

– Папка, – почти кричала Женя, – ты чего-то не понимаешь. После выкидыша может не быть детей вообще, никогда.

– Зато сохранишь фигуру, – неуместно пошутил я.

– Не понимаю, что для тебя важнее. Внуки или моя фигура!?! – разозлилась дочь.

– Фигура, Женечка, – продолжал я шутить. – Хочу, чтобы ты всегда была стройной, красивой, с талией. Ты в какой больнице?

– Не скажу. Не хочу, чтобы ты видел меня такой. Позвоню, когда выпишусь.

Я сел за компьютер. Написал несколько строк и почувствовал резкую боль в правом боку. Во рту появился металлический привкус. Я прилег, меня быстро сморило. Проснулся через час, удивляясь себе. Такого еще не было. Позвонил Ирине. Она сказала, что выкидыш говорит о серьезном сбое в организме.

А после полуночи, когда я еще сидел за машинкой, раздался звонок. Голос Олега. Зять говорил в страшном волне-

нии.

– Юрий Леонтьевич, Женечке сделали операцию по поводу острого перитонита и обнаружили в печени метастаз, представляете?

У меня перехватило дыхание. Несколько мгновений не мог ничего соображать. Казалось, меня переломило пополам.

– Где, говоришь, обнаружили? – спросил я.

– В печени. Хирург говорит, четвертая стадия. Юрий Леонтьевич, нужно срочно что-то делать.

Господи, подумал я, что можно сделать с раком печени четвертой стадии? Нет, тут что-то не так. Это какое-то дикое недоразумение.

В трубке слышался голос Веры. Она пыталась что-то сказать. Но ее не слушался язык. Получался немой вопль. Она вопила.

– Мы ждем вас в 36-й больнице, – сказал Олег.

Я выгнал машину из гаража и понял, что ехать не смогу. Дрожь в руках, ногах, во всем теле. Загнал машину обратно и пошел на маршрутку.

Олег и Вера стояли, оба серые, в вестибюле больницы. Губы у Веры подрагивали, но удивительно – она не рыдала, держала себя в руках.

– У Жени начались боли в правом боку, поднялась температура, – объяснял Олег. – Ничем не могли сбить. Вызвали «скорую». Врачи заподозрили перитонит. Сделали разрез и

увидели... это.

Вера добавила:

– Хирург подошел ко мне: «Вы мать Дудаковой? У вас есть еще дети?» У меня ноги подкосились. Хирург растопырил пальцы: «На печени вот такая опухоль».

– Сейчас Женя в реанимации, – сказал Олег, – Скоро ее должны перевести в обычную палату. После этого нас пустят к ней. Мы договорились с хирургом – он скажет Жене, что нашел у нее камни в желчном пузыре. У одной старушки вынули камни, их покажут.

– Зачем? – удивился я.

– Если Женя узнает правду, это убьет ее раньше времени, – пояснил Олег.

Что за бред? Я вопросительно смотрел на Веру – она молчала.

– Ты тоже так считаешь? – спросил я.

– Врачи говорят, ничем уже не помочь, – кое-как выговорила Вера.

Втроем мы встретили каталку возле лифта. Женя держала в руке пригоршню крупных камней и смотрела на меня с жалобной улыбкой.

– Папа, неужели это было у меня? Это ж булыжники. Когда они успели такими вырасти?

Я не мог ничего ответить. У меня словно отнялся язык. Все происходящее было кромешной жутью. Не было ни секунды, чтобы прийти в себя и хоть как-то смыслить ситуа-

цию.

Женю вкатили в палату, мы втроем вошли следом. Санитарки переложили Женю на кровать. Тут же бодрячком пришел хирург в сопровождении других врачей.

– Что мне можно есть? – спросила Женя.

– Ты хочешь есть?! – воскликнул хирург. – Замечательно! Есть можно все!

– Разве можно при болезни желчного пузыря есть всё? – удивилась Женя.

– Но мы же вынули камни. Значит, можно, – нашелся хирург.

– Как у меня могли образоваться такие камни? – удивлялась Женя.

В ответ хирург развел руками: мол, чего не бывает. Он вполголоса велел мне зайти к нему после обхода, и вышел со своей свитой.

Я присел у кровати дочери. Женя сжала мне руку:

– Видишь, как получилось. Выкидыш... Мальчик. Ты угадал...

Слезы покатались по ее щекам.

– Папка, мы возьмем из детдома девочку.

– Что за глупости! Родишь сама, – сказал я, удивляясь, как естественно вру.

Женя сжала в кулаке край простыни.

– Папа, мне не нравится температура. Даже сейчас, после операции, около 38.

– Так бывает.

Женя продолжала о чем-то говорить. Я не слышал. Я вглядывался в лицо дочери. Цвет нормальный. Конечно, осунулась, но не исхудала. Глаза потухшие. Но отчего им блестеть после таких переживаний? Черт возьми, может быть, хирург все же что-то перепутал? Может, это доброкачественная опухоль?

– Сегодня 26-е. Через пять дней – новогодняя ночь. Неужели к этому времени меня не выпишут? – жалобно спросила Женя.

Вера сказала:

– Доченька, если не выпишут, мы будем в новогоднюю ночь здесь, с тобой: я, Олег, Денис...

Вера вопросительно смотрела на меня. Оставляла мне место.

Мы зашли к хирургу втроем. Доктор был неподдельно потрясен: «Такая девушка!»

Вера тихо плакала. Олег стоял навтыжку с застывшим лицом.

– Почему вы уверены, что это рак? – спросил я.

– Такое ни с чем не спутаешь, – ответил хирург. – Сразу должен вам сказать. Любое лечение не имеет смысла. Поражены обе доли печени. Из-за беременности болезнь принимает ураганный характер. Скоро начнутся сильные боли.

– Сколько ей осталось? – спросила Вера.

– Месяц, от силы полтора.

Вера вскрикнула и зарыдала.

– Неужели никаких надежд? – спросил Олег, у него дрожал кадык.

– Молодой человек, там вот такая опухоль, – хирург для наглядности растопырил пальцы. – Если ее отсекают, от печени ничего не останется. Если провести химиотерапию, химия ее и убьет. Пораженная печень не выдержит. Но химиотерапия возможна только в онкологической больнице.

– Сколько еще Женечка может побыть у вас? – спросила Вера.

– Максимум, десять дней. Это не наш профиль. Мы не можем держать таких больных.

– Мы заплатим. Нельзя везти Женю в онкологию. Это убьет ее раньше времени, – сказал Олег.

– Медсестер – благодарите. А мне просто жаль девочку, – сухо ответил хирург.

Я спросил, нельзя ли сделать переливание крови. Доктор, кажется, понял, что я отец пациентки, посмотрел на меня сочувственно и кивнул.

– Хорошо, заменим ей кровь.

Я поехал на работу, были неотложные дела. Москву лихорадил предновогодний ажиотаж. Люди тащили елки, торты, подарки. Это праздничное кипение жизни раздражало.

Я позвонил в Обнинск, в медицинский радиологический центр. Там раковые клетки убивают радиоактивными изотопами. Я писал об этом дважды. Добровольно пропагандиро-

вал этот опыт. Вдруг придется везти туда Ирину.

– Рак печени – это кранты, – жестко сказал знаменитый профессор.

Узнав, что речь идет о моей дочери, посочувствовал и сказал, что их методами рак печени в запущенном виде не лечится. А если совсем откровенно, нигде пока не лечится.

Позвонил Виктор. Сказал, что он уже знает о случившемся от Веры. Спросил, сообщать ли родителям. Может, не стоит расстраивать? Я не знал, что сказать.

Стасик не звонил, хотя было ясно, что он тоже в курсе. Сообщив Виктору, Вера не могла не сообщить Стасику. И Виктор не мог не обсудить с ним эту новость.

Я позвонил ему сам:

– Не знаю, говорить ли родителям.

– Они оба бесчувственные, – сказал Стасик и умолк.

Он почему-то не спросил, в какой больнице лежит Женя.

Я купил в подземном переходе оберегу, смешную куклу бабы с распущенными патлами. Прошел по магазинам и рынку, накупил разных вкусностей.

Я опоздал со своими деликатесами. Женя, Олег и Вера уже обедали в палате и что-то живо обсуждали.

– Папа, почему ты настаиваешь на переливании крови? – спросила Женя.

Я начал врать, сам удивляясь, как складно у меня получается.

– Мне кажется, в тебе сидит какая-то инфекция. Есть одна

редкая азиатская болезнь, не помню ее название. Симптомы очень похожи. Субфебрильная температура, утомляемость. Думаю, прилив новой крови поможет организму бороться.

Вера и Олег вышли в коридор. Женя налила мне растворимого кофе.

– Знаешь, в последнее время я многое поняла. Я вижу, как Олег переживает. Теперь мы будем жить иначе. Обвенчаемся. Мы уже решили. Одобряешь?

Я кивнул.

– Я весь этот год в церковь ходила. Даже постилась. Не знаю, что меня потянуло. А ты не хотел бы покреститься, исповедаться? Ради меня.

– Хорошо, покрещусь и даже исповедаюсь.

Господи, я готов был на все, только бы это помогло.

– Ты покрестишься только потому, что я об этом прошу? Но это будет неискренне по отношению к Богу. Тогда это ничего не изменит, – сказала Женя.

Я молчал.

– Я так люблю тебя, папочка, – прошептала Женя. В ее глазах стояли слезы. – Я всегда так хотела, чтобы ты гордился мной.

«Почему она вдруг заговорила о себе в прошедшем времени?», – мелькнуло у меня.

– Ты самое лучшее, что у меня получилось в жизни, – сказал я. – Хотя у меня и тут не обошлось без минуса. Я внушил тебе, что женщина должна быть материально независимой от

мужа. Ну и чего хорошего из этого вышло?

– Папочка, мне в тягость не работа, а чужая квартира. Все покупаем для своего угла, а его все нет и нет. Я уже сказала маме: хватит кому-то наживаться на моих деньгах, забери их. Поправлюсь – займусь покупкой квартиры сама.

– А тебе не хочется поспать? – спросил я. – По-моему, у тебя глазки слипаются.

– Мне все время хочется спать. Но я почему-то не могу. Все думаю, думаю, перебираю в памяти свою жизнь. Я была плохой дочерью, папочка. Прости меня.

Она упорно говорила о себе в прошедшем времени.

– Это я был плохим отцом. Это ты прости меня, – сказал я.

Ирина приехала из Пушкино и ждала меня в московской квартире. Я не видел ее такой взвинченной, даже в те дни, когда она сама была ошарашена своим диагнозом, и когда готовилась к операции.

– До меня только сейчас доходит... Бедная девочка жаловалась, что ей часто хочется полежать. Она предчувствовала. Помнишь, пела про кукушку? Но я думала, что она просто устает от своей работы. Ну, как можно было такое предположить? Такая цветущая, такая яркая...

Несмотря на предсказание хирурга, Ирина предлагала не сдаваться до последнего вздоха.

– У меня любимая ученица умирала в тринадцать лет. Лимфосаркома в четвертой стадии. Тело истощилось в скелет. И, представь себе, выжила в последний момент. Это про-

исходило на моих глазах.

– Она знала, что с ней?

– Конечно. Это невозможно было скрыть.

– Значит, и нам нужно сказать. Но я не могу. У меня духу не хватает, – признался я. – Может, ты?

– Ладно, – сказала Ирина.

Она вспомнила, что звонила Стасику. Он в очередной раз удивил ее. Сказал, что я не осознаю, что произошло.

– Это в каком же смысле?

– Он не объяснил.

– А ты не уточнила.

– А я не уточнила, – нервно отвечала Ирина. – Мне вообще трудно что-то понимать в ваших отношениях. Я могу только догадываться. Похоже, он считает, что все понимает и чувствует лучше тебя. Он понимает, что это страшное горе, трагедия, а ты это не понимаешь. Хотя, мне кажется, он имел в виду что-то еще.

Ирина вспомнила еще одну новость от Стасика. Он с Феней едет на новогодние каникулы в Финляндию. Так что Женю навестит только после возвращения.

Глава 53

В больнице мы встретили возле гардероба Лору. Без косметики девушка выглядела невзрачно и тем самым вполне уместно. Втроем мы вошли в лифт. Лора уколола Ирину оценивающим взглядом. От Ирины это не укрылось. На четвертом этаже мы вышли из лифта и увидели Олега и Дениса. Сын переминался с ноги на ногу. Так он обычно нервничал.

– Представляешь, мать привезла попа!

– Попа?! Зачем?!

– Вера Алексеевна хочет, чтобы Женя исповедалась, причастилась, а священник провел соборование, – объяснил Олег.

«А может, ты этого хочешь?» – хотелось спросить мне.

– Они ее, считай, к смерти готовят! – возмутился Денис.

– В принципе, соборование, как и исповедь – это очищение души. Когда душа освобождается от грехов, болезнь может отступить, – поучающе сказал Олег.

Он отправился в палату, где лежала Женя, и вскоре вернулся.

– Входите. Исповедь окончена.

Я вошел без Ирины. Священник читал молитву. Но Женя его не слушала. Она, не отрываясь, смотрела на меня. Священник перекрестился. Помедлив, я тоже осенил себя крестным знаменем. Глаза дочери удивленно расширились и при-

обрели беспокойное выражение, а губы дрогнули. Кажется, она подумала: ну, если отец крестится, значит, положение серьезное. Я ободряюще улыбнулся. Женя едва заметно кивнула головой и прикусила губу, чтобы не расплакаться.

Священник закончил соборование и готовился уйти. Женя тихонько объяснила мне:

– У меня снова начались боли. Мама сказала, что надо пригласить священника, тогда все пройдет.

Медсестра вкатила кресло. Дочь переводили в одноместную палату.

– Папа, помоги мне встать, – попросила Женя.

Только теперь я мог увидеть, как сильно исхудало ее тело.

– Вчера к нам в палату заходила старушка, у которой не нашли в почках камней. Представляешь, она уже разгуливает. А у меня камни вынули, но мне совсем не хочется ходить.

Я не успел ответить. В палату заглянула Ирина. Женя оживилась.

– Дашь нам посекретничать?

Я вышел. Веры не было. Денис куда-то исчез. Я сел в холле на диван. Гадал: скажет Ирина или не скажет? Появился Олег, сел рядом.

– Меня должны познакомить с одним врачом. Вы не поверите, его фамилия Ленин. Мистика... Этот Ленин изобрел как бы очень эффективный препарат. Называется «Противорак». Но он уехал и будет только через неделю.

Ирина вышла с закушенной губой. В палате держалась, а

тут у нее сдали нервы.

– Я не ожидала, что все так плохо. Я не смогла сказать.

Ирина накрывала новогодний стол. На этот раз самый скромный. За окном стреляли петарды, слышались ликующие вопли. Куранты в телевизоре отсчитывали последние секунды уходящего года.

– Звони, – сказала Ирина. – Пора.

Я набрал номер, дождался соединения, услышал голос дочери и не смог ничего сказать, передал трубку Ирине.

– Здравствуй, деточка! – сказала Ирина. – Папка твой, если бы не я, был бы сейчас с тобой. Прости его, ладно?

Голос у дочери был слабый. Она закашлялась. Потом сказала:

– Ирина Антоновна, я вас очень люблю.

– Ты даже не представляешь, как мы тебя любим, доченька, – кусая губы, сказала Ирина.

– А где папка?

Я собрался с духом и взял трубку...

Мы сидели за праздничным столом. По телевизору выступал президент. Потом пошли «голубые огоньки». Все было, как всегда. Но в голову просилась мысль, что теперь каждый очередной новый год мы будем встречать, вспоминая этот. А значит праздник уже не будет тем праздником, каким был раньше.

Ирина видела Олега и теперь делилась впечатлением.

– Неужели он ничего не замечал? Температуру и похудание во время беременности – невозможно не заметить. Я уж думаю, может, он знал о ее отношениях с десятиклассником?

Я сказал, что это было бы уж слишком. Ирина согласилась, что она иногда бывает излишне подозрительной.

– Она не женой была в их семье, а добытчицей и кормилицей, а для его брата – матерью, – глотала слезы Ирина.

Она налила себе большую рюмку водки, выпила и села за фоно. Играла что-то торжественное и плакала. Я сказал, что мне надо покреститься. Ирина вспомнила, что настоятель местного храма – ее бывший ученик Крюков.

Шестого января мы купили белую сорочку и пошли в пушинскую церковь. Пол там был выложен бетонной плиткой. Отопительная система работала неважно. Из рта шел пар. Отец Дионисий лет тридцати велел послушнику положить мне под ноги коврик. Я разделся и стоял, накинув на себя простынь. Ирина держала мою одежду в руках. Она забыла надеть платок, но вышла из положения. Накинула на голову шарф.

Иерей Деонисий читал молитву не меньше получаса. Но я почти не чувствовал холода и не слышал священника. Пришел в себя, когда на меня стали лить холодную воду.

Иерей вручил мне свидетельство о крещении с печатью местной православной религиозной организации Московской патриархии.

Я сказал, что теперь мне нужно молиться, просить Бога

о помощи. А я не знаю ни одной молитвы.

– Можно просить Господа своими словами, – сказал отец Деонисий. – А можно читать молитвы. Они в церковной лавке.

Ирина купила мне молитвенник и кассету с записями молитв.

– Будешь слушать в машине.

Зачем? Если можно молиться своими словами, то я занят этим постоянно. Что у меня на душе? Одна мольба.

Глава 54

Фонд «Здоровье народа» размещался в центре Москвы, в Газетном переулке. Мы (я, Ирина и Олег) поднялись на второй этаж. Миловидная девушка усадила нас в стильной приемной, предложила кофе. Спустя несколько минут вошли двое мужчин. Один Борис Семенович. Другой – Ленин, похожий на своего великого однофамильца обширной плешью. Интеллигентные лица, приятные манеры. Ну, а как иначе должны выглядеть медицинские шарлатаны?

– У вас есть патент на лечение? – спросил я.

Дурацкий вопрос. Конечно, все у них есть. Борис Семенович показал ксерокопию патента. Меня перекосило. Такие ксивы можно напечатать хоть массовым тиражом.

– Из чего состоит ваш препарат?

– Ампициллин, йод, желчь... Другие компоненты, по понятным причинам, назвать не можем. Состав препарата – секрет нашего фонда.

Ну, конечно, а как же иначе?

– Сколько уже применяется препарат?

– Два года.

– А сколько пролечено больных?

– 44 человека.

– На какой стадии была у них болезнь?

– У кого как. В основном, на третьей и четвертой.

Я не стал спрашивать о результатах. Зачем, если все равно соврет.

– Недавно отправили на родину одного американца. Убрали ему метастазы, и он улетел для пересадки донорской печени, – не моргнув глазом сказал Ленин.

Я спросил, сколько стоит донорская печень. Оказалось, сто тысяч долларов. Но есть очередь. Не меньше месяца. Мы посоветовались. У нас такого времени нет. Пусть начнут лечение, а мы будем искать другие варианты.

– У нас есть одно непременное условие, – сказал Ленин. – Вы должны вызвать у больной прилив оптимизма и терпения – наше лечение дает высокую температуру.

Вера ждала нас у входа в палату. У нее были воспаленные глаза, она часто моргала.

– Не спит, – сказала она. – Снотворное не действует. Поднялась, немного походила по коридору, но быстро устала. Снова боли. Я заказала – должны привезти трамал. Она что-то чувствует. Говорит: мамочка, я из этой больницы уже не выйду.

Я собрался с духом, вошел в палату и в очередной раз соврал дочери. Сообщил, что нашлись врачи, которые лечат ту самую редкую азиатскую лихорадку, которую она, судя по всему, подхватила в Лондоне.

– Только придется терпеть высокую температуру, – сказал я.

Женя приободрилась:

– Папочка, я все выдержу.

Пришел Ленин. Попросил всех выйти из палаты и полчаса обследовал Женю. Пришла медсестра фонда и сделала первый укол. Минут через сорок начала подниматься температура. Через час она достигла сорока градусов. Вся в поту, Женя металась на постели. Так продолжалось несколько часов. Потом температура опустилась почти до нормальной, и боли прекратились.

Олег вызвался подвезти меня до метро. Гнал так, будто за ним велась погоня. Без нужды перестраивался из ряда в ряд, резко тормозил на светофорах и первым вырывался вперед, когда зеленый свет только должен был зажечься.

И говорил, говорил, говорил...

– Вы никогда не понимали, Юрий Леонтьевич, что чувства родителей к детям – это одно, а чувства мужа и жены – совсем другое: они более глубокие. Женя для меня все, остальные – ничто. Понятно, что вы дали жизнь, вспоили-вскормили. Но дальше-то жить вашему ребенку суждено с другим человеком. Для вас – чужим, для нее – родным. Вы всегда это не понимали, и добились своего: Женя говорила, что меня любит больше, а на самом деле лучше относилась к вам, родителям. И я страдал от этого. Да, я ее обижал, был с ней сух, мог подолгу не разговаривать. Но это была всего лишь моя реакция на ее отношение ко мне. Вам этого не понять. Вы никогда никого так не любили, как я Женю. Для меня брак – прежде всего духовный, а не сексуальный союз.

– И поэтому не хотел ребенка?

– Нельзя заводить ребенка при таких непрочных отношениях.

– Ребенок как раз и мог бы упрочить ваши отношения.

– Я никогда до конца не был уверен в Жене.

– Если бы родили раньше, сейчас у тебя мог бы остаться сын. Или дочь.

– По самому больному бьете, Юрий Леонтьевич. Ну, тогда я тоже скажу: это ведь случилось не просто так.

Я насторожился:

– Ты о чем?

Олег молчал, играя желваками. Он очень хотел сказать что-то, но не мог. Но можно было догадаться: если бы сказал, то досталось бы и мне. Я решил помочь ему.

– Тебе станет легче, если будешь считать виновным меня?

– Вы исповедались, когда крестились?

– Нет.

– Почему? Ведь исповедь – обязательная часть крещения?

– Священник не сказал этого.

– Ну, понятно. Как он мог это сказать? Он же видел, что ваше желание покреститься – чисто формальное. Вы приняли веру Христову без очищения души. Зачем вы это сделали? На что рассчитывали? Решили принять веру в Бога, не веря в Бога. Думали, Бог не заметит вашего обмана и поможет Жене? Но так не бывает. Бог все видит. Потому и не хочет пощадить Женю.

Кончились новогодние каникулы. Стасик вернулся из Финляндии. Женя ждала его каждый день. Он не приезжал.

Я не выдержал, позвонил ему. Феня сказала, что Стасик спит, и будить его она не решится. Спит середь бела дня? Ну-ну. Я попросил ее передать брату мой вопрос: как он будет смотреть в глаза племяннице?

– Нормально он будет смотреть, – жестко ответила Феня.

Я сидел перед компьютером и думал о том, что еще недавно показалось бы мне чушью. Если Жене стало легче – это не случайность. Рак не дает больному ни малейших послаблений, не отступает ни на минуту. И если температура стала нормальной, это чудо.

Но утром позвонил Олег и с горечью сообщил, что температура поднялась, как и прежде, до 38,5.

Ирина уехала в Пушино. Я был один в московской квартире. Повесив трубку, я опустился на колени перед иконой Казанской Божьей Матери...

Глава 55

На другой день, после очередного укола, Женя осторожно поинтересовалась, справится ли ее сердце. Она не просто так спросила. Померили давление. Оно не было высоким. Но сердце билось с частотой 140 ударов в минуту. Я сжал дочери пальцы

– Надо держаться, доченька. Надо держаться!

Женя часто закивала головой. Конечно, она будет держаться, нельзя падать духом. Она зашлась в кашле.

Я вышел из палаты.

Через неделю медсестра фонда взяла у Жени кровь на анализ. Потом позвонил Борис Семенович.

– Количество лимфоцитов показывает, что идет восстановительный процесс, интоксикация спадает. Опухолевые клетки стали менее злыми.

– Разве можно судить о ходе лечения только по анализам крови? – спросил я, вспомнив, что у Ирины накануне операции кровь была почти идеальной.

– Нам этого достаточно, – ответил Борис Семенович.

– Можно как-нибудь снижать температуру? – спросил я.

Борис Семенович сочувственно вздохнул:

– Нет, придется, терпеть. Снижение температуры автоматически снизит эффективность действия препарата.

– У Жени усиливается кашель. Как это объяснить?

– Через мокроту выходят разрушенные раковые клетки.

Я сжал телефонную трубку. Уж лучше бы этот прохвост придумал что-нибудь другое. И он бы, конечно, придумал, если бы знал, что кашель начался до лечения.

Нужно было срочно искать какой-то другой способ лечения. Ирина обзвонила своих знакомых в пушинских научных институтах. Ей подсказали: в Новосибирске есть врач по фамилии Хван. Он якобы изобрел эффективный препарат именно против рака печени.

Я немедленно связался с Хваном. Тот сказал: как раз осталась одна доза этого чудо-препарата. Мой университетский друг в Новосибирске переправил этот препарат самолетом в Москву. К этому времени стало окончательно ясно, что ленинское лечение было не только бесполезным, но и вредным. Сердце дочери было ослаблено до последнего предела.

Хирург сказал, что держать Женю в больнице больше не может. Я перевез дочь на ее съемную квартиру в Новокосино.

На другой день я купил цветы, развлекательные журналы и взял с собой диктофон. Решил записать разговор с Женей, сохранить на память ее голос. Дверь открыла Вера. Вместо того чтобы впустить меня, она вышла на лестничную площадку. Ее била нервная дрожь.

– Она не может спать. Я захожу ночью в их комнату и вижу: Олег спит, а она – смотрит на него.

Бессонница – ее ужас, думал я. Она сознает, как ей мало

осталось. Жизнь кончается раньше, чем наступает смерть. Ее бессонница – крик организма: не спи, я погибаю!

Вера плакала:

– Как я хочу, чтобы она продержалась хотя бы до весны. Пожила бы на даче, послушала птиц, погрелась на солнышке.

Я вспомнил, что перед операцией Ирина прощалась не с людьми, а с травой, деревьями, небом, птицами, солнцем. А когда поняла, что смертный приговор отсрочен, опять-таки возвращалась к солнцу, небу, птицам.

– Что делается, – слабо улыбнулась Женя. – Папка дарит цветы! К чему бы это? Помассируй мне спину. – тут же попросила она. – Люблю твои руки.

Я чувствовал, что у дочери совсем не стало талии. А когда она легла после массажа, заметил, как округлился ее живот. Она закашляла и не могла остановиться. Она зашла в кашле и долго лежала после этого с закрытыми глазами.

Простонала:

– Господи, когда же это кончится?

Я включил диктофон, уверенный, что она не заметила.

– Мы с мамой помирились, – говорила Женя. – Мама забрала у ректора большую часть денег. Теперь я спокойна. А вот журналы ты зря принес. Я их больше не читаю: там все про жизнь... Ты решил записать мой голос?

Я растерялся, но вышел из положения.

– Это записи с молитвами.

– Папка не ври. Он у тебя включен. Я ж вижу огонёк. Ты

решил записать мой голос. Ладно, я тебя понимаю.

Я сказал, что друг прислал мне из Новосибирска другое лекарство, вроде бы, стоящее. Женя приободрилась.

– Тогда нужна очень опытная медсестра. У меня сожжены все вены. Можно колоть только здесь.

Она показала на тыльную сторону ладони. Я хотел что-то сказать, но дочь движением руки остановила меня. Ей хотелось договорить, пока еще есть силы.

– Мы продолжим, папа. Ничего не изменилось. Я по-прежнему тебе верю. Боюсь только, что моя болезнь зашла слишком далеко. Но ты говоришь – держаться, и я держусь. И буду держаться до последнего. А что мне еще остается? Раскисать нельзя. Только у меня из головы не выходит: почему я не послушала Ирину Антоновну раньше – не успела родить ребенка?

Помолчав, Женя продолжала:

– Папа, я знаю о твоём разговоре с Олегом. Не суди его строго. Ему сейчас тяжело. Ему всегда было тяжело. Фактически он стал для младшего брата отцом. Поэтому и от армии уклонился. Боялся, что младший брат без него пропадет. А знаешь, почему он так относился к тебе? От ненависти к собственному отцу. В какой-то момент он увидел его в тебе. И уже ничего не мог с собой поделать. Сейчас он о тебе другого мнения. Хотя, конечно, какая-то неприязнь осталась. Но ведь и ты его не очень любишь.

Женя продолжала со слезами на глазах:

– Папка, тебе ведь тоже досталась не та женщина. И маме – не тот мужчина. Ну, давай уж хоть сейчас поговорим откровенно. Считай, что я перед тобой исповедуюсь. Ты считаешь маму сильной. Ну, как же – Стрелец. А она в отчаянии слабой бывала. Припоминала твои грехи. Беременная женщина не прощает невнимание к себе. Помнишь, ты уехал в Алма-Ату, встречать Новый год с друзьями. А она уже была беременна мной на третьем месяце. Она была в компании. Вышла вместе с другими смотреть фейерверк и сильно простыла. Я родилась желтушной... А если бы ты бы рядом, ты бы это предотвратил. А перед родами ты уехал в командировку. Маму встречали только ее сестры, родители. Такое тоже не забывается...

Здесь я прервал дочь. Мне надо было оправдаться.

– Женечка, в моей работе редактор – командир. А я в своей работе – солдат. Я не мог сказать редактору: извините, не могу выполнить задание, пошлите другого, у меня жена должна родить.

Дочь сказала мне тоном совсем взрослой женщины:

– Твой редактор тоже должен был знать, что отношение к родам – это уважение или неуважение к женщине. Неуважение не прощается, папка. Конечно, мама в своих счетах с тобой заходила слишком далеко. А потом и мы с Денисом. Знаешь, ведь про твою любовницу Денис сначала мне сказал. И мы вдвоем доложили маме. А помнишь, мы подолгу ужинали, а ты не мог войти в кухню что-то себе приготовить?

Ведь я могла тогда защитить тебя. Но я боялась изменить маме. Если бы мы с Денисом объединились и сказали маме, чтобы она уgomонилась, она бы нас послушалась. Куда бы она делась? И уж тем более гнать тебя из дома... Тут мы вообще потеряли берега. Как все глупо получилось. Как трудно сориентироваться, когда живешь всего один раз. Прости меня, папочка.

Я целовал дочери руки.

– Глупенькая, почему ты не сказала это раньше?

– Боялась, что разлюбишь, – прошептала Женя.

Слезы ручьем катились у нее по щекам.

Когда я уходил, она вынула из-под подушки блокнот. Вырвала листок, протянула мне. Я прочел, как только вышел из квартиры.

Я все бегу, колотит сердце в грудь,

Вокруг все не мое, все ничего не значит.

Нет сна, и им не отдохнуть.

Похоже, что за стенкой плачут.

Бегу и, видно, не вернусь,

Закончен праздник елкой у порога,

Отчаянная в Новом годе грусть,

Вся веточками устлана дорога.

Сыночек, детки бегают в саду,

По вечерам раскрашивают книжки,

Как хорошо, но только не найду

Я своего упрямого мальчишки.

*И в школу я тебя не провожу,
И в прописях мы не заполним строчек,
На выпускном балу не погляжу,
Каким красавцем стал сыночек.
Ждала, а ты покинул, не придя,
Сама себя к тебе я провожаю,
На голых ветках птенчики сидят,
Сынок, я здесь уже чужая.
Как жарко бьется сердце в грудь,
Вокруг все не мое, все ничего не значит.
Бессонница...родным не отдохнуть,
По мне, еще живой, уже тихонько плачут.*

Женя говорила мне, что все понимает. Но только, как все мы, боится прямого разговора. Откровенный разговор только ослабил бы и ее, и всех вас. Наше общение превратилось бы в сплошной плач и надрыв.

Надо сцепить зубы и держаться. Вдруг в последний момент болезнь отступит перед нашим отношением в ней.

Глава 56

Через неделю я приехал, чтобы перевезти дочь домой. Припарковал машину и пошел к подъезду. Подошел и обомлел. Прямо перед входом огромными буквами на асфальте было жирно написано мелом: «ЖЕНЯ, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!» Тот, кто это написал, узнал, что Женя сегодня уедет и уже не вернется.

Женя сидела в кресле, уже одетая, с кошкой на руках. Кошка лизала ей руки, потом поднялась на задние лапы и стала лизать шею, лицо.

– Ну, что ты, моя хорошая? Прощаешься? Ну, попрощайся, – говорила Женя.

Я отвернулся. Видеть это было невыносимо. Тут же ревниво крутилась Джерри, облаивая кошку. Собачонке больше повезло. Она ехала вместе с хозяйкой.

– Ну, что ты злишься? – воспитывала ее Женя. – Нельзя быть такой. Ты поедешь со мной.

На коленях у Жени лежал сверток.

– Это деньги, папа, – сказала она. – Почти все, что я заработала за свою жизнь. Деньги будут у мамы. Если я не выкарабкаюсь, возьми, сколько будет нужно. Если бы не ты, я никогда бы их не заработала. Я маме скажу.

Мы вышли из подъезда. Женя увидела надпись на асфальте и закрыла глаза. Я крепче взял ее под руку. Женя про-

шла по словам «ЖЕНЯ, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!» – с закрытыми глазами.

В пути мы попали в пробку. В стоящих рядом машинах гремели динамики. Женя сидела на заднем сидении отрешенная. Голова откинута, глаза закрыты.

– Папа, поставь «Ave Maria».

Это была ее любимая мелодия. Она услышала ее в исполнении Ирины. Потом попросила купить запись на кассете. Я боялся, что не сдержу слез. Сделал вид, что не могу найти кассету. Женя открыла глаза.

– Папа, это желтая кассета. Ты только что отбросил ее в сторону.

Мне пришлось подчиниться. Зазвучала божественная «Ave Maria». Женя снова откинула голову и закрыла глаза. Я смотрел на нее в зеркало заднего вида и плакал, пока чуть не врезался в идущую впереди машину.

Женя сказала, что уколы ей может делать Лора. Она проходила медицинские курсы. Я позвонил Лоре. Она тут же поехала в больницу, где раньше проходила курс подготовки медсестер. Ей дали сделать несколько инъекций. У нее все получилось, она не утратила навыка.

Когда Лора появилась в дверях, я не сразу узнал ее. Платок, перекрашенные волосы.

Женя тоже удивилась:

– Ты осветлилась!

Лора вымученно улыбнулась. Я вышел. Дверь была полу-

открыта. Я расслышал голос дочери. Она подбадривала подругу.

– Коли, Лорик, спокойно. Я все стерплю.

Теперь, когда Женя переехала к матери, я стал видеть Дениса каждый день. Чем хуже становилось дочери, тем сильнее мне хотелось поговорить с ним. Сын просто обязан понять, что пора жить иначе. Не добивать родителей своим поведением.

Денис старался как можно реже бывать дома.

– Ему тяжело видеть Женю в таком состоянии, – оправдывала его Вера.

Квартира была полна людей. Приехала из Павлодара сестра Веры. Она готовила еду. Приходили ученики и подруги Жени. Я все же улучил момент и заговорил с сыном в ванной, где тот брился.

– Помнишь, я тебя побил?

Денис пожал плечами.

– По-моему, не было такого.

– Я жалею, – сказал я. – Ты должен знать, что я сожалею.

– По-моему, ты на себя наговариваешь, – отвечал Денис.

– Ну, как же?

– Убей, не помню, батя. Ты знаешь, у меня неважная память.

– Денис, ты же понимаешь, что скоро у тебя не будет сестры. Вся надежда теперь только на тебя. Тебе нужно измениться еще до того, как не станет Жени.

– Что я должен сделать?

– Сначала начать работать.

– Надо подумать, – сказал Денис.

Он стоял передо мной выбритый, красивый и ладный, надушенный хорошим дезодорантом.

– Надо подумать, – повторил он, потому что я стоял у него на пути, и мешал выйти из ванны.

Всем своим видом он как бы говорил: да, я не такой, каким ты хотел бы меня видеть. Но мать любит меня таким. А если ты не можешь, это твои проблемы.

– Что я должен сделать, чтобы ты начал жить нормальной жизнью? – теряя терпение, спросил я.

– Надо подумать, – сказал Денис.

Он быстро оделся, и его как не бывало. Я выглянул в окно. Он быстрым шагом направлялся в тээрцэ. Я надел пальто и пошел следом.

Пивной бар подрагивал от гула голосов. Денис сидел с какими-то парнями за столом. Они что-то обсуждали, потягивая пиво. Парни выделялись отвислыми щеки и животами. Денис выглядел стройнее.

Я присел к стойке и заказал пива. На меня стали поглядывать. Среди молодых посетителей я выглядел белой вороной. Наконец, меня увидел и сын. Он лениво поднялся из-за стола, подошел с улыбкой хозяина и приветствовал, будто мы давно не виделись:

– Может, забьем партиюку?

У меня не было настроения. Но если тебе предлагают бой, как отказаться? Я сильным ударом разбил пирамиду. Ни один шар не пошел в лузу. Денис мог воспользоваться подставками, но не стал. Забил трудовой шар. Но второй его удар был неудачным. Я не упустил возможности забить ответный шар. Так мы и пошли к финишу – очко в очко, пока на столе не осталось два шара. Я видел, что на самом деле Денис мог бы играть лучше. Но на него действовали зрители. Его сходство со мной не могло не бросаться в глаза. Вот сын и проявлял снисходительность.

– Хватит, – я положил кий. Я не мог больше играть.

Денис пожал плечами и тоже положил кий.

Я пошел к выходу. Сын не оставлял надежд. Он вырастает в обаятельного отморозка. А я не могу понять, отчего это происходит. И странное сравнение пришло вдруг в голову. Вот и рыбы не понимают, что с ними происходит, когда им не хочется есть. Откуда им знать об атмосферном давлении. Так и я не знаю чего-то, связанного с Денисом. И никогда не узнаю. Ни от него, ни тем более от Веры...

В вестибюле тээрцэ молодая женщина говорила по мобильнику. Ее сынок нацелил на меня игрушечный автомат и нажал на спусковой крючок. Затрещала очередь.

– Контрольный выстрел, – объяснил мне мальчик.

Я замер. Вот так же и Денис в раннем детстве наставлял на меня игрушечный пистолет, изображая выстрел голосом. Только меня расстреливал и никого больше. Вера при

этом как-то странно замирала и задумывалась о чем-то своем. Уже тогда я невольно задумывался, не месть ли ее мне – Денис?

Сейчас не лишним было подумать, в конце-то концов: не посвятила ли Вера Дениса в свой секрет? А я-то, дуралей, гадаю, почему он такой чужой?

Глава 57

Состояние Жени ухудшается с каждым днем. Она уже не может самостоятельно вставать и ходить по квартире. Она уже не может лежать – боли в спине. Точнее, в позвоночнике. Полусидит в кресле. Нужно решать, что делать дальше.

– Хватит ее мучить, – тихо рыдая, говорит Вера. – Вы же отлично понимаете, ничего уже не поможет.

Мы с Олегом молчим. Дверь открывается. На пороге стоит Женя. Она проснулась, увидела, что одна. Попыталась кого-нибудь дозваться. Никто не приходил. Женя впервые с начала болезни увидела мать плачущей. Это ее не удивило. Она впервые увидела на наших лицах отчаяние и безысходность. Это тоже ее не удивило.

Она спросила строго:

– Что вы тут делаете?

Вера первая пришла в себя.

– Женечка, хочешь чаю?

Женя от чая отказалась. Попросила хурму. С усилием откусывала кусочек за кусочком. При этом внимательно осматривала кухню, будто видела ее впервые. Отодвинула тарелку:

– Больше не могу. Отведите меня.

Она побывала в той части квартиры, где шла жизнь. И хотела вернуться туда, где жизнь останавливалась. Потом она попросила отнести ее в ванную. Там, в горячей воде, ей ста-

ло плохо. Потом она сидела в кресле с закрытыми глазами. Я принес ей ужин. Она съела два перепелиных яйца и дольку свежего огурца.

– Давай смерим температуру, – неожиданно попросила она.

Градусник показывал 34,8 градуса. «Неужели препарат начал действовать?» Я хотел перемерить температуру. Но Женя зашлась в кашле. В спальне был полумрак. Женя полулежала в кресле с закрытыми глазами.

Неожиданно спросила:

– Папа, я поправлюсь?

– Обязательно, доченька, даже не сомневайся, – сказал я.

Если бы Женя открыла глаза, она бы увидела... Не помню, когда я последний раз плакал. Наверное, это было только в детстве.

В тот вечер я получил от дочери еще один листочек из блокнота.

Крадется ночь и не несет покоя,

Прощенья и прощанья тает час.

Наступит завтра не со мною,

В ночь вечную я ухожу от вас.

Я завещаю вам свои надежды,

Свою любовь, и мир чтоб вас хранил,

Я так бы не жила уже, как прежде,

Но сочтены мгновения мои.

Устала... В вашей жизни день настанет,

А мне пора! Я вижу в темноте

Последнее сиянье нарастает...

«Она угасает». С этой мыслью я ехал ночью домой. Въезжая в гараж, не вписался в поворот, раздался хруст – бокового зеркала как не бывало.

Надо было выходить из машины, но зачем? Я не знал, что мне делать дома. И вообще – как жить дальше. Я выехал из гаража и покатил по ночной Москве. Погода резко менялась. Подул сильный ветер. Повалил мокрый снег. На дорогах стало, как на катке. Я остановился у храма «Утоли моя печали».

Я подошел к самой большой иконе и опустил на колени. Сам не понял, как это у меня вышло. Закрыв глаза и просил Господа пощадить мою дочь. Я услышал тихие шаги и открыл глаза. Мимо шел священник примерно одного со мной возраста. Я поднялся с колен и сказал, что хотел бы исповедаться и принести покаяние.

– По сознанию или по сердцу? – тихо спросил священник.

– Наверное, по сердцу.

– Все мы живем в грехе и страстях. О чем скорбит ваше сердце? О чем болит душа?

– Я раскаиваюсь в том, как относился к бывшей жене. Я оскорблял ее чувство. Дочь могла бы выйти замуж за другого человека, который бы лучше о ней заботился. И она была бы жива.

Я говорил путано, но священнику и не требовалось полной ясности.

– Дочери осталось совсем немного. Может быть, считанные часы. Уже ничто не поможет. У меня нет надежды на чудо. Просто я не могу с этим жить.

– Вы крещеный? – спросил священник.

– Покрестился три недели назад.

– Вы каетесь перед Богом, – продолжал священник. – Это правильно. Но жить по-божески – это преодолевать гордыню. Покайтесь перед вашей бывшей женой и дайте своей душе успокоиться.

Священник пристально посмотрел мне в глаза:

– Вы покрестились, но я вижу: у вас нет страха Божия. Скажу, как поддерживать в себе этот страх. Первое и главное – иметь память смерти и память мучений. Страх праведного наказания за грехи вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смраднему морю жизни и путеводствует к божественной пристани, которая есть любовь...

Я вышел из церкви. Природа шла вразнос. В феврале лил дождь. Улицы превратились в каток. Я бросил взгляд на разбитое зеркало. Как просто: хрясь – и нет стекла. Так же и с человеком. Надо только посильнее разогнаться и – об стену. Не получится, возразил я себе. Подушки безопасности спасут. Врачи не дадут помереть. Останешься калекой, только и всего. Хотя есть еще ружье. Это более верный способ. «Что ж тебе мешает»? – спросил я себя. Ирина. Как она без меня?

Я поставил машину в гараж и поднялся к себе на тринадцатый этаж. Хотел выпить и не мог. Включил телевизор и

тут же выключил. Я ничего не мог делать. Даже думать. В голове была одна мысль: без Женьки вся жизнь – псу под хвост.

Раздался телефонный звонок. Я похолодел. Неужели? Неужели сейчас скажут, что все кончено? Заныло в левом плече и зажгло в груди. Закружилась голова, стали холодными руки. Но я нашел в себе силы снять трубку.

Это была Ирина. Я только сейчас вспомнил, что не звонил ей сегодня.

– Ну, как? – спросила она.

– Совсем плохо, – сказал я.

У меня все плыло перед глазами.

– У вас с Женей сильная биологическая связь. Держи себя в руках, не шути с этим.

– Понял, – я положил трубку.

На самом деле я уже ничего не соображал. Голова не работала. Меня знобило. Я потрогал ступни. Они были холодными. Я погасил свет, лег под одеяло и закрыл глаза. Мне показалось, что я слышу какую-то мелодию. Нет, музыка играла не у соседей. Был первый час ночи. В это время соседи вели себя тихо. Я замер. Это была «Ave Maria».

У меня кружилась голова. Мне казалось, что я отрываюсь от земли и лечу навстречу ослепительному сиянию. Какой хороший сон. Я очнулся. В комнате было темно. Тихо шелкали настенные часы.

Раздался резкий телефонный звонок. Веру будто мучила

икота – она едва справлялась с рыданием
– Нашей Женечки больше нет.

Глава 58

10 февраля. Я видел теперь себя как бы со стороны. Я не помнил, о чем только что думал, выключил ли электроплиту, закрыл ли двери квартиры, поставил ли на сигнализацию машину. Жизнь продолжалась. Но только как полуявь-полусон.

Когда я приехал, двери были полуоткрыты. В коридоре и на лестничной площадке стояли соседки. Я снял пальто и открыл дверь спальни. Женя лежала на широкой софе. Ее подбородок был подвязан. Руки вытянуты вдоль тела. Вера и Олег тихо рыдали и гладили ее. Дочь была еще теплая.

Я целовал ее исколотые руки. Вера причитала. Олег стоял, покачиваясь, закрыв глаза. Теперь Женю нельзя было поделить. Теперь она принадлежала всем. И – никому. К нам подошли и сказали, что нужно на какое-то время оставить умершую одну. Такова традиция.

Через полчаса я, Вера и Олег снова вошли в комнату. И застыли. Женя лежала, улыбаясь уголками губ.

Приходили ученики Жени. Дверь не закрывалась. Ее любимая собачонка Джерри выскочила и побежала вниз по лестнице. Олег кинулся за ней. Вернулся минут через сорок с убитым видом:

– Представляете, убежала.

Больше Джерри не видели.

На другой день гроб выставили в церкви. Я подошел и не узнал дочь. Женя была похожа на мертвую царевну из кино-сказки, но не на себя.

Приехал Витя. Сказал, что отцу нездоровится, а мама приедет позже. Передал записку. Вера прочла и протянула мне. Я узнал каллиграфический почерк отца: *«С болью в сердце скорбим по поводу безвременной кончины любимой внучки Женечки. Видимо, каждому человеку судьбой предначертано определенное время существования на планете Земля. Ее облик навсегда сохранится в наших сердцах!»*

Я недоумевал: что это? Старческий маразм? Нет, это не маразм. Это упакованное в формальные слова безразличие. Оскорбительно, но не удивительно.

В церкви пахло ладаном, и было душно. Стояла звонкая тишина. Лора сказала, что останется здесь до утра. Женя была для нее больше, чем подруга.

Я тоже хотел побыть эту ночь с дочерью в церкви. Но Лора сказала:

– Юрий Леонтьевич, давайте буду только я. Простите.

В этот вечер, накануне похорон, должен был приехать мой сын от первого брака Павлик с женой. Стасик был их крестным отцом. Наверно, ему нужно было появиться при них. Он позвонил мне. Удивительно подменяется смыслы у Стасика. Вот он звонит и говорит, что хотел бы приехать. Я говорю ему: приезжай. А он спрашивает меня:

– Ты действительно хочешь видеть меня?

Теперь получается, что не он инициатор встречи, а я. С этим убеждением он и будет жить дальше.

– Приезжай, – повторил я.

Когда мы сидели вчетвером, позвонила Ирина. Она собиралась приехать на похороны Жени, но хотела это согласовать.

Стасик немедленно выдал совет:

– Нет, лучше ей не быть. Вера может отреагировать очень нервно.

У Ирины был удивительный слух. Она вскипела.

– Передай Стасику, что на похороны не требуется приглашения. На похоронах не хотят видеть только злейших врагов.

У меня было такое чувство, будто я предал ее.

– Юра, не надо больше никаких слов. Я не приеду, – Ирина положила трубку.

– Это я виноват, не усмотрел – сказал я за столом. – Нельзя было отдаляться.

Стасик твердо сказал:

– Братан, ты ни в чем не виноват. Ты ни в чем не виноват, – повторил он. – И впредь можешь на меня положиться. С руками и ногами. Ты знаешь, я надежный человек.

Я смотрел на брата с удивлением. Его никогда не поймешь с лету. Хотя на этот раз, кажется, все ясно. Ему важно хорошо выглядеть в глазах своих крестных. И если я не должен, по его совету, ни в чем упрекать себя, то его и подавно.

– Не волнуйся, – сказал я. – То, как ты себя повел, мы обсуждать не будем.

Стасик, как ошпаренный, выскочил из-за стола, и закричал:

– Ну, знаешь, мое терпение лопнуло. Ты злобное насекомое! Я рву с тобой навсегда.

– Ну и убирайся, – зарычал я.

На отпевание в церковь пришли подруги и сокурсники Жени, ее ученики. Среди них выделялся высокий парень с ярким мужественным лицом и огромным букетом желтых хризантем. Я переглянулся с Лорой. Спросил взглядом: «Это он?» Девушка кивнула.

В отдалении стоял Стасик. В черных очках он был похож на слепого. Когда прощались, он среди последних подошел к гробу, склонился, губы его сморщились. Наверно, это должно было означать сдерживаемое рыдание. Он не поцеловал Женю в лоб, подобно другим, а как-то странно провел ладонью по контуру ее лица и всхлипнул.

Я взглянул на Лору. Она взглянула на меня. Что означал этот жест ладонью? Как можно лезть рукой к лицу? Где это видано, чтобы так прощались? Это мог бы объяснить только режиссер и актер этой сцены. Сам Стасик.

Я вдруг вспомнил: однажды я ехал на мотоцикле. При близком обгоне меня зацепил воздухозаборником «Запорожец». Я свалился, но тут же вскочил. Руки-ноги были целы, только два оторванных пальца болтались на левой руке, ви-

сели на остатках кожи. Стасик подбежал, упал на колени, стал лихорадочно ощупывать мои ноги. Он как бы не видел оторванных, окровавленных пальцев. Что это с ним, подумал я тогда. Ах, да! Мальчик бредит театром, изображает переживание.

Но вот и мама подошла к гробу, склонилась. Впереди ее лица оказалась ее рука. Вместо лба внучки она поцеловала тыльную сторону своей ладони.

Ко мне она не подошла.

На поминках я как-то странно оказался за столом рядом с Олегом, который тоже был все время один.

– У меня нет никакого желания жить, – говорил он мне. – Я живу только потому, что Бог не велит сводить счеты с жизнью. Я многое никогда себе не прощу. Но я не могу устроить над собой самосуд. Самоубийство – не просто тяжкий грех, но и венец безбожной жизни, следствие неверия в Бога. А я – верующий.

«Зачем тебе теперь солнце, если у Жени мрак и холод?» – думал я.

– Со временем боль утихнет, – говорил Олег, – Буду молить Бога, чтобы поскорее забрал меня. Я уверен, наши с Женечкой души найдут друг друга.

Олег говорил что-то еще. Я не слышал. «Почему Бог поменял меня с Женей местами? – думал я. – Бог мог не пощадить Женю только по одной причине. Желание большее наказать меня было сильнее. Если он, конечно, есть, Бог».

Олег вызвался отвезти меня домой. Он жал на весь костыль, с визгом тормозов. Решил избавиться от себя и заодно от меня? Вот потеха! Ну, давай же, давай! Но Олег благополучно довез меня до дома.

– Теперь я к себе, в Новокосино.

Его тянуло туда, где все напоминало о Жене. Если он действительно ее любил, то будет лелеять свое горе, как ребенка. А чем утешиться мне? Я вошел в квартиру. Не снимая пальто, опустился в кресло. В темноте моргал красный глаз автоответчика. Может, это Ирина? Нажал на кнопку. Точно, это был ее голос.

– Юра, возьми себя в руки. Горе выгрызает человека. Ты был со мной в самые трудные дни. Но сейчас ты свободен. Женись на Лоре, родите дочь. А я разберусь со своей жизнью сама.

Гоя

Глава 59

23 февраля у отца день рождения. Обычно мама, как диспетчер, согласовывала удобное для всех братьев время. В этот раз не позвонила. Значит, братья не хотели, чтобы мы с Ириной приехали. Бойкотируют, красавчики. Что ж, самое подходящий момент.

Позвонила мама в начале марта: что ж не приехали отца-то не поздравить? Он психует. Вот так! Мы же виноваты.

Ирина сказала:

– Надо съездить. Вместе погоревать. Горе примиряет.

Я согласился. Вражда утомляет.

Встретили нас так, будто месяц назад ничего не произошло. Мать попросила рецепт варенья, которое привезла Ирина. Отец попробовал ее рыжики и заинтересовался, как она их солит. Выглядел родитель не хуже, чем обычно. Даже посвежел. Наверно, стал реже писать стихи и чаще гулять. Что ж не приехал на похороны? В чем причина?

Сели за стол.

– Ну! Что мне пожелаешь? – спросил отец.

Он делал вид, что случилось единственное происшествие – я не поздравил его с днем рождения. Я не мог выговорить

ни слова. Это была в высшей степени необычная для меня ситуация. Мама, кажется, понимала, что надо хоть как-то выразить сочувствие. У нее это получилось так:

– Почему не сообщили, что Женя заболела? Мы ж до последнего дня ничего не знали.

Вот, оказывается, почему мама не подошла на похоронах и поминках. Обижалась, что я не известил ее о болезни внучки.

– Мы вас берегли, – пояснила Ирина.

– Курила она, – сказала мама.

А это к чему? К тому, что Женя сама виновата? Не курила бы, и была бы жива? Ну, почему все, что ни говорят родители, звучит с обвинительным уклоном?

– Что же тебе пожелать? – спросил я, подняв глаза на отца. – Давай, мы пожелаем тебе здоровья и долгих лет.

– Спасибо, коль не шутишь, – сказал отец. – Всё?

– А что еще ты хотел услышать? Скажи. Я для тебя ничего не пожалею.

Отец выщедил водку губами, сложенными в трубочку. И принялся закусывать, поскрипывая зубами, посапывая носом и как бы задыхаясь. У него всегда так получалось, когда он молча психовал. Я не мог ни пить, ни есть. Ирина тоже сидела неподвижно, ловила мой взгляд. Сказала глазами, чтобы я остыл. Мол, не та интонация. Я говорил обычные слова, но на пределе сарказма. В эту минуту я понял, что, если сдержусь, никогда себе не прощу. Должны же мы пого-

ворить, наконец, по душам.

– А ведь ты враг мне, папочка, – сказал я отцу.

– А ты? – ничуть не удивившись, с усмешкой отвечал отец.

Рука его с вилкой мелко-мелко дрожала.

– Ты мне враг, – повторил я.

Отец свел брови:

– А ты мне кто, если отцом меня не называешь?

Что правда, то правда. Последний год как-то не выговаривалось у меня слово «папа». Язык не поворачивался.

– Я тебя всю жизнь так называл, папочка. Несмотря ни на что. Но теперь, как съехались, ты снова начал меня предавать.

Отец поднял брови.

– Снова? Выходит, я раньше тебя предавал? И в чем же это заключалось?

Кто задает вопросы в разговоре, тот всегда в выигрышной позиции. Вопросы сами по себе атакуют. Отвечающий как бы оправдывается. Вот и сейчас я попал в такое положение. Но что-то объяснять, а значит, оправдываться, не было никакого желания. Ну, вот не способен человек чувствовать свою вину ни перед кем и ни за что. И бессмысленно что-то ему доказывать и тем более обвинять. Он не поймет. И не потому, что совесть говорит ему одни оправдания. Не потому, что он про себя считает, что признавать свою ошибку – еще большая ошибка. Ну, вот есть такие люди. Если они тебе чужие, рви с ними раз и навсегда. А если родные? Если

это отец или мать?

Я давно уже, считай, всю жизнь, принимал их такими, какие они есть. Но я нахожусь в родстве не только с ними, но и с братьями. Братья ничего не знают об особенностях моих отношений с ними. Ничего не знают о моем детстве. А родители всю жизнь твердят им, что со мной им всегда было трудно. Что я тяжелый, невозможный. Твердят, скрывая причину. В результате причину того, что я невозможный, братья видят во мне. Мол, в семье не без урода. Вот ведь как...

Отец сказал, наливая себе в рюмку:

– Не суди, да не судим будешь. Понял?

Выпил одним махом, не цедея, и принялся закусывать. Он всю жизнь хорошо закусывал. Ничто не могло испортить ему аппетит.

Глава 60

Пришло лето. Ирина снова требовала примирения. Я снова остыл. Родители приехали к нам в Пущино. Отец писал свои стихи. Мама напевала баском что-то из репертуара Клавдии Шульженко. Друг с другом они разговаривали редко. Иногда мама не выдерживала тишины и просила отца:

– Папочка, поговори со мной.

– О чем? – спрашивал отец.

– С женщиной нужно разговаривать, – мягко укоряла мама, но конкретных тем не предлагала.

Читала с лупой старые журналы. Зрение у нее падало, как и слух. Когда я привозил с работы Ирину, отец отводил душу в разговорах с ней. Признался, что ему все чаще снятся его умершие родственники и друзья. Усматривал в этом сигнал свыше.

– Значит, и мне пора готовиться, – говорил он, наблюдая, как ловко Ирина сворачивает блинчики с мясом. – Только я до сих пор так и не решил, как относиться к смерти. Навсегда мы умираем – или не навсегда?

Стало ясно, что красивая теория Стасика как-то не очень западала в его сознание.

– Я знаю только, – отвечала Ирина, – что недостойно умирать, что жизнь уходит. Мало ли умерло тех, кто лучше нас?

Отец озадаченно молчал. То ли не считал кого-то лучше. То ли предпочитал держать свои мысли о жизни и смерти при себе.

Вечерами мы хорошо сидели на пруду. Раскладной столик с водочкой и закусью. Удочки. Карасики. Я всматривался в отца. Мешки под глазами набрякли и покрылись синевой. Фиолетовый оттенок тронул губы. Значит, совсем слабым стало сердце. Но водочку он потреблял на равных со мной. И закусывал со здоровым аппетитом.

– Ты проживешь дольше меня, – зачем-то предсказал он.

Я должен был сказать ему, что собираюсь написать про нашу семью. И я сказал, что рано или поздно это сделаю. И ни за что не прошу себе, если не сделаю это.

– И чего ж такого интересного в нашей семье? – спросил отец, насаживая червя на крючок.

С его дальновзоркостью ему было трудно. Я помог. Он закинул удочку и вытащил карасика с ладонь. Сказал неожиданно:

– Наверное, последняя моя рыбалочка.

Еще помедлил и спросил:

– Как бы ты это ни объяснял, это нехорошо. Что было, то прошло.

Я налил ему и себе еще. Выпили.

– Зачем тебе это? – спросил отец. – Неужели больше не о чем писать?

Я не раз задавал себе этот вопрос. Ну, вот тянуло, и все

тут. Я был на это как бы запрограммирован. Вот Стасик получает же сигналы сверху. А может, и мне что-то поступает из астрала в мозг. Конечно, я не раз спорил с собой. Вот напишу я о нашей семье правду. И что? Прекратится то, что меня возмущает? Родители что-то осознают? Братья изменят отношение ко мне? Ничего не изменит моя писанина. Ни-че-го! Только добавит неприязни и вражды. И правда моя будет объявлена сведением счетов.

– То, что ты напишешь, будет похоже на месть, – сказал отец.

– Или на оскорбление, – добавил я.

Отец сделал жест: мол, хорошо, что я сам это понимаю.

– Лучше помирись с братьями, – сказал он.

– На их условиях? А может, ты помиришь нас?

– Зачем же мне лезть в ваши отношения? – хитрым тоном отвечал отец.

– Неужели тебя не угнетает вражда между нами?

– Не обижай братьев и не будет никакой вражды. И не пытайся переложить на меня свою вину. Лучше спасибо скажи, что мать тебе передачи таскала, а я ишачил, зарабатывал на эти передачи.

– До сих пор простить не можешь?

– Меня из-за тебя в должности понизили, зарплату урезали. Такое не забывается.

– Тогда ты и меня понять должен, – сказал я. – То, что было со мной в первые годы жизни и потом – тоже трудно

забыть.

Отец нехорошо усмехнулся:

– Тебя не кормили? Тебе нечего было надеть? Негде жить?

– Почему ты не хотел жениться на маме? – спросил я. –

Почему не хотел жить с ней, и с этим ушел на фронт?

– Не лез бы ты мне в душу, – сказал отец. – Не суди, да не судим будешь.

Отец повторял мне эти слова всю жизнь. И это было чем-то вроде самоотпущения грехов. Иногда я просто смотрел на него осуждающе, не говоря ни слова. А он все равно напоминал: не суди! Словно загораживался этой поговоркой, как щитом. Но раньше я терпел и уступал ему. А сейчас он своим отношением к моему горю, что называется, переступил. Дальше терпеть я не мог. Хотя и добиться мне от него надо было совсем чуть-чуть.

– А если бы не началась война? Как бы сложились твои отношения с мамой? Ты бы жил с ней?

Отец не ответил категорически – мол, конечно, жил бы. Он задумался.

– Зачем тебе знать? – спросил он. – Что тебе даст мой ответ?

– Правду.

– Зачем тебе правда? На кой черт она тебе сдалась? – сдержанно вскипел отец.

– А зачем тебе не нужна правда? – как мог, спокойно спросил я.

Отец помолчал озадаченно и рывкнул:

– Не путай меня! Насобачился вопросы задавать. Не любишь отца – не люби. Не уважаешь – не уважай. Без тебя есть кому любить и уважать. Но даже не пытайся прижать меня к стенке. Не пытайся унижить.

Он уже привык к той истории жизни, которая сложилась в его голове. А я вынуждал его провести ревизию. Не бывать этому! Я понял, что мне его не сдвинуть. Хорошо, тогда пусть ответит хотя бы на один вопрос.

– В июне 41-го тебя мобилизовали. В конце июля родился я. А в ноябре ты прислал свою фотографию. На обороте твоей рукой был написан адрес: Барабинск. До Омска всего 350 километров. Что тебе мешало отпроситься на день? Рано утром выехать – поздно вечером вернуться? Просто объясни, что тебе мешало?!

– В Барабинске шло формирование сибирских частей. Я был привлечен в качестве писаря. Я не мог уехать ни на один день, – ответил отец.

– Но ты мог позвать маму. Она сама родом из Барабинска. Ей было где там остановиться. Она бы точно приехала со мной. Что мешало ей приехать к тебе? Ты этого не хотел? Она не захотела?

– Вот ее и спроси, что ей мешало, – отвечал отец.

В эту минуту я еще раз спросил себя: к чему все эти выяснения? Может, сказывается профессия? Манера советской журналистики во всем дойти до сути? Отчасти так и было.

Работа наложила отпечаток. Но не тянет ли других людей к тому же самому, никаких не журналистов? В чем же тяга? Не в магните ли правды?

А отец, пользуясь паузой, уже разворачивал тему разговора в свою сторону.

– Братья твои давно уже взрослые мужики. У Вити своих уже трое, а ты грозишь ему морду набить. Стасик далеко пошел, но ты никак не хочешь это признать. И они между собой прекрасно ладят. Не пытайся себя оправдать, а других очернить. Сам свернул на скользкую дорожку. Сам и получил фунт лиха.

Глава 61

Что было, то было. На скользкую дорожку я ступил. Об этом и грозила Вера рассказать Жене и Денису...

Чем больше я лишался денег, тем больше к ним стремился. Мы с Максом решили взять сберкассу – отделение государственного банка. Там сидели две тетки. Если их хорошо припугнуть, они отдадут бабки без звука. Мы выберем момент, когда в сберкассе не будет ни одного крепкого мужика. Макс встанет в дверях, я подойду к кассе. Или наоборот. Мы еще не распределили роли. В конце концов, это не так важно, кто будет брать деньги, а кто стоять в дверях. Важно – придумать, чем будем угрожать. Ствола у нас нет, Макс сделал два муляжа, но даже тетки разберут, что это деревянное фуфло.

Настоящий ствол брался раздобыть «Фашист» (кличка). Сашка Кайзер, наш как бы кент. Но он что-то темнил, не делился своими планами, корчил из себя крутого. Если бы у нас получилось, он наверняка забрал бы себе половину денег. Хотя всего-навсего потоптался бы у входа в сберкассу. Такое он поставил условие – он добывает ствол, но во время налета стоит на стрёме и при этом его доля – половина куша.

Объяснял он это так: мол, если мы погорим, то все равно признаемся на допросе, что это он раздобыл ствол. А значит, ему припаяют куда больше. Мы возбуждали, что он слишком

плохо о нас думает, а он: «Приматы узколобые, хорош гоношиться, вы еще не знаете, как менты умеют раскалывать».

Мы с Максом решили: провернем с «Фашистом» это дело, а потом будем «работать» только вдвоем. Мне нравилось слово «работать» применительно к грабёжам. Звучит солидно, и хочется себя уважать.

Сегодня Кайзер почему-то не появился. Мы с Максом весь вечер проторчали на лестничной площадке третьего этажа жилого дома, откуда комната сберкассы была, как ладони. В который уже раз засекли время, когда приехали инкассаторы. По ним можно было проверять часы. Сберкасса работает до 20.00 вечера. Инкассаторы появляются в 19.30. Значит, мы налетим в 19.00.

Кайзер где-то пропал и весь следующий день, а вечером отец меня огорошил. Оказывается, в городе чепэ, только об этом не объявляют. В стрелковом клубе какой-то парень убил девушку-инструктора. Я сразу понял – это дело рук «Фашиста».

– Поймали его? – спрашиваю.

– А куда бы он делся, – отвечает отец. – Отстреливался, засранец. Жаль, не прикончили.

От этой новости я холодею, и потом меня бросает в жар. И все это в одну секунду.

– Подполковник Кайзер останется без погон, – тоном прокурора сказал отец.

«Фашист» был сыном горвоенкома.

– Вот и ты когда-нибудь подставишь отца.

Он все чаще говорил о себе в третьем лице. Он предостерегал меня. Он видел меня насквозь. Но кого и когда останавливали предостерегатели? Это ведь, как в раннем детстве. Мальцу говорят: не лижи ручку двери в мороз, больно будет! Но малец все же тянется языком...

Я выхожу из дома покурить и натыкаюсь на Макса. Он тоже только что узнал о Кайзере, и поджидает меня. Обсуждаем событие. У нашего кента точно крыша съехала. Одно дело – ограбить сберкассу и совсем другое – убить человека, совсем молодую девчонку. Мы кроем Кайзера самыми последними словами.

Макс уверен, что Кайзер выдаст наш план в отношении сберкассы. А как иначе объяснит, зачем ему понадобилось оружие? Точно расколется. Чего не сделаешь, чтобы выторговать себе жизнь. А ему, уже совершеннолетнему, грозит вышка.

Проходит день, потом другой. Я вздрагиваю от каждого звонка в дверь. Выглядываю в окно, не подъехала ли к подъезду легавка. Ненадолго успокаиваюсь: кажется, пронесло. А на Макса что-то находит. Он по-прежнему считает, что мы можем взять сберкассу, вооружившись муляжами пистолетов. Только сделать это нужно в другом городе. Я не соглашаюсь. Мне становится страшно. После убийства девушки пропал всякий кураж.

Я все чаще задумываюсь, что надо жить как-то иначе. А

на Макса, повторяю, что-то находит. Похоже, теперь он считает себя первым номером. Как только он меня не обзывает. Хочет разозлить, раззадорить. Ему это удается. Я говорю, что могу очень просто доказать, что я не трус. Есть магазин на окраине города, который я могу взять в одиночку. Плохо только, что на пустыре. Невозможно подойти ни незаметно, ни скрыться. Разве что вечером, под покровом темноты...

Что на меня нашло? Объяснить это не так просто, даже сейчас, спустя столько лет. А тогда... Что я мог понимать в самом себе? Я чувствовал, что создан для чего-то другого. Для чего – сам не понимал. Наверное, так было предназначено – совершить криминал, который бы подкалечил мне жизнь. Потом только я мог перейти к этому «другому».

Глава 62

Это происходит зимним вечером, в противоположном конце города. Мы подходим к магазину, когда уже темнеет. В зарешеченном окне видно, что продавщица обслуживает покупательницу. И вот остается одна. Макс смотрит на меня насмешливо и мрачно. Его разбирает любопытство, как я это сделаю.

Я обматываю лицо шарфом по самые глаза и захожу в магазин. Продавщица бросает на меня взгляд. Замечает необычно намотанный шарф. Я закрываю дверь на крючок, подхожу к прилавку. На прилавке лежит огромный нож, которым продавщица режет хлеб, масло, колбасу.

– Это что за маскарад? И дверь зачем закрыл? А ну, открой сейчас же! – без страха требует продавщица.

Я понимаю, что тетка не робкого десятка. Ее надо напугать. Я беру нож, втыкаю его в прилавок и говорю:

– Деньги!

И тут происходит то, чего я никак не ожидал. Продавщица не пугается.

– Чего? – спрашивает она насмешливо.

Я повторяю, повысив голос:

– Деньги! Быстро!

Продавщица что-то соображает. Чуть помедлив, открывает кассу, одним движением сгребает мелкие бумажные ку-

пюры и высыпает их передо мной.

– Что так мало?

– Инкассатор был час назад.

Я гляжу на деньги, пытаюсь определить сумму. Выходит, рублей 400-500. Жалкие крохи. Стыдно прикоснуться. Надо было уйти. Сколько раз потом я говорил себе: надо было уйти ни с чем. Но по ту сторону двери стоял Макс. Он бы меня не понял. Шарф, который я придерживал одной рукой, неожиданно спал с лица. Теперь мы с продавщицей смотрим глаза в глаза.

– Забирай, – продавщица пододвигает мне ворох.

Она как бы даже настаивает на том, чтобы я взял деньги. Я засовываю мятые рубли в карман. Мы возвращаемся в свой район пешком. В любой момент нам может преградить путь местная шпана. Могут побить, раздеть, или уж точно опустошить карманы. А если местные узнают, что я сделал... Ведь первые подозрения падут на них... Их затаскают менты. О неизбежной каре не хочется думать.

Нужно было как можно быстрее избавиться от этих бабок. Лучше быстро потратить. Мы идем в кабак, где собирается цвет городской братвы. Но прежде останавливаемся, расправляем скомканные деньги, складываем их в пухлую пачку. Противно. Как же противно...

На другой день раздался звонок. Два неприметных мрачноватых парня сказали маме, что я должен поехать с ними. Мама встревожилась. Спросила, что я натворил. Парни ска-

зали, что со мной хочет побеседовать их начальник. Посадили между собой на заднее сидение милицейского газика. Я чувствовал что-то вроде невесомости. В голове стучало: как они узнали? Где я лоханулся?

Меня заводят в кабинет зама начальника угрозыска Гронина. Кто он такой, говорила табличка на двери. На погонах у него три большие звездочки. «Ого, – подумал я, – подполковник! Какая честь!» У Гронина густая мужская красота. Ему бы в кино сниматься. Сыщиков играть. А он занимался этим в натуре. Жестом предлагает сесть за приставной столик. Сажусь.

– Уже дырку сверлил для третьей звездочки, и вот надо же. Позавчера Кайзер, вчера – ты.

Выражение лица у него незлое, но в голосе чувствуется раздражение.

– Но ты хоть, спасибо, никого не убил. А ведь можешь когда-нибудь и убить. Чувствуешь в себе такую способность?

Я пожимаю плечами.

– Ладно. Сейчас тебя посадят в соседнем кабинете. Накатаешь чистосердечное признание. Потом подпишешь подписку о невыезде, и топай домой. Мама волнуется. Жду тебя завтра в это же время. Продолжим разговор. А сегодня, извини, мне некогда.

Он говорит так, будто не его опера меня привезли, а я зашел к нему по своим делам. И вот он, уделив мне свое драгоценное время, посматривает теперь на часы и извиняет-

ся, что не может больше продолжать нашу приятную беседу. Гронин как бы заключает со мной договор. Напишу признание – выпустят. Не напишу – отправлюсь на нары. Чувствую, что нельзя быть послушным барашком. Но как вести себя, ума не приложу. Сижу, не двигаясь, смотрю прямо перед собой. Ступор.

Гронин бросает взгляд на часы.

– Ладно, объясню подробно. Я оформляю твое признание, как добровольную явку с повинной. Суд даст тебе условный срок – лет пять. Об этом я похлопочу. Слово коммуниста. Ты одумаешься и будешь вспоминать все это, как сыпь от кори. Но ты можешь, конечно, не признаваться. В этом случае почувствуешь безнаказанность и продолжишь свои художества. И когда снова попадешься, то огребешь срок по полной программе. Не пять лет, а много больше. И – не условно! Вот так. Выбирай. Даю полчаса.

В подтверждение своего обещания он вынул из внутреннего кармана партбилет и эффектным жестом положил его передо мной. Как бы поклялся страшно авторитетным документом. И тут же отправил его обратно в карман.

Гронину в самом деле было не до меня. Он расхлебывал кашу, заваренную Кайзером. Как я потом понял, все мы были в разработке угрозыска. Гронин знал о подготовке налета на сберкассу. Знал, что нас останавливает только отсутствие оружия. Знал также, что Кайзер – «Фашист» упражняется в стрельбе из пистолета Марголина в стрелковом клубе. Дол-

жен был предугадать, что «Фашист» попытается завладеть оружием именно там. Но Кайзера он проворонил, и теперь его терзали проверяющие из Алма-Аты и Москвы.

Ничего этого я еще не знал. Но что-то мне подсказывало, что в отношении меня он проявил максимум порядочности. Этот первый опыт отношений с ментом мне пригодился. Ни в то время, ни в колонии я не испытывал злобы и ненависти к ментам, чем обычно отличаются почти все зэки. Менты это видели и отвечали тем же. Это помогло мне сохраниться.

Я накатал чистуху, дал подписку о невыезде и вышел из милиции. Я шел домой, не чуя под собой ног. Черт! Как это здорово – побывать в неволе, ощутить кранты и тут же снова оказаться на свободе... Наверно, Гронин обладал еще и даром внушения. Я пришел в себя только ночью, когда не мог заснуть. Какого черта я признался? Ведь нет ни одного свидетеля! Надо отыграть назад.

На другой день была очная ставка с продавщицей Куренной. Ей предъявили меня в числе двух других парней. Она не показала ни на кого. Гронин занервничал. Предложил ей хорошенько приглядеться. Продавщица снова сказала, что не видит здесь грабителя. При этом избегала встречаться взглядом со мной.

– У меня в глазах было темно, – объяснила Куренная провал в памяти.

Но Гронина трудно было провести.

– Скажите, в таком случае, какую сумму вы выдали налет-

чику.

– Всю дневную выручку. Я еще не подсчитывала. Но обычно бывает около 12 тысяч рублей.

Гронин впился глазами в меня.

– Напомни, Терехов, какую сумму ты указал в своем чистосердечном признании.

Этот был момент, когда я мог сказать, что на меня вчера тоже нашло затмение. Если потерпевшая не помнит меня, какого черта я должен помнить ее? Если бы очная ставка проходила в присутствии адвоката, так бы и случилось. Но адвоката не было. В то время такое случалось. Ну, как же. Гуманные органы наши никого не обвиняют без оснований и не нарушают ничьих прав.

Гронин дал мне понять, что сдержит свое слово. Суд назначит мне условный срок. И я подтвердил, что продавщица выдала мне 400 рублей. Куренная выслушала мои слова с очень натуральным удивлением и подтвердила свои показания насчет 12 тысяч. Гронин зло смотрел на Куренную, но эту бабу трудно было чем-то прошибить.

На суде я в какой-то момент почувствовал себя больше потерпевшим, чем преступником. Попросил слова и сказал, что государство доверило Куренной продажу своих товаров. То есть она не должна была при первой угрозе выдавать деньги. Она должна была сопротивляться. Хотя бы послать меня подальше. Если бы я получил от нее пусть даже такой отпор, я наверняка ушел бы ни с чем.

Судебные заседатели слушали мое странное выступление с удивлением. Даже судья удостоил сочувственного взгляда и принялся нажимать на Куренную. Пригрозил открыть против нее отдельное судебное дело. И в конце концов дожал. Баба с простыми инстинктами призналась, что бес попутал. Для меня это имело значение. Суд обязал меня возмещать только ту сумму, которую я взял на самом деле. А я понял, что у нас есть какое-никакое правосудие.

На суде у меня был последний шанс отказаться от показаний. К этому времени я уже знал от адвоката, что недоказанная виновность равняется доказанной невинности. При этом моя защитница с досадой покрутила пальцем у виска. Другого такого клиента у нее еще не было. Но я не мог. Не мог я встать и заявить, что Куренная потому меня и не опознала, что деньги отдала кому-то другому, не мне. Я будто сам – подсознательно – хотел для себя наказания.

Минимальный срок за разбой был – шесть лет лишения свободы. Получить меньше я никак не мог. Тут Гронин либо переоценил свои возможности. Либо все же морочил мне голову. Ему удалось только убедить судью, что меня можно оставить на воле – до вступления приговора в законную силу. То есть до рассмотрения моей кассационной жалобы в вышестоящей судебной инстанции.

Глава 63

У меня был шанс откосить от срока – уйти в армию. Но после серьезного ножевого ранения прошло всего полгода. Медицинская комиссия признала меня абсолютно непригодным. Теперь оставалась только одна надежда. Вдруг Верховный суд Казахстана скостит срок или заменит его на условный.

Через три месяца я прилетел в Алма-Ату. Милиционер у входа в Верховный Суд требует у меня паспорт. А паспорт – в уголовном деле. Протягиваю комсомольский билет. Вру, что паспорт у меня украли. В здании идет ремонт, всюду леса, работают штукатуры. Коллегия заседает в актовом зале. Судьи сидят на высокой сцене за длинным столом, я стою внизу.

– Приговор остается в силе, – говорит судья-казак, который сидит в центре стола.

Я чувствую слабость в ногах. Ну, вот и всё! Приплыл.

– А ты зачем приехал? На что рассчитывал? Как тебя вообще оставили на свободе с такой статьей? – спрашивает казах.

– Хотел сказать последнее слово.

– Поздно, – говорит казах. – За содеянное надо ответить.

Объясняю, что за те полгода, пока шло следствие, а потом суд, я стал совсем другим человеком.

– Все так говорят. Поздновато наступает просветление, – говорит казах.

Командует милиционеру у входа.

– Под стражу его!

Мент крепко берет меня за локоть. Выходим из здания, где уже стоит милицейская машина.

Сколько лет прошло, а до сих пор не могу понять, чего вдруг я рванул. Скорее всего, со страху. Неволя казалась мне чем-то вроде ада на земле. Бегу со всех ног. Лечу, как горный сайгак. Уж чего-чего, а бегать умею. За мной гонятся, свистят, кричат, но не стреляют. В то время это ментам запрещалось. Ухожу от погони. Но странно – радости нет. Что ж такое, нет радости!

Конец сентября. В Алма-Ате днем так же жарко, как и летом. Сказывается, что город лежит в котловине, окруженный горами. А вот ночью... Не раз уходивший из дома, вроде бы привыкший к ночевкам, где попало, я стал пропадать. Устраиваю себе лёжку из опавших листьев в яблоневом саду. Но листья не греют. В ту ночь резкое холодает. Разболелось горло, к утру поднялась температура. Чувствую, градусов 39, не меньше.

Дожидаюсь, когда в домах на окраине погаснет свет. Едва переставляя ноги, захожу в ближайший из них. Вахтерша дремлет. Похоже, это общежитие. Вхожу в большую кухню. Там никого, пахнет едой. Я голоден, но есть не хочется. Мне нужно только согреться. Слышны голоса. А вдруг

кто-то войдет. Открываю дверцу большого ларя. В нем стоят ведра с овощами и мешки с картошкой, втискиваюсь в свободное пространство, меня колотит, теряю сознание. Прихожу в себя на раскладушке, в маленькой комнатке. На меня смотрит женщина лет тридцати. Говорит, типа, слава Богу, очухался. Я не знаю, что сказать. Мне плохо.

– Вызвать врача?

– Не надо! – дергаюсь я.

И вырубаясь. Прихожу в себя днем. В комнате никого. Кое-как встаю. На столе еда и записка «Я на работе, веди себя тихо, никто не должен знать, что ты здесь, нужное – под кроватью».

В комнате много книг. Они стоят стопами на полу, на подоконнике. Книжки говорят, что Гоя работает в биологии. Пытаюсь что-то съесть и не могу. Хочется только спать. Но сначала в туалет. Оппа, комната без туалета! Только сейчас до меня доходит, что означает слово «нужное». Нужник под кроватью – большая банка с крышкой. Эх... но до чего же неудобно...

Я более-менее оклемаюсь дня через три.

– Меня зовут Гоя, – говорит женщина. – Не удивляйся – я гречанка.

– Зачем ты меня подобрала?

– Такие случаи – задания Господа Бога, – загадочно говорит Гоя.

– Почему не спрашиваешь, как я тут оказался?

– Захочешь – сам расскажешь.

Я рассказываю о своей жизни. Не знаю, что на меня накалило. Ни с кем еще я не был так откровенен. Потом спохватываюсь: а вдруг ей это не нужно?

– Нет, продолжай, – говорит Гоя, наливая мне чай с медом. – У тебя нескудная жизнь.

Я совсем не разбираюсь в возрасте женщин, но чувствую, что она намного старше меня. Это не мешает мне дня через три ползть к ней с нежностями. Никогда еще не жил с женщиной так близко, в одной комнате... Но Гоя не поддержала мой порыв:

– Решил меня отблагодарить?

Чувствую себя засранцем. Спрашиваю, что же мне делать дальше.

– Надо вернуться, – говорит Гоя. – Иначе можно еще что-то совершить и совсем запутаться. Попробуй внушить себе, что ты сам себя наказываешь. Ты как бы не против государства совершил преступление. Государство не сильно обеднело от твоего грабежа. Ты против себя совершил. Вот сам себя и должен наказать.

Никто еще не был вот на моей стороне. Никто так доходчиво не объяснял то, чего я никогда бы не понял своим умом. У нас с Гоей, как говорится, ничего не было. Но иногда мне казалось, что мы любим друг друга. Она была нужна мне, а я – ей. Тем более, что вскоре я пойму: человек в бегах никому не нужен. Даже близким родственникам. Человек дол-

жен жить либо у себя дома, либо у того человека, который его любит.

Я мог бы и дальше жить у Гои, но к ней часто приходили соседки. Всякий раз мне приходилось прятаться. Это унижало и ее и меня. Потом появился молодой мужик. Я понял, что Гоя не так давно сделала аборт от него. Но теперь он, вроде, осознал. Но у них не получилось объяснения. Гое мешал я – за грудой книг. Жить у нее я не мог. Но и сдать ее тоже пока не мог. Было страшно. Решил поехать в Москву, к сестре матери Раисе.

Перед отъездом меняю внешность. Гоя поднимает мне чуб, зачесывает назад. Лицо становится другим, как бы слегка интеллигентным. Покупает галстук, повязывает. Смотрю на себя в зеркале. Другой человек.

Гоя настояла, чтобы я ехал в двухместном купе СВ. Больше солидности – меньше подозрений. Добавила денег на билет. В который раз посоветовала не затягивать с возвращением. Все равно этим все закончится. Выдала напоследок желание, не сказанное кому-то другому:

– Не мешай никому любить тебя.

И тут же добавила:

– Спасибо тебе. Ты меня отвлек.

Я не мог догадаться, за что она благодарит.

– Я убийца, Юра, – сказала Гоя.

Но и после этого признания я ничего не мог понять. Это было написано на моей тупой роже.

– Я убила своего ребенка, – с горечью сказала Гоя. – Я сволочь. Я хотела что-то с собой сделать. Но ты меня отвлек.

Вот, оказывается, почему она сказала раньше про задание господи бога...

На всякий случай я решил сесть в поезд не в самой Алма-Ате, а на пригородной станции. Стекло на доске объявлений «Разыскиваются» разбито. Вижу то, что ищу – свою морду. Теперь я на свое изображение мало похож. Но все же срываю розыскной листок, сую в карман.

Купе закрыто. Стучу, дверь открывается не сразу. В дверях большой мужик с недовольной физиономией. Уже размышлялся, что будет ехать один. Вхожу, снимаю куртку, хочу повесить... и замираю. На вешалке милицейский китель с тремя большими звездами. Мент смотрит на меня так, будто где-то видел. Или у меня мания преследования. Выкладываю на столик испеченные Гоей пирожки с капустой. Пирожки источают аромат домашней любви и снимают напряжение.

– Мать пекла? Ты сам алма-атинский?

– Угу.

Мент наливает в стаканы свой коньяк. Пью осторожно, мелкими глоточками с перерывами, а он крутит меня и так, и эдак. Пытается раскусить. Говорю, учусь в МГУ на журналиста. Чтобы избежать расспросов о Москве, посвящаю в свои творческие планы. Мол, пишу сейчас очерк о работах уголовного розыска. Не могли бы рассказать что-нибудь захватывающее?

Слышу в ответ:

– Знаешь, парень, что больше запоминается? Не то, что раскрыл, а то, что не раскрыл. Это ж висит на тебе, мешает двигаться вперед. Но рассказывать о нераскрытых делах, сам понимаешь, нельзя.

Спрашивает, какая у меня любимая книга.

– «Робинзон Крузо».

– Вот, давай выпьем за него. Мужик выдержал почти тридцать лет и не сошел с ума, – предлагает полковник.

Идеи тостов скоро иссякают. Мент пьет молча, глядя в окно, перетирая свои мысли. Я лежу и думаю, как жить дальше. Перекантуюсь несколько дней у московской тетки, а потом... Ничего путного в голову не приходит. Ясно только, что в Москве больше людей, легче затеряться, хотя там и милиция лучше работает...

Напрягаюсь, когда в купе стучит проводница, от громких голосов в коридоре, при виде идущего по перрону милиционера. Но держу себя в руках. Пару раз в купе заглядывают менты. Заметив висящий милицейский китель, козыряют и закрывают дверь. Благодарю случай, что свел с таким попутчиком.

Но радоваться рано. Похоже, мент заметил, как я моментами цепенею и меняюсь в лице. Начинает посматривать так, будто обдумывает, кто я есть на самом деле. Надо отвлечь его от профессиональных мыслей. Предлагаю сыграть в шахматы.

Однажды в Муромцево отец приносит новенькую, сверкающую и пахнущую лаком шахматную доску. Показывает, как ходят фигуры. В конце урока пишет на внутренней стороне доски: «Сыну Юрию от папы». Ставит дату, расписывается. У отца нет времени учить меня премудростям игры. Покупает мне книгу Майзелиса – для начинающих. Снова подписывает: «Сыну Юрию от папы». Дата, роспись. Отец как бы собирает для самого себя доказательства, как он заботится об мне. Читаю Майзелиса, разбираю партии, вникаю. Появляется мечта – поставить отцу мат. Это не так просто. Он долго думает и берёт неудачные ходы обратно. Иногда одна партия длится весь вечер.

Но однажды моя мечта сбывается – я ставлю отцу мат. Он пытается взять обратно свой последний неудачный ход, но я стою на своем: это не по правилам. Отец обижается, считая мою победу случайной, и долго наказывает меня – не предлагает сыграть еще. Но однажды будто делает одолжение: «Ладно, расставляй фигуры». Снова проигрывает. На этот раз понимает, что это не случайность, и уже не обижается. Но по-прежнему велит расставлять фигуры, что по шахматным традициям делает только слабак.

Проводница приносит доску. Играет мент неплохо, но очень уж медленно, совсем как отец. Я смотрю в окно, теряю внимание, зеваю фигуры. Мент радуется нечаянному выигрышу, опять-таки, как отец. Опьянев, начинает сыпать матюгами и придираться.

– А ты всегда разговариваешь без мата?

– Вас стесняюсь, – отвечаю.

– Хорошо, что не пытаешься меня обмануть. Это еще никому не удавалось, – едва ворочая языком, говорит полковник и впадает в пьяные думки.

И вот позади трое суток пути. Радио играет гимн Советского Союза. Поезд торжественно входит в Москву. Полковник чисто выбрит, от него разит одеколоном. Высматривает кого-то в окно. Со мной прощается рассеянно. Мелькает шаловливая мысль: сунуть бы этому проницательному ментозавру в карман плаща розыскной листок. А раньше мелькала другая, совсем хулиганская мысль: а не стибрить ли у него пистолет? Кажется, я начал преодолевать свои соблазны.

На Казанском вокзале ко мне пристаёт цыганка. Предлагает погадать без денег. Я даю ей ладонь. Ее слова заставляют меня вытаращиться.

– Ты неудачно родился, мой золотой. Но тебе повезет. Только запомни: удачу надо заслужить.

Глава 64

У тетки Раисы я живу всего два дня. Ее сынок, старше меня на 8 лет, сразу просекает, чего я вдруг пожаловал. Предлагает «одно дело». Обещает не обидеть. Я знаю, что он судимый. Нетрудно понять, что это за «дело». Ну, уж нет.

Появляется участковый. Братец, оказывается, под наблюдением. Я успеваю спрятаться. Жить у тетки опасно. А главное – я понимаю, что я здесь не нужен. Точнее, я здесь на хрен не нужен.

На что жить? Деньги на исходе. Где жить? Обхожу дома, заглядываю в почтовые ящики, нахожу забитый газетами, журналами. Значит, интеллигенты. И значит, долго не заглядывали. Ключа под ковриком нет, но дверь неплотная.

Прихожу, когда темнеет: в окнах квартиры света нет. Значит, можно рискнуть. Но мешает привычка, с которой нечего делать в преступном ремесле. Я мысленно ставлю себя на место другого человека. Понравилось бы мне, если бы кто-то в мое отсутствие вломился в мою квартиру? Но сейчас у меня просто нет другого выхода. На вокзале менты потребуют документы и билет. А где еще можно переночевать зимой? Негде!

Замок я не курочу, просто отжимаю неплотную дверь. Потом легкий рывок на себя. Но теперь дверь без ключа уже изнутри не закрыть. Вхожу, навешиваю цепочку. И вот я в

тепле. Правда, холодильник пуст. Но отчасти это даже хорошо. Значит, хозяйева уехали надолго.

Они появляются вечером другого дня. Тревожно звякает цепочка, раздается звонок. Слышатся встревоженные голоса. Открываю балконную дверь, перелезаю через перила, повисаю, прыгаю в сугроб. Все! Больше я незваным гостем не буду никогда. Противно. Очень противно. Просто мерзко. Ненавижу себя. Но куда теперь податься? Холодно. Есть хочется. Спать.

Эту ночь я провожу в гостях у дворника. Парень лет двадцати. Помогаю ему очистить двор от снега. А он не только дворник, но еще и кочегар. В кочегарке тепло и спокойно. Даже музыка есть, старая радиола. Говорю, сбежал из дома. Дворник-кочегар, по глазам вижу, не поверил

– Живи пока, – говорит.

Он иногородний студент. Ему не хватает стипендии. И он не любит шумную общагу. Подсказывает, как заработать денег. Сокурсники собираются разгружать вагоны. Я могу присоединиться.

Станция Москва-товарная – кормилица московских студентов. Сегодня здесь разгружают контейнеры из страны социалистического лагеря. Большие коробки с обувью, одеждой, косметикой. Стоим длинной цепочкой от вагона до машины. Передаем друг другу. Начинаем работу рано вечером, заканчиваем в полночь. Если честно, я уже с ног валюсь. Расчет налом – тут же. Получаю столько, сколько никогда в ру-

ках не держал. Студенты зовут к себе в общагу. Там девчонки ужин сварганили. Выпивка ждет. У меня глаза загораются. «Давай, появляйся», – говорит мне, прощаясь, дворник – кочегар. Ему надо еще снег чистить. «Оставь мне снега», – говорю ему.

В общаге пир горой. Почти по-семейному. На одном конце стола шутки-прибаутки, на другом – умные разговоры. В одной комнате танцуют под радиолу, в другой поют под гитару. Пьяных не видно. Ну, а девчонки... тут вообще нет слов. Специально их отбирают, что ли. Я даже не предполагал, что есть такие ребята, такая жизнь. В голове стучит: я мог бы быть среди них. Как же тяжело мне потом придется – годами вспоминать эту ночь.

Сейчас, когда есть деньги, самое время вернуться в Павлодар. Но мне хочется посмотреть Москву. Слоняюсь по улицам, скверам и площадям. И однажды... это невероятно. На соседнем эскалаторе майор Гронин. Он стоит с красивой брюнеткой, ласково на нее смотрит, балагурит, но что значит профессионал: видит все вокруг.

Сначала он, как и я, глазам своим не поверил. Но увидел мое выражение ужаса и удивления в пополаме, и понял, что это я. Крикнул мне: «Зря!» И тут же вернулся лицом к своей женщине. А я спускался вниз с головой, повернутой в его сторону: неужели не бросится за мной? Нет, на фиг я ему сдался.

Иду к дворнику-кочегару. Он для меня еще одну работу

нашел. Тоже из студенческой подработки. Грузчиком в морге. Возить мертвецов на кладбище. За эту работу платили меньше, чем за разгрузку вагонов. Поэтому пришлось задержаться в Москве.

Окончательное решение сдаться я принял только через четыре месяца после рывка. Не хочу называть побег побегом. Слово «рывок» точнее определяет то, что я сделал. Побег готовят, а тут... Побег обычно связан с риском для жизни. Был ли риск у меня? Конечно, был. Если бы меня загнали в какой-нибудь двор, где не было бы людей, а я оттуда мог скрыться, перемахнуть через забор, то там могли бы и подстрелить. Стрелять запрещалось только на людных улицах.

Явку с повинной надо было продумать. Если схватят на пути в Павлодар или даже где-то в самом городе, даже возле милиции, попробуй докажи, что шел сдаваться. Чтобы не рисковать, проще было сдаться в Москве. Оттуда бы этапировали в Павлодар. Но я понимал, что Гронину из-за меня влетело капитально, и хотел сдаться лично ему.

Глава 65

Через год отец тяжело заболел. У Ирины был очередной курс «химии». Мы приехали в Коломну не сразу. Задержка с приездом была объявлена братьями черствым невниманием к отцу.

Отец тяжело, с легким свистом дышал, громко стонал.

– Не стони, папочка, – просила мама.

– Когда больной стонет, ему легче, – вставила Ирина.

Мама тяжело вздохнула:

– Устали мы от его стонов.

Голова отца лежала слишком низко. Я подложил две подушки, теперь он полусидел, ему стало легче дышать.

– И что мешало так сделать раньше?

– Витя лучше знает, как мне правильно лежать, – сказал отец.

Скрытая жалоба эта прозвучала как-то неблагодарно по отношению к Вите. Брат все-таки заботился, как мог. Но если заботился, так ли трудно было понять, в каком положении отцу легче дышать? У отца мерзли ноги. Я купил грелки. Грелки не помогали, ступни оставались холодными. Я начал согревать их руками. Отец что-то проговорил – я не разобрал.

– Он сказал, что никогда этого не забудет, – подсказала Ирина.

Когда никогда, отец?

– А ведь ты любишь его, – сказала Ирина, когда ехали обратно в Пущино.

Конечно, любил, только это была не сердечная сыновья любовь, а какое-то странное смешанное чувство. Немного признательности за нечаянно подаренную жизнь, немного таинственного голоса крови, немного привычки.

Ирина видела родителей такими, какими они хотели ей казаться. А они относились к ней хорошо. Вывалить ей все подробности моей жизни означало изменить ее отношение к ним. Они бы это почувствовали. Оно мне надо? Оно надо Ирине? Поэтому я ответил: мол, конечно, люблю, только...

– Что же не можешь простить? – спросила Ирина.

Я все-таки рассказал ей о второй своей маме Вале и ее дочке Аллочке.

– Человек должен умирать в душевном покое, – говорила Ирина. – Вам, братьям, нужно сойтись у постели отца, а не у могилы. Пусть он увидит вас в мире и согласии. Стасик и Витя должны понять, что любая обида по сравнению со смертью – просто тьфу.

Я позвонил маме: предложил собраться. Она как бы даже обрадовалась. Конечно, она это организует. Спустя время сообщила мне, когда приедет Стасик. В назначенный час мы с Ириной приехали в Коломну. Но Стасика с Феней уже след простыл.

– Торопились они, у Стасика съемки, – объяснила мама,

убедительно глядя в глаза.

Ага, съемки!

На обратном пути Ирина сказала:

– Все дети, даже самые хорошие, судят своих родителей. Судят даже самых хороших родителей. Знаешь, о чем я сейчас думаю? Наверное, каждая мать должна чувствовать себя виноватой: вдруг что-то не так сделала для своего ребенка? Или чего-то не сделала?

Я слушал рассеянно. В голове были свои мысли. Одна показалась мне дельной. Каждый, кто рождает ребенка, рождает свидетеля на своем будущем суде, а может, и самого судью.

Через неделю стало ясно, что отцу остались считанные часы. В предпоследний его день мама засобиралась к протезисту. Отец попросил ее не уходить. Словно, чувствовал, что мало ему осталось.

– Как я могу отложить? – с удивлением спросила мама. Она уже стояла на пороге, с укладкой волос и покрашенными губами. Ее жизнь текла своим чередом.

– Неужели ты уйдешь? – спросил, тяжело дыша, отец.

Похоже, чувствовал, что сознание покидает его.

– Не переживай. Я скоро вернусь, – сказала мама.

Когда она через час пришла, он еще дышал, но уже не узнавал ее.

В крематории мама стояла с растерянным лицом, успевая с любопытством осматривать все вокруг.

Сказала Катерине громко, как все глухие:

– Смотри, какой гроб Стасик взял напрокат.

Вот зачем она это сказала? Потом подошла к телу отца, склонилась к его лбу. И повторила свою актерскую уловку. Впереди ее лица оказалась ладонь левой руки. Сделала вид, что поцеловала в лоб. А на самом деле коснулась губами своих пальцев.

Стасик подошел к стене крематория, прижался лбом, ударил кулаком. Все, кто заметили этот пафос скорби, переглянулись.

После церемонии прощания гроб двинулся по ленте. Створки раскрылись и сомкнулись за гробом. Я представил, что сейчас происходит. Тело отца выпадает из арендованной домовины и двигается по ленте к топке. А гроб сохраняется для очередного использования.

Стасик, считающий себя христианином, как-то странно сжег отца. Неужели увлекся буддизмом? Это поклонники Будды уверены, что сжигание тела помогает очиститься от предыдущей кармы. А с тем, что карма у отца не ахти, Стасик соглашался. Но выяснилось, что так было просто удобней. Прах отца теперь будет замурован рядом с прахом Полины, который Стасик перевез из Питера.

– Папе *там хорошо*, – сказал на поминках Стасик.

Перед смертью отец посоветовал маме:

– Живи, мамочка, одна.

Мама так и сделала. Теперь она приезжала к нам уже не на две недели, а на месяц и больше. Совала деньги, норвила

оплатить авансом любовь и заботу. Это коробило Ирину.

– А что, больше варенья мне варить не собираешься? – спрашивала ее мама, поглядывая на батарею банок в углу.

– Так я ж вам уже сварила, – смеялась Ирина.

– Молодец, знаешь, сколько у меня нахлебников, – хвалила мама.

Братья приехали на дачу поздравить маму с днем рождения. Витя и Галя были с детьми. Я предложил выпить за здоровье именинницы. Все подняли рюмки, но тут встал Стасик и отменил мой тост. Сказал, что сначала нужно выпить за упокой души умершего отца. Я мог, конечно, возразить. Выпьем, конечно, и за папу, но потом, а сначала давайте – за маму. Но я знал, что за этим последует. Стасик оскорбится и уедет. А мама будет возмущаться: как это я, старший, не уступил младшему?

Стасик объявил Ирине от лица их семьи благодарность. Так и сказал:

– Прими, Ирина, благодарность за маму от всей нашей семьи.

То есть той семьи, какой они считали себя за вычетом нас с Ириной. А Ирина-то думала, что в ней видят родственницу. И ухаживала за мамой исключительно из родственного чувства.

Стасик сообщил, что в последнее время творчески вырос. Дублирует теперь мировых кинозвезд. У него это здорово

получается. Но и снимается немало. Ему явно удалась роль еще одного мага в мистическом сериале. Ему вообще стали нравиться отрицательные роли. В них столько жизни!

В следующее лето Ирина чувствовала, что ей не хватает сил на маму. Но позвонил Витя и огорошил новостью. Оказывается, врачи сказали, что маме осталось жить совсем чуть-чуть. Пусть напоследок порадуется солнышку, щебету птиц, покушает клубники и малины.

В день приезда мамы выяснилось, что она принимает только витамины. Среди привезенных ею медикаментов не оказалось ни одного против онкологии. И вообще, она уже не помнит, когда последний раз была у врачей. И никаких обследований последнее время не проходила.

Только проговорила, что Витя хочет сделать ремонт в ее квартире. (Будто пожить у него никак не могла). А потом поедет с семьей отдыхать на юга.

После этой новости Ирина почувствовала себя совсем плохо.

Утром она сказала мне:

– Сегодня ночью я подумала: интересно, я уже умираю или еще нет?

Нужно было срочно ехать в Каширку. Пришлось сократить пребывание мамы. Узнав о состоянии Ирины, Витя прислал ей ободряющую эсэмэску: «Очень надеюсь на твой сильный характер. Вспомни Солженицына и борись».

На другое лето мама снова приехала на дачу. С прекрас-

ным цветом лица. Витя, который ее привез, о метастазах речи почему-то уже не вел.

Глава 66

Ученый-армянин открыл в Пущино маленький ресторанчик. Честно признался самому себе, что успехов в науке ему не видать. И теперь честно, то есть вкусно и не очень дорого, кормил посетителей.

– Своди маму в ресторан! – настаивала Ирина.

Я не стал приглашать маму. Она могла отказаться. Просто ввел ее в ресторанчик, когда мы гуляли в соседней рощице. И когда усадил за столик, и подозвал официанта, и увидел выражение лица у мамы, понял, как хорошо я сделал, послушав Ирину.

Мама не просто стала лучше выглядеть. Она помолодела. Ее жизнь стала спокойней. Ее одиночество без отца было совсем другим, чем было при нем. Она не боялась что-то не то сказать, что-то не так сделать.

До последнего дня они то и дело «цапались» по пустякам, с пылом молодоженов. Причем, далеко не всегда зачинщиком скандалов бывал отец. Еще в пору моей юности первым барабаном в семье становилась она, моя мамочка. Она выбивала барабанную дробь при малейшем моем непослушании, накручивая отца. А во время экзекуции придерживала его руки с ремнем, призывая к гуманности. После того, как однажды пряжка офицерского ремня нечаянно прилетела мне в щеку, и пришлось лечить синяк компрессом из сырого мя-

са, она вообще превратилась в противницу телесных наказаний. Ей было неловко перед соседями.

Считается, что свою родительскую власть любят отцы. С этим не поспоришь. Но такого рода любовь испытывала и мама. Для того, чтобы справиться со всеми домашними делами и уходом за младшими детьми ей требовалась моя помощь. А поскольку эта помощь нравилась мне все меньше, ей требовалось подчинение, как сержанту в казарме. Я служил ей из-под палки. Поэтому и любовь к себе должен был заслуживать.

Безусловно, она испытывала ко мне материнское чувство. Когда я уходил из дома, она разыскивала меня. Когда я лежал в больнице порезанный в уличной драке, она приносила мне вкусненькое. Чувство это проявлялось в основном, в экстремальных случаях. Но разве этого мало?

Я заказал мясо на косточках по-армянски. Когда официантка отошла, мама сказала:

– Тут же, наверное, все страшно дорого.

– Мама, ты когда последний раз была в ресторане?

Мама сделала вид, что не расслышала. Скорее всего, в годы войны, когда была молода. И приглашал ее, наверное, тот офицер, за которого она думала выйти замуж, но помешало мое присутствие на этом свете.

Она и отец даже в кино ходили крайне редко. Сказывалось обыкновение жизни нашего кормильца. В будние дни он, по его словам, ишачил. С утра до вечера, в любую по-

году «на свежем воздухе», на ногах. В выходные – расслаблялся. По субботам ездил на рыбалку. В воскресные дни играл в преферанс или выпивал на складчинах с соседями. Рыбалка, преферанс и домашние пирушки были увлечениями. Ими трудно было пожертвовать ради кино или театра. А ресторан был всегда прямо дома. Мама стряпала – пальчики оближешь.

Мясо по-армянски мама оценила без слов. Оставила в тарелке одни косточки. Потом мы пили чай с пирожным. Пирожное маме понравилось меньше. Тут у меня был повод вспомнить ее неподражаемые торты.

Выслушав мой отчет о культурном мероприятии, Ирина сказала:

– Мне иногда кажется, что я тебя родила.

Забавно, но я в самом деле слушался ее, совсем как маменькин сынок.

Глава 67

По дороге из музыкалки домой Ирина заходила в книжный магазин. Покупала новинки. В этот раз ей попалась на глаза книга Стасика «Рыжая бестия». Ирина жарила картошку и читала книгу.

– Ай да Стасик! – удивлялась она, отрываясь от чтения, чтобы помешать картошку.

Поделилась прочитанным. Главная героиня у Стасика – необыкновенной красоты и таланта рыжеволосая актриса Майя. Но – несчастная в профессии, затираемая главрежем по прозвищу Мэтр. Во время премьеры дублерша Майя запирает актрису-приму в гримерной и выходит играть вместо нее. Вот такое забористое начало. Неужели не могла дождаться своей очереди через пару-тройку спектаклей? К чему этот скандал, недоумевала Ирина.

Я успел прочесть на обложке слова автора, что книга просится на экран. Поэтому сказал, обдирая головку чеснока.

– Кино любит скандалы.

– Ты дуру-то не валяй, – отвергла мой подход Ирина. – Читатель должен полюбить героя. Или, по меньшей мере, проникнуться к нему симпатией. А тут – какая любовь, какая симпатия? Героиня совершает неслыханную подлянку. Все в шоке. Спектакль на грани срыва. А она – торжествует. И якобы уж так играет, так играет! Нечего мне лапшу вешать.

Не может она в такой хулиганский момент хорошо играть. Если она – нормальная. Доставай водку!

Я полез в холодильник. А Ирина продолжала. Крайне скандален и возлюбленный Майи – знаменитый телеведущий Спиров, этакий любимец женщин, казанова, каковым считает себя и наш Стасик. Но в таком случае, с кого списана Майя? Ее особенность – она рыжая. И Феня по жизни той же масти. Правда, ни разу не актрисуля, но это несущественно. Зато она – главная героиня в книге. Спиров обволакивает бюст Майи плотоядным взглядом и говорит, совсем как Стасик – Фене: «Сисястье мое!»

Но кто ж заболевает раком? А муж Майи – врач, между прочим, как и Полина. То есть Полина превратилась у Стасика в мужика. Но заболевает врач задолго до романа Майи со Спировым. Так что в книге – никакой супружеской измены! Майя очень нравственно «заболевает» Спировым только после смерти мужа.

Итак, реальность художественно перевернута. Заболевает не жена, а муж. Полина, как прообраз, превращается в Топтыгина (прозвище мужа). При этом на обложке проникновенные слова автора – «Посвящается Полине».

Во время болезни Полина вела дневник – показатель ее внутренней силы. Стасик творчески переработал этот документ. В книге о своей борьбе со смертельной болезнью вместо Полины пишет выдуманный Топтыгин.

Заинтригованный, я сам принялся читать «Рыжую бес-

тию». На 270-й странице меня ждали строки, которые объясняли многое.

«В августе проездом из Питера в Москву оказалась двоюродная сестра Майи. (Это меня Стасик называет двоюродной сестрой). Майя (то есть как бы он) после долгой изоляции страшно обрадовалась ее (то есть моему) звонку: «Когда тебя ждать?» – Сестра ответила: «Маечка, думаю, у вас проблем и без меня хватает, давай как-нибудь в другой раз...»

Все правильно. (пишет дальше Стасик) «Спящий в гробе – мирно спи, жизнью пользуйся, живущий...» Через два года у нее (у двоюродной сестры, у меня, то есть) тоже попал в больницу муж (это он Женю мужем назвал) С тем же диагнозом. Случайность? Или кара небесная?»

Так вот почему Стасик так отнесся к болезни Жени! Как же глубоко засела в нем обида. Даже в книжке своей не смог умолчать. Смерть моей дочери, оказывается, кара небесная?! Неужели, когда он говорил Ирине о том, что я не понял, что произошло, имел в виду именно это?

Ай, да братка!

Позвонила Крошка. Сообщила, что собирается в Москву. В смысле, можно было бы встретиться. «Нет, не подумай ничего такого. Просто поболтать».

У метро «Кропоткинская» Крошка сказала, что у нее для меня сюрприз. Дошли пешком до какого-то подвала, который оказался театром. Спустились вниз. Тесно, душно, но

уютно. Сели в зрительном зале размером в четыре автомобильных места. Там уже размахивали веерами десятка два зрительниц. Я начал догадываться, в чем сюрприз, но не думал, что пьеса до такой степени рассчитана на женщин.

Разъехался занавес. Актеры играли азартно и достоверно. Я сразу узнал всех персонажей. И все подробности знакомой истории. Хотя большая их часть была для меня новостью. Это была пьеса о том, как актер решил прославиться. И как он это делал. Это была история Стасика глазами Крошки, которая помогала ему не столько, как подруга Фени, сколько как драматург, избравший эту пару в качестве материала для своей пьесы. Это было неожиданно, коварно, но сам замысел представлялся весьма незаурядным, если учесть, что искусство выше нравственности.

Крошка посматривала на меня. В ее глазах плясали смех и страх, восторг и торжество. Ее пьеса, безусловно, была гораздо интересней книги Стасика, если учесть, что искусство должно изобличать двойственность людей.

Потом мы сидели в кафе на Тверской. Крошка вынула из сумки книгу Стасика. Мол, а теперь прочти его версию того, что было. Я указательным пальцем отодвинул творение брата. Мол, я уже прочел.

Крошка заерзала. Машинально, по странной привычке, наступила мне на ногу. Потянулась к сумке с сигаретами. Вдохнула отраву.

– Ну и как?

А что я мог сказать? Только банальности. Писатель силен теми, кто помогает ему писать. Даже великие нуждались в оценках и подсказках. Но Стасику в этом смысле не сильно повезло.

Крошка подхватила:

– Он называет в своих интервью Феню своим редактором. Значит, она вычитывала книгу. А там столько стилистической архаики и смысловых нелепостей. Так густо этого добра. Местами стыдно читать.

Торжество не сходило с лица Крошки. А я все не мог понять, о чем она толкует. Наконец, догадался, что произошло. Оказывается, юмористическая телепрограмма «бездарного» мужа Игорька отразилась на чувстве Фени к Стасику. Популярность мужа росла, как на дрожжах. Стасик явно отставал. Феня не спешила ехать к нему в Москву. И тем самым вызывала у Крошки праведное нравственное презрение. Но доставалось от нее и Стасику.

– Юра, по известному правилу, только заслуги делают мужчину достойным любви. А заслуги сегодня – размеры гонимых. Игорек обштопал Стасика по всем статьям. Ну и зачем он нашей Фене? Но! – тут Крошка сделала интригующую паузу. – Но! Феня не понимает, что теперь, когда Игорек на белом коне, она ему на фиг не нужна. Она все еще надеется, что Игорек ее простит. А он точно не простит. Но простит ли потом Стасик, что она так долго выбирала?

Я сказал, что мне пофиг, что там выгадывает Феня. Тем

более, что это еще не факт. Вдруг что-то другое мешает ей переехать в Москву к Стасику.

Крошка сказала, что в таком случае она хотела бы пролить свет на правило: никто не может быть влюбленным одновременно в двоих. В своей книге Стасик об этом ни гу-гу. А в жизни что было? Только ленивый не слышал от него, как он любит Полину.

Тут она по сути дела стала пересказывать мне содержание своей пьесы.

А я хотел получить ответ только на один вопрос. Какого дьявола Полина не запретила ставить Стасику фильм «Расплата за любовь»? Крошка удивилась: как я мог пропустить это в пьесе и как же плохо я знал Полину.

– Тебе-то откуда знать лучше?

– От Стасика! – возвестила Крошка. – Он просто не мог не любить Полину, или только делать вид, что любит. Иначе бы она или что-то сделала с собой, или еще раньше умерла. Она была абсолютно зависима от его чувства к ней. И он не знал, что с этим делать. Она говорила ему: если ты меня больше не любишь, то зачем мне жить?

Я припомнил: в пьесе именно так это и подано.

– Юра, как ты этого не понял? – продолжала темпераментная Крошка. – Это была та самая самозабвенная любовь. Полине очень нравилась работа в Алма-Ате. И особенно сам город, где даже зимой можно ходить без головного убора. Это она всем говорила. Но она поехала за Стасиком в наш

стылый, промозглый, неряшливый Питер, потому что здесь Стасику виделся его большой успех. Но этого успеха все не было и не было. И вот – этот сценарий. Полина наверняка видела, что Стасик написал любовную историю – не уровня «Анны Карениной». Но сценарий мог выстрелить. Ее любимый муж был в шаге от первой удачи. От хорошего гонорара, наконец, что тоже имело значение. Наверное, она понимала, что над ней будут посмеиваться. Но готова была все стерпеть. Сама врач, она должна была понимать, чем ей это грозит. Но, видимо, отмахнулась. Мол, переживет. И вот – не пережила. Иммуниетет отказал.

Здесь я предложил Крошке отмотать назад. Как мог Стасик, зная о *таком* отношении к нему Полины, додуматься до идеи такого фильма?

– Ну, знаешь, тут в голову лезут совсем нехорошие мысли, – сказала Крошка.

Тут ее озарило:

– Слушай, а я еще думала, зачем он эту книжку наката. Теперь все встает на свои места. Эта книжка – выступление адвоката самому себе в прозе.

Мы еще долго говорили в тот летний вечер. Крошка тонко разбиралась в стимулах творчества. Пишущая сама, она понимала, что сочинителем двигает главным образом жажда известности и денег. Однако честно и трезво сознавала, что этого мало. Если ты хочешь написать что-то стоящее, ты должен отдать на суд читателя или зрителя не только то, что

любишь в себе и своих героях. Ты должен также показать и рассказать то, что не годится даже для исповеди. Тогда только ты – художник, а не поверхностный, фальшивый нарцисс. То есть. Чтобы стать настоящим художником, нужно отказаться от любований перед зеркалом и копить в себе *содержание*. Иначе что бы ты ни написал, будет смешной позой и примитивным враньем.

Крошка умно рассуждала, а я смотрел на нее и думал: вот кто может мне помочь! В последнее время я все чаще вспоминал сестру Аллу. Я тосковал по ней всю жизнь. Но раньше это было что-то вроде ностальгии. А сегодня становилось навязчивой идеей.

Я сделал запрос в справочное бюро Санкт-Петербурга. Получил ответ. Терехову Аллу Леонтьевну, 1944 года рождения найти нет никакой возможности. Скорее всего, у нее после замужества теперь другая фамилия. Оставалась совсем слабая надежда. Попробовать отыскать по необычному отчеству.

– Крошка, ты такая пробивная...

– Вот не можете вы, Тереховы, не пользоваться бабами, – попрекнула Крошка, выслушав просьбу.

Но согласилась попытаться

Алла

Глава 68

В бегах я резко повзрослел. Нет, голова у меня работала все так же по-щенячьи. Но я по-взрослому понимал, что срок надо отбыть. И так же по-взрослому считал, что сдать надо достойно. Возвращаться в Павлодар поездом я не рискнул. Купил билет на самолет. Был конец декабря. Конечно, хотелось встретить Новый год на воле, а потом уже сдать. Но мысленно я уже был за высоким забором с колючей проволокой, с вышками по углам, с азиатами на вышках.

Ночь я провел дома, а утром отправился в милицию. Со мной шел отец. Хотя ему, наверное, казалось, что я иду с ним. Я шел сдаваться, а он был сопровождающим лицом. Вид у него был хмурый, но в глазах читалось облегчение. Из-за меня его понизили в должности. Он потерял в окладе. Но теперь его служебное положение вскоре будет восстановлено.

Гронин был ошарашен. От неожиданности даже руку протянул. Своим рывком я подпортил ему карьеру. И вот оказалось, что он был прав, оставив меня на свободе. В то время в моде была «ставка на доверие». Эта ставка Гронина сработала. Хотя сейчас, спустя столько лет, я допускаю, что думаю

о нем лучше, чем он того стоил. Он мог просто играть со мной и пудрить мне мозги себе в удовольствие. Настоящий мент- профессионал любит тешить свое самолюбие психологическими экспериментами.

За мной с лязгом захлопывается дверь камеры. В руках у меня «машка» – тощий матрас с пятнами от мастурбаций. Сколько мужиков спало на «машке» до меня? А матрасы не стирают... Эх...

Кладу на общак собранный мамой сидор. Шмат свиного сала, круг краковской колбасы, две банки сгущенки, буханка хлеба.

– Правильно, своё здесь только говно, – говорит развязный малый по кличке Шницель.

Он старше меня лет на шесть. У него странное лицо, симпатичное и в то же время отталкивающее. Хотя, если хорошенько приглядеться, тут почти у всех такие лица.

Каждому достаётся по бутерброду. Старик, которого уважительно зовут Степаныч ем, Шницель отрезает потолще. Но старик не притрагивается к своей доле. Читает в лучшем углу камеры какие-то бумажки. Я ещё не знаю, кто он, но вижу – важная птица.

Шницель больной, если кого-нибудь не высмеивает. Но не боится и сам стать объектом насмешек. Например, по заказу освобождает дурной воздух из кишечника. Издаёт столько неприличных звуков, сколько ему закажут. Жуёт горящую сигарету. Шевелит ушами так, будто они у него на шарнирах.

Тормошит меня:

– Эй, валенок! А ты чего такой молчаливый?

Отвечаю, не подумав:

– Попал в дерьмо – сиди и не чирикай.

Морда Шницеля озаряется злорадством.

– Братва, это что же получается? – говорит он, оглядывая камеру. – Мы, получается, дерьмо?

Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя оправдываться, а я отвечаю, что совсем другое имел в виду.

– А я за такие слова что имею, то и введу, – зловеще цедит Шницель.

Мне пора приподняться, потому что драки не избежать. Но я усилием воли заставляю себя лежать неподвижно. Мне нужно что-то ответить. Иначе эта макака возьмёт верх.

– А ты не боишься, что я очень сильно тебя испугаюсь? – спрашиваю я Шницеля.

Вообще-то, юмор в наших тюрьмах не в цене. Далекое не все его правильно воспринимают и ещё меньше тех, кто умеет юморить в рамках понятий. Но в этом случае камера ржет. Я сам не выдерживаю, тоже смеюсь. Один Шницель стоит возле меня, багровый от злости, не зная, как себя вести.

И тут слышится негромкий, но густой голос старика Степаныча:

– Отстань от пацана, Шницель. Не видишь – он в прострации.

Меня больше удивляет не то, что старик вмешался, а то, что он употребил слово «прострация». Шницель мстительно смотрит мне в глаза и нехотя отходит, губы его шевелятся в беззвучном ругательстве.

Слышу голос Степаныча, обращенные к молодняку в нашей камере.

– Это тюрьма, пацаны, здесь главное – не споткнуться на слове. Думать надо сегодня, а говорить только завтра. Здесь у слов совсем другая цена, чем между вольными. Жить на зоне вообще опаснее, чем совершать преступления на воле. Ты ударился о шконку, у тебя вырвалось: «Ох, сука!» Окружающие вправе спросить: «Кто сука? Кого из нас ты назвал сукой?» Или сказал «блядь» просто так, для связки слов – тоже могут спросить: ты кого имел в виду? А уж послать кого-то на х... – совсем тяжкое оскорбление, воспринимается буквально. Если ты что-то сказал или сделал не так, а окружающие молчат, это говорит только о том, что на тебя копят материал, при удобном случае разом всё припомнят. А если ты сам на кого-то имеешь зуб, никогда не угрожай, лучше молчи, выбери момент и сразу приводи в исполнение то, что решил. Но не тяни с этим. Здесь никто никому ничего не прощает. Если простит, это все видят, и это всегда плохо для того, кто прощает. Вы молодые, ещё ничем не успели испачкаться. Мой долг – вас поддержать... ну а дальше всё зависит от вас самих.

У меня с Шницелем одна шконка на двоих. Только он на-

верху, а я – внизу. Но он все время в движении. Спрыгнет, поговорит с кем-нибудь и снова запрыгнет. Он наркоман, а наркотика в камере нет, у него ломка, вот он не находит себе места. Но мне откуда знать? У меня самого паршивое настроение, а он постоянно наступает мне грязными носками на мою постель и мнет ее. У меня вырывается:

– Что ты прыгаешь, как козел?

Мама дорогая, как же это у меня вылетело?! Я отлично знаю, что оскорбления, страшнее этого, здесь нет.

Камера замирает. Шницель охренело смотрит на меня.

– Ты чего сказал? – спрашивает он. – Ты чего, падла, сказал? Ты отвечаешь за свои слова? Братва, он должен ответить!

Шницеля поддерживают двое-трое, остальные молчат. Молчат, потому что не должен он подключать к ответке других, всю камеру. Сам должен достойно ответить на оскорбление. И в то же время камера любит выступать в конфликтах прокурором и судьёй. На это, видно, Шницель и рассчитывает.

Шницель подходит к Степанычу, который читает раскрытую из трубочки маляву.

– Степаныч, ждём твоего авторитетного слова.

– Уймись, Шницель, – негромко говорит старик. – Ну, чего ты хочешь? Опустить огольца?

– Пусть здоровьем ответит.

– Если молодой остутился, это не значит, что надо отнять

у него здоровье, – говорит старик. – Он же не утверждал, что ты козел. Он сказал «как козел». Это всего лишь сравнение с животным. Конечно, так тоже нельзя говорить. Но он, я думаю, это уже осознал.

– Как скажешь, Степаныч, – с обидой бормочет Шницель. – Ты человек управленческий, тебе видней.

Я в недоумении. Как может Степаныч ограничивать его? Ведь я допустил непростительную оплошность, и Шницель вправе с меня получить.

Камера озадаченно молчит. Камера уже настроилась на развлечение.

– Ну, дай ему пощечину, – говорит старик Шницелю. – Это будет заслуженно.

Шницель подходит ко мне. Пытается меня ударить, но куда ему. Я на полголовы выше и у меня все-таки навыки бокса. Я легко уклоняюсь. Шницель пытается снова ударить – я снова уклоняюсь. Камера начинает ржать. Камера уже отчасти на моей стороне.

Но я не могу давать сдачи. Если я сделаю это, Шницель потребует, чтобы ему позволили получить с меня как-то иначе. Он может *получить* при физической поддержке всей или почти всей камеры. Меня будут держать, а он будет бить.

Я пытаюсь свести конфликт вничью.

– Ладно, Шницель, давай забудем. Я нечаянно. С кем не бывает. Ну, самом деле, остынь. Считай, что я перед тобой извиняюсь.

Шницель стоит передо мной, багровый от бешенства. Шипит:

– Ладно, еще посчитаемся. Не спи теперь, а то замерзнешь.

Теперь он мой смертельный враг. И мы лежим рядом. Для того, чтобы поквитаться со мной, ему не надо далеко ходить. А поквитаться он может не обязательно чем-нибудь колюще-режущим. У тюрьмы на этот счет масса вариантов.

Я начинаю соображать, как выпутаться из такой закрутки. И вдруг слышу, как кто-то говорит Шницелю.

– Шницель! Если ты еще хоть раз! Ты меня понял?

Голос не спутать ни с каким другим. Оборачиваюсь и вижу Макса. Он стоит против Шницеля и держит его за руку. Шницель кривится от боли. Уж я-то знаю, какими тисками может быть ладонь у Макса.

Я соскакиваю с верхней шконки. Мне хочется обнять Макса. Но мало ли, чего мне хочется. Ему достаточно рукопожатия. Но всем понятно, что мы старые кореша.

Пока я бегал по стране, Макс осуществил свой план. Поехал в другой город, это был Омск. Там теперь училась в меде Маля. Ограбил там сберкассу. Был схвачен на месте преступления. После скорого следствия получил червонец и был доставлен Павлодар для отбытия по месту жительства. Теперь нас должны этапировать в одну колонию. И Шницеля – туда же. А Степаныча ждал соликамский «Белый лебедь», где ломали и развенчивали законников. С учетом того, что

сломать его было невозможно, а менты не могли допустить, чтобы он оказался несломленным, его ждала верная гибель.

Блатные предлагают Максу перекинуться в картишки. Он не возражает. Почему нет, можно, но только в преферанс. Он видел, как отец играл в преферанс. Он кое-что смыслит в этой игре. Ему доказывают, что настоящий арестант обязан играть в арестантские игры: стос, бура, рамс. А преферанс – игра фраерская, пусть режутся интеллигенты. Или он, Генри, интеллигент? Интеллигент в тюрьме – считай, слабак, тютя. Но Макс не собирается отказываться от своего происхождения.

– Отец у меня интеллигент, – подтверждает он. – Но я не понимаю, чего ради я должен играть? Я никому ничего не должен.

Нет, парень, так дело не пойдет, говорят ему, если ты в нашем обществе, то ты должен думать о своем авторитете. А авторитет просто так никому не дается. Авторитет приходит вместе с фартом и взносом в общак. С карточных игр берется налог, платит проигравший. Чем больше ты выиграл, тем больше наша общая касса, тем больше твой авторитет.

Ты попробуй, говорят блатные Макс, для настоящего арестанта важны чувства во время игры, это как наркотик. Когда играешь, время пролетает быстро. У тебя сколько впереди? Червонец? Тебе сам бог велел научиться играть.

И Макс начинает осваивать тюремные карточные игры. Он тоже спотыкается на тюремных правилах. Берет с тум-

бочки книгу Шницеля, листает, кладет на место.

– Земляк, а ведь у меня тут сотенная лежала, – говорит Шницель.

Лицо у Макса покрывается красными пятнами.

– Чего ты гонишь? Ничего там не было.

– У меня в книге лежал стольник, – сурово чеканит Шницель.

– Обыщи, – подставляется Макс. – Но если не найдешь, я с тебя спрошу за клевету.

– Пусть тебя менты обыскивают, – отвечает Шницель. – Брал книгу? Брал! Без спросу? Без спросу! Гони стольник!

И опять свое веское слово говорит Степаныч:

– Шницель, если человек не дает себя в обиду, за это наказывать нельзя. Это беспредел. Ты же понимаешь, и мы понимаем, что никакого стольника в книге не было. Последнее дело – искать друг за другом ошибки.

– Как скажешь, Степаныч, – обиженно бормочет Шницель.

Но по нему видно, что теперь у него и на Макса зуб.

Мы с Максом новенькие и поэтому самые интересные. Остальные успели друг другу надоесть. Особенно потешают сокамерников приколы моего кента.

– А жареная картошка будет? – спрашивает он, когда на обед нам дают по куску селедки.

Его шутку встречают со смехом.

– А в американской тюрьме жареную картошку дают, –

говорит Макс.

– Откуда знаешь? – спрашивают его.

– Знаю, – туманно отвечает Макс.

В баню нас водят раз в десять дней. Спасибо, что хоть так.

А Макс недоволен:

– В американской тюрьме душ принимают два раза в неделю.

– Что ты нам бабушку лохматишь? Откуда ты можешь это знать? – говорит Шницель.

Макс понимает, что дальше томить любопытство сокамерников не стоит. И рассказывает о своей жизни в Америке.

– Врёшь! – вопит Шницель. – А ну, скажи что-нибудь по-английски!

Камера замирает. Макс делает эффектную паузу и говорит:

What for will speak something to you, if you all the same understand nothing?

– Братва, я тоже так могу. Это набор слов, – говорит Шницель, но с ним никто не соглашается, и он требует перевести.

– Я сказал: зачем тебе что-то говорить, если ты же все равно ничего не поймёшь? – говорит Макс.

– Это тебе, Шницель, не ушами шевелить, – смеивается Степаныч.

Макса просят рассказать, как он жил за границей. Он вспоминает отца. Отец научил его водить машину, стрелять

из ружья, драться на кулаках, пить водку и при этом не пьянеть. Не отказывал в карманных деньгах.

– Он всё делал весело, сам когда-то учился в английской школе, а там преподают юмор. Он говорил, что даже деньги должны быть весёлыми.

Макса неожиданно поддерживает Степаныч:

– Это правильно, деньги надо тратить весело. Как говоришь, твоя фамилия?

– Магистов.

– А где сейчас твой отец?

– Умер в следственном изоляторе. Никогда ничем не болел и вдруг...

Степаныч отзывает Макса решке, где обычно происходят между сокамерниками все секретные разговоры, и они о чём-то шепчутся. После этой аудиенции Степаныч предлагает Макс попить в его углу чаю. О, это большая честь!

Улучив момент, Макс шепчет мне, не скрывая восторга:

– Ты в курсе, кто этот старик? Это самый главный законник. Его слово-жизнь, его слово – смерть.

От Степаныча не отходят четверо крепких ребят. Они подзывают меня. Старик велит прочесть газетную статью. Я не могу понять, зачем это нужно. Может, какая-то коварная тюремная игра. Читаю длинный абзац.

– Хватит, – говорит Степаныч. – А теперь перескажи.

Степанычу нужно было послать на зоны секретную

информацию, касающуюся высокопоставленного блатного. Макс предложил простой выход из положения. Он передаст послания устно, запомнив их слово в слово. Степаныч устраивает Максиму экзамен. Макс повторяет прочитанный мной абзац почти дословно. Старик доволен. Но он хочет, чтобы я тоже запомнил. Вдруг Макса отправят в другую колонию.

Степанычу около 50, но выглядит он стариком. Я украдкой разглядываю его. Грубое, словно вырезанное из дерева лицо. Череп в шрамах. Когда читает, надевает очки. Здесь не принято смотреть кому-то прямо в глаза. Это означает наглость, вызов. Я встречаюсь с ним взглядом, только когда он говорит.

Макс быстро угадывает, что Степаныч слабо слышит левым ухом, но скрывает это. Все время садится слева, за что Степаныч ему особенно благодарен. Вполголоса излагает нам свое назидательно:

– Не бойтесь смерти, огольцы, и вообще ничего не бойтесь. Здесь ценится смелость и ещё раз смелость. Вот ты пошёл на нож и остался жив. Эта слава будет идти за тобой. Но если ты хоть раз дрогнул... все будут об этом знать, и ты потом ничего не докажешь. Чтобы доказать, тебе придётся пойти на нож и либо погибнуть, либо восстановить себя.

Дверь камеры открывается. Входит здоровенный мужик с прокаленным солнцем лицом. Бывший геолог. Присвоил на найденном

месторождении мешочек

золота. Макс проявляет к геологу странный интерес. Тихонько рассказывает ему о

своей жизни в Америке. Делится сокровенным: оказывается, он давно мечтает стать

геологом. Я удивляюсь: мне Макс ни о чем подобном не говорил.

Потом он подводит геолога к Степанычу, и они долго шепчутся втроем. Геолог скрыл от следствия, где находится месторождение золота, указал на карте совсем другую точку. И теперь сообщил Макс и Степанычу, где оно находится на самом деле...

Макс шепчет мне совершенно счастливый:

– Степаныч сказал, что объявит меня стремящимся.

Стремящимися называют благованных фраеров, желающих посвятить себя блатной жизни и стать со временем ворами в законе. Тех, кто этим *заболел*.

Степаныч продолжает свое назидалово:

– Наши неписанные законы твёрже писанных. Кто расставляет сети, сам в них попадёт, кто роет яму другому, сам в неё свалится, кто точит нож, сам от ножа погибнет. Кто убивает, сам будет убит. Кто приказывает убить, тоже будет убит по приказу. Не спешите с унижением. Унизив, вы унизили и в себе человеческое. Не плодите гадов, их и без того много. Не создавайте обиженных, из них менты создают пресс-хаты. В нашем доме нужно жить дружно, не отталкивая от себя му-

жиков и фраеров. Нож применяется только к гадам, которые ломали или помогали ломать людей. К другим оступившимся достаточно пощечины. Никогда не спешите с ненавистью – всегда успеется. Исходите из того, что ненависть не прекращается ненавистью. Ненависть можно прекратить только справедливостью. Сила должна быть справедливой, а мы – сила. Ведите себя, как культурные люди, чего вам стоит? И прекратите пороченье друг друга. Правда рано или поздно всплывает наружу, и тех, кто порочит чье-то честное арестантское имя, ждёт смерть.

В Степаныче сидит наставник. Ему бы в педагоги пойти. А он в голодные 20-е ударился в поприще карманной тяги. А потом раскрутился, приведя в исполнение воровской смертный приговор.

– Мы зависим только от нашего закона, в этом наша свобода и наша сила, – внушает Степаныч. – Конечно, иногда мы и от ментов зависим. Но и менты зависят от нас. Так что полной свободы нет ни у кого. Ни у них, ни у нас. А на свободе разве есть свобода? Поэтому... Поэтому не надо без повода и нужды драконить ментов. Они должны помогать нам переносить трудности. Тот, кто без нужды драконит ментов, настраивает их против всех арестантов без разбора, тот наносит ущерб нашему святому делу. Но! – Степаныч поднимает указательный палец со сломанным ногтем. – Но мы не должны идти ни на какое сотрудничество с ментами. Нас хотят ссучить – нельзя этому поддаваться. Мы должны упор-

но нести крест чистоты воровской жизни, которая чище, чем государственная конюшня. Разложение грозит нам только в двух случаях: если мы будем творить или закрывать глаза на беспредел, и если пойдем на сделки с ментами.

Самым важным сообщением Степаныч заряжает нас в прогулочном дворике. Мы должны передать на зону приговор на положенца по кличке Носорог. Передать некоему Спиридону, прошляку, сложившему с себя сан вора в законе по причине тяжкой болезни.

– Но учтите, огольцы, – предупреждает нас у решки Степаныч. – Если Носорог переиграет Спиридона, вам не жить. Спиридон уже стар, может проявить нерасторопность. Тут все варианты не просчитать, но я не могу передать депешу с кем-то, кроме вас. Никому нельзя верить. А вам... Вам я верю. Ну, так как? Беретесь?

Прокручивая потом в памяти этот разговор у решки, я не могу не смеяться над собой и Максом. Какими же мы были глупыми и каким хорошим психологом был Степаныч. При этом мне почему-то не хочется осуждать его. Он давно привык ходить по краешку жизни. Поэтому не считал зазорным отправлять на риск других. Это была рутинная специфика тюремной жизни. Нужно было либо сразу отойти в сторону, либо попробовать вписаться. Если бы я был один, я бы ни за что на свете не взялся за это поручение. Но рядом был Макс.

– Сделаем! – Макс поедает глазами Степаныча.

– Теперь о твоём отце, – продолжает Степаныч. – Я полу-

чил информацию. Не прими близко к сердцу, но в одной ситуации он повел себя неправильно. Сказал братве, что арестанты и менты – две стороны одной медали. Мол, мало чем друг от друга отличаются. Это так и в то же время не так. Я бы его понял и переубедил. Но не всем это дано. Братва в камере подобралась мутная, а твой отец не хотел взять свои слова обратно. Но это то, что мне сообщили. А теперь слушай, что могло быть на самом деле. Твой отец отказывался давать показания. Тогда его бросили в пресс-хату к беспредельщикам. Его хотели сломать, но не сломали. И тогда...

Макс слушает с мертвым лицом. И когда Степаныч умолкает, спрашивает:

– Как его ломали?

– Тебе лучше не знать.

– Степаныч, как его ломали? – с напором повторяет вопрос Макс.

Старик поясняет мягко:

– Только не принимай близко к сердцу. Ему отрезали ухо и заставляли съесть. Как настоящий мужчина, он отказался.

Макс оторопело смотрит на Степаныча, в глазах его загорается черный огонёк.

– Степаныч, а ты не можешь узнать, кто его так?

– В этой пресс-хате было трое, – отвечает старик, – двое взрослых и один молодой. Взрослых мне назвали, а насчет молодого пока непонятно. Но это рано или поздно всплывёт.

Он молчит, как-то странно глядя на нас, и продолжает:

– Скоро жизнь начнет разводить вас. Для тебя, – Степаныч смотрит на Макса, – тюрьма – естественное место уже сейчас. А он, – взгляд в мою сторону, – не такой, эта лямка не для него. В нашей системе так построено, что нельзя что-то принять, а что-то нет. А он обязательно чего-то не примет. Но ты не должен осуждать его за это. Он имеет право быть другим. Не убивай его и не приказывай убить. И попомни мои слова. Человек может соблюдать наши законы и быть при этом гадом. А может не соблюдать и быть благородным.

Глава 69

Этапников обычно привозят ночью, чтобы не будоражить зону. А то арестанты сбегаются, создают у ворот толчею, высматривают дружков и врагов сводят счеты, приводят в исполнение приговоры, в ход идут заточки. Одни ЧП и хлопоты ментам.

У меня, Макса и Шницеля ничего не находят, но отделяют от других и ведут в штрафной изолятор. Там велят раздеться донага, заглядывают во все промежности. В туалет не выводят, ходим строго на горшок, и менты проверяют, что вышло. Ясно, что кто-то дунул, что мы едем заряженные, но кто? Тот, кто остался в тюремной пересыльной камере или один из нас троих?

Карантин длится трое суток, неоднократное промывание желудка ничего не дает. 31 декабря озадаченные менты выпускают нас на зону.

Вечером зона, где без малого две тысячи рыл, напоминает муравейник. Арестанты ходят из барака в барак, ищут и находят кайф. Все-таки впереди новогодняя ночь. В толчее мы с Максом проникаем в барак к Спиридону. Спиридон – прошляк, сложил с себя звание вора в законе по причине тяжелой болезни.

Макс сообщает ему секретную директиву Бриллианта в отношении смотрящего (положенца) Носорога. Макс пере-

числяет несколько обвинений. Последний косяк – изнашивание молодого парня, воровского пионера, за невозвращенный проигрыш в карты. Это недопустимый беспредел, и Носорог должен ответить. Способ наказания, подсказанный Степанычем, Макс на всякий случай не раскрывает. Спиридон кивает лысой головой, глаза его вращаются в глубоких впадинах. Он очень худой, странно, как в нем еще держится жизнь, и как он в таком состоянии может организовать на зоне переворот против Носорога.

– Отдыхайте, огольцы, и берегите себя, – он закрывает глаза, устав от разговора.

Я разглядываю издали Носорога. Вообще-то, его зовут Вахтанг. Но кликуха Носорог больше соответствует его внешности. Огромный жирный зверюга с крючковатым носом и отвислой губой. Купе, где он живет со своими прихвостнями, закрыто одеялами. Так блатные скрывают от посторонних противоестественную половуху. За одеялами можно услышать яростный шепот: «Кашляни! Кашляни, тварь!»

Интересуюсь у бывалого зэка. Он объясняет:

– Видишь ли, когда человек кашляет, мышцы сфинктера ослабевают. Знаешь, что такое сфинктер? Не надо таких жалеть, парень. Они знали, на что шли, когда садились играть в карты. Пусть радуются, что проиграли только жопу, а не жизнь

Шницеля мы видим редко. Он, оказывается, работал раньше в прожарке. Теперь ремонтирует здесь сломанное оборудование. В прожарке собираются блатные Носорога, там у них шалман, а Шницель среди них как бы свой.

Специфика работы подсказывает Шницелю, как свести со мной и Максом счеты. Он подбрасывает нам в постели вшей. Мы чувствуем это в первую ночь. Находим. Скандал. Но попробуй докажи. Ясно только, что Шницель теперь под защитой своры Носорога, и нужно торопится.

Макс места себе не находит. Счет идет на часы. Наконец, гонец от Спиридона сообщает, что ночью в больничке будет сходняк и разборка с Носорогом. Макс сияет, это для него шанс попасть в число избранных. Но блатные не просто так находятся в больничке. Каждый придумал для себя благодный повод, благо у каждого букет хронических болезней. А чего там забыл здоровяк Макс?

Ему подсказывают рецепты мастырок. Самый легкий – лить на руку кипяток через тряпку, обваренная кожа напоминает припухлостью и равномерной краснотой гангрену. Или можно проглотить кусочек мыла. Макс глотает – его тут же рвет. Тогда он решается выпить мыльный раствор. Разводит полстакана. Собирается с духом. Кое-как преодолевает рвотный рефлекс. Через полчаса у него начинаются сильные рези в желудке и понос. Это острое кишечное отравление. Он бежит в больничку.

Потом он рассказал мне, как проходил суд над Носорогом.

Дело было глубокой ночью. Подкупленный надзиратель привел положенца в санчасть. Носорог взял с собой четверых телохранителей, таких же битюгов, как сам. На все обвинения твердил одно и то же: Степаныч имеет право единолично короновать, но не имеет полномочий своими решением лишать кого бы то ни было звания вора.

– Вор вору не судья. Судья – только сходняк, – заявил Носорог, и был прав.

Макс сообщил, что своими глазами видел, как пришли малявы от опрошенных воров. Из восьми законников, с кем Степаныч сумел связаться по тюремной почте, ответили шестеро. «И ответ был один: «Носорог виновен», – сказал Макс.

– А это еще что за хрен? – надменно спросил Носорог.

– От Степаныча на этого пацана пришла малява, – сказал Спиридон. – Вася сообщил, что он за него ручается, и гарантировал, что объявит его в законе, если он сумеет наказать за беспредел тебя, Носорог.

– Ну, пусть наказывает, вот он я, – злобно расхохотался Носорог. – Ну, в чем дело? Я жду.

– Я сказал ему, что через минуту он перестанет быть в законе, – вспоминал Макс. – Носорог сказал, что с этой минуты я уже не жилец.

С этими словами Носорог хотел уйти в барак. Открыл дверь больничной палаты, но в коридоре его поджидал изнасилованный им молодой зэк. Он бросился Носорогу на шею

и стал облизывать ему лицо. Носорог изо всех сил пытался освободиться от объятий, но опущенный вцепился в него, как клещ. Даже охранники Носорога не сделали ни одного движения, чтобы защитить его. С этой минуты Носорог сам превратился в опущенного. Кто подсказал Максу такой ход? Неужели сам придумал? Конечно, Степаныч.

Мой кент на глазах становится другим человеком. Специалист рисует на толстом куске картона восьмиконечную звезду, утыкает ее иглами. Прикладывает трафарет к одной ключице Макса и бьет ладонью, потом – к другой. Втирает в ранки тушь.

На другой день наша тумбочка полна продуктов. Называется «воровской хлеб». Я поздравляю Макса с вступлением в воровские пионеры. Макс хватает меня за глотку. Я вырубаясь. Макс отпускает меня. Я долго кашляю и не могу глотать.

– Никогда не говори со мной так. Слышишь? Никогда! – шипит мне на ухо Макс. – Со временем я буду первым номером, как Степаныч. Вот увидишь».

В глазах его блатная отрешенность и неменяемость.

Максом вплотную занимается оперчасть. Новый молодой кум Ферапонт (это фамилия) пытается его образумить. Зона считает, что Ферапонт гэбист, уж больно вкрадчив. Так и есть. Один из двух-трех кумов обязательно направлен КГБ. Должен выявлять врагов государства. Макс наотрез отказывается от работы. Играет в карты и накачивает себя нарко-

той. Ферапонт вызывает мать Макса. Та приезжает на свиданку. Но Макс отказывается выходить к ней. Заявляет, что отныне его семья – это блатные. Я говорю, что это уже чересчур.

– Не лез бы ты в мою жизнь, – цедит Макс. – Мамочка предала отца, а потом меня. Все можно простить, кроме предательства.

За злостные отказы от работы его отправляют в ПКТ – помещение камерного типа. Это тюрьма внутри колонии, но хуже всякой тюрьмы. Все устроено по специальным технологиям. Вроде, есть отопление, но выше 12 градусов камеры не прогреваются. Стены все время влажные. Постельное белье не выдается. Арестанты спят на голых досках, укрываясь эковскими бушлатами, которыми можно прикрыть только половину тела. Рацион вдвое меньше, чем на зоне. Все продумано так, чтобы сломить волю арестанта или подорвать его здоровье. Блатные пытаются передать Максиму курево через шныря – раздатчика пищи, но тот попадает на шмоне.

– Не хочешь помочь кенту? – спрашивают меня.

– Как?

Мне объяснили – меня передернуло от страха. Мне хотелось спросить: почему я? Почему не кто-то из вас? Вы ему ближе. Но я уже знал, что подобные пререкания не приняты. Или ты соглашаешься, и тогда все будет хорошо. Или отказываешься, и тогда лучше было бы тебе согласиться, даже если бы тебя в этом случае пристрелили с вышки.

Я понимал: если откажусь, это будет использовано против Макса. Вот, мол, с кем кентуется. У блатных было странное отношение к нему. Он не был им своим. Хотя он, пожалуй, ни в каком обществе не был своим

Мрачный барак, опутанный колючей проволокой и тонкими проводами сигнализации, ПКТ стоит в запретке, Ночью запретка освещена прожекторами. Если вертухай на вышке заметит, может подумать, что я пытаюсь сбежать из колонии. Но я все же решаюсь. Молодой дури – немеренно. Шью из простыней белый маскхалат. Дожидаюсь, когда начнется сильный буран. Не видно даже вытянутой руки. Хорошо, что запретку обустройствают по принуждению сами арестанты. Легко подлезая под плохо натянутую колючую проволоку (это место я высмотрел заранее) и ползу к изолятору. Это еще метров десять. Стекло в оконце разбито и заткнуто тряпкой. Вытаскиваю тряпку и бросаю внутрь кусок сала, буханку хлеба и мешочек с махоркой. Затыкаю отверстие и ползу обратно. Мне кажется, что ползу в правильном направлении. На самом деле сбиваюсь с курса. Но слава богу все же подползаю к запретке, только в другом месте, где проволока натянута туго. Если пытаться оттянуть, тут же срабатывает сигнализация. Но выхода нет. Оттягиваю колючку – тут же воеет сирена. Вертухай сначала перекрикиваются, потом начинают палить наугад. Но я уже снова на зоне, где меня поджидают блатные дружки Макса.

Макс упорно идет к своей цели. Он должен стать козыр-

ным законником. А для этого ему надо показать себя в героической войне с ментами. Через шныря он просит братву прислать ему иглу от швейной машины. В течение месяца надпиливает ею железные пластины толщиной 6 миллиметров, которыми крепился стол в камере, а потом ломает их вручную. Конечно, ему помогают все, кто сидит рядом.

Ночью, когда пьяная охрана задремала, в ПКТ вспыхнул бунт. Макс и его сокамерники выломали железными пластинами дверь, застали ментов врасплох, отняли у них оружие и ключи, освободили арестантов в других камерах. Спецназ МВД пошел на штурм. На дворе стоял тридцатиградусный мороз, бунтовщиков поливали из брандспойтов... Потом, как водится, били смертным боем. Больше я Макса не видел. По слухам, ему припаяли еще пять лет и отправили в Туланскую тюрьму со спецрежимом.

Через несколько дней ушел на этап и Шницель. Перед отправкой он как никогда много прикалывался и настраивал людей против себя. Мол, ему теперь море по колено. Шницель был похож на этапника, уходящего на другую командировку с опасным спецзаданием, то ли ментов, то ли пиковых. С его натурой он запросто мог работать как на тех, так и на других

Без Макса мне совсем одиноко. Особенно я чувствую это по ночам. Обитатели камеры сопят, храпят, вскрикивают, бормочут, портят воздух. А мне каждую ночь снится один и тот же сон. Я на окраине огромного коричневого города. Там

какие-то страшные коричневые люди. Они ходят, как луна-тики, с протянутыми руками, ощупывая друг друга. Я пытаюсь выбраться из этой толпы и попадаю в подземелье, где коричневые люди покрыты слизью и от них исходит ужасный запах. Я пытаюсь выбраться на поверхность, но не могу протиснуться. И я уже не знаю, в каком направлении идти. Это лабиринт. И вот я уже сам весь в слизи и сам начинаю смердеть... Просыпаюсь в холодном поту и радуюсь, что это всего лишь сон.

Говоря газетным языком, государство дало мне возможность одуматься, может, даже раскаяться. Вообще-то, если даже кто-то одумывается, то без раскаяния. Просто жалко терять здоровье на тюремной пайке, жалко оставленных в неволе лет жизни. И совсем редко одумываются, испытывая чувство вины. Бывалый преступник произносит слово «раскаяние» со смешком – «раскаивание». Зачем оно ему, раскаяние, если есть универсальное самооправдание, взятое из Библии? Мол, Иисус любил злых, а не добрых. Мол, первым в рай Господь впустил разбойника. Мол, на Небесах больше рады одному грешнику, чем девяноста девяти праведникам. Этого достаточно бывалому и не очень умному преступнику. А таковых – увы – абсолютное большинство.

Потом я прочту у Бердяева, что чувство вины – это чувство господина над самим собой. А господин – тот, кто по-настоящему умён. А кто умён, тот живет по моральным правилам. Умному нужно настоящее, а не воображаемое само-

уважение. Это толкование кажется мне слишком книжным. Я нахожу свое, очень простое. Человек должен научиться презирать себя за что-то. Презирать легче, чем испытывать вину. Когда презираешь себя за что-то, в этом и заключается сознание вины, только в непафосном виде. Я презираю себя за то, что я – единственный из Тереховых – попал за решетку. Я презираю себя за что, что у меня не хватило ума и способностей проявить себя в чем-то другом. Наконец, я буду презирать себя, если выйду отсюда и не смогу встроиться в нормальную жизнь.

Глава 70

Что ж. Будем искупать, осознавать, исправляться. Само собой – через честный, добросовестный труд, как значится на лозунге у ворот. Меня отправляют на земляные работы. Копать в январе мерзлую землю – рабский труд. Я могу избавить себя. У меня есть веская причина. Но я об этом молчу. Не хочу делать себе поблажки.

Рано утром нас сажают в грузовики с наращенными бортами (чтобы никто не мог выпрыгнуть на ходу) и везут на объект. Объект – часть степи до горизонта, огороженная колючей проволокой. Здесь будет самый большой в стране тракторный завод.

Бугор выдает каждому бригаднику лопаты, одну штыковую, другую совковую, и отмеряет шагами делянку. Кто сколько должен выкопать на двухметровую глубину. Не меньше десяти метров на рыло. Получаем дрова, разводим костры. Земля промерзла на полметра. Чтобы оттаяла, нужно не меньше двух часов. Грейся и жди.

Уже закипает на костре кружка с талым снегом. Пачку индийского чая туда, и вот уже запаренный чифир идет по рукам. Делаю глоток – никакого удовольствия. «Втянешься», – говорят мне *люди*. А я точно знаю, что не втянусь. Если *людям это* нравится, значит, *это* точно не по мне.

Костер греет только с одной стороны. Спину продувает

степной ветер. Метель. Уже зуб на зуб не попадает. Как же согреться? Жгу больше дров на одном конце своей делянки. Земля там прогревается быстрее. Выкапываю по колено, потом по пояс – уже не так холодно. И вот земля мне уже по горло – совсем тепло. Стоя в траншее, вынимаю землю снизу, не дожидаясь, когда она оттает сверху. Рационализатор, блин.

Бугор, который тоже пьет чифир, первым замечает, что я куда-то пропал. Появляется, смотрит на меня и исчезает. Над мной возникают морды эков.

– Эй, пацан, тебе больше всех надо? А ну, кончай в ездз эту самодеятельность, вылазь нах!

А мне неохота вылезать. Там, *у них*, наверху холодно, а *у меня* внизу – тепло.

– Пацан, ты слышишь, что тебе *люди* говорят?

Как не услышать, если сверху тебя уже штыковыми лопатами тычут, землю обратно ссыпают. Вылезаю с трудом. Выслушиваю проработку.

– У тебя ж, вроде, звонок. Ну и нахрена тебе задницу рвать? Так теплей? Глотни чифирка, и будет тебе теплей.

Это не то, говорю про себя. Вслух нельзя возражать. И без того терпение *людей* на краю. Холодрыга!

– Хорош волынить! Разошлись по своим делянкам! – кричит бугор. И – мне. – Завтра тобой нормировщица займется.

Бугор хочет отличиться за счет моей рацухи*. (*рацуха – рационализаторское предложение, жарг.)

В бараке мне подсказывают: если нормировщица установит, что можно копать быстрее, нормы могут срезать, и тогда... Тогда у меня могут быть проблемы с *людьми*. Очень серьезные проблемы для здоровья.

Как выйти из положения? Выбираю испытанный способ. Выхожу из барака, глотаю большую горсть снега. Для верности глотаю еще одну горсть. Ночью чувствую знакомое першение в горле и легкий озноб. Это примерно 36, 9. Утром говорю бугру, что простыл, иду в санчасть. Медсестра сует под мышку градусник. Точно! 36,9. Но слышу:

– Освобождения дать не могу. 37-ми нет.

Гарантирую, что к вечеру будет 40, даже раньше.

– Вот как будет, так и получишь освобождение.

Криминальная жизнь вредна для здоровья. В опасных ситуациях изнашивается сердечная мышца, развивается эрозия желудка и кишечника. Частое переживание страха вызывает болезнь почек – об этом еще Авиценна писал. Практически все рецидивисты – невротики, что проявляется в истериках по поводу и без.

У меня потеря здоровья протекает на свой лад. Менты на разводе долго считают, ошибаются, пересчитывают. Меня начинает трясти. В машине с высокими бортами меня уже колотит. На объекте у меня почти пляска Витта.

Появляется нормировщица Света в сопровождении ментов. Совсем молоденькая девчонка. Светлые волосы, серые глаза, веснушки, носик уточкой. Подбегает старший куль-

торг (организатор культуры на зоне) Коля Тушкин с фотоаппаратом «Зенит» в руке. Он старше меня лет на восемь. Сидит уже лет пять за убийство своей девушки «на почве ревности».

– Кто тут стахановец? Ты? Набери полную лопату. Подними повыше. Улыбнись.

Света встречает:

– Какое улыбнись? Он еле стоит.

Меня совсем скрутило. Лежу в больничке. Палата на шестерых, а лежим вдвоем. Чахоточный старик и я. Тепло, чисто, тихо. Фигеем от этой благодати. Когда болеешь, бег жизни тормозит, есть время подумать. Который раз спрашиваю себя, как я попал в это дерьмо? Это все деньги. Я помещался на большом куше. Дебильная поговорка «драть, так королев, красть, так миллионы» засрала мне мозг. Недаром эки говорят, что деньги обходятся слишком дорого.

Если деньги – главная вина, надо изменить свое отношение к ним. Отчасти этой цели служит изоляция. Здесь, на зоне, нет открытого оборота бабок. Но эта изоляция не дает нужного эффекта. Преступник выходит на волю с тем же отношением к деньгам, какое у него было до отсидки: бабки – это всё.

Приходит фельдшер из зэков. Велит открыть рот, сует туда столовую ложку. Простукивает спину. Замечает шрам на животе.

– Это что? Операция на желудке?

– Ножевое ранение.

– Почему не сказал? Нельзя тебе лопатой махать. И гланды надо вырезать. Иначе сердце посадишь.

Гланды я решусь вырезать лет в тридцать, когда совсем надоест болеть от малейшей простуды. А пока – до самого конца срока минимум два раза в год валяюсь с высокой температурой.

Каждый день думаю, как же мне себя переделать. В голову приходит совсем взрослая мысль. Человеку нельзя навязать стремление стать лучше. Человеку свойственно сопротивляться давлению. Нужно сделать так, чтобы мне было выгодно измениться. Чтобы я себе при этом стал больше нравиться. Чтобы уважения к себе стало больше. Для начала достаточно много читать. И не дребедень, а умные книги.

На зоне две тысячи экзков. В библиотеке каждый вечер – не больше двадцати. Ну, еще двадцать приходят, делая вид, что читают подшивки газет, а на самом деле, улучив момент, выдирают газету для самокруток.

– Тебе чего? Про что? – спрашивает Тушкин.

А я не знаю. Вообще-то, мне больше нравились раньше книги про путешествия и приключения. Пржевальский, Арсеньев, Миклухо-Маклай, Джек Лондон... Но это раньше, а сейчас чужие приключения меня не увлекают.

– Пройди к стеллажам, выбери сам, – советует Коля.

В библиотеке много старых книг. Брожу среди стеллажей,

пока не натыкаюсь глазами на «Исповедь» Толстого. Открываю. *«Начатое, даже дурное дело, не оставлять никогда, не закончив».* О, это про меня! Надо почитать.

Коля Тушкин заводит на меня формуляр. Покупаю в ларьке тетрадку, выписываю из «Исповеди» Толстого мысли. Он пишет словно про меня и про всех, кто меня окружает.

«Большинство людей живут так, будто идут задом к пропасти»...

«Я очень дурной человек, очень туп к добру... и потому мне необходимы большие усилия, чтобы не быть совсем мерзавцем»...

Туп к добру – это как? Это что означает? А я – туп или не туп?

Не брать карт в руки.

Жить всегда одному.

В последних страницах книги читаю: *«Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды музыков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, лободдеяния всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершил... и за все это меня считают... сравнительно нравственным человеком...»*

Толстой будто специально портил свой образ. Зачем он это делал? Только с годами я стал догадываться. В этих самообвинениях – профилактика будущих грехов. Хотя, возможно, есть и другое объяснение. Толстой хотел покаяться

здесь, на земле, еще живым, задолго до своего судного дня. Хотел умереть с правдой о себе.

Я тоже пытаюсь исповедоваться перед самим собой. Но у меня, как у Толстого, даже близко не получается. Я очень духовно примитивный, и стать другим у меня нет шансов. Если бы кто-то повлиял, но кто, если тут сплошь такие же, если не примитивней. Только позже я начну понимать, что иногда можно извлекать полезные выводы даже из окружающего дерьма.

Я знакомлюсь в курилке с голубоглазым осетином. Зовут его Асхар. Он якобы княжеского рода, где было много блондинов. Я простодушно удивляюсь. Ну, а почему нет? Я еще не знаю, что тут любят сочинять мифы о себе. Но тут же узнаю от Асхара, что сидит он за кражу барана. Хотел отметить свой день рождения, угостить ребят из стройотряда шашлыком по-осетински. Не думал, что чабаны хватятся. Взяли его с поличным, когда разделявал тушу. Еще больше удивил меня Асхар, когда спросил совета. Невеста приехала, хочет его видеть, добилась свидания. Не верит, что он мог украсть. Вот что ей сказать? И вообще, идти на свиданку или не идти?

Осетинскому князю стыдно перед самим собой, стыдно перед своим родом. Стыдно перед невестой. Это понятно. А стыдно ли мне? Я никакой не князь. И сижу не за барана, а за разбой. На зоне, можно сказать, престижный уголовный грех. С этой мыслью я ложусь спать, а задолго до подъема

будит наш отряд дневальный, инвалид, отрубивший когда-то себе на лесоповале часть ступни: «Кто еще захочет на тот свет, сделайте себе сначала клизму! Я не обязан убирать чье-то дерьмо»

Ночью в курилке князь Асхар сделал себе харакири. Люди толпились там, пока не появились менты. Я не пошел смотреть, не смог. Рассказывали, Асхар вспорол себе брюхо на совесть. Умер, держа в руках клубок своих кишок. Все знали, за что он наказал себя, но никто его не понял. Я понял только много позже.

Глава 71

Меня переводят на «облегченный труд». Таскаю с напарником бревна к пилораме. Волоком. Пилорама превращает бревна в доски. А равняет доски по краям циркулярная пила. Мне эта работа понравилась. Древесина приятно пахнет, и в столярке всегда тепло. Мы с напарником выполняем две нормы. Менты подозревают нас в приписках, устраивают хронометраж работы. Появляется Света. Щелкает секундомером. Изображает безразличие и строгость. А меня как-то странно начинает лихорадить. Ничего не могу с собой поделывать, руки дрожат. Запарываю две доски.

– Давай еще раз, – требует Света.

Совсем сбавляю темп. Тяну время. Не хочется, чтобы она быстро ушла.

– Что-то не пойму. По-моему, ты дурака валяешь, – говорит Света, – Ладно, приду завтра.

На другой день к моему станку даже не приближается. Ну и ладно. Работая, заглядываю в записную книжку. Там десять английских идиом (английский – язык фразовый) и двадцать слов. Дневная норма.

После обеденного перерыва подходит. Спрашивает, стараясь перекричать шум станков в столярке:

– Что это у тебя?

Показываю записи в блокноте.

– Я тоже учу, – говорит Света, – Так, для общего развития.

Надзиратель тут как тут. Чует, что у нас неформальный разговор. Кладу на циркулярную пилу доску – Света включает секундомер. Начинаем хронометраж. Выбираю момент, когда надзиратель отвлекается:

– Можно, я напишу тебе?

В ответ знак глазами: можно.

Меня воротит от зэковской жратвы. В алюминиевой миске плавают то свиные мозги, то верблюжьи уши, то бараньи яйца. Не лезет в рот и пшеничная (не путать с пшенной) каша, или «кирза». Чуть остыв, она приобретет цвет кирзового сапога. Но второе блюдо все-таки ем: другие каши, рожки, макароны. Потом макаю кислый хлеб в сахарный песок, запиваю кипяченой водой. Хочется сразу отправить в рот кулек с недельной нормой сахара в 100 граммов. Но лучше все-таки макать хлеб в сахар неделю, чем уничтожить его одним махом.

Мама привозит раз в три месяца передачи, 5 кг. Она в своем репертуаре: «Ты, небось, с кем-то делишься? Ешь сам. Я тебе привожу, а не кому-то еще». Интересуюсь, как там братья. Родители должны были как-то объяснять им, куда я девался и почему так долго не возвращаюсь домой. Мама не скрывает, что в воспитательных целях страшит их моим примером. Вот, не будете слушаться, пойдете следом за старшим братом. Меня, стало быть, используют теперь, как наглядное пособие. По методике «в семье не без урода».

Я все чаще думаю: лучше бы они не сходились. (Якобы из-за меня). У папы была бы Валя. У мамы – тот летчик, который не мог на ней жениться. (Опять-таки как бы из-за меня). Жил бы я у любимой бабуси, не сменил бы за десять лет учебы восемь школ, не скатился бы с хорошистов в двоечники, и не превратились бы для меня деньги в предмет криминальных грез. Меня наверняка забрала бы к себе тетка Лидия, которая не могла иметь детей.

Отец приехал на свидание один раз, ближе к концу срока. Я понимал, почему он не приезжал раньше. Он предчувствовал, что это будет для него мучением. Но это стало мучением и для меня. Нам не о чем было говорить. Я тогда еще сделал вывод: если сыну не о чем говорить с отцом, если отцу не о чем говорить с сыном, это чужие люди.

Ко мне долго присматривался Левка Слезовский по кличке «Слеза». Одесский налетчик на банк. Срок у него самый большой на зоне – 25 лет. Отбыл 13. Амнистиям не подлежит. Предложил, как говорят на зоне, кентоваться. То есть дружить. Сам я бы не посмел.

– Ты налетчик, я – налетчик. Нам есть о чем поговорить.

Но мы ни разу не поговорили о своих похождениях на воле. «Слеза» давно охладел к этой теме. Он очень ловко скрывал свое презрением к уркам. Но от него не укрылось, что я стараюсь держаться от них подальше, никак при этом не выделяясь.

У нас общий недостаток – мы оба совсем отощали. Левка

за 13 лет так и не смог привыкнуть к зэковской хавке. Мне иногда кажется, что он и в начальство-то выбился, чтобы решить эту проблему. Повара его подогревают мясом, белым хлебом. «Слеза» делится со мной, я с ним – мамиными передачами. Мы, по зонавским понятиям, семья. Семья – это когда зэки вместе едят.

Каждый субботний и воскресный вечер за зоной играют пластинки, слышен смех. Там танцплощадка. Число зэков, гуляющих по «аллее дум», становится заметно больше. Прохаживаясь по аллее, делают вид, что заняты разговорами друг с другом, а на самом деле наслаждаются тоской. Молодых заметно больше. Они переживают сильнее. Вообще, сидеть молодым или зрелым – это далеко не одно и то же. Зона в восприятии подростка и взрослого человека – это две разные зоны. Сидеть молодым – не то же самое, что сидеть опытным и успевшим насладиться.

Ученые установили, что наиболее счастливым человек чувствует себя с 18 до 23 лет. Это связано с высокой сексуальностью возраста. Отсюда вывод. Если тебе положено быть счастливым, а ты сидишь, лишенный проявлять свою сексуальность, то ты особенно несчастен.

Самые затруханные простыни здесь у нас, молодых. И нечего этого стесняться. Монахи не стесняются своего удручения плоти по-монастырски. А зэки – те же монахи, только грешные и особо грешные. Левка сам себя называет затруханным. С одесским юмором утешает меня: мол, от частых

занятий сексом развивается ранний склероз.

«Слеза» обхаживает сразу нескольких вольных фемин, приходящих на зону по делу. Сотрудницы санэпидстанции, технологи швейного производства, преподаватели профтехучилища, школьные учительницы. Но какая из них помогает ему развивать склероз, я могу только гадать. Обсуждать эту тему у нас не принято. Как настоящий друг, Левка находит мне кандидатуру для случаев. Это толстая тетка лет сорока. Она каждую неделю приходит травить мышей и крыс вместе со своей напарницей, такой же старой и толстой. Олег обещает создать условия. Я отказываюсь – мне противно.

– Ну и дубина.

Преступников можно условно поделить на две основные категории. Есть преступники порядочные, и есть не порядочные. Порядочный предпочитает совершать преступление в одиночку. Погорел – отвечает только за себя: его никто не сдаст и он – никого.

Порядочный, как правило, выбирает преступления с риском попасться с поличным, или быть раненым или убитым. Порядочный не унижает и не убивает потерпевшего или свидетеля, хотя знает, что и те, и другие могут его опознать. К не порядочным можно применить художественное определение Достоевского – это «чистокровные подлецы».

«Слеза» – порядочный налетчик. Кассирша банка высокой грудью загородила сейф с деньгами, а ключи спрятала

себе в трусы. Левка мог пристрелить ее и завладеть сейфом. Но – не смог. Мог залезть в трусы, но не стал. За это его уважают менты. И он – самого себя. И я – его

Света пишет мне письма и незаметно подбрасывает, когда бывает в столярке. Письма ее пахнут духами. Наверное, специально на них брызгает. Сельская девчонка из Алма-Атинской области, закончила строительный техникум, направили сюда по распределению.

Пишет мне по субботам и воскресеньями длинные письма. Из этого я делаю вывод, что она никуда не ходит. «Подруги – на танцы, а ты дома?» – «Мне там скучно, – отвечает она. – Мне интереснее писать тебе».

«На свободе столько парней. А тут надо ждать неизвестно сколько», – пишу ей. «Подожду, – отвечает она. – Мне нравится ждать и верить».

Обычные ее вопросы кажутся мне необыкновенными. «У тебя такое уже было?» – спрашивает она. Это она про любовь. Из чего я заключаю, что у нее еще не было. Света уверена, что мне не придется сидеть до звонка. «Это было бы слишком несправедливо».

Света хочет принести блок сигарет. Она часто бывает в библиотеке. Ей ничего не стоит пронести. На вахте ее не обыскивают. Я отказываюсь.

«Ну, почему я не могу что-то сделать для тебя?» – спрашивает Света.

Я не могу объяснить, почему мне такая поддержка была

бы неприятна.

Мы распалили друг друга письмами. Нам нужна встреча. Свидание возможно только в библиотеке. Света приходит, якобы за книгой, а я уже там, среди книжных стеллажей. Это одно из немногих укромных мест на зоне. Когда она оказывается рядом, нас обоих охватывает ступор. Лицо Светы становится пунцовым. Я прижимаю ее к себе. Мне хорошо, как никогда в жизни.

Неожиданно – голос Тушкина. Чего его принесло? Он уже не культорг. Он скоро уйдет на этап. Убийце девчонки полагался перевод в другую колонию, на строгий режим. Наверное, видел, как Света вошла в административный барак. У Коли свои виды на нее. Но «Слеза», который стоит у библиотечарской стойки, не дает Коле пройти к стеллажам.

Тушкин громко спрашивает:

– Светка, ну как? Нашла что-нибудь интересное?

Света не может ответить. Ее рот занят, я целую ее.

Левка говорит Тушкину впрямую:

– Сядь, почитай газетку, успокойся. Не мешай человеку.

– Светик, ты где? – игриво спрашивает Коля.

Поправляя прическу, Света отзывается:

– Ну, чего тебе?

– Ты уверена, что выбрала ту книгу, которая тебе нужна? – спрашивает Коля.

– Отвяжись!

Света хватается первую попавшую под руку книгу и вылета-

ет из библиотеки. Наше первое и последнее свидание окончено. Я злюсь на Тушкина. Прибил бы, гада. Но злость быстро проходит. Вспоминаю каждый миг встречи со Светой. Удивляюсь, сколько во мне, не знаю даже, как назвать. Нежности, что ли. Ощутить это было очень важно для меня в тот момент. И еще важнее – хранить память об этой нежности остальные годы.

Перед уходом на этап Тушкин сдал нас ментам. Света живет в общежитии, рядом с колонией. В ее отсутствие Феррапонт незаконно делает у нее обыск. А она хранит все мои письма. Феррапонт кладет передо мной целую пачку.

– Твоя писанина, Ромео?

Отпираться от своего почерка глупо. Но, пардон, какого моржова этот допрос!

– Писать не запрещено, – отвечаю.

– Тебе не запрещено, а девчонка подписку давала не вступать ни в какую связь с осужденными. Подставил ты ее.

Феррапонт развлекается – устраивает нам как бы очную ставку. Света плачет. Надеется, что администрация ограничится выговором. Еще не знает, что система не прощает.

– Кончай сырость разводить, – говорит Свете опер. – Будешь писать теперь совершенно легально. Никто вашу связь пресекать не собирается. Можете даже попрощаться, даю одну минуту.

Выходит из кабинета, ну просто лапка-душка.

– Я ни о чем не жалею, подумаешь, потеряла работу, найду

другую, я буду писать, – залпом проговаривает Света.

Я обнимаю её, прижимаю к себе. Я благодарен ей. Целых два месяца я жил с радостью в душе. Сердце не высыхало, как у всех высыхает в неволе. Но я знаю, что мы никогда уже не увидимся. Впереди еще четыре года. Это много.

Глава 72

«Слеза» – зэковское начальство. Называется – председатель совета коллектива. Коллектива числом две тыщи рыл. Он – как бы глава самоуправления. Но красную повязку не носит, в подлянках не замечен. Ему поручено найти замену Коле Тушкину.

Левка остановил выбор на мне. Я сначала подумал, что это прикол. Мне всего 21 год. Я – салага по сравнению с 90 процентами контингента. К тому же я люблю одиночество. А культоргу надо быть в муравейнике зоны.

– Ты хотя бы ради своего здоровья согласишься, – говорит Левка.

Старший культорг – важная птица на зоне. Повара с этой птицей обычно хотят дружить. Но я ничего не умею из того, что должен уметь культорг. Фотографировать, проявлять и печатать пленку, делать радиогазету, ставить концерты художественной самодеятельности...

«Слеза» стоит на своем – у меня получится. Я соглашаюсь при одном условии – красную повязку я не надену. У меня все-таки репутация «правильного ффраера». Зона отнеслась к назначению спокойно. Позади у меня рытье траншей под фундаменты, бетонирование, кладка кирпича, заливка рубероида на крыше кипящим битумом, распил бревен на пило-раме, резка досок на циркулярке, пошив спецодежды.

Очень скоро я понял, что отказываться от места культорга было несусветной глупостью. В этой должности я многому научился. Освоил фотографию. Научился выпускать радиогазеты. Радиоузел был на вахте, там же, в камерке, хранилась фотоаппаратура. Только там, за пределами зоны, я мог проявлять пленки и печатать фотографии. Вертухаи просили их сфотать – как можно было отказать? В благодарность они закрывали глаза на пронос кому-то внеочередной передачи. Так я мог заработать на этом «импорте», скажем, блок хороших сигарет.

В камерке стоял большой приемник. Я слушал иностранные радиостанции и отрабатывал английское произношение. Инглиш я начал с нуля, и сделал открытие – оказывается, мне нравится чему-то учиться самому.

Мой гражданин начальник, замполит Петухов, бывал в своем кабинете на зоне не больше двух часов в день. Все остальное время я мог быть там один. Эта возможность уединиться была теперь моей свободой.

Но свобода в пределах этого кабинета мало чем отличалась от свободы в пределах одиночной камеры. Это я понял позже, когда заметил у себя стремление к уединению. Этот синдром камеры-одиночки будет потом сидеть во мне всю жизнь и отражаться на выражении лица. Замкнутость и надменность очень похожи.

Позади у меня уже три года отсидки. Я чувствую, что го-

тов к свободе. Но впереди еще три. Зачем я буду сидеть? Какой в этом смысл? Это наказание страшнее вины. Но у Фемиды не аптекарские весы. Фемида отмеривает срока на глазок. Не нравится – не совершай.

По наблюдениям за собой и другими делаю выводы.

Три года неволи – это полное привыкание и угасание надежд. После трех лет дальнейшее пребывание за решеткой не дает никакого перевоспитывающего эффекта.

Пять лет – эмоциональная анестезия. Снижение, а затем полная утрата способности чему-то радоваться. Прогрессирующее угасание умственных способностей. Правильно говорится: ум простор любит. А в колонии какой простор? Жизнь – в движении. А в неволе – какое движение?

Более пяти лет – тюремная мизантропия, практически непрерывная угрюмость. Это ждало меня впереди.

В 60-е годы Система отказывается от малограмотных тюремщиков, заменяет их молодыми мужиками, в основном филологами. Мой шеф, замполит Петухов, из этого призыва. Он здоровается с нами, «крепостными» (*крепостной – заключенный, жарг.) за руку. Во время беседы угощает сигаретами. Шутит, что грех обогащает человеческий опыт, но обогащает и общение с грешниками. Подбадривает: мол, для кого-то эта отсидка – необходимое в жизни несчастье. Сыплет мудрыми мыслями, которые без записи не запомнить. Типа: «если мы принимаем людей такими, какие они есть, мы делаем их только хуже, а если же мы трактуем их, как

если бы они были таковы, какими они должны быть, мы помогаем им стать такими, какими ни способны стать».

До меня смысл доходит туго, но я понимаю, что у Петухова нет гонора нормального человека. Нет превосходства над нами, не нормальными. И тем самым он уже на нас хорошо влияет. Это важно, очень важно не считать себя третьесортным здесь, где ты никто.

Петухов шутит, что каждый порядочный «тухлый мент» должен помочь освободиться хотя бы одному «подлому зэку». Благодаря его пробивным способностям, Левке сокращают срок до отбытого.

Петухов пытается таким же макаром освободить меня. Я уже отрастил волосы на палец. Уже размышлялся, как буду жить на воле. Учиться очно, конечно, не получится. Да мне и не надо. Буду зарабатывать. Но где? Как? На стройке, где ж еще. Я тогда перебрал с своими мечтами-миражами. Из-за этих грез наяву мне совсем перестала глючиться свобода. Однажды приснилась только цыганка: ну что, заслужил свою удачу?

Не прокатило. Дотошный судья, листая дело, наткнулся на упоминание о побеге. «Почему не добавили срок?» А я откуда знаю? Значит, пожалели. Учли, что сам явился с повинной. Похоже, судья был не в настроении. Отказал в сокращении срока и вынес решение – перевести в колонию строгого режима.

Соседи по шконкам посоветовали утешиться кодеином,

дурью и цифиром. Я обдолбался этим коктейлем. Менты усадили меня в холодную камеру изолятора, а утром выгнали на этап. Благо, зона строгого режима стояла рядом.

Там мне нашли применение – приставили к заезжим московским криминологам. Они проводили анонимное анкетирование – я должен был находить для них зэков, которые бы на это согласились. Я прислушивался к разговорам ученых и что-то мотал на ус. Потом и меня проанкетировали. Я должен был вывернуться наизнанку. А мне самому это было интересно. Научиться понимать себя – интересней, чем понимать других.

Я начинаю писать что-то вроде заметок. Это краткое описание пути к самому себе. Как я менял свою психологию. Заметки попадают местным журналистам. Потом – первому секретарю обкома комсомола Литвиненко. Это он создал первый студенческий строительный отряд. Экстравагантный парень. Белая ворона в комсомоле. Ему приходит в голову идея добиться моего помилования и поручить мне работу с трудными подростками.

Литвиненко приезжает в колонию. Мы ведем долгий разговор. Мне осталось досидеть чуть больше года. Потом я буду свободен. Если же удастся освободить меня раньше, я буду обязан отработать эту милость. То есть буду отчасти несвободен.

К тому же я не был уверен, что из меня получится какое-то подобие Макаренко. Был только один несомненный

плюс. На свободе я буду хоть кому-то нужен. И сразу получу работу. У Литвиненко было свое представление о плюсе:

– Ты станешь тем, чего потребует от тебя работа. Твое дело тебя же и сделает. Понимаешь, о чем я?

Нет, я тогда не очень понимал, о чем он толкует. Понял позже, когда прочел слова Сервантеса: «Каждый из нас – сын своих дел».

Через четыре месяца мне пришла помиловка.

Я провел в клетке 60 месяцев и вышел энтузиастом-бесребреником, хотя изрядно отощавшим. Меня ждала работа без выходных и праздников, и зарплата размером с прожиточный минимум. Биография моя была замарана подсудностью. Но на свободе меня ждало самое главное, что обычно не ждет «откинувшегося» зэка. Я был нужен.

Матрос Селькирк (прототип Робинзона Крузо) за четыре года одиночества разучился говорить. Среди неприятных последствий своего одиночества в муравейнике зоны я сразу отметил неспособность чему-то радоваться. Даже освобождение само по себе ощутил с безразличием.

Я возвращался в Павлодар. Спустя пять лет это был совсем другой, заново отстроенный город. Пятиэтажные дома, никакие не хрущобы, асфальтированные и освещенные улицы, хорошо одетые люди, которых по ночам уже никто не раздевает. Наверно, если бы мы приехал в такой Павлодар, жизнь моя сложилась бы иначе.

На утренней планерке первый секретарь горкома комсо-

мола представил меня аппарату. Вот у нас появился новый сотрудник, будет заниматься подростками. Прошу, как говорится, любить и жаловать. И многозначительно прокашлялся.

Про себя секретарь крыл своего начальника Литвиненко почему зря. Сам мне потом признался: «Надо же такое отчебучить – парня, исключенного когда-то из комсомола, отбывшего срок за разбой, из зоны – сразу в горком! Где это видано, где это слыхано?»

Дал мне стол с телефоном – работай! Я отработал восемь лет, с дилетантской бесшабашностью, на грани фола. Хотя и с некоторыми озарениями. Еще в колонии я вчитался в Макаренко. Его книга «Воспитание молодежи» показалась мне занимательней детектива. Хотя поначалу я не все в ней понимал. Но я отдавал себе отчет, что опираться только на Макаренко я не смогу. Другое время и я – другой. Я перебрал в памяти свою уличную жизнь. Это был мой единственный жизненный опыт, на котором я мог что-то построить. Вспомнил, конечно, как меня воспитывали дома. На улице было лучше. Хотя моментами гораздо опасней.

На улице очень важно быть защищенным. Или хотя бы пребывать в иллюзии, что в трудную минуту не останешься один. Важно ощущение защищенности. Этого не было. Наша компания была слишком слаба. Но ведь и дома не было защищенности.

Эту мысль надо было додумать. И я додумал. Подросток

должен быть частью надежной силы. Но из чего должна состоять эта сила? Может, из нескольких десятков хороших ребят? То есть нужна организация, которая защитит, как от улицы, так и от родительского насилия. Которая станет для подростка родной семьей.

Школа навязывала мне знания, которые никогда негодились в жизни. Но я должен был мучиться. Школа мучила меня. Но мучило и воспитание родителей. Из этого я сделал вывод, что настоящее воспитание должно быть незаметным, как воздух, которым мы дышим.

Я не уважал ни учителей, ни родителей. Но понимал, как важно для подростка испытывать уважение, хоть к какому-то взрослому. Но с чего должно возникнуть такое уважение? Взрослые делились в моей голове на две категории. Одним я был безразличен. Другие навязывали мне себя. Так нельзя. Подростки сами должны выбирать себе воспитателя. Точнее, должны иметь право решать, готовы ли они признать власть над собой того или иного взрослого.

Мое воспитание должно делать то, что школа делает кое-как. Готовить к взрослой жизни. Учить подчинению. Учить руководству. Учить быть лучшим или одним из лучших. Не быть лентяем и белоручкой. Быть хорошим товарищем. Преданным другом.

И это должно быть воспитание в испытаниях. В преодолениях, которые давали бы право себя уважать. Подросток хочет быть героем собственной жизни. Значит, надо ему та-

кую жизнь организовать. Это должна быть отчаянная педагогика, черт побери!

Такой она и получилась в реальной жизни.

Глава 73

Через неделю после освобождения я встретил Лизу. Как бы нечаянно, что отчасти не удивительно – жили мы в соседних домах. Она была все такая же фигуристая, только в глазах было много грусти и даже отчаяния.

Лиза закончила медучилище, но в медсестры не пошла. Закончила пединститут, но работать в школе не захотела. Работала корректором в областной газете. Недаром грамотнее всех в нашем классе писала диктанты.

Мы сидели в кафе. Вспоминали одноклассников. Я спросил обо всех, кроме Мали. Ждал, когда Лиза сама о ней что-нибудь скажет. Так и не дождался. Это было странно. Всё-таки близкие подруги.

Наши одноклассники уже переженились, обзавелись детьми. А Лиза засиделась в девках. Я смотрел на нее с большим удивлением: почему?

– А ты не догадываешься? – прошелестела Лиза.

Когда так говорят, двух мнений быть не может. Но я всё еще сомневался.

– Да ладно тебе!

У Лизы навернулись слезы.

– Разве такими вещами шутят?

Я взглянул на часы. Было около одиннадцати вечера. Я засобирался домой. Честно сказал, что комендантский час

для меня отец не отменил, хотя мне уже четвертак. Лиза догадывалась, что у меня с родителями трудные отношения.

– Это не страшно, придешь утром, – сказала она.

У нее были наготове ключи от чьей-то квартиры.

Не в моем положении было отвергать такое предложение.

С этого момента Лиза до самого утра как-то многовато смеялась. С хиханьками-хаханьками случилось и ее физиологическое превращение в женщину. Хотя, если совсем честно, мне было не до смеха. Лизино постоянство в чувствах меня пугало.

Под утро она сказала с милой непосредственностью:

– Давай поженимся, и не будет у тебя никакого комендантского часа.

Я озадаченно молчал.

– У отца связи, он сделает нам квартиру в течение месяца, – волнуяще прошептала Лиза.

Она в самом деле меня взволновала. О своей квартире я даже мечтать не мог. И вот... Мне так хотелось независимой жизни. Снять квартиру или даже комнату было не на что. Так или иначе, я должен был жениться на девушке с квартирой. Так уж пусть это будет та, которая меня действительно любит. На уме в то время была только работа. Надо было справиться с почти безнадежным делом. Когда тут гулять?

Спустя год, когда у нас родился сынок, однажды вечером раздался звонок в дверь. Я открыл. Передо мной стояла Маля. Я превратился в бессловесный столб. Маля первая при-

шла в себя.

– Отомри, – сказала она. – Может, предложишь войти?

Маля принесла пелёнки, ползунки и бутылку коньяка. Лиза стала накрывать стол. У неё всё валилось с рук. Она разбила тарелку, коньячную рюмку, рассыпала соль. Расплакалась. Похоже, она чувствовала себя страшно виноватой. Не сказала мне, что Маля в Павлодаре. Утаила от Мали, что я вышел на свободу.

Я видел раньше Малю только в ученической форме. Теперь она совсем другая. Короткая прическа, мини-юбка с вырезом внизу, высокие каблуки. Если бы она была в темных очках, я бы ее не узнал. Узнаваемым был только румянец во всю щеку.

Она выпила подряд три рюмки. Повторяла, что она не просто рада, она счастлива, что у нас получилась такая счастливая семья. Пафос этот был совсем не в ее стиле. Она не сказала ни слова о Максе, будто он для нее не существовал. А когда я стал рассказывать о нем, изобразила скучающий вид.

Посидев полчаса, она стала прощаться. Я вызвался проводить, но Лиза перебила меня. Мол, им надо еще кое-что обсудить. Маля, пряча глаза, горячо поддержала ее. Но Лиза вернулась ровно через минуту.

В тот вечер мы рано легли. Я невольно представил, что рядом со мной Маля.

– Ты сегодня какой-то особенный, – шептала Лиза. – За-

была тебе сказать, – добавила она, не дожидаясь ответа, – Почему Маля торопилась. Она боялась опоздать на поезд. Она приходила попрощаться.

Сердце у меня сжалось.

– Чего ж не сказала?

– Не знаю.

– Совсем уехала?

– Совсем.

– Куда?

– Она не сказала.

– Почему?

– Не знаю, – прошептала Лиза.

Она врала. А я понимал, что она врет. Понимал, но не возмущался. Рядом в кроватке лежал сынок. Поздненько метаться, сказал я себе.

Но как потом оказалось, Лиза не врала.

Глава 74

Казалось бы, невозможное дело разрешилось удивительно просто. Крошка нашла Аллу через знакомую сотрудницу адресного бюро. Даже узнала ее телефон.

Звоню. Отвечает молодой голос немолодой женщины. Называюсь. Молчание. Потом вопрос.

– Правда, Юрий, что ли? Ой, как мне неудобно перед вами. И чего хотите?

– Повидаться, Алла. У меня как раз намечается командировка в Питер.

– Юрий, извините, я нездорова.

– Жаль, – сказал я. – Это вы извините – за беспокойство.

– Ну, какое беспокойство? – слышу в ответ. – Просто так неожиданно.

– Так может позвонить, как приеду? Неужели не интересно взглянуть на брата?

– Еще как интересно. Ну позвоните.

Думаю: вот ведь как! Ей неудобно передо мной. А мне всю жизнь неудобно перед ней. Почти виноватым себя чувствовал. Если бы отец не вернулся в Омск, жил бы он с ней, Аллочкой, в Ленинграде и было бы ей хорошо. Может, и не узнала бы от папочки, что в Омске живет ее брат.

И вот снова Ленинград. Прогуливаюсь по набережной Фонтанки. Выхожу на Садовую. Дом позапрошлого века. Па-

радное с карнизом. Широкий лестничный марш, массивные кованые перила, исписанные стены, запах сырости и тлена.

Стою перед высокой дверью. Сейчас увижу её. Маленькая девочка превратилась в немолодую женщину. Если бы встрети-лась на улице, не екнуло бы сердце, как екает сейчас. Вы-бираю из восьми кнопок с фамилиями жильцов ту, которую нужно. Щелкает замок. Передо мной она.

Алла редкой счастливой породы. Интеллигенты говорят о таких – время над нею не властно. Простой народ – грубова-то, но тепло – до старости щенок. Умный взгляд карих глаз, чувственный рот с малость оттопыренной нижней губой, ко-роткие волосы. Шатенка. Явно похожа на мать. От отца – только разрез глаз.

– Здравствуй, сестренка!

– Здравствуй, братик! Проходи.

Комната Аллы прячется в глубине коммунальной кварти-ры. Высокий потолок. Громоздкая старинная мебель: шифо-ньер, комод, трюмо, кровать с хромированными спинками, книжный шкаф. Тяжелые шторы. Над круглым столом боль-шой зеленый абажур. На стене фотографии в рамках. На од-ной отец держит в объятиях молоденькую женщину. Валя! Я уже забыл ее лицо. Но кто еще может быть, если не она? Мягко улыбается одними глазами. Отец сдержанно смеется, показывая безупречные зубы.

– Благородное лицо, ничего не скажешь, – говорит Алла, интонации не разобрать.

На этом снимке отец в шляпе. До войны и после нее мужчины еще носили шляпы. Потом этот головной убор вышел из моды. А зря. Мужчина в шляпе выглядит изысканно. Даже бандит с бульдожьей мордой. Но для меня открытие – не шляпа. Всю жизнь я думал, что отец в принципе не способен нежно любить женщину. А теперь, смотрел на эту фотографию и понимал, что был не прав. Он любил эту хрупкую девушку. Почему же он так отнесся к ней? Зачем ему понадобилась соседка Ольга, если рядом была она, Валя? А если любил ее, значит, любил и дочь, которую она ему родила. Почему же так отнесся к дочери? Или эта счастливая улыбка, которую я вижу, вовсе не говорит о большой любви?

Достаю из сумки свой любимый торт «Ленинградский».

– А чай какой любишь? – спрашивает Алла.

– Недавно перешел на зеленый.

– Надо же! – удивляется.

Она тоже с недавних пор предпочитает зеленый. У меня со Стасиком так же бывало. Долго не пишем друг другу. В это время у меня почему-то слегка меняется почерк. Полу-чаю от него письмо и вижу – у него тоже почерк изменился. Сравниваю со своим – не отличить.

Подхожу к комоду. Там сидит плюшевый медвежонок с бантиком на шее. Тот самый... Хранить игрушку столько лет... Похоже, сестра куда больше меня живет памятью. Хотя чего же тут удивительного. Будь я на ее месте...

– Я чаще думала не об отце, а о тебе, – говорит Алла.

Включает электрочайник, накрывает стол. Чашки, варенье... Подхожу к окну. Маленький двор в окружении домов похож на колодец. Здесь отец жил с сорок третьего по сорок восьмой. Смотрел в это окно, видел каждый день эту мебель. А я был за тысячи километров.

Разрезаю торт. Алла наливает чай. Достает из серванта бутылку «Киндзмараули». Откупориваю, наливаю в бокалы...

– Фотографии привез?

Вынимаю из сумки конверт со снимками. Вот отец. Вот братья.

– Станислава я знаю давно, – неожиданно говорит Алла. – Мы с мамой как-то смотрели телеспектакль. Пошли титры, и мама обратила внимание на фамилию. Позвонила в театр, спросила, как его отчество, и говорит: «Это твой брат». Пошли в театр. У него была маленькая роль. Но я успела разглядеть: он хорошо двигался, у него была безупречная дикция. Когда актеры вышли на поклон, я подошла к авансцене. Ко мне устремился кто-то из исполнителей главных ролей. Я извинилась и помахала букетом Станиславу. Он был очень удивлен. А тебя мы с мамой опознали раньше. Одно время твои материалы печатались с фотографией. Мама смотрит: ну, конечно, это он! Весь в отца. У меня на вас обоих собралось целое досье.

Алла достает из книжного шкафа папку с вырезками из газет и журналов. Мои очерки, интервью Стасика. Вот так живешь и не знаешь, что за тобой наблюдают, тобой интере-

суются.

– А что с моей фотографией? Или она не попала к отцу? – спрашивает Алла.

Я ожидал этого вопроса. Больше того, уверен был, что это второе отторжение отца она пережила куда болезненнее, чем первое. В шестнадцать лет Алла отправила отцу свою фотографию. Стасик и Витя вынули из почтового ящика конверт, вскрыли, увидели подпись на снимке: «Папе от дочери Аллы». Пристали с расспросами к маме. Стасику тогда было десять, Вите – семь. Если бы даже мама захотела скрыть, они могли проболтаться отцу. Мама потребовала от отца, чтобы он не отвечал. И он не ответил. У меня тоже был вопрос, который не давал покоя:

– Почему отец так долго не приезжал к родителям? Уже кончилась война, а он еще три года не ехал.

Алла усмехнулась:

– Думаешь, ему мешала моя мама. Отчасти, да. Я родилась в сорок четвертом. Как она могла ехать с маленьким ребенком в далекую Сибирь? Трое суток пути... Почему он не съездил один? Не знаю. Не нахожу этому разумного объяснения. Но точно могу сказать – мама не могла мешать этому. Не такой она человек.

– У меня не отложилось в памяти, сколько вы прожили в Омске?

Алла задумалась.

– Очень недолго. Мама выросла в сердечных отношениях.

А отец чуть что – цаца. Какая я тебе цаца, говорила она ему. Ну, а потом – эта соседка... Нас провожали сестры и брат отца. Он сослался на то, что не может отпроситься с работы.

Алла искала для отца оправдания.

– Мама страдала дистрофией. Возможно, поэтому отец не хотел привозить ее в Омск в таком виде. Во время блокады мама получала по карточкам 200 грамм хлеба в день. Но этот хлеб не имел вкуса хлеба, от него болел желудок. 30 процентов целлюлозы, 10 процентов дуранды (жмыха), еще что-то и только слегка – муки. Иногда давали непонятно из чего сделанные черные макароны и кусочек сахара. Даже летом она надевала, помимо платья, кофту и трико. Помогала истощенному организму греть тело. А зимой ходила, как многие блокадницы, чучелом – в двух кофтах, двух трико, двух платьях и больших, не по ноге валенках. Короче, отец мог стесняться везти маму.

Алла рассказала о себе. Окончила медучилище. Отработала почти десять лет медсестрой. Стали болеть ноги. Выучилась на искусствоведа. Готовила экскурсоводов по Эрмитажу.

У меня вертелся на языке вопрос, почему она сейчас одна.

– Не хочу быть зайкой, малышом. Ну, какая я зайка?

– Но ты можешь быть солнышком.

Алла вздыхает.

– Нельзя мне замуж, проверено. Боюсь любви. Той, которой хочу, сейчас уже нет. А та, что есть, даром не нужна. Так

что я грешница. Женщина без детей.

Потом мы сидели в маленьком ресторанчике на Невском. Алла листала меню. Она бы попробовала рыбу в кляре. Нда. Гены – страшная штука. Все Тереховы заядлые рыбоеды. Заказываю судачка в кляре. Только первой свежести. Официант склоняет голову. Мол, будет исполнено, но честно уточняет, что здесь кормят из морозилки.

Алла передает совет повару, как сделать кляр с поджаристой корочкой, и грустно улыбается.

Продолжает разговор:

– Мне нравится устанавливать наши сходства. Что тебе обычно снится?

– Знаешь, всякая хрень. Ни одного хорошего сна за всю жизнь.

– Говорят, любите жизнь, и жизнь полюбит вас.

Пожимаю плечами.

– Не знаю, что это такое – любить жизнь. Я, напротив, не знаю, куда ее девать.

– А кто знает? – грустно отзывается Алла. – Кого ни спрошу, никто не знает. Даже самые благополучные. Всех что-то точит. Меня это раньше страшно угнетало. А потом прочла у Толстого, что скука жизни – как раз признак того, что она состоялась, а богатство и веселье, наоборот, признаки ничтожности жизни. Прочла и успокоилась.

Официант приносит бутылку красного вина. Наливаю в

бокалы.

– Давай, сестренка, выпьем за то, чтобы никогда уже не исчезать.

В глазах Аллы блеснула влага.

– Спасибо, братик. Здорово, что ты появился. Я уже не сирота.

Официант приносит заказ. Но Алла смотрит на судака в кляре глазами человека, у которого пропал аппетит. Мы выпиваем, я набрасываюсь на еду. Сестра только ковыряет вилкой.

Говорит задумчиво:

– Дверь в прошлое открылась, и мы вошли.

Я не перестаю удивляться. У меня тоже в голове звучали эти слова.

– Я все же задам тебе один вопрос, – говорю. – Как ты относилась все эти годы к отцу и нашей семье?

Алла задумалась.

– После того, как не получила ответа на свое письмо, уже не стремилась увидеть отца. Поняла, что совсем не нужна. Совсем – противное слово.

– У тебя нет желания познакомиться с братьями?

– Ты мне брат. Тебя я видела, знала. Ты подарил мне медвежонка. Ты даже не представляешь, что это для меня значило. Я тебе недосказала. Станислав тогда подошел за букетом, протянул за ним руку, не глядя на меня. Смотрел в этот момент на другую зрительницу, гораздо моложе. Не вышло

у нас контакта глазами. А ведь я хотела сказать ему, кто я. Думала пригласить его на чашечку кофе в театральное кафе, и там сказать.

Алла задумалась. Я ждал.

– А вот с отцом я бы встретилась. Но мне страшно.

Я сказал, что отца уже нет.

Глава 75

В августе того лета я привез маму с дачи в Коломну. Мама открыла ключиком сервант. Достала шкатулку с кольцами, серьгами, брошками, колье, бусами. Я не отличаю настоящее золото от поддельного. Но тетки едва ли могли хранить фальшивки. А здесь лежало все, что оставили маме ее сестры, Катерина и Клара.

– Это вам с Ириной.

– Мне ничего не надо, – сказал я. – Ирине тем более.

Я не кривил душой ни перед мамой, ни перед собой. Мне действительно не надо было ничего. Ровным счетом ничего. Кроме...

– Мама! Лучше бы ты сказала братьям, как у меня сложилась жизнь.

– Зачем тебе?

– Мама, это нужно не только мне. Это нужно им. Это нужно нам всем. Мы должны собраться и поговорить. Нельзя делать вид, что этого не было.

Я хотел добавить: неужели это не нужно тебе, мама? Неужели для тебя все равно, с чем уйти, с правдой или с сокрытием правды? Но не сказал. Она бы не поняла.

– Юра, не надо судить родителей, – строго сказала мама. – Отца уже нет. Почему ты не сказал об этом ему?

– Мама, у нас был разговор. Он даже слышать не хотел.

Он считал это ниже своего достоинства. Я понимаю, почему этого не хотел отец. Но ты-то чего против? Ну, нет его. Но ты-то есть. Ты можешь сказать то, чего не хотел сказать он. Неужели не хочешь, чтобы у нас наладились отношения?

– Зря ты думаешь, что этот разговор что-то изменит, – твердо сказала мама. – У тебя разлад с братьями вовсе не потому, что в детстве ты рос без родителей. Ты все время недоволен. То тебе не так, другое не так. А они уже взрослые. Ты старше. Значит, должен быть к ним снисходительным. Младшим нужно уступать. Ты сам на правах старшего можешь их собрать и уладить все разногласия. Теперь, когда отца нет, ты старший. И давай закончим этот разговор.

Видя, что я собираюсь продолжать, мама вынула наушник и сказала:

– Не слышу я тебя.

Я шутливо возвращал наушник на место. Она так же шутливо мешала этому. Мне все же удалось уговорить ее.

– Мамочка дорогая! Только ты еще связываешь нас. Без тебя мы перестанем быть братьями. Неужели тебе это безразлично?

– С чего ты взял? У Стасика и Вити хорошие отношения, – сказала мама.

– То есть ты считаешь нормальным, что они вообще перестанут со мной общаться?

– Младшим нужно уступать, – повторила мама. – Подумаешь, кто-то врет. Все врут! Подумаешь, какие-то недостатки.

У кого их нет?

Кажется, она все понимала во всех нас, своих детях. И вранье, и мелкие хитрости, и эгоистичные замыслы. Просто делала вид, что не понимает. Частенько манипулировала нами. Матерям это свойственно. Зачем ей откровенный разговор? Откровенность опасна своей непредсказуемостью. Мало ли куда разговор вывернет.

– Мама, последний вопрос, – сказал я.

– Ну. Я тебя слушаю, – официально сказала мама, поправляя наушник.

– Почему ты не съездила к отцу в Барабинск, когда он был там с июня по ноябрь 41-го года? Почему не показала меня?

Я знал, что зря пристаю с этим вопросом. Но надежда оставалась. Если не мог приехать отец, то почему не приехала мама? Что ей помешало? Вдруг она откроет эту тайну? Вдруг это и не тайна вовсе, а объяснение окажется очень простым?

– С чего ты взял, что он был в Барабинске? – спросила мама.

Я открыл семейный альбом, нашел знакомую фотографию и показал ее обратную сторону, где рукой отца было написано: «Моей милой Муське и моему милому сыну Юрику от папки. Барабинск, ноябрь 1941 год».

– Я уже не помню, – сказала мама. – И вообще, какое это имеет значение?

– Имеет, – сказал я. – Как ты можешь не помнить, пока-

зала ты меня отцу или не показала?

– Не ездила я, – сказала мама. – Не помню, почему. Наверно, работы было много.

– Ты не работала в это время, мама. Ты меня кормила.

– Отец не звал меня, – сказала мама. – И ты был еще маленький, чтобы с тобой ехать. И вообще, я уже не помню. Отстань от меня! – неожиданно взорвалась мама. – Не слышу я тебя!

Она выдернула наушник и швырнула его на стол.

У меня долго потом звучали в ушах эти ее слова: «Не слышу я тебя!»

Я долго потом продолжал этот разговор с мамой, закончившийся таким сильным жестом. Родители – люди, уходящие из этого мира. Дети – люди, пока остающиеся. Нормальным родителям важно, чтобы дети остались жить в мире и любви. Если же они сами вольно или невольно сеют раздор – это как назвать? А если даже не пытаются примирить детей – это как назвать? Это крушение итогов жизни – не руками, но равнодушным сердцем. Этого не понимал отец. А теперь вот не понимает мама. Ну, как же так?

На обратном пути снова кусала «змея воспоминаний». Если бы мама не могла жить без меня, то выполнила бы условие свекрови – нашла бы себе другую работу. Всего-то! С другой стороны, свидетельство о моем рождении – если даже находилось у Тереховых – было выписано на маму. Она могла заявить об этом. Бабка выдала бы документ. И не могла

бы доказать, что ребенку лучше быть с ней, чем с матерью. Закон всегда на стороне матери. Если мама не сделала этого, значит, ей было удобнее, чтобы я жил у бабушки, а не с ней.

Мама звонила еще два раза. Если бы она сказала, что просто хочет видеть меня, я бы точно приехал. Но она твердила о шкатулке. Мама считала шкатулку моей частью наследства. Хотела вручить. Но ни раньше, ни сейчас не хотела обнять, поплакать о том, чего уже не воротить, о том, что до сих пор болит. Значит, не болело у нее. А мне, повторяю, не нужно было от нее ничего материального. После ее «не слышу я тебя» не болело у меня за нее всем сердцем. Память о том, что когда-то у нее не болело за меня, и не болит сейчас, сидела во мне глубоко, не вырвать ничем.

«Даже распоследний бомж приехал бы. Это за гранью человеческого», – написал мне Стасик. Это было понятное торжество брата, которому я сам дал основание считать, что он лучше меня. А Витя не поленился – отписал родственникам в Омск, с которыми до того не общался, что я, такой-сякой, не приехал к маме, когда она звала. Те позвонили мне: неужели это правда? Родственники совсем не знали Витю, но очень хорошо знали меня. Теперь они и Витю узнали.

Глава 76

У Ирины развивалось мистическое чувство, что она уходит вместо Веры. В чем-то она рассуждала верно. Если верить в очередность действия рока, следующей полагалось быть Вере. И все же болезнь Ирина получила с другой стороны.

Макияж уже не мог скрыть желтизну ее лица. Уже всю одежду приходилось подгонять под другие, почти детские размеры. А я все еще возил ее на конкурсы. И ее ученики все еще получали призовые места. А бывший муж все еще мельтешил у нас перед глазами.

В маленьком городке это бывает. Валера жил с молодой женой в соседнем доме. Мы чуть ли не каждый день виделись в магазине. Он избегал смотреть мне в глаза. Как бы не замечал Ирину. Это он привез ей рак из Болгарии. Побывал там вместе со своим приятелем Мигулей у Ванги. Прорицательница отказалась что-либо говорить композитору. Она всегда так делала, когда видела, что клиент нежилец. (Вскоре Мигуля умер). Зато уверенно предсказала Валере (по фотографии), что у его жены будет рак.

Вернувшись в Пущино, любящий муж тут же поделился замечательным предсказанием с женой. А Ирина была слишком впечатлительной женщиной, чтобы не придать этому никакого значения. Сказывался авторитет Ванги. Таким обра-

зом, заболевание было как бы запрограммировано. Вскоре у Ирины появилась небольшая шишечка в груди, с горошину. Врачи сказали, что ничего страшного, а муж испугался и ускорил планы на оставшуюся жизнь с молодой бухгалтершей в своей фирме. Точнее, он уже смазывал лыжи, выжидая момента. Всю жизнь был большим модником, и теперь, в новой эпохе, никак не мог отстать от других, бросавших стареющих жен и начинающих как бы вторую жизнь с молоденькими. Он панически заторопился – Ирина таяла на глазах.

Но его опасения не подтвердились. Появился я, и оказался встряской для ее организма. А она встряхнула меня.

Ее молодая свежесть перепала Валере, но то, что осталось мне, было в нерастраченном состоянии. Мой веселый цинизм по этому поводу нравился ей. Наверное, все-таки не надоедает та женщина, которая нужна. Ирина была нужна мне духовно, но необходимость в ней я ощущал физически. Я даже подумывал: а может, последняя любовь и должна быть лучше первой?

С Ириной я понял, что не лишен мужского тщеславия. В любом обществе она как-то ненавязчиво становилась центром внимания, и телом, и словом, удивляя фигурой девушки и мужскими, в лучшем смысле, остротами. Что ж, женщина и должна уметь соревноваться с другими женщинами и утирать нос умникам. Мне оставалось только упиваться торжеством и молча хорошо закусывать. Но ее отношение ко мне было крайне сдержанное. Самое пылкое, что она выда-

вила из себя, сказав маме: «Не представляю на его месте никого другого». Однажды мне объявили в лоб, что моя жена лучше меня. Думали задеть, а я совсем возгордился.

С Ириной я совсем не чувствовал бойкота со стороны братьев, и они это понимали, особенно Стасик. С ее отношением к мне и с моим отношением к ней, зачем мне нужен был кто-то еще?

Я заметил за собой, что отстаю в развитии лет на пять-шесть, и теперь наверстывал упущенное. Тем более, что слово «упущенное» так созвучно слову «Пущино».

«Совсем не умеешь писать лирику! – негодовала Ирина, читая мои первые черновики прозы. Я ответил ей словами молодого Пастернака: «И прелести твоей секрет разгадке жизни равносильны». Ирина благодарно глянула и прошептала: «А ведь ты не соврал сейчас».

Ирина умела скрывать свои эмоции. Удавалось ей прятать и свою болезнь. Парик носила так, будто это ее волосы. Шутила с врачами перед очередной «химией»: «Что вы мне такое даете? У меня даже из парика волосы выпадают». Переживала только, когда рисовала себе выпавшие брови. В солнечные дни я безуспешно прогонял ее с плантации клубники. Она считала, что польза от возни в земле сильнее вредных лучей солнца.

Своим поведением Ирина привела маму к интересному подозрению, будто она не так уж и больна. Старушка стала делиться своей догадкой с Катериной. Говорила об этом по

телефону громко. Вот тут Ирина срывалась – это ее расстраивало. Но мама оставалась в неведении. И продолжала подозревать невестку в аггравации* (*аггравация – преувеличение болезненного состояния).

Однажды поздно вечером зазвонил мобильник. Мы с Ириной сидели у камина, пили вино. Последнее время она все чаще прикладывалась к бутылке. Ее уже мучила интоксикация, но стремление забыться было сильнее.

– Лучше умирать пьяненькой, – говорила она.

В этот момент и зазвонил мобильник. Это была Лора. В ее голосе звучала незнакомая мне интонация, будто тревожный крик ночной птицы. Такое бывает у одиноких женщин. Поздним вечером на них накатывает невыносимая тоска. Чаще всего они звонят подругам. Но иногда им нужны не слова утешения, а нечто другое.

– Без Жени я осталась совсем одна, – говорила Лора. – Я никому не нужна. Понимаете, никому. Вот скажите, что мне делать? Начать просто пить? Или напиться и включить газ? У кого еще мне об этом спросить?

Я начал говорить банальные слова. Типа, Лора, возьми себя в руки. Ты молода, здорова. У тебя все впереди. Ты еще найдешь.

Ирина смотрела безжизненными глазами.

– Пусть наберется терпения. Место вот-вот освободится.

Ирина сказала это почти шепотом, Лора не могла услышать. Но связь внезапно прервалась.

Ирина смотрела в огонь камина. На ее исхудавшей шее ходуном ходил кадык. Она справилась со слезами и зачем-то сказала:

– Чем лучше жена, тем мужья быстрее женятся. Помоги мне, – попросила она.

Я подвел ее к пианино. Она взяла несколько нот из «Грез любви». Едва слышно проговорила спекшимися губами:

– Скоро мы встретимся с Женей.

Последние недели оказались самыми нестерпимыми. Ирина все еще принимала учеников на дому. Но при этом лежала, делая замечания шепотом и стараясь не замечать, с каким выражением на нее смотрят.

Каждый вечер она просила дать ей снотворное. Хотя бы валерианы. Ссылалась на то, что не может уснуть. Мои отказы злили ее. Она считала, что эвтаназия в ее положении – это выбор между смертью и смертью, а не между жизнью и смертью.

– Все-таки ты туповат, – говорила она без малейшего юмора, с раздражением.

В конце концов, она все же выпросила у меня одну таблетку валерианы. Всего одну. И через несколько минут ее борьба с болезнью, длившаяся восемь лет, закончилась. То ли ее истощенный болезнью организм словно ждал этой таблетки. То ли проявилось самовнушение...

С ней прощалась вся музыкальная школа и десятка два родителей учеников. Ученики играли щемящее адажио Аль-

бинони.

Стасик и Витя не приехали на похороны Ирины. Прислали телеграмму: «Скорбим. Ирину любила вся наша семья. Светлая ей память».

Глава 77

Шли годы. Мы, не знаясь. Родственники и общие знакомые спрашивали меня, как там братья. Догадывались, что между нами пробежала черная кошка. Удивлялись: что ж такое произошло? Что ж так трудно простить? Мне самому этот многолетний разлад казался пошлым надругательством над кровным братством.

И вот случилась новая беда. Следующей оказалась Женя, старшая дочь Виктора. Тетка моей дочери, она была в том же возрасте. Двадцать четыре года, ничем не болела. Накануне прислала мне видео, где прыгала с парашютом в паре с инструктором. Ничто не предвещало беды.

Я считал смерть Полины гибелью. И смерть Жени считал гибелью. Но от смерти дочери Виктора повеяло еще и мистикой. Рок таился в большом плательном шкафе, доставшемся от полковницы Катерины. Девушка жила в ее квартире. Во время ремонта шкаф был отодвинут от стены, стоял посреди комнаты. Ножки были в порядке – шкаф стоял прямо. Но когда девушка проходила мимо, упал и придавил ее насмерть. При этом никого в квартире не было. Чего вдруг тогда упал этот мистический шкаф? Что привело его в гибельное движение? Как мог он насмерть придавить взрослую девушку? Это не укладывалось в голове.

Я приехал на похороны. Витя подошел, поблагодарил. Но

на поминках не предложил сесть рядом. Рядом сидел Стасик. Витя должен был показать, что даже такое горе не заставит его смягчить отношение к старшему брату. Спустя время он вроде бы опомнился. Прислал сообщение с предложением мира. Но тут, следует признать, не ответил я. Еще не отошел от приема на похоронах.

С Олегом мы ежегодно встречаемся 10 февраля. То ли на кладбище, то ли у Веры. Он ни на ком не женился и совсем исхудал. У него по-прежнему не ладится продажа молока. Он со спокойным сердцем прописался в квартире Веры. За давностью лет наказание за уклонение от службы в армии ему уже не грозит.

Денис отомстил на свое зверское избиение, но перестарался. Получил два года общего режима. После освобождения так и мог найти себе занятия по душе. Пил без меры, не подозревая, что ему, такому здоровенному, грозит полиорганный недостаток...

Вера ушла (за тавтологию не извиняюсь) в веру, работала свечницей в ближайшем храме. Ходила в платке, читала религиозные книги и жила надеждой, что скоро соединится с дочерью.

Витя продолжал торговать красками. Зато у него выросли положительные дети.

Я пытаюсь писать. Посылаю Сироте. Его раздражает мой сжатый стиль. Читая, он задыхается. Ему не хватает простора. Писатель должен писать подробно и даже пространно,

а потом убирать лишнее. А я сразу пишу коротко. А после правки получается еще короче. Ну куда это годится?

Он острый человек. Его вообще возмущает наша литература. Наша скудость типов. Одни и те же люди под разными именами у разных авторов. Даже у Достоевского. Ему не хватает юмора, колких реплик, игривой болтовни, сарказма, метафизических рассуждений.

– К черту стиль, не заморачивайтесь вы на этом. Расскажите лучше историю так, чтобы я забыл сделать пи-пи. «За занимательность ручаюсь», – писал издателю Достоевский. Именно занимательность – главное.

Ему не нужны подробные описания внешности. Достаточно одного-двух штрихов. Читая, читатель включает воображение. Внешний образ персонажа складывается у него не из примет наружности, а из внутренних качеств.

– Когда человек умирает, многие знавшие его люди с трудом вспоминают, какого цвета были у него глаза. Но могут долго рассказывать, как он себя проявлял. Именно это и интересно. Цветом глаз не удивишь. А хороший писатель, как хороший актер, должен удивлять и волновать. Поэтому, вместе с персонажами я должен видеть обязательно самого автора.

А что удивляет и волнует самого Сироту прежде всего? Правда. Это, как он считает, первое правило хорошего стиля – писать правду. Не выдуманные переживания автора во имя самих переживаний, а то, что было на самом деле. Но

не только правда, а еще и мысли автора удивляют и волнуют его, острого человека. А стиль – то есть порядок и движение мыслей. Какой-то француз вывел эту аксиому. Кажись, Жюль Ренар или даже Руссо. Они как раз отличились своими признаниями в грехах. Никаких стилистических красот, сухо и строго – это он про роман Ренара о своем детстве, о ненависти к матери. Но эту книгу невозможно забыть. И Руссо за то же до сих пор в уважухе.

Лора развелась с Фунтиковым и уехала в Германию. Работала там в русском издательстве. Но стала писать сама, и вернулась. Точнее, вернулась, когда убедилась, что стала писать. Хорошо, что не застряла в журналистке. Журналистика сковывает воображение и сушит язык.

Лора готовит к печати книгу о современной мимикрии. Проще говоря, о том, как притворяются ничтожные люди. Это искусство пышно цвело во все времена. Но сегодня достигло высшей точки изощренности. Я делюсь своими наблюдениями, фактами и выводами. У нас с Лорой сложилось что-то вроде творческого сожительства на расстоянии. Это создает иллюзию некоторой гармонии и полноты жизни. Иногда мы даже обмениваемся духовными ласками и неосторожными двусмысленностями. Лора называет меня самым уравновешенным из невезучих. Отчасти я вижу в ней Женю, но мне пристрастно кажется, что доченька превращалась бы в личность гораздо интересней.

Когда Лора приезжает в Москву, мы идем к Жене и каж-

дый раз видим там большие букеты желтых гербер. Это повод поговорить, но на эту тему у нас негласное табу. Хотя... любая тема, связанная с Женей, рвет сердце. Время не лечит эту рану.

Иногда Лора вспоминает эпизод, когда ей довелось попасть в заложницы. При этом она зажмуривается и говорит, что это было классно. Ей до сих пор нравится, что я за ней пришел. О Жене мы вспоминаем редко. Этого не происходит по очень простой причине. Женя все время с нами.

Однажды мы попали в компанию писателей и журналистов. К этому времени губы ее уже не были тонкими, хотя и вывернутыми тоже не были. Прежде французская грудь тоже стала больше. Прическа – пышнее. А телес поменьше. Я поглядывал на нее с известной заинтересованностью и получал в ответ шутивно-презрительный взгляд.

Все в той компании, молодые и старые, были друг с другом на «ты». Лору осудили, что она мне выкает. Под гвалт окружающих мы устроили брудершафт. Это был момент перезагрузки отношений. Лора ответила на мою халтуру (пионерский поцелуй) почти хулигански. Компания улюлюкала.

– А ведь я соврала тебе тогда, помнишь? – сказала она, когда мы поддали еще и еще.

Она имела в виду свою жалобу на насилие. Я сказал, что это для меня не новость. И только в этот момент вспомнил, почему она всегда выглядела так, будто на ней ночнушка. Одно время к ней, совсем еще девочке, начал приставать ха-

халь матери. Она оставалась ночевать у нас, спала валетиком с Женей. Ходила по квартире в ночнушке. В этом виде и за- пала мне в память.

Лора вспоминала:

– Когда Женя засыпала, я вставала и заглядывала в твой кабинет. Смотрела, как ты работаешь. Мне хотелось, чтобы ты меня заметил. Мне хотелось войти и сесть в кресло... Мне хотелось, понимаешь? Но ты видел во мне невинную девочку. В общем-то, я такой и была. Но что у меня творилось в голове... Поэтому я придумала, что меня изнасиловали, что я уже не девочка. Но ты ничего не понял.

Я сказал, что мне нечего было понимать, эта тема давно закрыта Набоковым.

– А моя влюбленность прошла, – сказала Лора.

– Замечательно, – сказал я.

– Сейчас у меня к тебе родственное чувство, – сказала Лора.

Я подумал, что она хочет заменить мне Женю. Это был бы хороший вариант. Она видела, как мы общались с Женей. Ей будет не так трудно. Мне, наверное, то же. Все равно Денис Женю никогда не заменит.

«Бездарный парень», бывший муж Фени, стал всенародным любимцем. Его юмористическую программу страна смотрит каждую субботу. У него теперь, по моде времени, молодая жена. Стасик и Феня тоже красуются на страницах светских журналов, как счастливая пара, но приводят чита-

телей в недоумение. Стасик никак не определится, сколько лет он добивался Фени. То называет тринадцать лет, то семнадцать.

Стасик стал признанным мастером озвучки и дубляжа. Дублирует мировых звезд. Только не своим естественным голосом, а имитируя тембры голливудских знаменитостей. Это дало ему право сказать о встрече с Де Ниро: «Его подвели ко мне. Он пожал мне руку».

Я был рад, что Стасик добился того, чего желал для себя. У него известность, он мелькает в светской хронике. У него дом на Рублевке. В его положении можно позволить себе некоторую снисходительность. Например, преодолеть свое злопамятство. Протянуть руку и сказать: можно помнить обиды, можно даже их не прощать, но нельзя тратить на обиды всю жизнь. Нельзя жить, не знаясь. В этом больше похабства, чем в том, что послужило поводом для обид. В жилах наших течет одна кровь, а родную кровь надо блюсти. Уважать. Не знаясь с родным братом, не уважаешь свою кровь. Себя не уважаешь.

Отчасти меня утешает, что не мы первые, не мы последние. «Все, что ни делает человек, – все из самолюбия, – читаю я в толстовском «Отрочестве». «Мне хотелось, чтобы все меня знали и любили. Мне хотелось сказать свое имя, и чтобы все были поражены этим известием, обступили меня и благодарили за что-нибудь», – читаю я в толстовской «Юности». А вот запись Л.Н. в дневнике: «Страдаю от бра-

тьев, которые должны бы любить, и некоторые, вот, ненавидят меня».

Пишу однажды Стасику, пытаюсь наладить отношения: с меня не убудет. Пытаюсь донести до его сознания, что мои отношения с родителями – это мои отношения. Надеюсь на актерский профессионализм брата. Актер должен понимать природу другого человека и находить оправдания его поступкам. Стасик мне в ответ: «С чего ты взял, что меня может заинтересовать история твоих отношений с родителями?»

Летом приезжает Алла. Ей нравится моя старенькая дачка в лесу. Сидим вечерами у телевизора. Сестра включила однажды какой-то канал, а там наш Стасик. Телеведущая расспрашивает заслуженного артиста Терехова о его жизни. Стасик рассказывает о своем детстве. Родился он, оказывается, там, где находится пуп Земли. В Омской области. А где еще он мог родиться, пуп семьи, если не там, где пуп Земли? Правда, в его географические представления вкралась неточность. Пупом Земли вообще-то считается Кунгур в Пермском крае. Но какое это имеет значение.

Дальше следовали детали. Читал запоем, даже по ночам, когда родители запрещали. Якобы при свете фонарика – под одеялом. Глотал Дюма, который его сформировал. Играл с друзьями в мушкетеров. Сражались будто бы на шпагах, спилив с них предохранители. В результате, случалось, ранили друг друга в мягкие места.

Ведущая всплескивает руками. Какой отчаянный у нее сегодня собеседник! Хотя как-то слишком уж удивляется. По возрасту ведущая не могла знать, что в то время дорогостоящие шпаги были фехтовальщикам не по карману. И нужды не было покупать их. Шпаги закупались спортивными школами. И выдавались фехтовальщикам на время тренировок и соревнований. И уж тем более ведущая не могла знать, что мягкие места Стасика не хранят следов его отчаянных мушкетерских поединков.

Стасик перешел к нашим предкам. Здесь тоже не обошлось без чудес. Прадед наш, якобы Степан, оказывается, валил подпиленные вековые сосны рукой. Ведущая делала большие глаза. Вековую сосну – рукой? Вау! Я тоже удивился, но больше по другому поводу. Прадед наш никак не мог быть Степаном, потому что звали его Петром.

Ведущая украдкой посматривала на часы. Ей хотелось достать из Стасика какое-то другое содержание его внутреннего мира, относящееся к его профессии. А он со вкусом рассказывал, как во время урока химии у него будто бы взорвалась колба, и на него вылилась ядовитая кислота. Учитель якобы принялся отмывать ему лицо. При этом костюм на учителе (которого во время взрыва не было рядом) стал расползаться от якобы попавшей на него кислоты. А сам Стасик остался невредимым.

Но актерства ведущая и Стасик все же коснулись. Но только его достижений в искусстве дубляжа, в чем он бесспорно

преуспел. Хотя и тут он удивил. Оказывается, даже самые большие актеры дублировать не умеют. Не попадают в движения губ. А вот он в этом деле мастер.

– Как же он любит удивлять! – всплеснулась Алла. Она помолчала озадаченно и неожиданно сказала, – Знаешь, а мне захотелось встретиться с ним. Только не надо пока говорить, кто я.

Я позвонил Стасику. Сказал, что приду к нему на спектакль, не один.

Стасик играл конюшего английской королевы. В мундире с цацками он был особенно хорош. Ее величество ласкала его взором равнодушной женщины, хотя роль не требовала этой слабости. Было похоже, что знаменитая актриса не справляется с тайной симпатией к Стасику. Чувствуя это, публика местами аплодировала ему громче, чем экспансивной королеве.

Я купил для Стасика скромный букет. Алла раскошелилась на корзинку. Мы сидели в ложе, к когда спектакль кончился, не могли пробиться к сцене. Проход был забит зрителями, рванувшими в гардероб.

Мы пошли к Стасику в гримерку. Поздоровались. Стасик молча кивнул. Принял цветы, не реагируя ни словами, ни мимикой. Продолжал снимать грим. Мы стояли за его спиной. Он молчал. И мы молчали. Алла не выдержала, вышла из гримерки. Я – следом. Стасик не остановил нас.

Мы медленно шли к метро. Алла подавленно молчала. Я

ее понимал. Второй раз подошла к брату с цветами, и второй раз – такая конфузия, как сказал бы Арнольд.

– «Странные люди – актеры... И люди ли они», – процитировала Алла.

У меня была версия. Стасик видел из-за кулис, что мы пришли с цветами. Предвкушал, что мы вручим ему, когда он выйдет на поклон. А мы не вручили. Это его расстроило или даже взбесило. Вот он и не мог преодолеть оторопь, когда мы вошли к нему в гримерку. К тому же, в спектакле он играл очень важного конюшего. Еще не вышел из образа.

Через неделю от Стасика пришло сообщение по Емеле. *«Привет, брателло! Что-то ты крепко пришумок. Уж не обиделся ли на что? Теряюсь в догадках».*

Я написал: *«Прихожу в себя после посещения твоей гримерки».*

Стасика тут же отписал: *«Надо же раздуть историю по причине, что бабенка с тобой, а я тебя в ее глазах вроде как уронил. Кто она тебе? Смешно, право, оцарапанное эго. Но для тебя – повод для ссоры... О, майн готт! Какая мелочь не дает тебе покоя! Да прости ты меня, бога ради, прости! Признаю все свое непотребство того вечера и прошу извинения! В самом деле, был не прав – и с цветами, и с бабенкой...»*

Но в таком случае и ты проси у меня прощения. Должно быть, ты забыл, как выгнал меня из дома, куда я пришел помянуть твою дочь. А в то чудесное лето, когда я в Питере сидел с умирающей женой, ты благородно позвонил, одна-

ко от визита уклонился по причине того, что «у вас там и без меня забот хватает». Я был рядом с Полиной до самого конца и делал все, что мог. И после этого у тебя повернулся язык сказать, что это я вогнал ее в гроб...

Что там еще? В день смерти отца ты не приехал: как же, ведь главное – личный покой. Мы с Витькой выносили его вдвоем, и некому было даже открыть дверцы фургона, на котором мы должны были отвезти его в морг, и пришлось отца положить на асфальт, чтобы это проделать, – водитель отказался по причине боязни покойников. А дышащая на ладан мать, которая два месяца, медленно уходя, каждый день ждала твоего приезда – так и не дождалась. Ты приехал в утро ее смерти – и, кажется, не слишком был фраппирован...»

– Ты на похоронах родителей был? – спросила сестра.

– Конечно.

– Сказал Стасику, что тебе достаточно своего собственного осуждения?

– Он это знает.

– И тем не менее казнит тебя? Интересно. Знаешь, он лицом похож на мать. А мать ваша подкарауливала мою мать и стыдила ее: мол, как она могла выйти за Леонтия, если у него уже есть сын и есть она, гражданская жена. Тебя мать бросила, но ей за это не было стыдно, а мою мать стыдила. У мамы экзема по рукам пошла. Она потом замуж не могла выйти...

Алла заплакала. Она плакала горько, немного по-детски. Потом сказала:

– Ты меня не слушай. Мне трудно быть объективной. Я ведь совсем не знаю, как ты жил после того, как проводил меня на вокзале.

Я рассказал, очень коротко.

Алла предложила узнать, что собой представляет Стасик, так сказать, с медицинской точки зрения. Ну, вот я – шизоид. Она – депрессивный тип. А к какому разряду отнести его личность?

Мы заглянули к Арнольду. Эскулап наморщил ум, припоминая:

– Кажется, я уже диагностировал вас.

– Да, вы записали меня в шизоиды.

– Ну, не в чистом виде, – не дал мне порадоваться за себя Арнольд. – Будь вы полноценным шизиком, вы не стали бы журналистом. Шизоиды избегают контактов с людьми.

Я сказал, что это ерунда. Чем больше внутренне одинок журналист, тем глубже он погружается в тех, о ком пишет, в свое видение людей и жизни.

– Возможно, – не стал спорить Арнольд. Итак, продолжал он, – вам нужно знать, к какому психическому типу относится ваш младший брат. Скажите, как отвечает он на вопрос о своем возрасте?

– Понятия не имею. Но он очень следит за своим здоровьем. Придерживается отдельного питания. Подчеркивает,

что не выглядит на свой возраст.

– Он легкий, веселый, компанейский. Внимательный и ласковый с дамами. Так?

Я кивнул: так.

– Он работает в искусстве?

Я кивнул.

– Как к вам обращается?

– Братан, брателло, старик.

– А как обращается к коллегам и начальству, слышали? Нет? Могу сказать. Боречка, Ниночка, Ванечка, Сашечка. Нежно и ласкательно. Угадал?

Арнольд не стал изображать ясновидящего. Оказывается, его родной брат тоже артист.

– Это профессия голодных людей. Им постоянно нужны оценки, каждый божий день. И, конечно, высокие оценки. Это их пища. Почему они так ласковы друг с другом? Потому что они постоянно друг дружку хвалят. Это как взаимный подкуп. Мы со своей скупостью им враги, или уж по меньшей мере, никакие не друзья. И даже не братья.

– А как объяснить, что Стасик постоянно сочиняет? – спросила Алла.

– Это опять-таки чисто актерская особенность. У них всех, за редким исключением, пылкое воображение и особенности памяти. То, что им запоминается, изменяется в их сознании до неузнаваемости. Вот такая конфузия. Я вас огорчил? Прекратите! Стоит ли переживать о неизбежном?

Вашему брату просто выгодно не поддерживать с вами родственные отношения. Точнее, они ему не нужны, они ему в тягость, за исключением тех моментов, когда он любит себя, общаясь с вами, любясь тем, что он считает своим превосходством. Вы понимаете, о чем я толкую? Ему не нужно ваше братство, если в нем нет его превосходства. Превосходство – это то, чем он дышит, общаясь с вами. Вражда между братьями – это старо, как мир. Это было, есть и будет. Кто-то всегда выше себя понимает. А кто-то этого не признает. Как правило, младший. Но у меня другой случай. Выше себя понимает мой младшенький.

– Вы так и не назвали тип, – напомнила Алла.

Арнольд посоветовал:

– Читайте Фрица Римана, ребята, его классификацию характеров. Столько любопытного узнаете. И о других, и о себе. А если хотите оценивать людей самостоятельно, спрашивайте себя: мог ли этот человек жениться на сироте?

Он спросил у меня:

– Как поживает ваша замечательная дочь?

Узнав, что она умерла, потрясенно выдохнул:

– Как???

Я сказал, что произошло вскоре после того, как Женя оказалась ему.

– Представляю, что вы обо мне подумали.

Арнольд неподдельно расстроился. А я старался экономить терпение боли. Я уже понимал, что боль не пройдет ни-

когда. Мы выпили разведенного спирта.

Глава 78

Мы сидели перед домом под деревьями. Пахло волнующим дымком – соседи жарили шашлык. Где-то далеко стучал топор. В малиннике работали трудоголики-пчелы. Солнце клонилось к западу, оттуда надвигалась темная туча. Веял легкий ветерок. Жара спадала. Быть дождю.

Алла лежала в шезлонге, прикрыв глаза бейсболкой. Я украдкой разглядывал ее. Есть женщины в годах, которые умудряются сохранить фигуру, и при взгляде сзади вводят в заблуждение. Но фигура у Аллы выглядела молодо и при взгляде спереди. Я испытывал что-то вроде гордости: знай наших. Одна из разновидностей голоса крови.

Сестра заметила из-под опущенных век, что я разглядываю ее, и рассмеялась. Сняла бейсболку и привстала. Несколько секунд мы смотрели друг на друга с нежностью.

Из щели в заборе появились две соседские кошки с котятами. Алла успела приучить их к угощениям. Я смотрел на них и думал. Через два-три года повзрослевшие котята перестают различать, кто среди них брат, кто сестра. Мама с папой не узнают своих детей, а дети – своих родителей. Сынок может весной вступить в отношения с мамой, а папа – с повзрослевшей дочкой...

Алла зашла на сайт Стасика, читала его интервью.

– Смотри, он пишет: «В Алма-Ату я приехал после окон-

чания школы-студии МХАТ по приглашению главного режиссера. Шесть лет в этом театре вспоминаю, как самые счастливые в своей жизни.

Я озадаченно молчал. А ведь это момент истины. Стасик сам подтверждает, что вполне мог сказать Полине, когда они жили в Семске. Мол, слух о нем, одаренном молодом актере, дошел до Алма-Аты. И вот его пригласили. Пакуем, родныш, чемоданы.

Как же хочется людям думать, что они всего в жизни добились сами.

Алла прочла дальше:

– А вот еще он написал: «Актерская игра у меня стала получаться лучше, чем прежде. Вспоминаю признание Фаины Раневской о том, что играть она научилась только к старости».

Спустя столько лет он признает теперь, что раньше играл средненько. Но именно так я и оценивал раньше его игру. А он дико обижался, обвинял, что я не люблю его. С этих моих обидных оценок и началась его неприязнь! Его представление о самом себе (он, якобы, большой талант) было самой большой правдой его жизни, которую он отстаивал всю жизнь. И вот... Какой же обманчивой может быть своя правда...

Маля

Глава 79

Сегодня пятница. Я уехал с работы пораньше. Боялся попасть в пробку, но проскочить до МКАДа не удалось. Стоял среди стада машин, слушал радио.

«Вчера вечером похищен авторитетный предприниматель Гиви, более известный, как вор в законе. Большой любитель рыбалки, он сидел на берегу платного водоема, удил рыбу. Началась гроза, но предприниматель не выпускал из рук удочку. Охрана, спрятавшись под зонтами, прозевала, как подъехал микроавтобус. Из него выскочили люди в камуфляже и шлемах спецназа. Угрожая короткоствольными автоматами, они положили на землю охрану и увезли Гиви в неизвестном направлении. Обращение приближенных Гиви в правоохранительные органы ничего не дало. Им было сказано, что в это время и в этом месте никаких подразделений спецназа МВД не было».

Нежели «Белая стрела? Слух о неуловимом отряде мстителей, действующем под девизом «Если правосудие бессильно, справедливость требует покарать зло, поправ закон», подтверждался уже не раз. Руководство МВД неоднократно опровергало этот слух, утверждая, что это всего лишь леген-

да. Однако легенда соответствовала злобе дня. Идея самосуда официально осуждалась и в то же время считалась как бы справедливой, то есть оправданной.

Когда спустя полтора часа я подъезжал к Пушкино, передал другу новость. Оказывается, Гиви похитил предпринимателя и отобрал у него бизнес. Но этого ему показалось мало, и он изнасиловал жену предпринимателя. Но ему и этого показалось мало, и он изнасиловал малолетнюю дочь предпринимателя, причем в извращенной форме, после чего она задохнулась, но на суде он объявил ее проституткой.

В Пушкино я первым делом полез в Интернет. Там была размещена фотография похищенного Гиви. Авторитетный предприниматель сидит в углу комнаты на полу, прикованный цепью к батарее отопления. Надетая на шею цепь закрыта на огромный висячий замок. Если кто-то хотел унижить Гиви, это у него получилось.

Ирина встретила сообщением: мне звонили два раза из МВД. И еще будут звонить. Стало совсем интересно.

Звонок раздался буквально тут же. Вкрадчивый мужской голос.

– Здравствуйте, Юрий Леонтьевич. Беспокоит подполковник Ферапонт. Звоню по поручению Максима Магистова. Помните такого?

Самый привилегированный заключенный России проснулся в своей личной одиночной камере за полчаса до подъема, в половине шестого утра. Ему приснилась девочка.

Та самая, о которой он непрерывно думал последние дни. Проснулся от ощущения ужаса, будто сам пережил то, что пережила девочка. «Как хорошо, что я покарал этого нелюдя», – подумал Магистр. Сколько приговоров вынес он за свою жизнь, со счета сбился, но этот был для него особенным.

В камеру стали проникать звуки просыпавшейся тюрьмы: лязгали запоры, слышались голоса. Магистр мог лежать и после подъема, никто бы ему слова не сказал. Но зачем злоупотреблять своим положением. Он встал, надел спортивный костюм, почистил зубы, побрился, зачесал на пробор редющие волосы с проседью и повисел на перекладине, растягивая позвоночник. Потом подошел к зеркалу. Все, как всегда: лихорадочный блеск глаз, легкий румянец и чистый язык.

Он включил маленький электрочайник и отправил в рот столовую ложку липового мёда. Налил в кружку кипяток, дал немного остыть и стал пить мелкими глотками. Самая безвредная для здоровья и вкусная жидкость, если к ней привыкнуть, – обыкновенная горячая вода. «Кажется, я начал ценить жизнь», – подумал Магистр.

У него был туберкулез. Потому его и содержали в этой тюрьме. Здесь была самая лучшая в стране туберкулезная больница для заключённых. Обычно день у него начинался с долгого кашля, ломоты во всем теле, потливости и ощутимой температуры. Но сегодня он чувствовал себя вполне сносно.

Его срок заканчивался через два дня. Надо было что-то

решать. То ли снова раскрутиться, то ли выйти, наконец, на волю. Он знал, что вся тюрьма живет сейчас ожиданием, ни одна камера не хочет, чтобы он ушел. Вся боятся за свою кишку, после его ухода грёв будет уже не тот. И на воле многие выдающиеся люди уголовного мира гадают, одни с интересом, другие со злобой, что он на этот раз придумает. Неравнодушны к его видам на завтрашний день и тюремщики.

Он бросил мимолетный взгляд на глазок телекамеры, вмонтированный в стену у потолка. За ним наблюдали все двадцать четыре часа в сутки. Это совершенно незаконно, но он не протестовал. Делал вид, что не замечает. Камера в самом деле ему не мешала, скорее, помогала держать тонус.

Магистр знал, что после освобождения проживёт недолго. Он нарушил известный принцип – количество врагов не должно превышать количества друзей. К тому же, разбирая конфликты, слишком часто выносил справедливые решения.

И всё же на этот раз он склонялся к мысли выйти на волю. Накопилось слишком много проблем. У него был подключенный к Интернету компьютер и два мобильника. Надзиратели несли ему с воли малявы. Он был осведомлен обо всем, чем живет преступный мир страны. Но ему надоело читать упреки в свой адрес. Мол, он знает многое, но не всё. Естественно, наиболее важная информация приходила к нему с опозданием. Но он и не решал оперативные вопросы. Его прерогативой были вопросы стратегические и принципиаль-

ные. После гибели Бриллианта он стал верховным законодателем преступного мира.

Он, Магистр, придерживался старого воровского закона, что нельзя унижать потерпевшего. Рэкетеры наезжают на бизнесмена, отбирают у него деньги и заодно насилуют его жену. Зачем? Это лишнее унижение, даже если потерпевший долго не поддавался на угрозы. Это беспредел. А беспредел недопустим и наказуем. Рэкет сам по себе беспредел, считал Магистр, предпочитая, однако, держать это мнение при себе.

Но не так давно он не стерпел – потребовал призвать к ответу за такой беспредел кавказского вора в законе Гиви. Сделал это больше для порядка, чтобы напомнить другим о старом законе. Но никто его не послушал.

А Гиви, как оказалось, изнасиловал девочку в извращенной форме, и она умерла, захлебнувшись его спермой. Тут даже те, кто раньше не поддерживал Магистра, высказались за то, что это полный беспредел. И тогда Магистр отдал приказ покарать зарвавшегося лаврушника.

Тем самым он объявил войну всем пиковым – кавказским блатным. Осторожные славянские бродяги, приверженцы преступного интернационала, запросили у него дополнительных объяснений. Он ответил очень просто. Вы видели на зонах хотя бы одного опущенного кавказца? В стране больше сотни зон, больше миллиона арестантов. Вы видели хотя бы одного петуха-кавказца? Какие тут могут быть еще объяснения? Разве ни один пиковый не проигрывался в кар-

ты? Разве ни один не работает на оперчасть? Разве ни один не беспредельничал в пресс-хатах по указке ментов? Таких тысячи, но ни один не был опущен. Пиковые своих беспредельщиков не сдают. А славяне позволяют им не сдавать, то есть нарушать, эти законы. Пора с этим кончать. Мы должны сказать всем, кто приезжает в Россию из Ближнего Забугорья, а также своим пиковым, что в стране можно делать все, что угодно, но не надо трогать наших детей и наших женщин. Мы ваших не трогаем. Не трогайте и вы наших.

Возмущало Магистра и то, что пиковые коронуют друг друга за деньги. Он подсчитал, сколько пиковых воров в законе, и сколько славян. Соотношение примерно 5:1 в пользу лаврушников. Вот для чего они коронуют друг друга – хотят стать в воровском сообществе большинством. Уже – стали. А он, что особенно обидно, им помог. Поддержал их, когда они предложили разрешить ворами в законе поступать в том или ином случае так, как считают нужным. Поддержал, потому что свои, славяне, просили и требовали поддержать. Всем хотелось вседозволенности

На другой день утром я приехал в эту подмосковную колонию.

Небольшой кабинет Ферапонта больше похож на выставку мелких зэковских поделок. Чего тут только нет, каких только обманок с целью пронести запрещенные предметы. А вот чудеса членовредительства. Проглоченные, а затем вырезанные хирургами алюминиевые ложки, костяшки доми-

но, шахматные фигуры, куски колючей проволоки...

Самый знакомый экспонат – обыкновенная игла для швейной машины. Гениальное изобретение Макса. 6-миллиметровые железные пластины, на которых держится столешница тюремного стола, подпиливаются такой иглой а потом доламываются вручную. И пластины, и тяжелые дубовые доски стола потом используются как оружие.

Среди этого тюремного антиквариата Ферапонт сам смотрится, как живой антиквариат. Но возраста своего он, похоже, не чувствует. Разве что зрение... На широком носу очки с круглыми толстыми стёклами. Близорукость. Делает вид, что не узнает. Хитрован на ровном месте. Хотя на самом деле загадочный ментавр. Как он оказался в одной колонии с Максом? Или они не расставались все эти годы? Вот тема, если это так.

Ферапонт берет с полки плоский деревянный футляр похожий портсигар.

– Попробуйте открыть.

Я знаю, что нужно куда-то нажать. Но куда только не нажимаю, всё без толку. Не открывается портсигар.

– Магистр делал, – говорит Ферапонт. – Он сейчас в прогулочном дворике. Гулять ему ещё минут сорок. У всех прогулка максимум 45 минут, а у него минимум полтора часа. Можно пока зайти в его камеру. Посмотрите, как он живёт.

Я спросил, знает ли Макс, что я здесь. Чья инициатива вызвать меня сюда?

– Это просьба Магистра, но я присоединяюсь. Помогите ему принять правильное решение. На этот раз ему лучше выйти после окончания срока.

Я спросил, сколько раз он не вышел. Ферапонт сказал, что со счета сбился. Я удивился – разве это возможно?

Ферапонт криво усмехнулся.

– Мы все время соревнуемся с ним, кто кому больше нужен. Скажу вам по секрету. Он нашей системе нужен больше. Через него мы улаживаем конфликты, когда заключенные берут сотрудников в заложники. Выступает посредником, когда вспыхивают бунты. Да мало и других конфликтных ситуаций. А он большой мастер находить компромиссы. Так что иногда мы просто договариваемся. Он, к примеру, имитирует нападение на персонал – мы это письменно фиксируем. Короткое следствие, пятиминутный суд, и он получает довесок.

Ферапонт помолчал, наблюдая за моим лицом, и закончил.

– Но всему приходит конец. На этот раз есть установка министра. Никаких довесков.

Мы идём длинными тюремными коридорами, переходим из одного отсека в другой, через так называемые шлюзы. Ферапонт не упускает случая похвастать, что из этого учреждения никто ещё не сбегал. Считает это своей заслугой тоже.

Подходим к камере. Ферапонт даёт знак надзирателю:

открывай! Парень мнется. Помещение казённое, но как-то неловко входить в отсутствие сидельца. К тому же это не принято – этак можно подложить что-то запретное.

– Ладно, обождём, – соглашается Ферапонт, но тут же не выдерживает. – Нет, давайте зайдем, Магистр не обидится. Я к нему иногда просто так захоживаю, чайку попить. Но еще ни разу ничего ему не подсунул.

Надзиратель нехотя открывает камеру. Входим. Первое, что бросается в глаза – аквариум с разноцветными рыбками. На стене большой телевизор. Сбоку от телевизора икона Николая-угодника. Рядом навесная полка с книгами. В маленьком окне – кондиционер. В другом углу – туалет и душевая кабина. Велотренажёр. На тумбочке тонометр. Значит, давление скачет у Макса.

– Выполняем приказ министра: в тюрьме должно быть меньше тюрьмы, – говорит Ферапонт. – Если и на этот раз не захочет освободиться, солярий ему сделаем.

На тумбочке – кипа газет и журналов. Я пригляделся: здесь были и мои публикации за последние годы. Макс следил за моей жизнью, а я... Я тоже искал его, делал запросы в тюремное ведомство. Мне ответили, что подобные справки даются только родственникам. Сделал запрос от редакции, но ответа не получил.

Подполковник смотрит на часы.

– Скоро обед. Сегодня у него на обед суп из рёбрышек. Мясо возле рёбрышек сочное, мягкое, легко жуётся. Но ест

он мало, как все работники умственного труда. А в камере, думаете, сам прибирает? Нет, ему не положено. Слуг ему приводят.

В гулком коридоре топот тяжелых ботинок. Подбегает молодой надзиратель. Говорит, запыхавшись:

– Товарищ полковник, Магистр велел... просил сказать, что он не вернётся в камеру, пока в ней посторонние.

Ферапонт насмешливо спрашивает:

– А как он узнал, что мы здесь?

– Понятия не имею.

Я направляюсь к выходу, ругая себя последними словами. Ферапонт – за мной. Стоим возле камеры.

Ферапонт снова посмеивается:

– До конца срока считанные дни. Интересно, что он на этот раз придумает. Любит неволю и ненавидит свободу. Нет, не так. Неволья для него – свобода, а свобода – неволя. А на самом деле просто боится выходить, вот и вся разгадка. Хорошо живёт тот, кто хорошо спрятался. Хе-хе. А вы что же, ничего о нём не слышали? Странно. Выше его в преступном мире нет никого. Он прямо отсюда наводит следствие. С кого-то снимает обвинения, кому-то утверждает вынесенный приговор. Шушерой не занимается. В его ведении дела только на высокопоставленных уголовников. Кадровая политика – тоже в его ведении. Кого поставить на положение в том или ином регионе, а кого снять. И всех он держит в голове, обо всех всё знает. В его голове такая энциклопедия!

Он ведь ничего никогда не записывает. И помощников у него здесь нет.

Не могу разобрать интонации Ферапонта. То ли он восхищается Максом, то ли по-ментовски относится к нему свысока. То ли у него смесь в голове из того и другого.

И вот он идёт по коридору, высокий, поджарый, седой, внушительный. Проходит мимо нас в камеру, не удостоив взгляда, не повернув головы. Это Макс, я сразу его узнаю, и в то же время как бы не он. Ферапонт не спешит заходить следом, проявляет деликатность: вдруг после прогулки Макс захотелось в туалет. Надзиратель не спешит закрывать камеру, тоже ждёт. Наконец, голос с годами набравший власти:

– Можете войти.

Он чисто выбрит, от него пахнет тонким лосьоном. По знаку Ферапонта надзиратель приносит два табурета. Но Макс не садится. Смотрит не на нас, а прямо перед собой. Ферапонт без приглашения, кряхтя, усаживается на табурет.

– Все равно не пойму я тебя, – говорит он как бы продолжая недавний разговор. – На воле так хорошо. Птички поют, машины шумят, люди смеются.

Макс усмехается:

– Что ты мне впариваешь? Какие там птички у тебя поют, какие люди смеются?

Ферапонт вздыхает:

– Психотерапевту бы тебя показать.

Магистр смеется, показывая хорошие зубы, что не удивительно, поскольку его навещает стоматолог.

– Психотерапия, Ферапонт, бесполезная профессия, потому что есть только две психологические проблемы – фуйня и пипец. Но фуйня, как тебе отлично известно, проходит сама, а пипец не лечится.

– В политику бы тебе, – подкалывает Ферапонт. – Сейчас избиратели любят голосовать за судимых.

– Я подумаю над твоим предложением, – отзывается Магистр. – Оставил бы ты нас, подполкан, на пару минут. Насчет политики мы с тобой потом договорим.

Ферапонт выходит. Мы с Максом разглядываем друг друга, хотя, наверное, можно было бы и обняться. Я окидываю взглядом камеру.

– Ты хорошо организовал своё пространство.

– Это мой дом, – почти душевно говорит Макс. – Счастлив тот, кто счастлив дома. Так, кажется, писал Толстой. Мне предлагали другую жилплощадь, тут много свободных камер, но я уже привык к этой хате. Сейчас не удастся поговорить, – добавляет он вполголоса. – подходи к тюрьме в полночь, тебя проведут.

Ровно в полночь у вахты меня ждал прапорщик. Привел на вахту. Сидевший там надзиратель скользнул по мне взглядом и молча открыл засов. Прапорщик вошел, я – за ним.

На нашем пути оказалось не меньше десятка надзирателей. Все пропустили меня без звука. Прапорщик открыл ка-

меру Магистра длинным ключом, потом легонько постучал.

Я вошел. На этот раз это был тот Макс, которого я знал двадцать восемь лет назад. Мы крепко обнялись.

Мы опрокинули по рюмашке хорошей водки и закусили по-русски: квашеной капустой. Макс положил мне в тарелку жареной картошки. Он ухаживал за мной. Это было так необычно.

Я не выдержал и спросил, окидывая взглядом камеру:

– Не понимаю, какой в этом смысл?

– Вот ты любишь закусить водку квашеной капусткой. А я люблю сидеть. У желудка свои потребности, у духа – свои. Давай помянем Степаныча. Если бы не он...

Это точно. Если бы не Бриллиант, кто знает, во что бы вылилась моя вражда со Шницелем. Но и Макс едва ли бы стал Магистром. Мы были обязаны Степанычу по гроб.

Мы выпили, не чокаясь.

– Так и не удалось мне узнать, кто его убил, – виновато говорит Макс.

Я не без гордости рассказал о своей командировке в соликамский «Белый лебедь». О своей встрече с «Архитектором». Так блатные называли «хозяина» этой страшной колонии-тюрьме. Макс слушал с напряженным вниманием. Особенно напрягся, когда речь пошла о Шницеле. Наши предположения насчет этого мутного фраера совпадали. Макс сказал, что Шницель тоже сейчас на киче. Только у него другая кличка и другая фамилия. А сам он – в законе. Короче, су-

харь*. (*сухарь – фальшивый вор в законе) Имеет на зоне свой бизнес – совместное предприятие с «хозяином». Освобождение зэка по удо за хорошие деньги. Шницель находит клиентов – «хозяин» хлопчет об удо.

– Я ведь тоже, считай, купил звезды законника, – посмеивается Макс. – Помнишь геолога? Степаныч с полуслова уловил идею. Уловил и оценил. Месторождение до сих пор работает на мой пенсионный фонд. А еще я официально женат, что опять-таки недопустимо. Ну и, наконец, каждый день сотрудничаю с ментами. С тем же Ферапонтом сколько уже лет бок о бок... Как сиамские близнецы. Так что мне тоже можно кое-что предъявить.

Я согласился, что Ферапонт это серьезно. В смысле, от него можно ждать чего угодно.

– Да, он получит хорошие деньги, если я выйду, – поддержал Макс. – На этот раз пиковые заказали ему мое освобождение.

Когда прощались, предупредил:

– Сейчас выйдешь – ничему не удивляйся

Возле колонии меня поджидал молодой человек в плаще и шляпе. Он был как две капли воды похож на того Макс, который вошел к нам в класс и стоял перед нами, покачиваясь с пятки на носок и самоуверенно улыбаясь. Он назвался Гордеем и распахнул передо мной заднюю дверцу джипа. Впереди сидели двое битюгов, они вежливо поздоровались. Машина тронулась, колко шурша шинами.

Мы выехали за город и минут через двадцать подкатили к ярко совещенному двухэтажному дому из оцилиндрованного бруса. Басовито залаяла собака, за ней еще одна. Металлические ворота бесшумно открылись. Мы въехали в огромный двор, покрытый газоном. Из дома появилась женщина. Черты ее лица нельзя было разглядеть, но сердце у меня отчего-то екнуло.

Чем ближе я подходил к этой женщине, тем сильнее сжимались в горле спазмы. Я узнавал в немолодой женщине знакомые черты. Наконец, я подошел совсем близко. Это была Маля.

– Господи! – прошептала она, – Господи! – повторила она, сжимая мне ладони.

Маля выучилась на фтизиатра. Когда Макс заболел, добилась его перевода в эту тюрьму со своей туберкулезной больницей. А потом устроилась сюда на работу. Персонал тюрьмы и больницы отлично знал, кто она ему.

– Мы здесь уже двадцать два года, – сказала Маля.

Мы пили коньяк. Маля не отставала от меня. Она вспомнила, как неожиданно напилась, когда мы были на уборке картошки. Оказывается, это было не случайно. Уже тогда она начала прикладываться к бутылке, чтобы снять нервное напряжение. Страдающие от туберкулеза родители, которых она так хотела вылечить, а тут еще Макс с его закидонами...

– Помнишь, Клариса учила нас жизни? Жаль, что она не сказала главного. Не надо бороться за мужчину. Неблагодар-

ное, а главное бесполезное это дело. Если из него прет какая-то дикая энергия, лучше уйти в сторону. Я ведь не в его влюбилась. Я влюбилась в то, что все девки в школе по нему сохли. Проклятое женское тщеславие. А у него было свое тщеславие – взять меня, недотрогу. Говорят, женщины влюбляются в перспективу. А перспективы, как правило, у победителей. В школе Макс всегда, всех и во всем побеждал. И я думала – так будет всю жизнь. В принципе, я не ошиблась. Он действительно всегда, всех и во всем побеждал. Даже ментов. Но кто я при нем? – лицо Мали исказила жалкая улыбка.

Ей нужно было выговориться. Я снова наполнил рюмки.

– Однажды я сказала Максиму, что женщину надо любить так, чтобы ей и в голову не пришло, что кто-то другой может любить ее лучше. Он понял, на кого я намекаю, и стал теплее. Я сдуру уже подумала, что он боится потерять меня. А через неделю по тюрьме пошел слух, что он завел себе новенькую медсестру, которая делала ему уколы.

Я сказал, что Макс, скорее всего, примет решение выйти. Маля опрокинула рюмку, закурила сигарету.

– Хочешь порадовать, а у меня мурашки по коже. Мне спокойнее, когда он там. Я за Гордея боюсь. Мне удалось его уберечь. Он равнодушен к деньгам. Любит фотографировать землю с высоты. Его страсть – дельтаплан. Конечно, он любит отца. Но он знает, что его отец отдает приказы убивать. Гордей не одобряет этого, но и не осуждает. У него на этот

счет целая теория. Он говорит, что есть люди с ярко выраженным чувством закона. Мол, отец должен был стать либо сыщиком, либо прокурором, либо судьей. Но – не получилось. А чувство закона осталось, и он применяет его на другой почве, в преступной жизни.

Наконец, Маля сказала то, чего я никак не ожидал услышать.

– Помнишь, я приехала к вам с Лизкой? Я ожидала увидеть забуревшего зэка, а ты был такой ... Даже лучше стал. Я потом объяснения не находила. Как так можно? Я не могла больше видеть Лизку. Я соврала ей, что уезжаю. Я жила в Павлодаре еще несколько лет. Иногда я видела вас, но, слава богу, не попадалась вам на глаза. А потом мне написал Макс и позвал...

У меня не выходило из головы: зачем Макс направил меня сюда, в свой дом, где никогда не был? К Мале? Есть же в этом какой-то смысл. Наверно, он сделал это на тот случай, если не доедет сюда. Если его убьют сразу после выхода из колонии. Или позже. Он хотел, чтобы мы пообщались без него. Он предоставлял нам свободу.

– Его мучила вина перед отцом. Он очень сильно его подставил, – с трудом говорила Маля, то ли она перебрала, то ли сказалось нервное напряжение. – Но он так и не узнал всей правды об отце. Возможно, отец и не был так виноват, как думал Макс. Все не так на самом деле, как кажется. Разве меня ты не придумал, Юра? Еще как придумал. А я подхо-

дила только Макс, но никак не тебе.

Она помолчала и добавила странные слова:

– Говорят, в Крыму есть дерево, на которое никогда не садятся птицы.

Я ждал, что она скажет дальше, но она махнула рукой и потянулась к рюмке.

Возле колонии Магистра поджидали ветераны неволи с лицами, изборожденными карцерами, наркотиками, низкими страстями. Он выплачивал им пенсии (трудового стажа у них не было), без него они бы давно пропали. Встречала также близкая ему молодая братва и несколько старых законников-славян.

На другой день состоялся сходняк. На срочности настояли пиковые. Привезли Гиви. Состоялось что-то вроде суда. Но собрать большинство в свою пользу Магистру не удалось. Ему поставили на вид самоуправство. Гиви вынесли что-то вроде устного выговора. Макс не проиграл, но и не выиграл, а значит – проиграл.

Но он убедил сходняк, что Шницель может иметь отношение к гибели Степаньча. Под хитрым предлогом «сухаря» вывели из колонии и бросили в канализационную трубу. Макс говорили, что нечистоты заполняют трубу максимум до половины. Шницель может выплыть там, где кончается труба. То есть может выжить. «Сколько он будет плыть в кромешной тьме? Очень долго. Он задохнется в миазмах

или свихнется», – сказал Макс.

Потом мы сидели вдвоем в его поместье. Он давно не пил, быстро хмелел и становился сентиментальным. Вспомнил вдруг известную пословицу, что брат – не всегда друг, а настоящий друг – всегда брат. А потом еще больше удивил. Рассказал, наконец, что произошло с их семьей.

Они жили в Штатах. Отец работал советником посольства. Мать преподавала в студии танцев. Там занимались сотрудники посольства и среди них помощник военного атташе. Макс нетрудно был заметить, что мать неровно к нему дышит. Он потребовал, чтобы она прекратила эту связь. Мать пообещала, но обманула. Тогда он подговорил одноклассников-латинов сделать из мамино любовника отбивную. Латины подняли его на смех: за бесплатно, что ли? Нужной суммы у Макса не нашлось. Тогда ему предложили сделку. Одноклассники нападали на клиентов банков...

В кармане у помощника военного атташе налетчики нашли помимо денег записную книжку. Подбросили в ФБР. Там была всего одна неосторожная запись – зашифрованный номер телефона. Помощник попал на крючок. А потом попал на крючок и отец Макса. Ему предъявили фотографии, зафиксировавшие участие сына в нападении на клиента банка. Отец сообщил о проделке сына послу. Так Магистовы вернулись в СССР. Здесь отцу приписали спекуляцию валютой и дали срок. Он должен был отбывать в Павлодаре. Сюда и приехал Макс. Хотел добыть денег и выкупить отцу до-

срочку.

Я чувствовал, что Макс что-то недоговаривает. Чтобы узнать эту историю целиком, я встретился с Ферапонтом. Если Макс меня удивил, то мент огорошил. Оказывается, Макс попал под наблюдением КГБ, как только сошел с поезда в Павлодаре. И в Омске его схватили на месте преступления по этой же причине. Из слов Ферапонта следовало, что меня ждала совсем другая статья и другой срок, если бы я не устроил налет в одиночку, а во всем слушал Макса.

Маля звонила. Сообщала, как Макс адаптируется к новой жизни. (Мне это было интересно). У него депрессия в тяжелой форме. Гордей на глазах у отца взмыл в воздух на своем дельтаплане. Макс смотрел на это зрелище равнодушно.

– У нас мотодельтапланы не выпускают, – говорил Гордей. – Это самоделка. Я взял модель дельтаплана «Фрегат» и приделал к ней двигатель от снегохода «Буран».

Макс не удивился. Отец его тоже разбирался в технике, хотя по образованию был чистый гуманитарий. А он помог однажды одному арестанту бежать, сделав миниатюрный вертолет с мотором от бензопилы. Правда, тот вертолет далеко не улетел, и арестанта схватили. Но полет, пусть даже краткий, состоялся.

– Я поднимаюсь на высоту три с половиной километра со скоростью сто километров в час, – с гордостью говорил Гордей.

Макс смотрел на него безжизненными глазами.

Последнее время он все чаще говорил сентиментально, посмеиваясь над собой. «Я никогда не смогу любить тебя так, как это нужно тебе, – сказал он Мале. – Мне это не дано, как иной женщине не дано забеременеть».

– Я на пределе, – сказала мне Маля.

А на самом деле она уже купила два авиабилета в Германию, себе и Гордею, и стала собираться. Узнав об этом, Макс взял у охранников «Глок». Хороший ствол, надежный. Не даром его любят «фараоны», американские патрульные полицейские. Охранники заволновались, но Макс послал их подальше.

Что он должен был сказать себе, чтобы у него не дрогнула рука? Первое – он не нужен идее, которой служил всю жизнь. Второе – он не нужен братве. Третье – он не нужен жене и сыну. Его как бы уважают и как бы любят, но по большому счету он никому не нужен, потому что он – другой. Настолько другой, что с этим никому невозможно сжиться и примириться. И, наконец, он не нужен самому себе, потому что он не знает, куда себя девать и как жить дальше. Если на то пошло, он в полном отчаянии от своего положения. А отчаяние – как раз то состояние, которое требуется, чтобы приставить ствол к виску и нажать на курок.

Мысль покончить с собой наверняка приходила ему и раньше. Он мог свыкнуться с этой идеей. Но у него всегда оставалась крохотная надежда, что еще не все потеряно. Се-

годня эта соломинка сломалась, держаться ему больше было не за что.

Он должен был знать, что происходит в таких случаях с кишечником и мочевым пузырем. Он наверняка сходил в туалет, а потом посмотрел на себя в зеркало, увидел свои мертвые глаза, и сказал себе: я готов.

Он выстрелил себе в висок, сидя в кресле. Этот способ считается более надежным, чем выстрел в сердце. Но его глаза не закрывались. А правая рука все еще сжимала рукоять пистолета. Уже прибежали на звук выстрела охранники, за ними Маля и Гордей, а он все еще был в сознании. Его правая рука дергалась. Он хотел выстрелить еще раз, добить себя, но у него уже не осталось сил.

– Неизбежное принимай достойно, – проговорил он, едва ворочая языком.

Зачем он это сказал? Неужели оправдывался за решение лишиться себя жизни

Глава 80

Лора обычно звонила, но иногда появлялась неожиданно. Будто ревизор с проверкой. Так и на этот раз приехала на дачу без звонка. Калитка у меня не закрывается. Вошла в дом, потом в кухню, где мы с Аллой ужинали. Возникла в дверях и оторопела. Не ожидала, что я могу быть не один.

Объявила с гордой осанкой, подчеркнуто соблюдая дистанцию:

– Юрий Леонтьевич, я звонила – вы не отвечали.

Поставила в угол большой пакет, в котором что-то звякнуло.

Лора знала, что здесь, в лесу, связь нарушают густые тучи. Но так ей было проще объяснить свое появление.

Я познакомил ее с Аллой, не говоря, что это сестра. Лора сидела за столом, как замороженная. А когда справилась с неловкостью, сказала:

– Юрий Леонтьевич, я, собственно, чего приехала. Хочу узнать, наконец, слышали ль вы, как поют слоны?

Это была старая шутка из тех дней, когда мы (Женя, Лора и я) сживали на кухне, гоняли чай и развлекали друг друга. Лора рассказала однажды про слонов. Якобы, они очень любят петь, но поют в неуловимом для человеческого уха диапазоне, и чаще всего перед тем, как проявить свои любовные инстинкты.

Сейчас эта шутка имела вполне понятный для меня под-
текст.

– Львы слышали, – в тон Лоре ответил я.

Алла почувствовала себя лишней и пошла к себе на вто-
рой этаж.

Лора усмехнулась и перешла на «вы»:

– Вернулись в свое поколение, Юрий Леонтьевич? Там
вам лучше? Интереснее? Или спокойнее?

Я открыл, что Алла – моя сводная сестра. Лора выдохну-
ла. Сообщила, что захватила зубную щетку, а еще... Тут она
сделала игривую паузу, и я понял – а еще ночнушку.

Лора медленными движениями мыла посуду. Будто успо-
каивала себя. Я сказал, что постелю ей на веранде. Она при-
шла помогать. Я пошел стелить себе в кабинете. Лора при-
шла помочь заправить пододеяльник.

Меня сковывала сестра на втором этаже. Кажется, она это
почувствовала. Позвала.

– Братик, не вздумай меня стесняться. Слышишь?

Я пожал ей руку, она задержала ее.

– Юра, давай попробуем найти Мишу.

Это было неожиданное предложение. Я не знал, что отве-
тить. Сказывалось крайне неприятное воспоминание о ма-
чехе Ольге. Хотя, подумал я сейчас, у этой мегеры вполне
мог вырасти хороший сын. И этот сын, возможно, знает, что
у него есть сестра и брат. И он, возможно, был бы совсем не
против встретиться.

– У них своя семья. У нас будет своя, – добавила Алла.

Она еще не знала последней новости. Я не успел поделиться. Витя вдрызг разругался со Стасиком. Средний брат стал обращаться с младшим чересчур свысока. После ссоры Стасик удалил упоминание о Вите из своей биографии. Короче, их семьи больше нет. Но я не сказал сейчас об этом Алле. Мне не хотелось, чтобы это сообщение переросло в разговор. Я не мог задерживаться. Я сказал только, что мы еще обсудим идею найти брата Мишу.

Я вернулся к Лоре. Она стояла у окна, зябко обхватив себя за плечи. Была середина сентября, а я еще не включал отопление. Лора предложила согреться глинтвейном. В ее пакете оказалась бутылка сухого красного вина. У меня нашлись специи: корица и гвоздика. Анис мы накапали из рыболовного пузырька.

Я разжег камин. Когда от глинтвейна поднялся парок, я позвал Аллу. Усадил обеих в кресла, укутал пледами, подал бокалы. Им было хорошо. А мне было хорошо оттого, что им хорошо. Я продолжил разговор с Аллой. У каждого своя правда, густо замешанная на себялюбии и эгоизме. И это естественно. Так уж мы строены. Но есть еще правда самой жизни, свободная от страстей и пристрастий. Она и есть настоящая правда. А как сказано у Василия Розанова, правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начался бы не с правды – он не Бог, и небо – трясины, и солнце – медная посуда.

Когда говоришь, то чаще всего не так важно, что говоришь. Важно, как на тебя при этом смотрят. У Аллы был взгляд все понимающей, настрадавшейся женщины. У Лоры были глаза женщины, которая умеет добиваться своего. Они были нужны мне, а я – им. Это было намного больше того, чего я мог еще ожидать от жизни.

Декабрь 2021 г.

Виталий Ерёмин: библиография

Проза

Роман «Февральский дождь» («Фунт лиха»)

Семейный роман. Хроника отношений мужчины с женщинами. История его жизни. Падение, расплата за преступление, переделка себя. Предельная откровенность. Ирония и неожиданные смыслы. Занимательная повседневность. Сюжет с интригой до последних страниц.

Повесть «Страдалки»

Криминальная мелодрама. В женскую колонию для особо опасных рецидивисток приезжает русский криминолог и американка-мастер художественной фотографии. Ее официальная цель – запечатлеть экзотику русской женской зоны для фотоальбома. На самом деле ее привела сюда еще одна цель...

А колония готовится к конкурсу красоты. Криминолог добивается освобождения трех женщин. Верховный суд удовлетворяет ходатайство о помиловании только одной из них. Она и становится победительницей конкурса. Но кримино-

лог и правосудие ошибаются, не помогают по-настоящему красивой женщине, которая и гибнет.

Повесть «Щенки»

Гангстерский боевик. История трех отчаянных подростков (их называли щенками), втянутых в смертельный конфликт с уличными шайками сверстников и бандами взрослых уголовников. Эту книгу трудно читать, замирает сердце, перехватывает дыхание.

Знаменитый режиссер Георгий Данелия собирался поставить по этой повести фильм наподобие «Однажды в Америке». Сценарий взялся написать маститый киносценарист Эдуард Володарский. Но – не судьба: Володарский умер, а следом ушел и Данелия.

Повесть «Крымская лихорадка»

Политический детектив. История первой попытки пассионарных крымчан вернуть полуостров в Россию. Автор провел несколько месяцев в ближайшем окружении Юрия Мешкова (первого и последнего президента Крыма), которому помог прийти к власти в ходе избирательной компании. При этом автор общался с матерыми деятелями местного уголовного мира, которые тайно планировали убрать Мешкова. Убрала в конце концов киевская власть, но стремление крымского криминалитета ворваться во власть дало В. Ерёмину массу удивительного материала, которым он делится с читателем.

Повесть «Сукино болото»

Журналистка приезжает в город, где наркодельцы убили ее мужа-наркополицейского, и решает там остаться, чтобы лично найти убийц. Очень скоро она осознает, что переоценила свои возможности, а по-настоящему помочь ей может...отсиживающий срок налетчик на банк. Надо только каким-то образом добиться его помилования. Это удастся журналистке, но и бывший бандит оказывается не всемогущим... И наступает момент, когда отважная женщина рискует потерять еще и маленького сына.

Повесть «Ваня и Клава»

Брутальный боевик с элементами мелодрамы. История может быть особенно интересна тем, в ком заложена потребность в возмездии, в наказании зла.

Ваня – бывший военный переводчик, побывавший в рабстве у ваххабитов на Северном Кавказе. Клава – бывшая сексуальная рабыня местного «авторитета», девушка с авантюрными и артистическими задатками.

Это в некотором роде ремейк американской истории Бонни и Клайда. (Отсюда созвучие в названии). Только инициатором изначального преступления выступает девушка Клава. Она вовлекает Ваню в кражу огромной суммы денег и становится первым номером в их банде из двух человек. После этой кражи за ними ведут охоту две банды ужасных преследователей и мент-оборотень. Но, быстро привыкнув к роли жертв, они начинают безжалостно уничтожать своих преследователей. За приключениями Вани и Клавы следит вся

страна. Полиция предлагает им, загнанным в угол, сдаться, в противном случае их вооруженное сопротивление будет пресечено снайперами. Ваня и Клава решают покончить с собой, в прямом телеэфире...

Малоформатный роман «Магистр»

История талантливого парня, заразившегося уголовной романтикой, и обрекшего себя на пожизненное добровольное заключение ради высшей власти в криминальном мире.

Один из персонажей – широко известный вор в законе «Бриллиант». Загадка его смерти до сих пор остается нераскрытой. Автор предлагает свою версию со всеми документальными подробностями.

Драматургия

Сборник «Пьесы»

Обычно пьесы читают только режиссеры и актеры. Здесь другой случай. Пьесы из этого сборника читаются, как повести. Это достигается интересными, афористичными диалогами, упругим сюжетом, необычными характерами персонажей. Читатель пьес будто видит их воображением на сцене.

Пьеса «Реабилитация Мазарини»

Совсем другой Джулио Мазарини. Не тот, каким мы знаем его по романам Александра Дюма. При этом автор ничего не сочиняет. Характер знаменитого кардинала именно такой, каким был на самом деле. Это Дюма-отец его искажил. Так что версия В. Ерёмкина – самая настоящая реабилитация, то есть освобождение знакомого образа от напраслины. В этой

пьесе не только характер и деяния кардинала совсем другие, но и любовь Мазарини и французской королевы Анны Австрийской. Подлинная любовь, которой можно только удивляться.

Пьеса «Конкурс красоты в женской колонии особого режима»

Написана по мотивам повести «Страдалки», но с изменением сюжетом.

Пьеса «Двое и еще четверо»

Лирическая мелодрама. Писатель-детективщик решает сменить тему – написать о любви. Но прежде хочет влюбиться, чтобы написать о любви с натуры – с себя и вовлеченной в эту авантюру интереснейшей партнерши, матери четыре детей. Только в финале детективщик начинает понимать, что эта чудная женщина – тоже любительница экспериментов – родила своих детей не от бывшего мужа, а от других мужчин.

Пьеса «Я полюбил свои страдания» («Крест и скальпель»)

Историческая драма. Противостояние Сталина и хирурга-виртуоза Войно-Ясенецкого, демонстративно ставшего епископом в пору яростных гонений православной церкви. Невероятные страдания и любовь к молодой женщине, которую епископ вынужден подавлять в себе, исполняя обет монашества.

Пьеса «Любимый вождь нашего племени»

Политическая драма. 30-е годы. Талантливый молодой че-

ловек, став помощником Сталина, становится как бы его двойником. Не во внешности, а при подготовке проектов государственных решений. То есть интеллектуальным двойником. Но это маска, обманчивая видимость. На самом деле он быстро разочаровывается в вожде и в практике большевизма и принимает решение уйти в отставку. Но не тут-то было...

Пьеса «Эмансипе»

История любви бывшей возлюбленной Достоевского Аполлинаруи Сусловой и молодого писателя Василия Розанова. Она – пострадавшая от своеобразной сексуальной природы великого писателя. Он страдает более чем оригинальным представлением о настоящей любви. Каждый из них двоих во взаимном чувстве – жертва и истязатель.

Кинодраматургия

Сборник «Неснятое кино»

В сборник входят синопсисы:

«**Любовь по заданию**» (шпионский детектив)

«**Я – не я**» (фэнтези, мелодрама)

«**Любовники революции**» (политический детектив, мелодрама)

«**Искандер и Малика**» (криминальная мелодрама)

«**Внучка Плутарха**» (социальное кино)

«**Любовь на линии огня**» (военный боевик)

«**Ушелец**» (приключенческий боевик)

А также киносценарий «Любимый раб» (мелодрама, комедия)

Геннадий Хазанов поведал в прямом телеэфире, что его отец жил с новой семьей в том же доме много лет, и он, Хазанов, видел своего сводного брата, хотя не знался с ним. «Любимый раб» – аналогичная история с той лишь разницей, что братья знали и один использовал другого, даже в качестве... отца своего ребенка.

Книги в жанре *нон-фикшн*

Коллекция ляпов «Душа языка»

Перлы журналистов, политиков, депутатов, артистов, писателей. Смешно – хоть с эстрады читай. И грустно – как могут широко известные, медийные люди так исказить родной язык в прямом эфире?!

Книга написана для желающих улучшить свою речь и тем самым повысить самоуважение и уважение к себе других людей.

«Отчаянная педагогика» («Воспитание в воспитаниях»),

«Создайте дух» («Истоки воспитания»)

Автору довелось в свое время 8 лет поработать с трудными подростками. Вышеназванные книги – изложение его опыта и размышлений.

В «Отчаянной педагогике» детально описана технология создания юношеской организации в качестве эффективного средства борьбы с преступлениями среди несовершеннолетних.

В «Истоках воспитания» описана история развития дела воспитания в разных странах и в России. А также изъяны семейного и общественного воспитания.

Обычно книги на педагогические темы написаны скучноватым научным языком. Здесь же разговорный язык и почти детективная занимательность.

«Гражданин города»

Книга для всех, кто хотел бы послужить родному городу, работая в администрации или мэром. А также для мэров, которые хотят развивать местное гражданское общество и опираться на него в своей работе. Особый интерес представляют обращения к принципам управления наших великих предков (например, Екатерины Великой) и зарубежному опыту.

Журналистика

Сборник криминальных очерков «Воровской ордена»

Работая в журналистике, В. Ерёмин показывал преступления и наказания не только со слов сыщиков и следователей, как это делали другие его коллеги. Он добивался личного контакта с арестованными преступниками и давал им высказаться. Нередко эти разговоры, особенно с преступницами-женщинами, граничили с исповедью.

Повести **«Ваня и Клава»** и **«Страдалки»** изданы одной книгой под названием **«Лай»**.

Все вышеназванные книги есть в электронных интернет-изданиях.

Контакт:

viteriomin@rambler.ru

8-916-850-4401